

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

ПИТЕР УОТТС

НОВАЯ РЕДАКЦИЯ
И ЭКСКЛЮЗИВНЫЙ
РАССКАЗ,
НАПИСАННЫЙ
СПЕЦИАЛЬНО
ДЛЯ РУССКОГО
ИЗДАНИЯ

ЛОЖНАЯ СЛЕПОТА

ЗА УОТТСОМ СТОИТ ОГРОМНАЯ ШКОЛА НЕ ТОЛЬКО НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ,
СКОЛЬКО ВОООЩЕ СТРОГОГО НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ...
ЭТО ПОЛНАЯ СВОБОДА ВОООБРАЖЕНИЯ.

Дмитрий Быков

Annotation

В 2082 году человечество убедилось, что оно не одиноко во Вселенной. Бесчисленные разведывательные зонды пришельцев светящейся паутиной окутали Землю. Сгорев в атмосфере, они успели передать сигнал за пределы Солнечной системы. На установление контакта с внеземной цивилизацией направлен корабль «Тезей» с командой из лучших специалистов в своей области. Но, когда исследователи доберутся до цели, они поймут, что самые невероятные фантазии об инопланетном разуме меркнут по сравнению с реальностью, и на кон поставлена судьба Земли и всего человечества.

- [Питер Уоттс](#)
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [Тезей](#)
 - [Роршах](#)
 - [Харибда](#)
 - [Послесловие](#)
 - [Заметки и примечания](#)
 - [Приложение](#)
 - [Боги насекомых\[238\]](#)
 - [Полковник](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)

- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)

- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)

- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)

- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)

- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)

- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)

Питер Уоттс

Ложная слепота

© BLINDSIGHT © 2006 by Peter Watts
THE COLONEL © 2014 by Peter Watts
INSECT GODS © 2015 by Peter Watts
© Даниэль Смушкович, перевод, 2015
© Николай Кудрявцев, перевод, 2015
© Вадим Марченков, иллюстрация, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

*Сильнее всего поражает меня в мире явственная
необходимость вообразить то, что в
действительности уже существует.*

Филипп Гуревич^[1]

Ты сдохнешь попусту, как собака.

Эрнест Хемингуэй^[2]

Посвящается Лизе

Если нам не больно – значит, мы умерли.

Пролог

Попробуй коснуться прошлого. Попробуй бороться с прошлым. Его нет. Оно – просто фантазия.

Тед Банди^[3]

Все началось раньше. Не с шифровиков или «Роршаха», не с Большого Бена, «Тезея» или вампиров. Большинство сказало бы, что все началось со светлячков, но и это неправда: ими все закончилось.

Для меня все началось с Роберта Паглиньо. В школе он был моим лучшим и единственным другом. Нас, собратьев-изгоев, связывали похожие несчастья. Но если мое состояние оказалось приобретенным, то его – наследственным: естественный генотип наградил Пага близорукостью, прыщами и (как выяснилось позднее) склонностью к наркомании. Родители не стали его оптимизировать. Редкие обломки XX века, сохранившие веру в Бога, они полагали, что не стоит исправлять плоды трудов Его. Привести в норму могли нас обоих, но случилось это лишь со мной.

Я вышел на детскую площадку и увидел, что Пата окружили шесть пацанов. Те, кому удалось прорваться в первый ряд, методично били его по голове; остальные в ожидании своей очереди обзывали «ублюдком» и «убогим дебилом». Я наблюдал, как он неуверенно, словно сомневаясь, поднимал руки, пытаясь заслониться ими от самых болезненных ударов. Видел, что творится у него в голове, и ощущал его мысли яснее собственных: Паг боялся, что мучители могут подумать, будто он отбивается, усмотрят в этом акт сопротивления и возьмутся за него всерьез. Даже тогда – в нежном возрасте восьми лет, управляясь лишь половиной головного мозга, я проявлял задатки идеального наблюдателя. Вот только не понимал, что делать.

В последнее время я редко виделся с Пагом. Почти уверен, что он меня избегал. Но все же, если лучший друг в беде, ему нужно помочь, так? Даже если все против тебя (кстати, много ли восьмилетних мальчишек ради приятеля по играм сцепятся с шестью здоровыми парнями?), надо хотя бы позвать на помощь. За охранниками сбегать. Ну что-нибудь!

А я застыл на месте: мне не особо хотелось его выручать.

Нелепо... Даже если бы Паг не был моим лучшим другом, я мог бы ему посочувствовать. Из-за припадков дети меня боялись и держались на

расстоянии. В минуты полного бессилия я страдал от открытого насилия меньше Роберта, но тоже натерпелся оскорблений, насмешек и подножек, которые ни с того ни с сего прерывали мой путь из точки А в точку Б. Мне были знакомы его чувства...

Прежде. Но эту часть меня хирург вырезал вместе с глючными цепями. Я все еще прорабатывал алгоритмы, чтобы вернуть ее, учился на новом опыте. Стадные животные всегда убивают слабаков в своих рядах. Это знает и инстинктивно чувствует каждый ребенок. Может, следовало позволить процессу идти естественным путем и не мешать природе? С другой стороны, родители Пата не стали перечить естеству, и вот что из этого получилось: их сын лежит, свернувшись клубком, на земле, а шестеро модифицированных «суперпацанов» бьют его по почкам.

В конце концов, там, где потерпело поражение сочувствие, сработала пропаганда. В те дни я, скорее, наблюдал, чем думал; не столько делал выводы, сколько вспоминал. А мозг сохранил множество вдохновляющих баек, восхвалявших заступников униженных и оскорбленных. Поэтому я подобрал булыжник размером со свой кулак и треснул двух обидчиков Пата по затылкам, прежде чем кто-то из них понял, что я вступил в бой.

Третий обернулся на шум – и нарвался на удар такой силы, что его скуловая кость явственно хрустнула. Помню, меня удивило, насколько равнодушно я отнесся к этому звуку: лишь отметил, что стало одним противником меньше. Остальные, увидев кровь, перепугались. Самый храбрый, правда, пообещал, что мне «хана», и, пятась за угол, крикнул: «Сранный зомбак!»

Только через тридцать лет я уловил в этих словах иронию судьбы.

Двое парней извивались под моими ногами. Одного я пинал в лицо, пока он не перестал шевелиться; повернулся к другому. Кто-то схватил меня за плечо, и я замахнулся – не глядя, не думая, – и Паг с визгом отскочил в сторону.

– Ой, – едва успев остановиться, произнес я. – Извини.

Одно тело лежало без движения. Второе стонало, держалось за голову и завязывалось узлом.

– Ой, блин, – пропыхтел Паг. Из его носа хлестала кровь, заливая рубашку. На скуле наливался лилово-желтый синяк. – Блин-блин-блин...

Я сообразил, что сказать:

– Ты в порядке?

– Ой, блин, ты... то есть ты же не... – Он утер рот. На запястье осталась кровь. – Ой, ну все, нам конец.

– Они сами начали.

– Да, но ты... блин! Посмотри на них!

Тот, который стонал, пытался уползти на четвереньках. Я прикинул в уме, сколько времени у него уйдет, чтобы вернуться с подкреплением. Может, убить прямо сейчас?

– Прежде ты таким не был, – прошептал Паг.

Он хотел сказать – до операции. Тогда я и почувствовал что-то внутри – слабое, едва уловимое, но живучее. Это была злость.

– Они же сами начали...

Паг шарахнулся от меня, выпучив глаза.

– Ты чего? Перестань!

Я обнаружил, что стою с поднятыми кулаками. Не помню, когда и как это сделал. Разжал руки, но не сразу: пришлось долго и старательно буравить их взглядом.

Булыжник упал наземь, отблескивая лаковой кровью.

– Я хотел помочь.

До меня никак не доходило, почему Пату это непонятно.

– Ты... стал другим, – прошептал он с безопасного расстояния. – Ты больше не Сири.

– Сири – это я. А ты – дурак.

– Тебе мозги вырезали!

– Только половину. Из-за припа...

– Знаю я про твою эпилепсию! Думаешь, я тупой? Но ты остался в той, вырезанной половине. Типа, кусок тебя, что... – Он не мог справиться ни со словами, ни с понятиями, стоявшими за ними. – Короче, ты теперь совсем другой. Будто тебя папа с мамой зарезали и...

– Папа с мамой, – неожиданно просипел я, – спасли мне жизнь. Я бы помер.

– По мне, ты уже помер, – отрезал мой лучший и единственный друг. – Сири мертв, его выковыряли ложкой и спустили в унитаз. А ты какой-то левый пацан, который вырос на его месте. Ты не Сири! С того самого дня стал другим.

До сих пор не могу решить, понимал ли Паг на самом деле, что бормочет. Может, мамаша выдернула сетевой шнур и вытащила сына из игрушки, которой тот был занят предыдущие восемнадцать часов, прогуляться на свежий воздух? Или он так долго отстреливался в виртуальном пространстве от людей-стручков^[4], что те начали ему мерещиться в реале? Может быть...

Однако отместить его слова с ходу не получалось. Помню, Хелен мне

втолковывала, как ей было трудно привыкнуть. «Тебе словно новую душу пришили», – говорила она. И правда похоже. Недаром операция называется «радикальная гемисферэктомия»: половина мозга отправляется вслед за протухшими креветками, а оставшаяся начинает пахать за себя и почившего товарища. Представьте, как должно перекорезить несчастное одинокое полушарие, чтобы оно работало за двоих. Очевидно, мое справилось. Мозг – очень пластичный орган: поднатужился и приспособился. В смысле я приспособился. И все же... Прикиньте, сколько всего выдавилось, деформировалось и перепрофилировалось, когда перепланировка закончилась. Можно смело утверждать, что я стал другим человеком, по сравнению с тем, кто занимал мое тело прежде.

Потом, разумеется, прибежали взрослые: раздали лекарства, вызвали «Скорую». Родители бесновались, обменивались дипломатическими залпами, но сложно вызвать сочувствие к несчастному раненому ребенку, когда камеры наблюдения под тремя разными углами записали, как милая кроха с пятью дружками пинала инвалида ногами. Моя мать воспользовалась поддержанными аргументами про трудное детство и вечно отсутствующего отца, который снова улетел на другой конец света. Пыль улеглась довольно быстро. Мы с Пагом даже остались приятелями – после недолгой паузы, напомнившей обоим о том, насколько узок круг общения для школьных изгоев, если те перестанут держаться друг друга.

Я пережил и тот случай, и еще миллион других испытаний детства. Вырос и приспособился. Наблюдал, запоминал, выводил алгоритмы, имитировал приемлемое поведение. Правда, без особой страсти. Как у всех, у меня появились друзья и враги. Я их выбирал, просеивая составленные за годы наблюдений списки моделей и обстоятельств.

Пускай я вырос сухарем, но объективным сухарем, и за это должен благодарить Роберта Паглиньо. Меня сформировало его ключевое наблюдение, оно привело в синтеты, обрекло на губительную встречу с шифровиками и избавило от той судьбы, что постигла Землю. Хорошо это или плохо, зависит от точки зрения. Точка зрения определяет восприятие. Особенно отчетливо я это понимаю теперь – слепой, лежа в гробу, пролетая сквозь рубежи Солнечной системы. Разговариваю сам с собой и впервые с того дня вижу, что избитый в кровь приятель по детским войнушкам уговорил меня отказаться от собственной точки зрения.

Может, ошибался он. Вероятно, я. Но отстраненность – постоянное чувство того, что ты чужой для представителей своего собственного вида, – не всегда плохо.

Она приходится как никогда кстати, если на голову сваливаются

настоящие инопланетяне.

Тезей

Кровь шумит.

Сюзанна Вега^[5]

Представь себе, что ты – Сири Китон. Ты приходишь в себя от мук воскрешения, захлебываясь воздухом после побившей все рекорды стосорокадневной задержки дыхания. Чувствуешь, как загустевшая от добутамина и лейэнкефалина кровь проталкивается сквозь сморщившиеся от многомесячного простоя артерии. Тело надувается болезненными толчками: расширяются кровеносные сосуды, плоть отделяется от плоти, и ребра оглушительно трещат с непривычки, разгибаясь на вдохе. Суставы от неподвижности заостенели. Ты – палочник, застывший в противоестественном нетрупном окоченении.

Крикнуть бы, но не хватает воздуха.

«Вампиры такое испытывают постоянно», – вспоминаешь ты. Для них это норма, неповторимый подход к экономии ресурсов. Они могли бы научить твоё племя сдержанности, если бы на заре цивилизации их не сгубило нелепое отвращение к прямым углам. Может, ещё не поздно? В конце концов, вампиры вернулись, восстали из могил благодаря чудесам палеогенетического вуду: сшиты из спящих генов и окаменевшего костного мозга, выварены в крови социопатов и гениальных аутистов. Один из них командует твоим кораблем. Щепотка его ДНК вошла в твоё тело, чтобы и ты смог восстать из мертвых – здесь, на краю межзвездного пространства. Ещё никому не удалось забраться дальше орбиты Юпитера, не став капельку упырем.

Боль начинает отступать – чуть-чуть. Ты запускаешь имплантаты, запрашиваешь собственную биометрию: пройдет не одна минута, прежде чем тело начнет откликаться на моторные сигналы, и не один час, пока утихнет боль. Мучения – неизбежный побочный эффект. Так бывает, когда человеческий генокод соединяют с вампирскими подпрограммами. Ты как-то спрашивал про болеутоляющие, но любая синаптическая блокада «нарушает восстановление метаболизма». Прикуси пулю, солдат!

Пытаешься представить, не так ли чувствовала себя Челси перед смертью, но эта мысль вызывает боль иного рода. Ты подавляешь ее и следишь за тем, как жизнь проталкивается в самые дальние уголки тела.

Страдаешь молча, сосредоточенно проверяя биометрические показатели.

А потом думаешь: «Это какая-то ошибка...» Ведь, если все правильно, тебя выбросило на другом краю Вселенной. Ты не в поясе Койпера, куда направлялся, а высоко над эклиптикой и глубоко в облаке Оорта, царстве долгопериодических комет, раз в миллион лет осеняющих Солнце своими хвостами. Ты в межзвездном пространстве, а значит (вызываешь системные часы), твоя неслмерть продлилась тысячу восемьсот суток.

Ты проспал лишних пять лет.

Крышка гроба соскальзывает в сторону. В зеркальной переборке отражается мумифицированное тело – высохший протоптер в ожидании дождей. На руках повисли пузыри с физраствором, как раздутые антипаразиты, пиявки наоборот. Ты вспоминаешь, как входили в тело иглы, прежде чем ты потерял сознание, когда вены еще не превратились в тонко и криво нарезанную бастурму.

Из камеры справа на свое отражение глядит Шпиндель. Его лицо такое же мертвенное и бескровное. Запавшие глаза перекатываются в глазницах, пока он восстанавливает связь. В его распоряжении настолько обширный сенсорный интерфейс, что по сравнению с ним действия твоих стандартных имплантатов больше напоминают театр теней.

Краем глаза ты замечаешь неясные отражения чужих судорог, слышится чей-то кашель и треск костей.

– Чт... – Твой голос едва сильнее сиплого шепота. – Слч?..

Шпиндель шевелит челюстью. Явственно щелкают суставы.

– ...Нсс... поимли, – хрипит он.

Ты еще не встретил инопланетян, а они уже обвели тебя вокруг пальца.

* * *

Вот так мы и вылезли из гробов: пять трупов на полставки – голых, иссохших, едва способных шевелиться даже в невесомости. Мы поднимались из саркофагов точно бабочки, вырванные до срока из коконов и наполовину оставшиеся гусеницами: одинокие, затерявшиеся в пространстве, беспомощные. В таком состоянии с большим трудом вспоминаешь, что никто не стал бы рисковать нашими шкурами, если бы это не было так важно.

– С добрым утром, комиссар.

Исаак Шпиндель потянулся дрожащей, нечувствительной рукой к

сенсорным перчаткам в основании своей капсулы. Сьюзен Джеймс в следующем гробу разговаривала вполголоса сама с собой, свернувшись в эмбриональный клубок. Условная подвижность вернулась только к Аманде Бейтс: та уже оделась и под хруст суставов раз за разом выполняла набор изометрических упражнений. Время от времени она бросала в переборку резиновый мячик, но даже ей не удавалось поймать его на отскоке.

Годы пути свели нас к единому шаблону. Мясистые щеки и бедра Джеймс, высокий лоб и долговязая фигура Шпинделя, армированный карбоплатиновый дот, который считала своим телом Бейтс, – все усохло до стандартного набора обезвоженных жил и костей. Даже наши волосы за время перелета, казалось, странным образом выцвели, хотя я знал, что это невозможно. Скорее, просвечивала бледная кожа головы. До смерти у Джеймс они были русыми, у Шпинделя – настолько темными, что казались черными, а сейчас их черепа покрывали однообразные бурые водоросли. Бейтс голову брила, но и ее брови лишились памятного мне ржавого окраса.

Скоро мы придем в себя: «Просто добавь воды!» А пока старая злая шутка про живых мертвецов наполнялась новым смыслом: они действительно похожи друг на друга, если не знать, куда смотреть. Разумеется, если знать – забыть о внешности и следить за движениями, закрыть глаза на плоть и осмысливать топологию – перепутать их невозможно. Каждый мимический мускул служит датчиком, каждая пауза в беседе сообщит больше, чем слова обоих спорщиков. Я видел, как личности Джеймс рассыпаются и собираются вновь в мгновение ока. Уголки рта Шпинделя вопили о безмолвном недоверии к Аманде Бейтс. Каждое изменение фенотипа о многом говорило тому, кто знал язык тела.

– Где?.. – прохрипела Джеймс, закашлялась и махнула тощей рукой в сторону гроба Сарасты, зияющего распахнутой крышкой.

Губы Шпинделя искривились в слабой усмешке.

– К фабрикатору пошел? Может, приказал кораблю сделать себе земельки, а то ему спать негде?

– Вероятно, совещается с Капитаном.

Бейтс больше хрипела, чем говорила; ее гортань сухо шелестела, еще не осмыслив заново идею дыхания.

Снова Джеймс:

– Можно было и здесь.

– Здесь и отлить можно, – скрипнул Шпиндель. – Не все стоит делать на людях, а?

И не все стоит выносить на люди. Немногие исходники способны без

трепета скрестить взгляды с вампиром – неизменно вежливый Сарастиименно по этой причине избегал смотреть собеседнику в лицо. Но в его топологии были и другие грани, общие для всех млекопитающих, а значит, прозрачные для синтета. Если он скрылся с глаз, то, возможно, что и с моих. Или хотел сохранить тайну.

В конце концов, «Тезей» свою хранил.

* * *

Корабль пролетел добрых пятнадцать а. е.^[6] по направлению к цели, прежде чем нечто его спугнуло. «Тезей» взбесившимся котом метнулся на север и начал долгий подъем. Вначале – бешеный отжиг с ускорением в три «же» по направлению к эклиптике, когда тринадцать сотен тонн инерциальной массы бунтовали против первого закона Ньютона. Корабль опустошил баки, истек субстратом, за несколько часов промотал стосорокадневный запас горючего. Потом – долгое падение через стильную бездну и годы бухгалтерского крохоборства, когда тягу с каждого потраченного антипротона приходилось сравнивать с затратами на его отсев из вакуума. Телепортация – не волшебство: луч «Икара» не мог переправить нам реальную антиматерию – лишь квантовые спецификации. Сырье «Тезею» приходилось добывать из пространства, ион за ионом. Долгие, бессветные месяцы корабль двигался по инерции, сохраняя в себе каждый проглоченный атом. Затем – кувырок; ионизирующие лазеры полосуют пространство впереди, тормозная воронка Буссарда^[7] широко раскинута. Вес триллиона триллионов протонов замедлил «Тезей», заполнил его чрево, а нас так и вовсе чуть не расплющил. С того момента корабль неустанно шел на двигателях почти до самого нашего воскрешения.

Восстановить ход событий было легко: курс открывался каждому через КонСенсус. А вот почему корабль шел таким странным маршрутом – это другое дело. В ходе послереанимационного совещания все обязательно выяснится. Мы – далеко не первая экспедиция, изменившая направление, повинувшись секретным приказам. И если бы нам требовалось знать, почему, мы бы уже об этом знали. Но все равно мне было очень интересно, кто же закодировал логи связи с Землей. Может, ЦУП? Или Сарастии. Сам «Тезей», если на то пошло. Легко забыть, что в сердце корабля прячется квантовый ИскИн: он благоразумно держался в тени, лелеял нас, нес и пронизывал все

наше существование, как ненавязчивый Господь Бог. И, подобно Богу, никогда не отвечал на наши молитвы.

Официальным посредником между нами был Сараста. Когда корабль подавал голос, он разговаривал с вампиром, а тот называл его Капитаном. Как и мы все.

* * *

Он дал нам четыре часа, чтобы прийти в себя. У меня ушло больше трех только на то, чтобы выбраться из склепа. К этому времени мозги уже размяли большую часть синапсов, хотя тело, все еще поглощавшее жидкость, точно пересохшая губка, болело, не переставая. Я заменил опустевшие пакеты с физраствором на новые и двинулся на корму.

Пятнадцать минут до раскрутки, пятьдесят – до первого инструктажа после воскрешения. Тем, кто предпочитал спать в объятиях тяготения, как раз хватило времени, чтобы перетащить личные вещи в вертушку и занять 4,4 квадратных метра, отведенных на одного члена экипажа.

Меня тяготение – или его центробежный эрзац – не привлекало. Я свое пристанище разбил в невесомости, как можно дальше к корме, у передней стенки челночного ангара по правому борту. Палатка гнойником вздулась на хребте «Тезея» – крошечный пузырек кондиционированного воздуха в темной пещере пустоты под панцирем корабля. Личных вещей у меня почти не было; чтобы наклепать их на стенку, ушло ровным счетом полминуты и столько же – на программирование климат-блока.

Затем я отправился на прогулку: после пяти лет анабиоза хотелось размяться.

Ближе всего находилась корма, и я начал оттуда – с экрана, защищавшего грузовой отсек от двигательного. Точно по центру кормовой переборки бугром торчал единственный задранный люк. За ним, мимо устройств, которые не стоило трогать грубыми людскими руками, вился служебный тоннель. Там лежал жирный сверхпроводящий бублик Буссардова кольца; следом тянулись лепестки антенн, развернутые в нерушимый мыльный пузырь, способный накрыть целый город. Его центр был направлен к Солнцу, улавливая слабый квантовый блеск от потока антиматерии с «Икара». За ним – еще один радиационный щит и реактор теленигилации, где из сырого водорода и рафинированной информации волшебным образом рождалось пламя в триста раз жарче солнечного. Я, конечно, знал заклинания – крекинг антивещества, деконструкция,

телепортация квантовых чисел. Но для меня наш стремительный полет оставался волшебством. Для любого остался бы. Кроме, может быть, Сарасты.

Вокруг та же магия трудилась при менее высоких температурах и для целей не столь неуловимых. Переборку усеивало множество люков и дозаторов. В некоторые не пролез бы и мой кулак, в один-два меня удалось бы пропихнуть целиком. Фабрикаторы «Тезея» могли воспроизвести что угодно – от ложки до рубки управления. Если дать им достаточный запас сырой материи, они могли бы построить второй корабль, правда, по кусочкам и далеко не сразу Кое-кто интересовался, не способны ли они и новый экипаж построить, хотя нас уверяли, что такое невозможно. Даже у машин-сборщиков не настолько ловкие пальцы, чтобы воспроизвести несколько триллионов синапсов человеческого мозга. Пока – не настолько.

Я в это верил. Нас не стали бы перевозить в собранном состоянии, если бы существовала менее дорогостоящая альтернатива.

Я обернулся. Прислонившись спиной к запертому люку, я просматривал «Тезей» насквозь, до самого носа. Все равно, что глядеть на огромную текстурированную черно-белую мишень: концентрические круги, люки в последовательно разделяющих внутренности корабля переборках, точно на одной линии, до крошечного «яблочка» в тридцати метрах впереди. Все распахнуто в равнодушном пренебрежении к правилам техники безопасности предыдущих поколений. Ради собственного спокойствия мы могли их закрыть, но эффект был бы сугубо психологическим: наши шансы на выживание это не повысило бы ни на гран. В случае аварии люки захлопнулись бы на несколько миллисекунд раньше, чем человеческий мозг осознал бы сигнал тревоги. Ими управлял даже не центральный компьютер, а безусловные рефлексy «Тезея».

Я оттолкнулся от кормовой переборки – поморщился от хруста и боли в отвыкших от движения сухожилиях – и поплыл вперед, оставив фаб за спиной. Проход стискивали шлюзовые камеры, ведущие к челнокам, «Сцилле» и «Харибде»; за ними хребет корабля расширился в телескопическую рифленую трубу диаметром в два метра и длиной около пятнадцати. Вдоль нее тянулись лестницы, одна напротив другой, а по сторонам пунктиром выпирали крышки люков. Большинство из них вели в пустой трюм, один-два были универсальными шлюзами на случай, если кому-то придет в голову прогуляться под панцирем. Один открывался в мою палатку, другой, в четырех метрах дальше к носу, – в палатку Бейтс. Из третьего, у самой носовой переборки, выползал Юкка Сарасты, похожий на тощего белого паука. Будь он человеком, я бы мгновенно осознал, кто

передо мной: от его топологии несло убийством. Но я не смог бы оценить число его жертв, ведь раскаяние в числе реакций этого существа отсутствовало. Убийство сотни людей оставило бы на его поведении не больше следа, чем раздавленный таракан; вина скатывалась с твари бусинками, как вода по воску. Только Сараста принадлежал к совершенно другой породе, не человеческой, и исходившие от него смертоубийственные импульсы значили всего-навсего, что он – хищник. Он был прирожденным человекоубийцей: поддавался ли вампир когда-либо своей природной склонности, знал только он сам. А еще ЦУП.

«Может, тебе дадут поблажку, – промолчал я. – Может, это лишь цена сотрудничества. В конце концов, без тебя миссия не состоится. Почему мне знать, может, ты договорился. Ты ведь настолько умен, что понимаешь: мы не подняли бы тебя из мертвых, если бы ты не был нам так нужен. С той минуты, когда тебя вытащили из чана, ты знал, что сила на твоей стороне. Какой у тебя с ними договор, Юкка? Ты спасешь мир, а парни, держащие тебя на поводке, на какое-то время отвернутся?»

В детстве я читал, что хищники в джунглях «замораживают» жертву взглядом, но, только повстречав Сарасту, понял, каково это. Правда, сейчас он на меня не смотрел, а устанавливал свою палатку, и, даже если бы повернулся в мою сторону, я увидел бы лишь темные очки на пол-лица, которые Юкка носил из вежливости, чтобы не пугать хомосапиенсов. Я протиснулся мимо него. Вампир не обратил на это внимания.

Я был готов поклясться, что у него изо рта несет сырым мясом!

Дальше – вертушка (технически даже две, потому что обод медотсека вращался на собственных опорах). Я пролетел сквозь центр цилиндра диаметром в шестнадцать метров. Вдоль оси проходил спинной мозг «Тезея», а вдоль лестниц по сторонам выпирали трубопроводы и плексиглас. Чуть дальше, в закутках на противоположных сторонах мира бугрились палатки Шпинделя и Джеймса. Сам Исаак болтался в воздухе за моим плечом, голый, если не считать перчаток. По движениям его пальцев я мог прочесть, что любимый цвет биолога – зеленый. Он зацепился за одну из трех лестниц в никуда, расположенных по окружности вертушки: по крутым узким ступеням можно было подняться на пять метров от палубы – и там застрять.

Следующий люк зиял точно в центре передней стенки барабана; трубы и провода проходили через переборку. Я уцепился за подвернувшуюся скобу, чтобы сбросить скорость, – снова стиснул зубы от боли – и проплыл через него.

Т-образный перекресток. Главный коридор шел дальше, но от него

отходил короткий дивертикул к ВКД-отсеку^[8] и переднему шлюзу. Я не свернул. Впереди сверкала гробница, зеркально-светлая, меньше двух метров в высоту. По левую руку зияли опустевшие саркофаги, по правую теснились занятые (мы были так незаменимы, что каждому полагалась запаска). Дублеры безмятежно спали. С тремя я встречался на тренировках. Будем надеяться, что возобновить знакомство ни с кем не придется. Однако по правому борту – всего четыре капсулы. Сараста замены нет...

Еще один люк, совсем маленький. Я протиснулся на мостик. Сумрачно; беззвучно плывут иконки, мозаика индикаторов итерирует отражениями в темном стекле. Не столько рубка, сколько кокпит, и притом тесный. Я выполз между двумя противоперегрузочными ложами; перед каждым – подковообразный пульт. На самом деле никто не собирался ими пользоваться: «Тезей» превосходно управлял собой сам, а в нестандартной ситуации мы могли рулить кораблем через имплантаты; если не сработают они, то, скорее всего, мы сыграем в ящик. И все-таки, если другого варианта не останется, в случае астрономически малой вероятности неустрашимые исследователи могут отсюда положить корабль на обратный курс, к дому.

Между приступками для ног инженеры втиснули последний люк и последний лаз – в смотровой блистер на носу «Тезея». Ссутулившись (суставы хрустели, жилы ныли), я протолкнулся... в темноту. Снаружи блистер плотно сжатыми веками накрывали щитки-раковины. Слева от люка на сенсорной панели слабо светилась единственная иконка; из корабельного хребта через люк тянулись тонкие лучики, бессильными пальцами оглаживая вогнутую стену и окрашивая ее несчетными оттенками серого и сизого, по мере того как мои глаза приспособлялись к мраку. На задней стенке от легких дуновений ветерка колыхались крепежные ремни. От застоявшегося воздуха во рту сразу появился привкус смазки и металла. Пряжки еле слышно побрякивали на сквозняке, будто маленькие китайские колокольчики.

Я протянул руку и коснулся хрусталя: внутреннего слоя из двух. Между ними шел теплый воздух, отсекая стужу. Но не до конца, так что пальцы мгновенно застыли. Снаружи – космос.

Может, на пути к нашей первоначальной цели «Тезей» обнаружил что-то такое, от чего с перепугу ломанулся за пределы Солнечной системы. Но, скорее всего, корабль не бежал, а стремился к объекту, о котором не было известно, когда мы умерли и попали на небеса. А в таком случае...

Я потянулся назад и коснулся панели. Почти ожидал, что ничего не случится; закрыть окна «Тезея» на замок было так же просто, как убрать

логи связи подальше от посторонних глаз. Но купол передо мной растворился сразу – вначале трещина, затем полумесяц, потом выпученный глаз, чьи радиозащитные веки втянулись в корпус. Мои пальцы рефлекторно вцепились в комок ремней. Бездна распростерлась во все стороны, безжалостная и голая. Было не на что опереться, кроме металлического диска меньше четырех метров в диаметре.

Звезды повсюду. Столько звезд, что, хоть убей, я не мог понять, как они умещаются на небе, когда оно остается таким черным. Звезды и... ничего больше.

«А чего ты ожидал? – укорил я себя. – Корабль чужаков справа по курсу?»

Почему бы нет? Ведь мы зачем-то сюда прилетели.

По крайней мере остальные члены экипажа. Они оставались критически важными для успеха миссии, где бы мы ни оказались. А вот синтез, как я теперь понял, находился в совсем ином положении. Моя полезность уменьшалась с расстоянием. Нас же занесло за половину светового года от дома.

* * *

Когда стемнеет, станут видны звезды.

Ральф Уолдо Эмерсон^[9]

Где я был, когда на землю обрушились огни? Выходил из небесных врат, оплакивая отца, который, по его мнению, все еще был жив.

С тех пор как Хелен ушла под капюшон, минуло почти два месяца. Это по нашему счету два месяца. Она могла прожить день, а могла и лет десять: виртуальные боги, кроме всего прочего, настраивали часы субъективного времени. Возвращаться мать не собиралась. С мужем соизволяла встречаться только на условиях, равнозначных пощечине. Он не жаловался и навещал ее всякий раз, когда жена позволяла: дважды в неделю, потом раз в неделю, затем – раз в две недели. Их брак распался с экспоненциальной обреченностью радиоактивного изотопа, и все же отец тянулся к Хелен и принимал ее условия.

В день, когда на Землю рухнули огни, я вместе с ним стоял у ложа матери. Случай особый – последний раз, когда мы могли увидеть ее во плоти. Два месяца ее тело, вместе с пятью сотнями других

новопоступивших в приют, лежало в приемной, доступное для обозрения родственникам. Конечно, контакт оставался иллюзией, как и должен был: тело не могло с нами общаться, но мы все еще на него смотрели: плоть была теплой, а простыни – чистыми и глажеными. Из-под капюшона выглядывала нижняя челюсть Хелен, глаза и уши закрывал шлем. К ней можно было прикоснуться. Отец часто так и делал. Возможно, некая частичка ее сознания это ощущала.

Тем не менее, в конце концов, кому-нибудь придется захлопнуть гроб и сплавить останки: потребуется место для новоприбывших. Мы пришли, чтобы провести с матерью последний день. Джим еще раз взял жену за руку. С ней по-прежнему можно будет общаться – в ее мире и на ее условиях, – но к вечеру остов упакуют в хранилище, слишком эффективно утрамбованное, чтобы принимать посетителей из плоти и крови. Нас уверяли, что тело останется в целости: тренировка мышц электростимуляцией, регулярное питание и обогрев. Оболочка будет готова вернуться к работе, если рай вдруг пострадает в неподдающейся воображению катастрофе. Все обратимо, объясняли нам. Но восходящих стало так много, а никакие катакомбы не могут расширяться до бесконечности. Ходили слухи о расчленениях и усечении несущественных частей согласно алгоритму оптимальной упаковки. Вероятно, к следующему году от Хелен останется один торс, а еще через год – лишь отрубленная голова. А может, ее тело срежут до самого мозга, прежде чем мы выйдем из здания, да так и оставят ждать последнего технологического прорыва, который возвестит начало Великой цифровой перезаписи.

Слухи! Лично я не встречал никого, кто вернулся бы после восхождения. Хотя кто захотел бы? Даже Люцифер покинул небеса, только когда его с них сбросили.

Папа, возможно, знал точно – он всегда был в курсе того, о чем большинству людей знать не положено, но никогда не болтал лишнего. Если отец и мог что-то рассказать, его откровенность, очевидно, не заставила бы Хелен передумать, а для Джима этого было достаточно.

Мы накинули капюшоны, служившие невключенным разовыми пропусками, и встретили маму в по-спартански обставленной гостиной, которую она придумала для наших встреч. Окон в ее мир не предусматривалось – ни намек на утопию, созданную ею для себя. Хелен даже не воспользовалась препрограммированными гостевыми средами с целью уменьшить неудобства гостей. Мы оказались в безликой бежевой сфере диаметром метров в пять. И никого, кроме нее. «Возможно, – подумал я, – в ее представлении такая обстановка не слишком отличается

от утопии».

Отец улыбнулся.

– Хелен.

– Джим.

Она была на двадцать лет моложе оболочки, лежавшей на кровати, но от ее вида у меня все равно поползли мурашки по спине.

– Сири! И ты пришел!

Она всегда обращалась ко мне по имени. Не припомню, чтобы мать когда-нибудь называла меня сыном.

– Ты все так же счастлива здесь? – спросил отец.

– Невероятно. Как бы я хотела, чтобы ты присоединился к нам.

Джим улыбнулся.

– Кому-то надо поддерживать порядок.

– Ты же знаешь, мы не прощаемся, – возразила она. – Вы можете навещать меня, когда захотите.

– Только если ты сменишь обстановку.

Джим не просто шутил, а откровенно врал. Он пришел бы по зову Хелен, даже если бы идти пришлось босиком по битому стеклу.

– И Челси пусть приходит, – продолжала она. – Было бы здорово после стольких месяцев познакомиться с ней.

– Челси не придет, Хелен, – пробормотал я.

– Ну да. Я знаю, вы общаетесь. Понимаю, у вас были особые отношения, но то, что вы разошлись, не значит, что она не...

– Ты же знаешь, она...

Я замолчал на полуслове. В голове родилась неприятная мысль: может, я действительно им не сказал?

– Сынок, – вполголоса промолвил Джим, – может, оставишь нас на минутку?

Я бы с радостью оставил их на всю жизнь. Поэтому вернулся обратно в палату, глядя на труп матери и слепого, парализованного отца, слыша, как тот забивает информационный поток соответствующими случаями банальностями. Пусть играют, завершат свою так называемую связь, как сочтут нужным. Может, они хоть раз в жизни заставят себя быть честными друг с другом; хотя бы там, в ином мире, где все прочее – иллюзия. Может быть...

Смотреть на это мне в любом случае не хотелось. Но пришлось исполнить кое-какие формальности. Я последний раз сыграл роль в семейном спектакле и причастился привычной лжи. Мы пришли к согласию, что восход Хелен на Небеса по сути ничего не меняет, а потому

никто не отклонялся от сценария и не пытался открыть другим правду. В конце концов, напомнив себе сказать «до свиданья» вместо «прощай», мы распрощались с мамой. Я даже подавил рвотный рефлекс и обнял ее.

* * *

Когда мы вынырнули из темноты, в руке у Джима был ингалятор. Мы еще не миновали вестибюль, я вяло надеялся, что он сейчас швырнет пшикалку в мусорник, но отец поднес руку ко рту и вкатил себе дозу вазопрессина, чтобы избежать искушения.

Верность в баллончике!

– Он тебе больше не нужен, – сказал я.

– Пожалуй, – согласился отец.

– К тому же это все равно не сработает. Нельзя сконцентрироваться на том, кого нет рядом, сколько бы гормонов ты ни вынюхал. Просто...

Джим промолчал. Мы прошли мимо охранников, высматривавших реалистов-инфильтраторов.

– Ее больше нет, – выпалил я. – Ей все равно, даже если ты найдешь себе кого-то. Она даже будет счастлива.

Хелен сможет делать вид, что баланс восстановлен.

– Она моя жена, – ответил Джим.

– Эти слова потеряли смысл. Да и никогда его не имели.

Отец слабо улыбнулся.

– Мы говорим о моей жизни, сынок. Меня она устраивает.

– Папа...

– Я не виню ее, – проговорил он. – И ты не вини.

Ему легко говорить. Легко даже принять боль, которую она причиняла ему все эти годы. Жизнерадостная маска не заслоняла бесконечных желчных упреков, которые отец сносил сколько я себя помню. Думаешь, это легко, когда ты исчезаешь на целые месяцы? Легко гадать, с кем ты, где и жив ли вообще? Думаешь, легко растить одной такого ребенка?

Она винила отца во всем, а он безропотно сносил ее выходки, потому что понимал: все – ложь. Знал, что его отсутствие было лишь предлогом. Мать ушла не из-за его измены или постоянных отлучек, решение было вообще с ним не связано. Дело во мне: Хелен покинула мир, потому что больше не могла смотреть на существо, заменившее ее сына.

Я бы продолжил спор и попытался еще раз уговорить отца понять, но к этой секунде мы миновали врата Небес и вышли на улицы чистилища. А

там прохожие, раскрыв рты, пялились на небо и изумленно бормотали. Вслед за ними я тоже поднял глаза к полоске нагих сумерек между вершинами небоскребов – и подавился словами...

Звезды падали! Зодиак перекрыла ровная сетка пламенных точек с сияющими хвостами. Будто всю планету поймали в частую сеть, чьи узлы сверкали огнями святого Эльма. Это было прекрасно. И жутко.

Я отвел глаза, чтобы перенастроить зрение и дать обнаглевшей галлюцинации шанс вежливо сгинуть, прежде чем переключу свой опытный взгляд на дальний свет. В ту минуту я заметил вампира, женщину: она шла среди нас, как архетипический волк в овечьей шкуре. На улицу их практически не выпускали, и до сих пор мне не приходилось сталкиваться с ними во плоти.

Вампирша вышла из здания напротив. Она была выше всех на голову, а ее желтые глаза, как у кошки, светились в сгущающихся сумерках. Я наблюдал, как она замечает – что-то не так. Оглянулась, посмотрела в небо и двинулась своей дорогой, безразличная к суеде добычи вокруг, заморозившему земной скот небесному знамению. Безразличная к тому, что мир в эту самую минуту вывернуло наизнанку.

Было 10:35 по Гринвичу, 13 февраля 2082 года.

* * *

Они стиснули планету, как пальцы огромной руки, черные, словно изнанка горизонта событий, – до последней секунды, когда все вспыхнуло разом. Горело и визжало. Все радиоприемники ниже геостационарной орбиты застонали в унисон, а инфракрасные телескопы скрутила снежная слепота. Пепел на недели замарал небеса; мезосферные облака высоко над конденсационными следами самолетов каждый рассвет сияли ржавью. Судя по всему, объекты, в основном, состояли из железа. Что это может означать, не понимал никто.

Наверное, впервые за свою историю мир узнал о случившемся прежде, чем ему сообщили: если ты видел небо, то причастился сенсации. Эксперты по важности новостей, лишённые привычной возможности фильтровать реальность, поневоле удовлетворились тем, что дали сенсации имя. Чтобы сговориться на светлячках, потребовалось девяносто минут. Полчаса спустя в ноосфере появились первые трансформанты Фурье^[10], и никто не удивился, когда оказалось, что светлячки потратили последний вздох не на белый шум. В их предсмертном хоре был заложен паттерн,

загадочный шифр, противостоявший любым попыткам анализа. Неукоснительно прагматичные эксперты гадать отказывались: признали лишь, что светлячки передали куда-то какую-то информацию. Но, какую именно, они не знали.

Зато догадывались все остальные. Как еще объяснить 65 536 зондов, равномерно распределенных по долготам и широтам, не оставивших без покрытия ни одного квадратного метра планетной поверхности? Очевидно, светлячки нас сфотографировали. Мир застукали со спущенными штанами на сложносоставном панорамном стоп-кадре. Нас изучили – в качестве прелюдии то ли к официальному знакомству, то ли к военному вторжению. Точно никто сказать не мог.

Отец, скорее всего, был знаком с людьми, которые знали что-то наверняка. Но к тому времени он давно исчез, как это с ним всегда случалось в смутные времена. Располагал информацией Джим или нет, мне оставалось искать ответы вместе со всем человечеством.

Версий было хоть отбавляй. Ноосфера бурлила от самых разных сценариев в диапазоне от утопических до апокалиптических. Светлячки засеяли область струйного течения смертоносной чумой. Светлячки вышли полюбоваться природой. «Икар» перенастраивают, чтобы показать пришельцам, каково соваться к нам без спроса. «Икар» уже уничтожили. У нас есть десятки лет, чтобы принять решение; даже пришельцы из другой системы не в силах пробить световой барьер. Нам осталось жить несколько дней; боевые биокорабли уже миновали пояс астероидов и через неделю дезинфицируют всю планету.

Как и все, я наблюдал за говорящими головами и слушал панические вопли. Шлялся по болтосайтам, пропитывался чужими мнениями, но ничего нового не слышал. Я всю жизнь провел в роли некоего пришельца-этнолога: наблюдал, как ведет себя мир, по крупицам собирал протоколы и схемы поведения, законы и правила, которые позволили бы мне просочиться в людское сообщество. Раньше у меня все получалось, но присутствие настоящих инопланетян добавило в уравнение новое неизвестное. Простое наблюдение больше не удовлетворяло меня, как будто из-за появления внушной группы я волей-неволей слился с родным таксоном. Моя отстраненность от мира внезапно показалась натушной и капельку нелепой.

Правда, способа преодолеть ее я так и не нашел, хоть убей.

Челси всегда говорила, что телеприсутствие выхолостило человеческие взаимоотношения. «Говорят, никакой разницы, – как-то заявила она мне. – Все равно, что собраться семьей, в тесном кругу, когда

все друг друга видят, толпятся и пахнут. Ан нет! Они – лишь тени на стене пещеры. Само собой, интерактивные, трехмерные, цветные и с силовой обратной связью. Им под силу обмануть цивилизованный рассудок, но нутром ты чувствуешь, что это не люди, хотя понять, с чего ты так решил, естественно, не можешь. Не воспринимаются они как настоящие. Понимаешь, что я хочу сказать?»

Я не понимал. В те дни я представления не имел, о чем она говорит. Но теперь мы все снова превратились в троглодитов, прячущихся под скалой: молния раскалывает небеса, а огромные бесформенные чудовища, чьи тени едва уловимы в стробоскопическом мелькании зарниц, режут и мечутся вокруг. Одиночество перестало приносить утешение, интерактивность тоже не помогала. Был нужен кто-то настоящий, кто-то, в кого можно вцепиться, с кем разделить пространство, страх, надежду и неуверенность.

Я представил рядом товарищей, которые не исчезают, если выйти из сети. Но Челси больше не было, и Пага. Те немногие, кому я мог позвонить, – коллеги и бывшие клиенты, с которыми я особенно убедительно поддерживал видимость взаимопонимания, – не стоили усилий. Плоть и кровь по-своему соотносятся с реальностью: они необходимы, но не достаточны.

Пока я отстраненно смотрел на мир, меня озарило: я совершенно точно знал, что имела в виду Челси со своим луддитским бредом о разбавленном человечестве и бесцветных связях в виртуальном пространстве. Все время знал! Просто не видел никакой разницы по сравнению с реальностью.

* * *

Представь себе, что ты – машина.

Да, я все понимаю. Но представь, что ты – не биологическая машина, а построенная из металла и пластика, спроектированная не случайным естественным отбором, а инженерами и астрофизиками, ни на миг не упускающими из виду конечную цель. И что твоя задача – не воспроизводиться и даже не выжить, а собирать информацию.

Я с легкостью могу себе такое представить. Это намного проще, чем те имитации, которые мне приходится играть ежедневно.

Я плыву сквозь бездну за орбитой Нептуна и для любого наблюдателя в видимой области спектра существую как небытие: асимметричная тень,

заслоняющая звезды. Лишь временами в бесконечном вращении я сверкаю тускло отраженным светом. Если ты застанешь меня в этот миг, тебе, вероятно, удастся отчасти распознать мою истинную природу: сегментированное создание в шкуре из фольги, ошкетинившееся суставами, плоскостями и остриями антенн. Тут и там сочленений и швов коснулась легкая изморозь – застывшие клочья газа, скопившегося, быть может, в окрестностях Юпитера. Повсюду микроскопические трупы земных бактерий, с беспечной страстью процветавших на броне орбитальных станций или плодоносной лунной поверхности, но обратившихся в лед на расстоянии от Солнца вполовину меньшем моего нынешнего. Сейчас, на вздохе от абсолютного нуля, они могут рассыпаться от прикосновения единственного фотона.

Но сердце у меня теплое. В груди пылает крошечный ядерный пожар, даря неуязвимость от внешнего холода. Если не случится несчастья, огонь не погаснет еще тысячу лет, и я буду прислушиваться к слабым голосам из ЦУПа и следовать их указаниям. До сей поры они приказывали лишь изучать кометы. Все полученные мною инструкции содержат четкие и недвусмысленные уточнения этой основополагающей цели моего существования.

Вот почему последние директивы настолько сбивают с толку. Я не нахожу в них смысла. Неверная частота, неправильная мощность сигнала. Я не могу распознать даже протоколы установления связи. Запрашиваю разъяснения, а в ответ тысячу минут спустя приходит невероятная смесь приказов и запросов. Я отвечаю, как могу: вот направление, на котором мощность сигнала была максимальной. Нет, это не стандартный азимут ЦУПа. Да, могу воспроизвести: вот так, как было. Да, перехожу в режим ожидания.

Жду дальнейших указаний. Они приходят 839 минут спустя, и, согласно им, я должен немедленно прекратить изучение комет и войти в управляемую прецессию с периодом в 94 секунды, меняя направление основных антенн с шагом в 5 минут по всем трем осям. Уловив любые данные, сходные с теми, что прежде так сильно меня озадачили, я обязан сориентироваться по азимуту максимальной мощности передачи, вычислить набор параметров, а также ретранслировать ее в ЦУП.

Повинуюсь. Долгое время не слышу ничего, но я бесконечно терпелив и не способен на скуку. В конце концов, афферентных решеток касается мимолетный знакомый сигнал. Возвращаюсь, отслеживаю источник, для описания которого у меня есть все необходимое. Транснептунианская комета в поясе Койпера около 200 км в диаметре. С периодом в 4,57

секунды она обводит небосвод направленным радиолучом на волне 21 см. Тот ни в одной точке не пересекается с координатами ЦУПа и направлен, судя по всему, на другую цель.

Земля необычно долго молчит. Когда ответ приходит, от меня требуют изменить курс. Центр сообщает, что отныне моя цель – комета Бернса – Колфилда. Учитывая текущий вектор импульса и запасы топлива, я достигну ее не раньше, чем через тридцать девять лет.

Во время полета ни на что другое отвлекаться нельзя.

* * *

Я работал в Университете Курцвейла^[11] – связным в расколотой группе самых передовых ученых, убежденных, что они находятся на грани разрешения квантово-глияльного парадокса. Исследователи в области искусственного интеллекта не один десяток лет бились лбами об эту стену; эксперты обещали, что, когда ее пробьют, до первой загрузки личности останется полтора года и не больше двух – до первой надежной эмуляции человеческого сознания в программной среде. Решение этой задачи возвестит конец плотской истории и выведет на сцену сингулярность, нетерпеливо переминающуюся за кулисами без малого полвека.

Через два месяца после Огнепада институт разорвал контракт.

Я, признаться, был удивлен, что они столько тянули. Мгновенная смена приоритетов и головокружительные перемены в попытке вернуть утраченную инициативу дорого нам обошлись. Даже новая постдефицитная экономика не могла выдержать такого катастрофического перелома, не скатившись к банкротству. Станции в глубоком космосе, долгое время считавшиеся защищенными благодаря своей удаленности, внезапно стали уязвимы по той же причине. Обиталища в точках Лагранжа пришлось переоснащать для обороны от неведомого врага. Грузовые корабли снимали с Марсианской петли, вооружали и командировали на новые посты: одни прикрывали плацдарм около Марса, другие отправились к Солнцу для охраны «Икара».

Неважно, что светлячки не произвели по этим мишеням ни одного выстрела. Мы просто не могли позволить себе рисковать.

Естественно, все человечество оказалось в одной лодке, в отчаянии готовое любыми средствами вернуть гипотетическое превосходство. Короли и гендиректора строчили долговые расписки на салфетках и обещали расплатиться сполна, когда вопли уймутся. Тем временем на

перспективу утопии из ближайшего будущего надвинулась тень Армагеддона. В Университете Курцвейла, как у всех, внезапно обнаружились другие срочные проблемы.

Так что я вернулся домой, откупорил пузырь «Гленфиддича» и лепестками расположил в голове виртуальные окошки. Люди на иконках спорили со всех сторон, обсуждая объедки, чей срок годности вышел две недели назад.

Позорный крах глобальной системы безопасности.

Нам не причинили никакого вреда.

Спутники связи уничтожены. Тысячи погибших.

Это были случайные столкновения. И непреднамеренные жертвы.

(Кто их послал?)

Мы должны были их засечь. Почему мы...

Дальний космос. Закон обратных квадратов. Считай сам.

Они замаскировались!

(Что им нужно?)

Нас изнасиловали!

Господи Иисусе! Просто сфотографировали.

Почему они молчат?

Луна в порядке. Марс в порядке.

(Где они?)

Почему они не пошли на контакт?

О'Нилы [\[12\]](#) не пострадали.

Технология подразумевает агрессию!

(Они вернутся?)

Нас никто не атаковал.

Пока.

Это не вторжение.

Еще нет.

(Но где они?)

(Они вернутся?)

(Эй, кто-нибудь?)

Джим Мур,

голосовой вызов с шифрованием

Принять?

Окошко расцвело под самым моим носом, заслонив спор. Я дважды прочел текст. Попытался вспомнить, когда отец звонил с выезда в последний раз, и не смог. Остальные окна заглушил.

– Папа?

– Сынок, – отозвался он, промедлив. – Ты как?

– Как все. Никак не решим, праздновать или в штаны наложить.

Отец ответил не сразу.

– Да, вопрос серьезный, – сказал он, наконец.

– Дать мне совет ты, конечно, не можешь? Нас, простецов, держат в неведении.

Вопрос был риторический. Чтобы подтвердить это, отцовского молчания не требовалось.

– Знаю, – добавил я секунду спустя. – Просто ходят слухи, что «Икар» рухнул, и...

– Ты знаешь, что я не... – Джим умолк. – Чушь собачья. «Икар» в порядке.

– Правда?

Отец, казалось, взвешивал каждое слово:

– Светлячки, скорее всего, его даже не заметили. Когда станция не работает, следового излучения нет, а в блеске короны ее не разглядеть. Если

только не знаешь, где искать.

Пришла моя очередь умолкнуть: этот разговор внезапно начал действовать мне на нервы.

Когда отец уходил на задание, он не звонил домой. А когда он возвращался с задания, никогда ни о чем не рассказывал. Неважно, работает «Икар» или его разнесло в клочья, швырнув на Солнце тысячей километров рваных оригами. Так или иначе, отец не сказал бы ни слова, если только не появилось бы официального заявления. Чего – я на всякий случай обновил справочное окошко – еще не случилось.

К тому же, хоть отец всегда был немногословен, прежде частых нерешительных пауз я за ним не замечал, а в нынешнем разговоре он медлил перед каждой репликой.

Я чуть поддернул леску:

– Но корабли туда отправили.

И начал считать. Тысяча-раз, тысяча-два...

– Обычная предосторожность. «Икару» давно требовался осмотр. Ты же не станешь врубать машину на полную, не попинав хотя бы шины для порядка?

Чуть меньше трех секунд на ответ!

– Ты на Луне.

Пауза.

– Почти.

– Что ты... пап! Зачем ты мне все рассказываешь? Разве это не нарушение секретности?

– Тебе позвонят, – сообщил он.

– Кто? Зачем?

– Собирают команду. Из... людей, с которыми ты имеешь дело, – отец слишком рационален, чтобы оспаривать достижения реконструктов и гибридов, но никогда не скрывал своего недоверия к ним. – Им нужен синтез.

– Как удачно, что в твоей родне затесался один.

Радио играет в пинг-понг.

– Это не кумовство, Сири. Я очень хотел, чтобы они выбрали другого.

– Спасибо за дове...

Но он все сразу понял и предугадал мои слова, прежде чем они преодолели разделявшее нас расстояние.

– Я не ставлю под сомнение твои способности, и ты это знаешь. Просто ты – самый подходящий исполнитель для жизненно важного задания.

– Тогда поче... – начал я и осекся.

От работы в какой-нибудь теорлабе Западного полушария отец не стал бы меня удерживать.

– К делу, пап.

– Светлячки. Мы кое-что нашли.

– Что?

– Радиосигнал. Пояс Койпера. Мы отследили координаты.

– Они заговорили?

– Не с нами, – он откашлялся. – Нам просто повезло, что мы перехватили их передачу.

– Тогда с кем?

– Мы не знаем.

– Сообщение дружеское? Враждебное?

– Сынок, мы не знаем. Система шифрования вроде бы та же, но даже в этом мы не уверены. У нас есть лишь местоположение.

– И вы посылаете команду.

Посылаете меня... Прежде люди никогда не долетали до пояса Койпера. Последние роботы отправились туда десятки лет назад. Не то чтобы у нас не было технической возможности – пропало желание. Все, в чем нуждалось человечество, можно найти ближе к дому. Эпоха межпланетных перелетов запнулась на поясе астероидов.

Но теперь что-то затаилось на границе нашей лужайки и взывало к бездне. Может, говорило с другой звездной системой? А может, с чем-то поближе, на подлете.

– Мы не можем игнорировать подобную ситуацию, – заключил отец.

– Как насчет зондов?

– Разумеется. Но мы не можем ждать от них ответа. Экспедиция пойдет по их следам, обновления будет получать по пути.

Он дал мне несколько секунд, чтобы переварить информацию, и продолжил:

– Ты должен понять. По нашим предположениям, Бернс – Колфилд не знает, что мы его засекли. На данный момент это наше единственное преимущество. Мы должны извлечь как можно больше из этой возможности.

Но объект Бернса – Колфилда скрывался от нас. Ему может не понравиться принудительное знакомство.

– Что, если я откажусь?

Задержка с ответом, кажется, говорила вообще о Марсе.

– Я тебя знаю, сынок. Ты не откажешься.

– А если? Если я лучший кандидат и задача так важна...

Ему не надо было отвечать, а мне не стоило спрашивать. При таких ставках люди, критически важные для миссии, лишаются права выбора. У меня не будет возможности даже с детской мелочностью задержать дыхание и выйти из песочницы: воля к сопротивлению – дело столь же механическое, как и необходимость дышать. С подходящими нейрохимическими отмычками можно подавить и то и другое.

– Это вы разорвали мой контракт с институтом, – сообразил я.

– Это самое малое из того, что мы сделали.

Какое-то время говорил лишь разделяющий нас вакуум.

– Если бы я мог вернуться в прошлое и исправить то... что сделало тебя таким... – признался отец, сделав паузу, – я бы так и сделал. Не раздумывая.

– Ага.

– Мне пора. Просто не хотел держать тебя в неведении.

– Спасибо.

– Я люблю тебя, сынок.

«Где ты? Домой-то успеешь вернуться?»

– Спасибо, – повторил я. – Приятно слышать.

* * *

Вот чего мой отец изменить не мог. Того, кто я есть.

Я – мост между передним краем технологии и неподвижным центром, я стою между волшебником Изумрудного города и фокусником из Канзаса, который спрятался за занавесом. Я и есть этот занавес.

Такие, как я, появились давно. Наши корни у истоков цивилизации, но мои предшественники исполняли иную, менее почетную роль. Они лишь смазывали колеса общественной стабильности: подслащали горькие истины, ради политических выгод растили воображаемых чудовищ. По-своему они были незаменимы. Даже вооруженное до зубов полицейское государство не может постоянно использовать грубую силу против каждого из своих подданных. Меметический контроль тоньше: подкрашенное розовым отражение реальности, данной нам в ощущениях, и заразный страх перед угрожающими альтернативами. Всегда существовали те, кому доверено преобразовывать информационную конфигурацию, но на протяжении большей части истории никто не имел дела с ее упрощением.

С приходом нового тысячелетия все изменилось. Мы превзошли самих

себя, ступили на территории за пределами человеческого понимания. Порой даже в обычном пространстве ландшафт оказывался настолько прихотлив, что наш рассудок просто не мог его охватить. Иногда сами координаты уходили в измерения, непредставимые для мозгов, приспособленных драться и спариваться в допотопной саванне. Слишком многое ограничивает нас со всех сторон. Самые устойчивые философские основы бескорыстия рушатся под натиском грубых эгоистических императивов спинного мозга. Изящные и стройные уравнения предсказывают поведение квантового мира, но не помогают его объяснить. За четыре тысячи лет мы даже не смогли доказать себе, что реальность существует вне наблюдателя.

Мы слишком нуждаемся в интеллекте, превосходящем наш собственный, но не очень хорошо умеем его создавать. Насильственное скрещивание разума и электронов оказывается удачным и провальным с одинаково впечатляющими результатами. Наши гибриды становятся похожими на гениальных аутистов. Мы насаживаем плоть на протезы, заставляем перегруженные моторные извилины жонглировать мускулами и механизмами, а когда пальцы подергиваются и язык заплетается, качаем головой. Компьютеры загружают своих отпрысков, множатся, обретают мудрость столь непредставимую, что их отчеты несут явную печать маразма – едва разумным тварям, оставшимся позади, они кажутся рассеянными и бессмысленными.

И, когда ваши собственные творения, что намного вас превосходят, находят нужные ответы, вы не в силах понять их выкладки и не можете проверить решения. Приходится принимать слова на веру. Или воспользоваться теорией информации, сплющить полученные выводы, сделать из тессеракта двухмерную игрушку, а бутылку Клейна представить в простом 3Д – одним словом, упростить реальность. Попутно лучше помолиться богам, пережившим второе тысячелетие, ведь, искажая истину, пусть и с самыми лучшими намерениями, можно попутно снести пару несущих стен, на которых держалась вся теория. Приходится нанимать таких, как я: гибридных потомков профайлеров, технических редакторов и спецов по теории информации.

В официальной обстановке нас называют синтетами, на улице кличут жаргонантами или «попугаями». Мудрецы, чьи кровью политые открытия лоботомируют и холостят ради могущественных невежд, заинтересованных исключительно в рыночной прибыли, могут обозвать кротом или шапероном^[13]. Исаак Шпиндель нарек меня «комиссаром», и пусть подколка была дружелюбной, в каждой шутке есть доля истины.

Мне так и не удалось убедить себя, что мы, люди, сделали правильный выбор. Я даже во сне могу перечислить стандартный набор оправданий, бесконечно долдонить о ротационной топологии информации и неуместности семантического понимания. Но, когда все слова сказаны, остаюсь один на один со своей неуверенностью. И не знаю никого, кто бы от нее избавился. Может, все наши старания – афера, в которой заодно и мошенники, и их жертвы? Мы не готовы признать, что наши собственные творения нас превзошли: пускай они говорят на неведомых языках, но наши жрецы умеют толковать знаки. Боги высекают алгоритмы на горных склонах, зато скрижали народу приношу я, маленький, жалкий и совсем не страшный.

Возможно, сингулярность случилась много лет назад. Мы просто боимся признать, что отстали.

* * *

...Ведь всякие звери приходят сюда,
И демоны изредка тоже.

Иэн Андерсон. Поднимается сом^[14]

Нас называли «третьей волной». Загнали в одну лодку и отправили в бесконечную тьму – спасибо передовому прототипу корабля, который спустили с симуляторов, опередив график на целых восемнадцать месяцев. В другой экономике, не столь объятай страхом, такое насилие над расписанием разорило бы четыре страны и пятнадцать мультикорпораций.

Первые две волны спустили на воду еще более поспешно. О том, что случилось с ними, я узнал за полчаса до инструктажа, когда Сараста сбросил телеметрию в КонСенсус. Я полностью раскрылся, и данные хлынули в имплантаты, расплескались по теменным долям коры сверкающим потоком сверхплотной информации. Даже сейчас я помню данные так же ясно, как в тот день, когда их записали.

Я там. И я – это они.

Я – «пушечное мясо», беспилотник, одновременно улучшенный и ободранный до костей, теленигиляционный реактор с камерами, привинченными к носу; выдаю ускорение, которое размазало бы плоть в студень. Я радостно мчусь во тьму, а мой стереоскопический брат-близнец несется в сотне километров по правому борту. Двойные

реактивные струи пионов разгоняют нас до субсветовой прежде, чем бедный старый «Тезей» доковылял до марсианской орбиты.

Но, когда за кормой уже шесть миллиардов километров, ЦУП перекрывает кран, и мы летим по инерции. Комета растет в объективах – замороженная загадка, расчерчивающая небо направленным сигналом, как прожекторным лучом. Мы наводим на нее рудиментарные органы чувств и разглядываем в излучении на тысяче частот.

Мы жили ради этой секунды.

Мы видим беспорядочные колебания, которые говорят о недавних столкновениях. Видим шрамы – гладкие ледяные просторы там, где прыщавая шкура расплавилась и замерзла вновь совсем недавно, бессильное солнце за нашими спинами в таком преступлении не обвинить.

Мы видим невозможное: комету с ядром из чистого железа.

Плывем мимо, а комета Бернса – Колфилда поет. Не для нас; она игнорирует наш пролет, как игнорировала приближение. Поет для кого-то другого. Возможно, когда-нибудь мы встретим ее слушателей. Вероятно, они ждут впереди, в бесплодной пустыне пространства. ЦУП переворачивает нас вверх ногами, заставляет держать камеру на цели даже тогда, когда любые возможности захвата потеряны. Шлет отчаянные указания, пытается выжать из наших гаснущих сигналов, из помех последние биты информации. Я чувствую его разочарование, Земля не хочет нас отпускать; пару раз даже спрашивает, не позволит ли тщательно отмеренный тормозной импульс задержаться еще ненадолго.

Торможение – для сосунков, мы направляемся к звездам.

Пока, Бернси... Чао, ЦУП! Прощай, Солнце.

Свидимся при тепловой смерти.

* * *

К цели мы приближаемся с опаской.

Нас трое во второй волне, и мы не спешим, как наши предшественники, но все равно летим гораздо быстрее механизмов, скованных грузом плоти. Нас сдерживает груз, дарующий виртуальное всеведение: мы зрим на всех длинах волн, от радио до вибрации субатомных струн. Автономные микрозонды готовы измерить все, что предусмотрели хозяева, а крошечные бортовые сборщики способны лепить инструменты атом за атомом, чтобы уловить непредусмотренное. Атомы, собранные по дороге, соединяются с ионами, догоняющими нас из

точки старта: в чреве каждого из нас копятся топливо и снаряжение.

Лишняя тяжесть задерживает, но еще больше замедляют маневры торможения на полпути. Вторую половину странствия мы неустанно боремся с инерцией, накопившейся с начала полета. Не самый эффективный способ путешествовать. В менее отчаянной ситуации мы сразу набрали бы оптимальную скорость и, вероятно, подтолкнули бы себя, обернувшись вокруг подвернувшейся планеты; большую часть пути продрейфовали бы. Но время поджигает, поэтому идем под тягой всю дорогу. Нужно достичь цели, мы не можем позволить себе ее миновать и решиться на самоубийственное мотовство первой волны. Она лишь набросала контуры ландшафта, а нам нужно заснять все до мелочей.

Приходится вести себя ответственно.

Теперь, выходя на орбиту, мы видим все, что рассмотрели наши предшественники, и даже более: ледяные струпья и невозможное железное ядро. Еще мы слышим песнь и под мерзлой коркой кометы распознаем формы: архитектуру, прорастающую сквозь геологию. Мы слишком далеко, чтобы прищуриться, а радар подслеповат, мелких деталей не видит. Но мы умные, и нас трое, разделенных огромными пространствами. Длины волн трех радаров можно подогнать так, чтобы они сошлись в заранее предусмотренной точке, – и полученный голографический ремикс тройного эха увеличит разрешение в двадцать семь раз.

Комета Бернса – Колфилда замолкает в ту самую секунду, когда наш план вступает в действие. А потом я слепну.

Это временная неполадка: из-за перегрузки рефлекторно напряглись фильтры. В следующую секунду системы возвращаются в рабочий режим, а диагностика дает зеленый свет. Я связываюсь с товарищами, подтверждаю аналогичные неполадки восстановления. Мы в полном порядке, вот только внезапно увеличилась плотность ионизированного газа вокруг. Может, какой-то сенсорный сбой. Мы готовы изучать комету Бернса – Колфилда дальше.

Единственная проблема заключается в том, что она исчезла...

* * *

Экипажа как такового на «Тезее» не было – ни пилотов, ни механиков, ни матросов, чтобы драить палубу; смысл тратить мясо на работу, которую машины выполняют на порядок лучше. Если еще не ушедшим на Небеса

массам требуется придать своим жизням иллюзию смысла, то пусть другие корабли тонут под тяжестью лишних вахт. Пусть людишки кишат на судах, ведомых коммерческими интересами. Нас пустили на борт лишь потому, что для Первого контакта еще не разработали специальных программ. «Тезей» мчался за пределы Солнечной системы и нес в себе судьбу мира, тратить массу на самоуважение ему было не с руки.

Вот все мы, напитанные влагой и отмытые до скрипа: Исаак Шпиндель, чья задача – изучать инопланетян; Банда четырех – Сьюзен Джеймс и ее дополнительные личности – чтобы общаться с ними; майор Аманда Бейтс – чтобы драться, если потребуется; Юкка Сараста – чтобы властвовать над всеми нами и двигать, словно шахматные фигурки на многомерной игровой доске, видимой лишь вампирам.

Он посадил нас за стол, который ловко кривился посреди рекреации, незаметно поддерживая постоянное расстояние до прогнувшейся палубы под ногами. Вертушка была обставлена в стиле раннего сводизма, заставлявшего похмельные, непривычные мозги верить, что смотришь на мир сквозь широкоугольный объектив. Из уважения к суставам недавно воскресших живых мертвецов вертушку раскрутили всего на одну пятую «же», но только для разогрева: через шесть часов тяготение доведут до половины земного, и две трети каждых суток оно будет оставаться на этом уровне, пока корабль не решит, что мы полностью оправились. На ближайшие дни невесомость превратится в редкую роскошь.

Над столом повисли световые скульптуры. Сараста мог передать данные в наши имплантаты напрямую и вообще провести собрание через КонСенсус; необходимости физически собираться в одном месте не было. Однако, если хочешь привлечь чье-то внимание, говорить нужно лицом к лицу.

Шпиндель заговорщицки склонился ко мне:

– А может, наш кровосос просто возбуждается, глядя на такую уйму мяса перед собой?

Если Сараста и услышал, то не подал вида; даже мне. Он указал на темное сердце в центре экрана. Его глаза прятались за черным забралом очков.

– Объект Оаса. Инфракрасный эмиттер, метановая группа.

Объект на экране не потрясал воображение: предположительная цель казалась черным диском, круглым провалом среди звезд. В жизни он весил как десять Юпитеров и в талии был шире этого гиганта процентов на двадцать. Лежал прямо по курсу: слишком маленький, чтобы гореть; слишком одинокий, чтобы отражать свет далеких звезд; слишком тяжелый

для газового гиганта; слишком легкий для коричневого карлика.

– Когда эта штука проявилась?

Бейтс одной рукой тискала свой резиновый мячик, до белизны в костяшках.

– В 2076-м на микроволновой съемке засекают рентгеновский пик. – «За шесть лет до Огнепада, значит». – Сигнал не повторяется, подтвердить его не могут. Судя по спектру, торсионная вспышка на карлике L-класса^[15], но с таким эффектом мы должны бы увидеть что-то большое, а небо в этом направлении чистое. В результате Международный астрономический союз отправляет сигнал в артефакты статистики.

Брови Шпинделя сползли вместе – точно гусеницы поцеловались.

– Что изменилось?

Сараста усмехнулся, не разжимая губ.

– После Огнепада в метабазе начинает рыться куча народа. Все суетятся, ищут хоть какие-то улики. Когда комета Бернса – Колфида взрывается... – он пощелкал языком, – становится ясно, что субкарликовый объект может давать такие вспышки, если магнитосфера у него достаточно взбаламучена.

Бейтс:

– Взбаламучена чем?

– Не знаем.

Пока Сараста обрисовывал ситуацию, на столе слой за слоем громоздились статистические подсчеты. Объект удалось отыскать лишь с помощью невероятно интенсивного поиска, и это при неимоверно пристальном внимании всей планеты и заранее известном направлении. Тысячу моментальных снимков с разных телескопов наложили друг на друга и прогнали сквозь дюжину фильтров, прежде чем что-то прорезалось из помех где-то между трехметровым диапазоном и порогом чувствительности. Долгое время оно даже толком не существовало, больше напоминая вероятностного призрака, пока «Тезей» не подобрался достаточно близко и не увидел очевидное: квантовую частицу, тяжелую как десять Юпитеров.

Земные картографы окрестили его Большим Беном. «Тезей» едва миновал орбиту Сатурна, когда объект нашли в статистических погрешностях. Для любой другой экспедиции такое открытие ничего не значило бы: новость пришла бы по дороге, но горючего хватило бы только на унылое возвращение домой. А у «Тезея» бесконечно тонкий топливопровод тянулся к самому Солнцу, и корабль мог буквально развернуться на пресловутом пятачке. Мы сменили курс, не просыпаясь, и

луч «Икара» следовал за нами на световой скорости, словно кошка за добычей.

И вот – приехали.

– К вопросу о малых вероятностях, так сказать, – проворчал Шпиндель.

Сидевшая по другую сторону стола Бейтс взмахнула рукой, и ее мячик проплыл над моей макушкой; я слышал, как он ударился о палубу («не о палубу, – поправило что-то во мне, – о поручень»).

– Значит, предполагаем, что комета была задумана как ложная цель?

Сараста кивнул. Мячик рикошетом вернулся в мое поле зрения откуда-то сверху и на миг скрылся за становой жилой, петляя в слабом тяготении вертушки по эксцентричным, опровергающим подсказки интуиции траекториям.

– Значит, они хотят, чтобы их не трогали.

Сараста сложил пальцы домиком и повернулся к Бейтс:

– Это ваши рекомендации?

Это было ее желание.

– Нет, сэр. Я имею в виду, что на отправку объекта Бернса – Колфилда ушло, должно быть, немало сил и средств. Тот, кто его построил, очевидно, высоко ценит свою анонимность и обладает достаточно высокими технологиями, чтобы ее защитить.

Мячик срикошетил в последний раз и поковылял обратно через рекреацию. Бейтс привстала с кресла, всплыв на миг, и едва успела поймать его на лету. В ее движениях чувствовалась неуклюжесть новорожденной зверушки: действие силы Кориолиса пополам с трупным окоченением. Для пятого часа – отличный результат. Мы, остальные хомосапиенсы, едва встали на ноги.

– А может, для них это было не так уж и сложно? – размышлял вслух Шпиндель. – Раз плюнуть!

– Тогда неважно, враждебны они или нет. В этом случае перед нами цивилизация, которая по уровню технического развития на голову выше человечества. Если так, нам точно не стоит к ним торопиться.

Сараста вернулся к бурлящим диаграммам.

– И?

Бейтс тискала в пальцах добытый мячик.

– Сыр достается второй мышши. Пусть наша супероснащенная разведка в поясе Койпера пошла коту под хвост, но ломиться вслепую необязательно. Надо отправить дронов по разным векторам, а с тесным контактом обождать, по крайней мере, до того момента, когда выясним,

насколько враждебный прием нас ждет.

Джеймс мотнула головой:

– Если бы они были настроены враждебно, то могли бы зарядить светлячки антиматерией. Или вместо шестидесяти тысяч крошечных объектов послать один большой. Нас вынесло бы при столкновении.

– Светлячки не говорят ни о чем, кроме изначального любопытства, – парировала Бейтс. – Понравилось им увиденное или нет, кто знает?

– А что, если теория отвлекающего маневра – дерьмо собачье?

Я обернулся, вздрогнув. Звуки доносились изо рта Джеймс, но говорила Саша.

– Если хочешь остаться незамеченным, не устраиваешь фейерверк вполнеба, – продолжила она. – Если тебя никто не ищет, нет смысла прятаться, а никто не станет искать, если о тебе не знают. Если им было просто интересно, могли снять все по-тихому.

– Риск обнаружения, – вполголоса напомнил вампир.

– Не хочу вас расстраивать, Юкка, но светлячки тоже не на цыпочках...

Сарастии открыл рот. И закрыл. Мелькнули и отчетливо щелкнули, смыкаясь, едва видные острые зубы. В очках вампира отражались диаграммы с рабочего стола – корчащаяся многоцветная полоса на месте глаз.

Саша заткнулась.

– Они платят скрытностью за скорость, – продолжил Сарастии. – К тому времени, как вы среагируете, они уже получают свое.

Он говорил терпеливо и негромко: сытый хищник, объясняющий добыче правила игры, которые та должна бы знать сама: «Чем дольше я буду тебя выслеживать, тем легче тебе уйти от погони».

Но Саша уже исчезла. Ее грани разлетелись как стая испуганных скворцов, и на следующем слове голосом Сьюзен Джеймс заговорила сама Сьюзен:

– Юкка, Саша знакома с текущей парадигмой. Она просто беспокоится, что парадигма может оказаться неправильной.

– У вас есть другая? – поинтересовался Шпиндель. – Основательнее? Шире?

– Не знаю, – Джеймс вздохнула. – Нет, пожалуй. Просто... странно, если они действительно решили отправить нас по ложному следу. Я надеялась, они просто... ладно, – она развела руками. – Думаю, ничего страшного... Уверена, если мы правильно представимся, они пойдут на контакт. Возможно, нам следует быть немного осторожнее...

Сараста встал из кресла, выпрямившись во весь рост, и навис над нами:

– Мы идем на сближение. Последние данные не оставляют времени для проволочек.

Бейтс нахмурилась и вновь отправила мячик на орбиту.

– Сэр, все, что мы знаем с уверенностью, – это то, что объект Оаса находится прямо по курсу. Нам даже неизвестно, есть ли там кто-нибудь.

– Есть, – отозвался Сараста. – И они нас ждут.

Несколько секунд все молчали. В тишине хрустнули чьи-то суставы.

– Э... – начал Шпиндель.

Сараста, не глядя, поднял руку и поймал в воздухе вернувшийся мячик Бейтс.

– «Тезей» отпингован^[16] лидером^[17] четыре часа сорок восемь минут назад. Мы отвечаем идентичным сигналом. Реакции нет. Зонды отправлены за полчаса до нашего пробуждения. Вслепую ломиться мы не станем, но ждать нельзя. Нас уже видят, и чем дольше мы медлим, тем выше риск противодействия.

Я смотрел на темное, безликое пятно над столом: оно было больше Юпитера, и все же мы до сих пор его не видели. Скрываясь в тени этой громады, что-то с невероятной и непринужденной точностью щелкнуло нас по носу лазерным лучом.

Не получится у нас диалога на равных.

– Вы знали об этом с самого начала? – озвучил общее мнение Шпиндель. – И говорите только сейчас?

Сараста широко и зубасто улыбнулся, будто расплосовал себе нижнюю половину лица.

Возможно, хищник просто не мог не играть с едой.

* * *

Дело не во внешнем виде. Удлиненные конечности, бледная кожа, клыки, выпирающая челюсть, конечно, заметны и непривычны, но они не отпугивают, не устрашают. Дело не в глазах: у кошек и собак они светятся в темноте, но у нас это не вызывает дрожь.

Все загвоздка в движениях. Что-то на уровне рефлексов. Он держал конечности так, что походил на богомола, и ты постоянно думал только об одном: эти длинные суставчатые штуки могут протянуться и схватить тебя на другом конце комнаты в любой момент, когда заблагорассудится хозяину.

Стоило Сарасте взглянуть на меня – по-настоящему, невооруженным взглядом, без очков – полмиллиона лет куда-то испарялись. То, что он вымер, ничего не значило. Как и то, что мы прошли долгий путь, набрали достаточно сил и воскресили собственные кошмары себе на потребу. Гены не обманешь, они знают, чего бояться.

Конечно, испытать такое надо самому и вживую. Роберт Паглиньо знал вампиров до последней молекулы – теоретически, но так и не понял их, хотя держал в голове все биотехнические параметры. Он позвонил мне перед отлетом, чем немало меня удивил. Когда объявили состав экспедиции, надсмотрщики блокировали все личные вызовы, кроме внесенных в «белый список». Я забыл, что Паг в него входит. После Челси мы не общались, и я уже оставил надежду когда-нибудь снова с ним встретиться.

Но он позвонил.

– Стручок, – Паг неуверенно улыбнулся, вызывая на разговор.

– Рад тебя видеть, – ответил я. Ведь в подобных ситуациях принято так говорить.

– Ну... я видел твое имя на плахе. Для исходника ты здорово поднялся.

– Не слишком.

– Твою мать, да ты теперь – авангард человечества! Наша первая, последняя и единственная надежда перед лицом неведомого. Ты их всех сделал! – Паг с постановочным восторгом вскинул сжатый кулак.

Краеугольным камнем в жизни Роберта Паглиньо стало желание всех сделать, и, надо сказать, оно пошло ему на пользу, а недостатки естественного происхождения он преодолел с помощью модификаций, хирургических улучшений и невероятной безжалостности. В мире, где человечество беспрецедентными темпами становилось излишним, мы оба хранили статус другой эпохи: профессиональных работников.

– Теперь тобой будет командовать вамп, – прокомментировал он. – Как говорится, клин клином вышибают.

– Наверное, хотя, чтобы мы попрактиковались. Ну, чтобы с настоящими чужаками было полегче.

Паг рассмеялся. Понятия не имею, почему. Но на всякий случай улыбнулся в ответ. Мне было приятно снова его видеть.

– Ну и какие они в жизни? – спросил Паг.

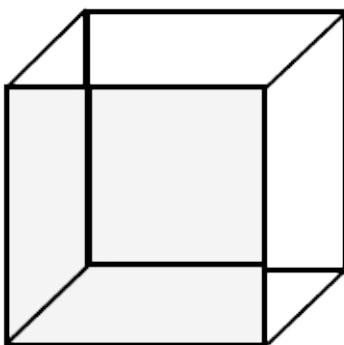
– Вампиры? Не знаю. Вчера первого увидел.

– И?

– Трудно читается. Порой кажется, что он не осознает происходящее вокруг, словно... уходит в свой воображаемый мирок.

– Еще как осознает! Эти твари такие сообразительные, что дрожь пробирает. Ты знаешь, что они могут одновременно удерживать в сознании оба аспекта кубов Неккера?

Термин показался знакомым. Я запросил подсказку и увидел миниатюру знакомой проволоочной рамки:

Теперь я вспомнил: классическая зрительная иллюзия. Иногда заштрихованной кажется передняя сторона, иногда – задняя. Куб переворачивается в зависимости от взгляда.

– Мы с тобой видим куб или так, или иначе, – продолжил Пат. – Упыри видят его обоими способами одновременно. Представляешь, какое это им дает преимущество?

– Недостаточное.

– Туше! Но, послушай, они не виноваты, что в малых популяциях нейтральные признаки фиксируются.

– Я бы не назвал крестовый глюк нейтральным признаком.

– Поначалу он был именно таким. Много ли прямых углов ты видишь в природе? – Паг махнул рукой. – Хотя не в них дело. Суть в том, что они способны на то, что для нас, людей, неврологически невозможно. Скажем, одновременно воспринимать множественные картины мира. То, что мы вынуждены прорабатывать шаг за шагом, вампы замечают с первого взгляда, им не нужно об этом думать. Ты ведь знаешь, что ни один обычный человек из исходников не сможет с ходу перечислить все простые числа между единицей и миллиардом? В старые времена на такое были способны только редкие аутисты.

– Он никогда не пользуется прошедшим временем, – пробормотал я.

– А? Это... – Паг кивнул. – Вампиры не воспринимают прошедшего времени. Для них это другая ветка реальности. Они не вспоминают прошлое, а переживают его заново.

– Вроде явственных воспоминаний после травмы?

– Только без травмы, – Роберт поморщился. – По крайней мере для них.

– Выходит, это твой нынешний конек? Вампиры?

– Стручок, вампиры сейчас – Конек с большой буквы «ка» для любого, у кого в резюме есть хотя бы одна приставка «нейро». Я лишь делал пару статей по гистологии. Рецепторы распознавания образов, светоизбирательные фоторецепторы, фильтры информационного приоритета^[18]. В общем, про их глаза.

– Ага, – я колебался. – Выводят из равновесия, знаешь ли.

– А то! – Паг понимающе кивнул. – Это их тапетум^[19] дает такой отблеск... Жуть!

Он помотал головой, явно впечатленный моим замечанием.

– Ты не видел их живьем, – заключил я.

– В смысле во плоти? Да я бы отдал за это левое яйцо. А что?

– Дело не в свечении. А в... – Я поискал подходящее слово: – В отношении.

– Ага, – согласился Паг, помолчав. – Пожалуй, иной раз своими глазами не увидишь – не поймешь, да? Поэтому я тебе и завидую, Стручок.

– Зря.

– Не зря! Даже если ты не встретишься с теми, кто послал светлячков, у тебя будет возможность понаблюдать этого... Сарастии, да?

– Впустую. В моем резюме все «нейро» стоят в графе «история болезни».

Роберт рассмеялся.

– Ну, в общем, как я сказал – увидел твоё имя в заголовках и решил: старику через пару месяцев вылетать, и, наверное, не стоит ждать, что он сам позвонит.

С нашего последнего разговора прошло больше двух лет.

– Не думал о том, что пробьюсь, кстати. Решил, ты занес меня в «черный список».

– Нет. Мысли такой не было, – уверил его я.

Паг опустил глаза, затих, но потом пробормотал:

– Мог бы ей позвонить.

– Знаю.

– Она умирала. Ты бы мог...

– Не было времени.

Паг решил проглотить мое неприкрытое вранье и просто сказал:

– В общем, я хотел пожелать тебе удачи.

Что тоже не до конца было правдой.

– Спасибо. Ценю.

– Надери пришельцам задницы! Если они у них есть.

– Нас будет пятеро, Паг. Вместе с дублерами девять человек. На армию не похоже.

– Просто фигура речи, мой млекопитающий брат. Тогда зарой топор войны. Не пускай торпеды. Успокой дракона.

«Подними белый флаг», – подумал я.

– Ты, наверное, очень занят, – заметил он, – я...

– Слушай, хочешь встретиться? В реале. Я давно не был в «КуБите».

– Я бы с радостью, Стручок. Только сейчас в Манкойе, на семинаре по углубленному анализу.

– Ты хочешь сказать – физически?

– Передовые разработки. Старая школа, привычка...

– Жалко.

– В общем, оставлю я тебя. Просто хотел... ну понимаешь...

– Спасибо, – повторил я.

– Ну ты понял. Пока, – заключил он.

Для чего, если разобраться, Роберт Паглиньо мне и звонил: он не рассчитывал на «следующий раз».

* * *

Паг винил меня за то, что с Челси так вышло. И поделом! Я винил его за то, что с ней все началось.

Он занялся нейроэкономикой, как минимум, потому, что друг детства прямо у него на глазах превратился в человека-стручка. Я подался в синтез примерно по той же причине. Наши пути разошлись, и мы не часто встречались во плоти, но и через двадцать лет после того, как я ради него избил тех пацанов, Роберт Паглиньо оставался моим лучшим и единственным другом.

– Тебе надо оттаять, – как-то сказал он мне. – И я знаю женщину с подходящими прихватками для духовки.

– Это, пожалуй, самая скверная метафора в истории человеческого языка, – заметил я.

– Seriously, она тебе под стать. Вроде противовеса – сдвинет ближе к статистической норме, понимаешь?

– Нет, Паг, не понимаю. Кто она – тоже нейроэкономист?

– Нейрокосметолог, – поправил он.

– На них еще есть спрос? – Я сильно удивился: зачем платить за то, чтобы увеличить совместимость со своей «второй половиной», когда само понятие «вторая половина» вышло из моды?

– Небольшой, – признался Паг. – Вообще-то она сидит почти без работы. Но инструменты еще при ней, старина! Очень тигмотактичная ^[20] девочка. Предпочитает общаться лицом к лицу и во плоти.

– Не знаю, Паг. Слишком смахивает на работу.

– Это не твоя работа. С ней всяко будет полегче, чем с этими чертовыми композитниками, которых ты переводишь. Умница, красавица, да и вполне нормальная, если не считать заморочек по поводу личного общения. А это не столько извращение, сколько милый фетиш. И в твоём случае он может дать лечебный эффект.

– Если бы я хотел лечиться, то обратился бы к психиатру.

– По правде сказать, этим она тоже подрабатывает.

– Да? – И, против воли: – Получается?

Паг смерил меня взглядом.

– Тебе не поможет. Да и не в том дело. Я просто прикинул, что вы двое должны сойтись. Челси – одна из немногих, кого с ходу не оттолкнут твои интимные проблемы.

– В наше время у всех интимные проблемы, если ты не заметил.

Как тут не заметишь: население уменьшается не первый десяток лет.

– Это был эвфемизм. Я имел в виду твою антипатию к контакту с людьми вообще.

– Называть тебя человеком – уже эвфемизм?

Он ухмыльнулся:

– Тут другое. Мы с тобой давно друг друга знаем.

– Спасибо, но нет.

– Поздно, она уже едет на место вашей встречи.

– Место на... Паг, ты жопа!

– Глубокая.

В результате неожиданно для себя я оказался на свидании, такая неприятная близость совсем не радовала. В коктейль-баре отеля «Бесс и медведь» слабое рассеянное сияние сочилось из-под кресел и столешниц; цветовая гамма сползала – по крайней мере, тем вечером – в длинные волны. В таких местах исходники могут делать вид, что видят инфракрасный свет. Так поступил и я, разглядывая женщину за столиком в углу: долговязую и роскошную. С полдюжины кровей слилось в ней так, что ни одна не забивала остальные. На щеке что-то мерцало слабым

изумрудным стаккато на плавном фоне красного смещения. Волосы угольным облаком колыхались в воздухе. Подойдя, я заметил в толще нимба металлические искры и нити электростатического генератора, создающего иллюзию невесомости. В нормальной обстановке ее кроваво-красная кожа приобрела бы модный карамельный оттенок бесстыдного смешения племен.

Она была привлекательна, но в таком освещении это нетрудно: чем длиннее световые волны, тем более размыто изображение. На траходромах нарочно не ставят флуоресцентные лампы.

«Ты на это не купишься», – сказал я себе.

– Челси, – представилась она. Ее мизинец упирался в зарядник, встроенный в столешницу. – Бывший нейрокосметолог, а ныне паразит на теле мировой экономики – спасибо генетике и чудесам новых технологий.

На ее щеке лениво взмахивал яркими крыльями отсвет: биолюминесцентная татуировка-бабочка.

– Сири, – отозвался я. – Синтет-фрилансер, крепостной на службе генетики и технологий, превративших тебя в паразита.

Она взмахом руки указала на пустовавшее рядом сиденье. Я принял приглашение, оценивая представшую передо мной систему и прикидывая лучший способ быстро, но дипломатично разорвать контакт. Изгиб ее плеч подсказывал, что она обожает светопись и стесняется в этом признаться. Любимым художником Челси был Монаган. Она считала себя «естественной» девушкой, потому что много лет сидела на химических либидниках, хотя проще было бы сделать нейрокорректуру. Втайне она наслаждалась своей противоречивостью: на работе Челси правила людям мысли, но одновременно верила в дегуманизирующее влияние телефонов. От рождения Челси была привязчива и страшно боялась безответной привязанности, хотя упрямо отказывалась поддаться своим страхам.

Ей нравилось то, что она увидела во мне. И немного пугало.

– Хорошая здесь дурь, – Челси показала на мой край стола. В кровавом свете тачпады мерцали нестройной синевой, будто отпечатки распластанных ладоней. – Лишняя феноксигруппа или что-то в этом роде.

Типовые нейропрепараты на меня почти не действуют: они оптимизированы для людей, у которых в черепе больше серого вещества. Я для виду потыкал тачпад и едва ощутил приход.

– Итак, синтет. Значит, объясняем безразличным непостижимое.

Я послушно улыбнулся:

– Скорее, наводим мосты. Между теми, кто совершает открытия, и теми, кто получает за это награду.

Она улыбнулась в ответ.

– Как это у вас получается? У ваших подопечных и лобные доли оптимизированы, модернизаций куча... Я хочу сказать, если они непостижимы, то как же вам все-таки удастся их понять?

– Помогает, когда не понимаешь вообще всех. Набираешься опыта.

Вот так, это должно немного увеличить дистанцию.

Не помогло... Она решила, что я шучу. Я видел, как ей хочется узнать подробности о моей работе, потом обо мне, а это могло привести...

– Расскажи, – вкрадчиво поинтересовался я, – каково это – зарабатывать на жизнь перепайкой чужих мозгов.

Челси поморщилась; бабочка на щеке нервно затрепетала, ее крылья разгорелись.

– Господи, ты так говоришь, будто мы из них делаем зомби или что похуже. Так, мелкая корректировка, в основном: поменять музыкальные или кулинарные пристрастия, оптимизировать супружескую совместимость. Все обратимо.

– Таблетками не получается?

– Нет. Слишком много приобретенных отличий в строении нервной системы. Мы делаем очень тонкую настройку. И не всегда занимаемся микрохирургией или синапсы поджариваем. Удивишься, сколько всего можно перепаять без всяких операций. Можно запустить самые разные каскады, проигрывая определенные звуки в нужной последовательности или показывая изображения в сочетании правильной геометрии и эмоций.

– Новая методика, полагаю?

– Не совсем. Ритм и музыка опираются на тот же принцип. Мы просто превратили искусство в науку.

– Да, но когда?

Без сомнения, недавно. Максимум лет двадцать назад.

– Роберт рассказывал мне о твоей операции. – Она внезапно понизила голос. – Какая-то форма вирусной эпилепсии, правильно? Когда ты был совсем малышом.

Я никогда не просил его держать мою историю в тайне. Какая разница, в конце концов? Я ведь полностью выздоровел. Кроме того, Паг до сих пор убежден, что она случилась с кем-то другим.

– Я подробностей не знаю, – мягко продолжила Челси, – но, судя по всему, неинвазивные методы не сработали бы. Я уверена, у врачей не было другого выхода.

Я попытался подавить мысль и не смог: «Она мне нравится». И тогда почувствовал какое-то незнакомое ощущение, как будто спина

расслабилась. Кресло почему-то показалось мне удобнее.

– В общем... – Мое молчание выбило ее из колеи. – Я почти не работаю с той поры, как из-под рынка вышибли опору. Зато из-за профессии приобрела устойчивую привычку к личным контактам, если понимаешь, о чем речь.

– Ага. Паг рассказывал, что ты занимаешься сексом не в виртуале.

Она кивнула:

– Да, я очень старомодная. Ты против?

Я не был уверен. В реале я оставался девственником. Хотя что-то еще связывало меня с цивилизованным обществом.

– В принципе, нет, наверное. Просто мне это кажется... Слишком большие усилия ради незначительной выгоды, понимаешь?

– Еще бы не понять, – она улыбнулась. – Любителей настоящего секса не заретушировать. У них есть всякие потребности и желания, которые не подкорректируешь. Можно ли винить людей, если они отказываются от такого теперь, когда появился выбор. Порой диву даешься, как наши родители вообще сошлись друг с другом...

«Порой диву даешься, почему они сразу не разбежались». Я все глубже погружался в кресло, изумляясь странному и непривычному ощущению. Челси говорила, что дофамин здесь модифицированный. Наверное, дело в нем.

Она склонилась вперед – без жеманства и кокетства, ни на миг не сводя с меня глаз. В длинноволновой мгле я чувствовал лимонный запах от смеси феромонов и химикатов на ее коже.

– Но есть и свои преимущества, когда освоишь азы, – проговорила она. – У тела долгая память. И... ты понимаешь, что у тебя под правой рукой ничего нет, а, Сири?

Я опустил глаза. Указательный палец левой руки поглаживал капельную губку с легким наркотиком, впитывающимся в кожу; правая же, стоило отвести взгляд, повторила это движение, бессмысленно постукивая ногтем по голой столешнице.

Я отдернул руку и признался:

– Небольшой двусторонний тик. Когда отвлекаюсь, тело принимает симметричную позу.

Я ждал шутки или хотя бы недоуменного движения брови. Но Челси кивнула и продолжила:

– Так что, если ты готов, я – тоже. Никогда раньше не путалась с синтетом.

– Можно и с жаргонавом. Я не гордый.

– Ты всегда точно знаешь, что сказать, – она склонила голову к плечу. – А что значит твое имя?

«Расслабленный» – вот правильное слово. Я чувствовал себя расслабленным.

– Не знаю. Просто имя.

– Этого мало. Если мы собираемся долго обмениваться жидкостями, тебе нужно осмысленное имя.

А мы, как я понял, собираемся. Это решила Челси, пока я витал в облаках. Можно было осадить ее, сказав, что это скверная идея, и извиниться за недопонимание. Но тогда начнутся оскорбленные взгляды, раненые чувства и обиды. В конце концов, если я не был готов, за каким чертом приперся?

Она показалась мне милой, и я не хотел ее обижать. «Ненадолго, – сказал я себе. – Это будет интересный опыт».

– Я буду звать тебя Лебедем, – решила Челси.

– Как большую белую птицу? – уточнил я.

Немножко претенциозно, но могло быть хуже.

Она покачала головой:

– Как черную дыру «Лебедь X-1».

Я специально нахмурился, но совершенно точно понял, что она имеет в виду: темный массивный предмет, пожирающий свет и разрушающий все на своем пути.

– Спасибо огромное, блин. За что?

– Не знаю. В тебе есть что-то мрачное, – Челси пожала плечами и широко улыбнулась. – Но привлекательное. А если дашь чуть-чуть себя подкорректировать, зуб даю, вся твоя суровость исчезнет.

Позднее Паг с неохотой признал, что от этих слов мне стоило настроиться. Век живи – век учись.

* * *

Вожаки – это фантазеры со слабо развитым инстинктом самосохранения и полным отсутствием адекватной оценки ситуации.

Роберт Джарвик^[21]

Наш разведчик падал на орбиту, неотрывно глядя на Большого Бена. Мы летели по той же траектории с отставанием на несколько дней, не сводя глаз с зонда. И все мы сидели в чреве «Тезей», пока система закачивала данные телеметрии к нам в имплантаты. Незаменимые, важнейшие, критически необходимые – в ходе первого подлета нас с таким же успехом мог заменить балласт.

Мы пересекли рэлеевскую границу. «Тезей» прищурился и в слабом эмиссионном излучении различил блудный объект галактического гало – ошметок давно забытой галактики Большого Пса, которую Млечный Путь затянул под колеса и размазал по «асфальту» несчетные миллиарды лет назад. Мы приближались к небесному телу, зародившемуся за пределами нашей звездной системы.

Зонд неся вниз и вглубь. Он подобрался к планете достаточно близко, чтобы задействовать усиление четкости. Поверхность Бена высветлилась бурлящим парфе сверхконтрастных полос на алмазно-четком звездном фоне. Что-то посверкивало внизу: слабые искры среди бесконечных туч.

– Молнии? – предположила Джеймс.

Шпиндель покачал головой:

– Метеориты. Должно быть, в окрестностях полно гальки.

– Цвет не тот, – возразил Сараста.

Физически его не было с нами: вампир сидел в своей палатке, подключившись к Капитану. Но КонСенсус позволял ему присутствовать в любом помещении корабля.

В мои имплантаты лилась морфометрия: масса, диаметр, средняя плотность. Сутки Бена длились семь часов двенадцать минут. Вокруг экватора, в полумиллионе километров над верхушками облаков начинался массивный и протяженный аккреционный пояс^[22], по форме напоминавший скорее бублик, чем плоское кольцо: вероятно, перемолотые тушки раскрошенных в пыль лун.

– Метеориты, – Шпиндель ухмыльнулся. – Я же говорил.

Похоже, что он был прав. Булавочные искорки размазались в яркие эфемерные дефисы, расчертившие атмосферу. Ближе к полюсам в облачных слоях изредка тускло вспыхивали электрические разряды.

Слабое радиоизлучение, пики на волнах 31 и 400 метров. Экзосфера из метана и аммиака; в изобилии литий, вода, угарный газ. В рваных тучах с ними смешиваются сульфид аммония и галиды щелочных металлов. В верхних слоях атмосферы – атомарные щелочные металлы. К этому времени такие детали улавливал даже «Тезей», но зонд подобрался так близко, что можно было различить подробности: бурыми пластами туч под

ним клубился уже не диск, а темная выпуклая стена, в толще которой просвечивали слабые линии антрацена и пирена.

Мириады огненных следов от метеоров опалили лик Большого Бена прямо на наших глазах. На миг показалось, что в центре огонька я вижу крошечную черную пылинку, но изображение внезапно исполосовали помехи. Бейтс вполголоса выругалась. Картинка размазалась, но, когда зонд перешел на другие частоты, стала отчетливее: не в силах перекричать длинноволновой гам, система переключилась на лазерную связь.

И все равно сигнал заикался. По идее держать его на одной линии было очень просто: «Тезей» и зонд двигались по одинаковым параболическим траекториям, а их взаимное положение можно было точно предсказать в любой момент времени. Однако инверсионный след метеора плясал и скользил по экрану, будто прицел лазерного луча постоянно сбивали крошечные толчки. Раскаленный газ размывал детали. Сомневаюсь, что даже на совершенно неподвижной картинке человеческий глаз мог бы заметить тут какие-то четкие контуры. И все же... Было что-то неправильное в этой крошечной черной точке в сердце гаснущего огонька. Почему-то примитивный отдел моего мозга отказывался признать ее естественной.

Изображение снова дернулось, захлебнулось темнотой и не вернулось.

– Зонд сдох, – сообщила Бейтс. – Поджарило последним пиком. Похоже, натолкнулся на спираль Паркера^[23], еще и на сильном ветру.

Мне даже подсказки не понадобилось вызывать. По выражению ее лица и внезапно прорезавшим переносицу складкам было ясно: речь идет о магнитных полях.

– Это... – начала она и осеклась, когда в Консенсусе выскочили цифры: 11,2 тесла^[24].

– Твою мать, – прошептал Шпиндель. – Точно, что ли?

Сарастии издал несколько щелчков – из глубины глотки и корабельных недр. Спустя мгновение он передал нам повтор последних секунд телеметрии: увеличенных, приглаженных, с усиленной контрастностью во всех диапазонах, от видимого света до инфракрасной области. Вот тот же темный осколок, окутанный огнем, а вот полыхающий за ним инверсионный след. Пламя угасало по мере того, как объект отскочил от плотных слоев атмосферы вниз и стал снова набирать высоту. За несколько секунд тепловой след полностью погас. Горевший в центре него предмет тлеющим угольком поднимался обратно на орбиту. На его носу, точно пасть, зияла гигантская воронка. Распухшее брюхо уродовали куцы

плавники.

Бен колыхнулся, и все повторилось.

– Метеориты? – сухо съязвила Бейтс.

Никакого понятия о масштабе происходящего картинка не давала.

Эта штука могла быть величиной с муху, а могла – с астероид.

– Размер? – прошептал я за полсекунды до того, как ответ появился перед глазами: четыреста метров по большой оси.

Мы снова смотрели на Большого Бена с безопасного расстояния – темный, мутный диск в носовом видоискателе «Тезей». Но я помнил крупный план: шар, искрящийся черно-серыми огнями; исполосованное шрамами, рябое лицо, бесконечно истерзанное и постоянно исцеляющееся.

Этих штукovin там были тысячи.

«Тезей» содрогнулся по всей длине. То был всего лишь тормозной импульс, но на секунду мне показалось, что я понимаю, каково ему.

* * *

Мы с огромной осторожностью двигались вперед.

С помощью импульса, длящегося девяносто восемь секунд, «Тезей» оторвался от сосца и вышел на широкую дугу, которая при незначительном усилии могла превратиться в замкнутую орбиту или в спешный облет по гиперболе – если местность окажется слишком недружелюбной. Незримый луч «Икара» уплывал прочь по левому борту, расточая неистощимый поток энергии в пустоту. Наш зонтик толщиной с молекулу и размером с город свернулся и сам себя упаковал – до поры, когда корабль снова проголодается. Запасы антиматерии тут же начали таять, и в этот раз мы были живы, пришлось наблюдать за процессом. Пусть потери оказались незначительными, но убывающие цифры на экране все равно тревожили.

Мы могли остаться на помочах и подвесить буюк в телепортационном луче, чтобы тот ретранслировал энергию прямо на корабль.

Сьюзен Джеймс поинтересовалась, почему мы так не сделали.

– Слишком рискованно, – ответил Сараста, но уточнять не стал.

Шпиндель наклонился к Джеймс:

– Ну зачем подставлять им лишнюю мишень, а?

Но мы отправляли вперед зонд за зондом, быстро, с силой сплевывали их, не давая горючего ни на что, кроме торопливого пролета и самоуничтожения. Разведчики не сводили глаз с круживших над Большим Беном аппаратов. «Тезей» издали рассматривал их собственными

немигающими и острыми очами. Если ныряльщики, которых мы засекли, и ведали о нашем присутствии, то напрочь его игнорировали: мы следили за ними с дистанции подлета; наблюдали, как они петляют и пикируют по миллиону парабол, под миллионом разных углов. Они никогда не сталкивались – ни друг с другом, ни с каменной лавиной, рокочущей по экватору Бена. На каждом перигее окунались в атмосферу, там вспыхивали, сбрасывали скорость и на ракетной тяге вылетали обратно в космос, сияя остаточным жаром на воздухозаборниках.

Бейтс выхватила кадр из КонСенсуса, отчеркнула главное на переднем конце объекта и вынесла приговор:

– Скрэмджет^[25].

Меньше чем за два дня мы насчитали больше четырехсот тысяч аппаратов и, судя по всему, засекли почти всех, так как потом частота появления новых объектов сошла на нет, а их общее количество приблизилось к некой асимптоте. Большинство вращались на короткопериодических орбитах, но Сараста спроектировал модель частотности распределения, согласно которой дальние объекты добирались чуть ли не до Плутона. Даже если бы мы болтались в окрестностях годы, то все равно временами сталкивались бы со свежими брюхоглотами, вернувшимися из затяжной командировки в бездну.

– Самые быстрые на крутом повороте держат за полсотни «же», – обратил внимание Шпиндель. – Мясу такое не сдюжить. Беспилотники.

– Мясо можно укрепить, – заметил Сараста.

– Если в органике будет столько арматуры, то можно не заниматься казуистикой и честно назвать это техникой.

Морфометрические показатели оказались абсолютно идентичны. Четыреста тысяч совершенно одинаковых ныряльщиков. Если в этом стаде и заправлял свой альфа-самец, на вид его было не отличить.

Однажды ночью – в том смысле, в каком на борту могла быть ночь, – я вышел к наблюдательному блистеру на слабый вой терзаемой электроники. Там парил Шпиндель, наблюдал за скиммерами^[26] – так мы их прозвали. Он затворил броневые створки, скрыв звезды, и на их месте построил маленькую аналитическую берлогу: по внутренней поверхности свода рассыпались графики и окошки, будто не вмещаясь в виртуальное пространство под черепом Шпинделя.

Тактические диаграммы освещали биолога со всех сторон, превращая тело в яркий витраж из мерцающих татуировок. Человек в картинках.

– Заглянуть можно? – спросил я.

Он хмыкнул: мол, да, но особо не настаивай. В пузыре как будто шуршал проливной дождь помех, заглушаемый привлечшим меня визгом.

– Что это?

– Магнитосфера Бена, – он не оглянулся. – Здорово, а?

Синтеты на работе своего мнения не имеют; это сводит к минимуму влияние наблюдателя. В тот раз я позволил себе маленькую слабость.

– Помехи хорошо шумят. А без скрипа можно обойтись?

– Шутишь? Это же музыка сфер, комиссар. Она прекрасна, как старый джаз!

– Джаз я тоже никогда не понимал.

Шпиндель пожал плечами и убил верхние частоты, оставив только шорох дождя. Подергивающийся от тика глаз Исаака задержался на замысловатой диаграмме.

– Хочешь ударную тему для своих заметок?

– Конечно.

– Лови.

Он ткнул пальцем – и свет радугой блеснул на сенсорной перчатке, словно на крыле стрекозы: спектр поглощения, раз за разом выводимый на дисплей. Яркие пики взмывали и опадали с пятнадцатисекундным интервалом.

Подсказки не дали ничего, кроме длин волн в ангстремах.

– Что это?

– Скиммеры, когда ныряют, пускают газы. Эти сволочи сбрасывают в атмосферу сложную органику.

– Насколько сложную?

– Пока трудно сказать. Следы слабые, рассеиваются в два счета. Но, как минимум, сахара и аминокислоты. Может, белки. Или еще что посложнее.

– Может, жизнь? Микробы? Инопланетный проект терраформирования...

– Смотря как определять жизнь, – заметил Шпиндель. – Там даже дейнококк^[27] долго не продержится. Но атмосфера большая. Если ребята решили переработать ее с помощью прямых прививок, то, надеюсь, они не очень торопятся.

А если торопятся, работа шла бы намного быстрее с использованием саморазмножающейся затравки.

– На мой взгляд, смахивает на жизнь.

– Больше похоже на распыление удобрений. Засранцы превращают всю планету в рисовое поле размером с Юпитер, – он жутковато

ухмыльнулся. – У кого-то ба-а-а-алыной аппетит, а? Невольно начинаешь думать, может, нас уже взяли числом.

* * *

На следующем собрании обсуждали только информацию Шпинделя. Итог подвел вампир.

– Самореплицирующиеся фон-нейманы, г-селекция^[28], – наглядные пособия плясали на столе. – Семена всплывают и прорастают скиммерами, те, в свою очередь, собирают сырье в аккреционном поясе. Орбиты плывут немного, пояс еще не устоялся.

– А где первоисточник? – заметил Шпиндель. – Никаких следов фабрики по их производству?

Сараста покачал головой:

– Может, она разбирается. Идет на материалы. Или стадо прекращает размножение, достигнув определенной численности.

– Это всего лишь бульдозеры, – напомнила Бейтс. – Будут и жильцы.

– И, похоже, немало, – добавил Шпиндель. – Мы тут, если чего, и пикнуть не успеем.

– Да они могут еще лет через сто прилететь, – вставила ноту скепсиса Джеймс.

Сараста пощелкал языком.

– По-вашему, именно эти устройства строят светлячков? Объект Бернса – Колфилда?

Вопрос был риторический, но Шпиндель все равно ответил:

– Не представляю, как.

– Значит, этим занимается кто-то другой. И он уже здесь.

Все замолчали. Графы Джеймс плыли и тасовались в тишине; когда она снова открыла рот, на поверхность сознания загадочным образом всплыла ее более молодая ипостась:

– Если они решили устроиться в таком месте, их среда обитания совершенно не похожа на нашу. Это обнадеживает.

Синестет по имени Мишель.

– Белки, – глаза Сараста скрывались за черным визором. – Биохимическая совместимость. Они могут нами питаться.

– Кем бы ни были эти существа, они даже не нуждаются в солнечном свете. Нет соперничества за территории и ресурсы, а значит, и основы для конфликта. Нет никакой причины, по которой мы не смогли бы

договориться!

– С другой стороны, – заметил Шпиндель, – технология предполагает агрессию.

Мишель тихо фыркнула:

– Если верить хунте историков-теоретиков, которые никогда в жизни не встречали инопланетян, то да. Может, сейчас нам удастся посадить их в лужу.

В следующий миг она исчезла, проявление смело, как листья на ветру, и его место заняла Сьюзен Джеймс со словами:

– Почему бы нам просто не спросить у них?

– Спросить? – повторила за ней Бейтс.

– Внизу четыреста тысяч роботов. Откуда мы знаем, что они не умеют разговаривать?

– Мы бы услышали, – объяснил Шпиндель. – Это беспилотники.

– Пингануть можно. Особого вреда от этого не будет. Уверенности ради.

– Даже если они разумны, нет ни малейшего повода ждать, что они ответят. Язык и интеллект не так четко коррелируют даже на Зе...

Джеймс закатила глаза:

– Ну почему хотя бы не попробовать?! Мы же явились сюда ради этого. Во всяком случае, я. Дать этот чертов сигнал, и все!

После недолгой паузы эстафету подхватила Бейтс:

– Сюз, с точки зрения теории игр, затея скверная.

– С точки зрения теории игр! – В устах Джеймс это прозвучало как ругательство.

– Лучшая стратегия – зуб за зуб. Они пингуют нас – мы пингуем в ответ. Сейчас мяч на их стороне поля, и если мы отправим еще один сигнал, то можем слишком много выдать.

– Я знаю правила, Аманда. По ним выходит, что, если другая сторона не возьмет инициативу на себя, мы будем игнорировать друг друга до конца миссии, потому что теория игр запрещает унижаться.

– Это правило работает, только когда имеешь дело с неизвестным игроком, – объяснила майор. – Чем больше мы узнаем, тем больше у нас появится вариантов.

Джеймс вздохнула.

– Просто... вы все почему-то предполагаете, что они враждебны. Словно нам достаточно что-нибудь передать им по радио, и они на нас набросятся.

Бейтс пожала плечами:

– Осторожность вполне уместна. Пускай я вояка, но не хочу сердить ребят, которые скачут от звезды к звезде и терраформируют коричневых карликов. Никому здесь не надо напоминать, что «Тезей» – не боевой корабль.

Она сказала «никому», а имела в виду Сарасту. Тот, сосредоточившись на своих целях, не ответил. По крайней мере вслух. Его профили изъяснялись другим, неслышным языком и говорили: «Пока нет».

* * *

Бейтс, кстати, была права. Официально «Тезей» проектировался для разведки – не для боя. Несомненно, наши хозяева предпочли бы нагрузить его не только научным оборудованием, но и ионными пушками да ядерными бомбами, но даже теленигилиянионный топливопровод не мог нарушить третий закон Ньютона. Вооруженный прототип пришлось бы разрабатывать очень долго; из-за тяжелой артиллерии, более массивный, он бы разгонялся намного дольше. «Время важнее оружия!» – решили наши господа. Если будет время, то фабрикаторы при необходимости могут построить почти все, что нам нужно. Правда, с нуля воссоздать ионное орудие быстро не получится, и сырье, возможно, придется добывать на астероиде поблизости. Но мы справились бы. Если наши противники согласятся обождать – ради честной игры.

Однако, каковы шансы, что наше лучшее оружие окажется эффективным против интеллекта, сотворившего Огнепад? Если неведомые создатели светлячков враждебны, нам конец, как ни старайся. Пришельцы технологически развиты, и были те, кто заверял, что это по определению делает их враждебными. Технология подразумевает агрессию.

Здесь, пожалуй, требуется пояснение, хотя сейчас оно к делу не относится. После стольких лет немудрено и забыть, с чего все началось...

Жили-были три племени. Оптимисты, чьими святыми покровителями были Саган и Дрейк, верили во Вселенную, кишашую благодушными аборигенами; в духовное братство, которое выше и просвещеннее нас; в великое Галактическое содружество, куда когда-нибудь войдем и мы. «Без сомнения, – говорили Оптимисты, – космические перелеты предполагают миролюбие, ибо требуют контроля над разрушительными силами. Любая раса, не способная подняться над собственными скотскими инстинктами, самоуничтожится задолго до того, как ей будет под силу преодолеть

межзвездные бездны».

Напротив Оптимистов жили Пессимисты, преклонявшие колени пред идолищем святого Ферми и сворою его малых присных. Им виделась безлюдная Вселенная, полная мертвых скал и прокариотической слизи. «Шансы очень малы, – настаивали они. – Слишком много блудных планет, слишком высока радиация, а эксцентриситет огромного количества орбит слишком велик. Сам факт существования Земли – это исключительное чудо. Надеяться на их множество – значит оставить рассудок и предаться шаманскому безумию». В конце концов, Вселенной четырнадцать миллиардов лет: если бы в Галактике зародился не один разум, разве его представители не были бы уже рядом с нами?

На равном отдалении от тех и других обитали Историки. Они не слишком задумывались над возможным появлением разумных инопланетян из дальнего космоса. «Если такие и существуют, – говорили Историки, – пришельцы будут не просто умны, а опасны». Такой вывод может показаться очевидным. Что есть история человечества, как не последовательное движение новых технологий, попирающих старые железной пятой? Но в данном случае речь шла не об истории человечества и не о бесчестных преимуществах, которые орудия давали одной из сторон; угнетенные подхватывают совершенное средство уничтожения так же охотно, как угнетатели, – дай им только полшанса! Вопрос заключался в том, откуда вообще взялись орудия, и для чего они нужны.

С точки зрения Историков, орудия создавались с единственной целью: придать сущему противоестественные формы. С природой обращались как с врагом, орудия по определению – мятеж против натуры вещей. Технология не выживает и не развивается в благоприятной среде и в культурах, основанных на вере в естественную гармонию. Зачем изобретать термоядерные реакторы, если климат прекрасен, а пища изобильна? Зачем строить крепости, когда нет врагов? Зачем насиловать мир, не представляющий угрозы?

Не так давно человеческая цивилизация могла похвастаться множеством ветвей. Даже в XXI веке отдельные изолированные племена едва додумались до каменных орудий. Некоторые застопорились на сельском хозяйстве. Другие не унимались, пока не покончили с самой природой, третьи – пока не построили города в космосе.

Однако все мы рано или поздно успокаивались. Каждая новая технология стаптывала менее совершенные, карабкаясь к некоей асимптоте довольства, пока не замирала – пока моя родная мать не улеглась личинкой в медовые соты под уход механических рук, лишенная воли к борьбе из-за

собственной удовлетворенности.

Вот только история не утверждала, что все должны остановиться вместе с нами. Она лишь предполагала, что остановившиеся переставали бороться за выживание. Могут быть и другие, адские миры, где лучшие творения человечества рассыпались бы, а среда продолжала оставаться врагом; где выживали те, кто сопротивлялся ей острой лопатой и прочной державой. Угроза, которую представляет такая среда, не может быть примитивной. Суровый климат и стихийные бедствия или убивают тебя, или нет, но, если их себе подчинить или же к ним приспособиться, они уходят с повестки дня. Единственные факторы среды, которые никогда не теряют значения, – это те, что сопротивляются: новым подходам противопоставляют наиновейшие, заставляют противника брать невероятные вершины исключительно ради выживания. В конечном итоге единственный настоящий враг – враг разумный.

А раз лучшие игрушки оказываются в руках у тех, кто никогда не забывает, что жизнь – это война против наделенного разумом противника, что это говорит о племени, чьи машины путешествуют меж звезд?

Резонный довод. Вероятно, он даже принес бы Историкам победу в споре, если бы такие дискуссии когда-либо разрешались на основе аргументов. Заскучавшая аудитория присудила Ферми победу по очкам. Но парадигма Историков была слишком страшна и дарвинистична для народа. Кроме того, интерес пропал. Даже запоздавшие сенсации обсерватории Кэссиди ничего не изменили. Ну и что, если на каком-то шарике в окрестностях Большой Медведицы атмосфера содержит кислород? До него сорок три световых года и планета молчит! Если тебе нужны летающие шандалы и мессии со звезд, на Небесах этого добра навалом. Если нужен тестостерон и стрелковая практика, можно выбрать посмертие, полное злобных инопланетных тварей со сбитым прицелом. Если же сама мысль о нечеловеческом разуме угрожает твоему мировоззрению, можно исследовать виртуальную галактику бесхозной недвижимости, только и ждущей случайно проходящих мимо богобоязненных паломников с Земли.

И все это рядом, по другую сторону спинномозговой розетки, которую легко вставить за четверть часа. Зачем тогда терпеть тесноту и вонь в реальном космическом перелете, чтобы навестить прудовую слизь на Европе? Так и случилось неизбежное: зародилось четвертое племя, небесное войско, восторжествовавшее над всеми. Племя, которому На Все Класть С Прибором. И, когда на Землю обрушились светлячки, оно не знало, что делать.

Поэтому послали вперед «Тезей», и – в запоздалом почтении к

мантрам Историков – вместе с нами отправили солдата (на всякий случай). Было крайне маловероятно, что хотя бы одно дитя Земли выстоит перед теми, кто преодолел межзвездные пространства, если пришельцы окажутся враждебны. И все же я чувствовал, что присутствие Бейтс успокаивает, по крайней мере, человеческую часть команды. Если придется идти врукопашную с недружелюбным тираннозавром, чей интеллект измеряется четырехзначными числами, не помешает иметь под рукой опытного солдата.

В худшем случае она сможет вырубить копье из ветки соседнего дерева.

* * *

– Богом клянусь, если нас всех сожрут инопланетяне, спасибо за это надо сказать секте теории игр, – выпалила Саша.

Она перекусывала на камбузе брикетом кускуса. Я наведалься туда за кофеином. Мы остались более-менее наедине: остальной экипаж разметало от купола до фабрики.

– Лингвисты ей не пользуются?

Некоторые, я знал, не испытывали по этому поводу проблем.

– Мы – нет. – «А остальные – шарлатаны».

– Беда с ней в том, что теория игр предполагает рациональную заинтересованность игроков. Но люди не ведут себя рационально.

– Раньше предполагала, – подтвердил я. – Сейчас учитывается влияние нейросоциологии.

– Нейросоциологии человека, – Саша отгрызла угол брикета и продолжила с набитым ртом: – Теория игр годится только на рациональных игроков вида *Homo sapiens*. Подумай, относится ли она хоть к кому-нибудь из наших новых знакомых?

Саша махнула рукой в сторону таящихся за корабельной обшивкой архетипических пришельцев.

– У нее есть ограничения, – признал я. – Но приходится пользоваться тем, что имеешь.

Саша фыркнула.

– То есть, если у тебя нет папки с чертежами, то дом своей мечты ты будешь строить по книге неприличных частушек?

– Может, и нет. Но мне теория игр пригодилась, – добавил я, поневоле оправдываясь. – В самых неожиданных областях.

– Да? Например.

– Дни рождения, – ответил я и сразу пожалел об этом.

Саша перестала жевать. В ее глазах что-то мимолетно блеснуло, словно другие личности наострили уши.

– Продолжай, – заинтересовалась она, и я почувствовал, что ко мне прислушивается вся Банда.

– Ничего особенного. Просто пример.

– Расскажи! – Саша вскинула голову Сьюзен.

Я пожал плечами. Не было смысла раздувать проблему.

– Ну, согласно теории игр, никому нельзя говорить, когда у тебя день рождения.

– Не понимаю.

– Проигрышная ситуация. Нет выигрышной стратегии.

– Что значит «стратегии»? Это же просто день рождения.

Челси, когда я пытался ей объяснить, сказала то же самое.

– Смотри, – говорил я, – предположим, ты всем рассказала, когда у тебя день рождения, и ничего не произошло. Это же оскорбительно.

– Или, предположим, тебе закатили вечеринку, – отозвалась тогда Челси.

– Но ты не знаешь, сделано это искренне или ты своим сообщением пристыдил знакомых, заставил отметить дату, на которую они иначе забили бы. Но, если ты никому не скажешь и никто не отметит твой день рождения, причин обижаться не будет, потому что никто ничего не знал. А если кто-нибудь все же поставит тебе выпивку, ты поймешь: это от чистого сердца. Ведь никто не станет тратить силы на то, чтобы выяснить, когда у тебя день рождения – а потом еще и отмечать его, – если только ты этим людям в самом деле небезразличен.

Конечно, Банда лучше воспринимала такие вещи. Мне не требовалось объяснять все словами, я мог просто обратиться к КонСенсусу и расчертить таблицу результатов: «сказать/не сказать» в столбцах, «отмечали/не отмечали» в строках, неоспоримая черно-белая логика затрат и выгод в самих ячейках. Расчет был неопровержим – единственной выигрышной стратегией являлось умолчание. Только дураки рассказывают про свой день рождения.

Саша покосилась на меня.

– Ты это еще кому-нибудь когда-нибудь показывал?

– Конечно. Своей девушке.

Ее брови поползли вверх.

– У тебя была девушка? Seriously?

Я кивнул:
– Когда-то.
– В смысле, после того как ты ей это показал?
– Ну... да.
– Ммм, – взгляд Саши скользнул обратно на таблицу результатов. – Чисто из любопытства, Сири: как она к этому отнеслась?
– Никак на самом деле. Поначалу. Потом... долго смеялась.
– Славная женщина. Лучше меня, – Саша покачала головой. – Я бы тебя тут же бросила.

* * *

Моя еженощная прогулка вдоль хребта корабля: восхитительный, дивный полет с единственной степенью свободы. Я проплывал сквозь люки и коридоры, раскидывал руки и кружил в ласковых циклонах вертушки. Бейтс носилась вокруг меня, отбивая отлетающий от переборок и контейнеров мячик, изгибаясь, чтобы поймать каждый крученный рикошет в кривом поле псевдотяготения. Потом ее игрушка отскочила от лестницы куда-то в сторону, и майорская ругань преследовала меня до самого игольного ушка, ведущего из склепа в рубку.

Я затормозил у самого порога, меня остановили негромкие звуки голосов.

– Конечно, они прекрасны, – пробормотал Шпиндель. – Это же звезды.
– И, подозреваю, ты хотел бы любоваться ими не в моем обществе, – отозвалась Джеймс.
– Твой номер второй. Но у меня свидание с Мишель.
– Она не предупредила.
– Она не обязана тебе докладывать. У нее спроси.
– Эй, это тело исправно принимает антисекс. А вот про твое не знаю.
– Не надо пошлить, Сюз. Эрос – не единственный вид любви, а? Древние греки признавали четыре.
– То-очно, – определенно сказала уже не Сьюзен. – Бери пример с компании педерастов.
– Саша, твою мать! Я всего-то прошу пару минут наедине с Мишель, пока надсмотрщик отвернулся...
– Изя, это и мое тело тоже. Хочешь и мне пыль в глаза пустить?
– Я хочу поговорить! Наедине. Я так много прошу?
Я услышал, как Саша втянула воздух. И как Мишель выдохнула.

– Извини. Ты знаешь Банду.

– Слава Богу! Всякий раз, как я прошу тебя отпустить, то как будто медосмотр прохожу.

– Тогда тебе повезло, ты им нравишься.

– По-моему, тебе пора устроить переворот.

– Ты всегда можешь подселиться к нам.

Послышался шорох нежного прикосновения.

– Ты как? – спросил Шпиндель. – В порядке?

– Неплохо. Кажется, привыкла заново жить. А ты?

– Я, сколько ни пролежу в гробу, так и останусь калекой.

– Ты молодец.

– Да ну? Мерси... Стараюсь.

Короткая пауза. Тихонько бурчит себе под нос «Тезей».

– Мама была права, – проговорила Мишель. – Они прекрасны.

– Что ты видишь, когда смотришь на них? – И, спохватившись: – Я хочу сказать...

– Они... колючие, – отозвалась Мишель. – Поверну голову – и словно ленты тоненьких иголочек прокатываются по коже. Но не больно, только щиплет. Почти как электричество. Приятно.

– Жалко, я так не умею.

– У тебя есть интерфейс. Просто подключи камеру вместо зрительной коры к теменной доле.

– И узнаю, как ощущает зрение машина, так? Не то, как его ощущаешь ты.

– Исаак Шпиндель, ты – романтик.

– Не-а.

– Ты не хочешь знать – ты хочешь сохранить тайну.

– Если ты не заметила, у нас на руках уже больше тайн, чем мы в состоянии удержать.

– Да, но с этим ничего не поделаешь.

– Как сказать... Глазом моргнуть не успеешь – и у нас будет работы по уши.

– Думаешь?

– Об заклад бьюсь, – отозвался Шпиндель. – Пока же мы только издали подглядывали, так? А вот когда спустимся и поворошим палкой, начнется самое интересное.

– Для тебя – может быть. В этой каше должно быть что-то живое, раз там столько органики.

– Само собой. Ты будешь с ними болтать, я – брать у них анализы.

– Может, и нет. Я что хочу сказать: мамуля в этом не признается никогда, но насчет языка ты в чем-то прав. По сути он – уловка, трюк. Все равно, что описывать сновидения дымовыми сигналами. Язык великолепен, благороден – ничего лучше человеческого тело, наверное, не может совершить. Однако нельзя без потерь превратить закат в цепочку похрюкиваний. Язык ограничивает. Может, те, кто обитает внизу, им вовсе не пользуются?

– Куда же они денутся?

– С каких пор такие мысли? Ведь ты обожаешь нам указывать, насколько неэффективная штука язык.

– Только когда пытаюсь тебя достать. Или достать до твоих прелестей. – Он усмехнулся собственной шутке. – А серьезно, чем еще они могут пользоваться? Телепатией? Мне кажется, ты охнуть не успеешь, как тебя иероглифами засыплет с головой. И что еще лучше, ты расколешь их в два счета.

– Ты такой милый... но вряд ли. Я даже Юкку через раз не могу расшифровать, – Мишель примолкла на секунду. – Временами он меня... ну... доводит.

– Тебя и еще семь миллиардов человек.

– Ага. Знаю, это глупо, но, когда его нет рядом, я краем глаза постоянно высматриваю, где он прячется. А когда он стоит прямо передо мной, мне хочется куда-нибудь убежать.

– Он же не виноват, что у нас от него мурашки по коже.

– Знаю. Но боевого духа это не прибавляет. Какому такому гению пришла в голову идея поставить тут главным вампира?

– А куда его еще девать? Или ты хочешь им командовать?

– Дело даже не в том, как он двигается, а в том, как говорит. Как-то совершенно неправильно.

– Ты же знаешь, он...

– Я не про настоящее время или смычные звуки. Юкка... ты же слышал, как он изъясняется. Кратко.

– Так эффективнее.

– Это напускное, Исаак. Он умнее всех нас, вместе взятых, а выражается порой так, будто его словарный запас состоит из полсотни слов, – она тихо фыркнула. – Одно-два прилагательных в месяц его не убили бы.

– А-а! Ты так говоришь потому, что ты – лингвист и не понимаешь, как можно не погрязнуть в красотах языка, – Шпиндель откашлялся с напускной серьезностью. – А вот я – биолог, и для меня все очевидно.

– Да ну? Тогда объясни мне, о мудрый и всеславный потрошитель лягушек!

– Все просто. Кровосос – мигрант, а не резидент.

– Что за... А, ты про косаток, да? Диалекты языка свистов?

– Я сказал – забудь про лингвистику и подумай об образе жизни. Резиденты питаются рыбой, так? Они тусуются большими стаями, на одном месте и постоянно треплются, – я уловил шорох движения и представил, как Шпиндель, склонившись, кладет руку на плечо Мишель. Как сенсоры в перчатках подсказывают ему, какова она на ощупь. – А вот мигранты жрут млекопитающих: тюленей, морских львов – сообразительную добычу. Достаточно сообразительную, чтобы смыться, услышав всплеск плавника или серию щелчков. Поэтому мигранты хитрят, охотятся маленькими группами по всей территории, а пасть держат на замке, чтобы никто не услышал их загодя.

– И Юкка – мигрант?

– Инстинкты этого парня требуют, чтобы он скрывался от добычи. Всякий раз, когда он открывает рот и позволяет себя заметить, ему приходится воевать с собственным спинным мозгом. Может, не стоит быть слишком суровыми к старику лишь потому, что он не лучший в мире демагог, а?

– Всякий раз на инструктаже он борется с желанием нас сожрать? Очень обнадеживает.

Шпиндель тихо рассмеялся.

– Не так все страшно. Думаю, наевшись, даже косатки расслабляются. Зачем таиться на полный желудок?

– Значит, он не сражается с собственным спинным мозгом, а просто не голоден.

– Одно другого не исключает. Знаешь, мозг никогда не спит. Но я тебе вот что скажу, – игривые нотки в голосе Шпинделя пропали. – Если Сараста решает провести совещание из своей каюты, меня это не напрягает. Но, если мы вообще перестанем с ним сталкиваться, тогда наступит пора держаться спиной к стене.

* * *

Вспоминая тот эпизод, могу, наконец, сознаться: я завидовал способности Шпинделя обращаться с дамами. Битый-резаный, неуклюжее чучело из судорог и спазмов, едва чувствующее собственную кожу, он

каким-то образом ухитрялся оставаться... обаятельным. Это самое точное слово! Данное качество устарело с точки зрения социальной необходимости, сошло на нет вместе с парным неvirtуальным сексом. Но последним даже я занимался, и было бы здорово при необходимости владеть самоуничижительным даром Шпинделя. Особенно когда наши с Челси отношения стали трещать по швам.

Конечно, у меня был свой стиль, я пытался казаться обаятельным на свой лад. Как-то после очередной ненужной ссоры по поводу честности и эмоциональной манипуляции я подумал, что легкое чувства юмора поможет загладить разрыв. Мне уже приходило в голову, что Челси просто не разбирается в межполовых отношениях. Да, она зарабатывала на жизнь коррекцией мозгов, но, скорее всего, лишь заучила схемы проводки, не задумываясь, откуда те появились и какие правила естественного отбора их сформировали. Возможно, Челси искренне не понимала, что мы с ней – эволюционные враги, и любые связи обречены рваться. Если бы я мог вложить это озарение в ее голову – очаровав, проскользнуть сквозь ее защиту – вероятно, мы смогли бы удержаться вместе.

Поразмыслив, я придумал идеальный способ просветить Челси. Написал сказку на ночь, обезоруживающую весельем и глубоким чувством, и назвал ее

Книга овогенеза.

В начале были гаметы. И хотя уже явилось половое размножение, пола не существовало, всякая жизнь пребывала в равновесии.

И сказал Бог: «Да будет Сперматозоид!» – и усохли одни половые клетки, и стали дешевы, и заполонили рынок.

И сказал Бог: «Да будет Яйцеклетка!» – и великим множеством напали Сперматозоиды на другие половые клетки. И плоды из них приносили немногие, ибо не заботился Сперматозоид о пропитании зиготы малой, и только самые запасливые Яйцеклетки были способны возместить недостачу. С течением времен они становились все больше.

И поместил Господь Яйцеклетки в утробу, и заповедовал: «Здесь пребывайте, ибо на недвижимость обрекла вас величина ваша. Так пусть же Сперматозоид стремится к вам в палатах ваших. Отныне да будете вы оплодотворяться внутренне», – и стало так.

И сказал Господь гаметам: «Плоды слияния вашего да обитают пусть во средах всяких и облик всякий принимают. Пусть дышат они воздухом, и водою, и сернистой грязью источников гидротермальных. Но заповеди

моей единственной не забывайте, неизменной от начала времен: распространяйте гены свои».

Так явились в мир Сперматозоид и Яйцеклетка. И сказал Сперматозоид: «Мал я и многочислен, и заповедь Господню исполню верно, коли рассеюсь повсюду. Стану я вечно искать новых партнеров и оставлять их в тягости, ибо многочисленны чрева, а время быстротечно». Но молвила Яйцеклетка: «Бремя размножения тяготит меня. Суждено мне вынашивать плоть, лишь наполовину мою, нести и кормить ее, даже когда та покинет палаты мои», – ибо к тому часу многие тела Яйцеклетки наделены были теплой кровью и мягкой шерстью. «Малочисленны дети мои, и должна я посвятить им себя и защищать от напасти. Так пусть же поможет мне в том Сперматозоид, ибо в том его вина. И пускай он стремится от объятий моих, не дозволю я ему блудить и возлежать с конкурентками моими».

И не понравилось то Сперматозоиду.

И улыбнулся Господь, ибо заповедь его вовлекла Сперматозоид и Яйцеклетку в войну друг с другом, коя не прекратится до того дня, когда оба они станут рудиментами.

Однажды сумрачным вечером во вторник я подарил Челси цветы. Припомнил нелепую старинную традицию – преподносить в качестве совокупительного дара отрезанные гениталии другого вида. А когда мы собрались заняться сексом, рассказал ей эту историю. По сей день не знаю, что пошло не так...

* * *

Стеклянный потолок всегда в тебе.
Стеклянный потолок – это сознание.

Джейкоб Хольцбринк. Ключи к планете^[29]

До нашего отлета с Земли ходили слухи о четвертой волне: будто за нами по пятам следует флот космических дредноутов – на случай, если пушечное мясо в авангарде столкнется с чем-то скверным. Или посольский фрегат с кучей политиков и бизнесменов, готовых орудовать локтями, но пробиться в первые ряды, если инопланетяне окажутся дружелюбными. Неважно, что на Земле не было ни космических дредноутов, ни посольских

кораблей; «Тезея» до Огнепада тоже не существовало. Никто не сообщал нам о таких планах, но ведь солдатам на передовой никогда не объясняют общую картину: чем меньше они знают, тем меньше могут выдать.

Я до сих пор не в курсе, существовала ли четвертая волна. Никаких признаков ее приближения я не замечал, если мои наблюдения, конечно, чего-то стоят. Может, мы оставили их барахтаться по дороге к объекту Бернса – Колфилда. А может, они следовали за нами до самого Большого Бена, подкрались достаточно близко, чтобы понять, с чем мы столкнулись, и унесли ноги, когда стало жарко.

Мне любопытно, что случилось на самом деле и добрались ли они до дома.

Оглядываюсь – и надеюсь, что нет.

Под ребра «Тезею» врезалась железная туша. Низ качнулся точно маятник. Шпиндель в другом конце вертушки вскрикнул, словно обжегшись. Я едва не ошпарился – вскрывал в кубрике грушу с горячим кофе.

«Ну, началось! – подумал я. – Мы подошли слишком близко, и они открыли огонь».

– Какого?..

На общей линии вспыхнул огонек – Бейтс подключилась из рубки.

– Только что врубился маршевый. Меняем курс.

– Куда? Зачем? Кто приказал?

– Я, – ответил Сараста, показавшись в дверях.

Все замолчали. Сквозь кормовой люк в вертушку просачивался скрежет. Я пинганул систему промразверстки «Тезея»: фабрика перенастраивалась на массовое производство легированной керамики.

Радиационная защита. Твердый, плотный материал, массивный и очень простой, в отличие от управляемых магнитных полей, на которые мы обычно полагались.

Из своей палатки, моргая спросонья, выбралась Банда.

– Какого хрена? – проворчала Саша.

– Смотрите!

Сараста потянулся к КонСенсусу и встряхнул его.

Не инструктаж – ураган: гравитационные колодцы и орбитальные траектории, симуляции касательного напряжения в аммиачно-водородных грозowych тучах; стереоскопические ландшафты, погребенные под фильтрами всех длин волн от радио– до гамма-излучения. Я видел точки излома, точки перегиба и нестабильные равновесия; складки катастроф в

пятимерном пространстве. Наращивания с трудом переваривали такой объем информации, а биологический полумозг с трудом осознавал краткое резюме.

Там, внизу, на самом виду, что-то пряталось.

Аккреционный пояс Бена вел себя скверно, но простым глазом его хулиганство было не заметить. Сарастии пришлось проанализировать траектории чуть ли не всех планетезималей^[30], камней и крупинок. И ни он, ни их с Капитаном совместный интеллект не могли назвать эту круговерть следствием некоего давнего возмущения. Пыль не оседала; ее часть маршировала по указке чего-то, что даже сейчас протягивало невидимую руку с вершин облачного слоя и срывало обломки с орбиты.

Не все обломки находили цель. Экваториальный пояс Бена постоянно мерцал практически мимолетными метеорными вспышками, гораздо более слабыми, чем яркие следы скиммеров. Однако все упавшие камни не вписывались в распределение частот. Казалось, временами отдельные куски орбитального мусора просто выпадают в параллельную вселенную, или что-то проглатывает их в нашей. Объект вращался вокруг Бена с периодом в сорок часов; так низко, что едва не касался атмосферы, и не был замечен ни в видимом свете, ни в инфракрасном, ни в радио диапазоне. Он остался бы нашей фантазией, если бы один из скиммеров огненным следом не прожег под ним атмосферу прямо на глазах у «Тезея».

Этот кадр Сарастии зафиксировал и увеличил: яркий инверсионный след пересекал наискось вечную ночь Бена, на полпути неожиданно сползал на пару градусов левее и возвращался в прежнее положение, практически выходя из поля зрения корабля. На снимке виднелся луч застывшего света, а посередине хорошо просматривался сегмент. Там, где скиммер отклонился в сторону примерно на ширину волоса.

Сегмент длиной девять километров.

– Вот замаскировался, – ошарашенно пробормотала Саша.

– Не слишком удачно, – Бейтс вынырнула из переднего люка и поплыла по ходу вращения корабля. – В отраженном свете предмет вполне прилично виден, – на полпути к палубе она зацепилась за перила лестницы, по инерции развернулась ногами вниз и опустилась на ступеньки. – Почему мы не засекли его раньше?

– Слабая освещенность, – предположил Шпиндель.

– Но дело же не только в инверсионных следах. Посмотри на тучи, – действительно, на облачном покрове Бена можно было различить такие же еле заметные искажения.

Бейтс ступила на палубу и шагнула к столу:

– Следовало раньше заметить.

– Остальные зонды артефакта не наблюдают, – отметил Сараста. – А этот приближается под более широким углом: двадцать семь градусов.

– Углом к чему? – переспросила Саша.

– К линии, – пробормотала Бейтс, – между ними и нами.

На тактической диаграмме все видно: «Тезей» падал к планете по предсказуемой дуге, но сброшенные нами зонды не заморачивались гомановскими орбитами^[31] – они мчались отвесно вниз, всего на пару градусов отклоняясь от гипотетической линии, соединяющей корабль с центром Большого Бена.

Кроме одного. Он зашел со стороны и разоблачил фокус.

– Чем дальше от нашего курса, тем очевиднее расхождение, – нараспев произнес Сараста. – Полагаю, в плоскости, перпендикулярной траектории движения «Тезея», объект виден отчетливо.

– Значит, мы в слепом пятне? Увидим его, если сменим траекторию?

Бейтс покачала головой.

– Это слепое пятно движется, Саш. Оно...

– Отслеживает нас, – Саша втянула воздух сквозь зубы. – С-сука.

Шпиндель вздрогнул.

– Так... что это такое? Наша фабрика скиммеров?

Пиксели стоп-кадра зашевелились. Из буйных вихрей и облачных завитушек атмосферы прорезалось нечто зернистое и невнятное. Всюду кривые, шипы и ни одной ровной линии; не определить, что в форме объекта настоящее, а что – фрактальное влияние облачного слоя внизу. Общими очертаниями он походил на тор или сборище мелких угловатых предметов, нагроможденных неровным кольцом. К тому же пришелец обладал колоссальными размерами: девять километров поплавшего инверсионного следа едва коснулись периметра объекта, срезав сорок или пятьдесят градусов дуги. Эта штуковина, скрытая в тени десяти Юпитеров, имела в диаметре почти тридцать километров.

Корабль прекратил ускорение где-то посреди доклада Сараста. Низ и верх вернулись на свои места. А мы – нет. До этого еще сомневались, думали, может, надо, может, нет, но теперь это осталось в прошлом; мы взяли курс на цель и плюнули на возможные опасности.

– Э, оно размером тридцать кэмэ, – напомнила Саша. – И невидимое. Разве нам не стоит вести себя осторожнее?

Шпиндель пожал плечами.

– Если бы мы могли предугадывать решения вампиров, они бы нам не потребовались, так?

Пакет данных развернулся новой гранью. Гистограммы частотного распределения и спектральные гармоники раскрылись плывущими горными хребтами, целым оркестром видимого света.

– Модулированный лазерный луч, – доложила Бейтс.

Шпиндель поднял голову:

– Оттуда?

Бейтс кивнула:

– Сразу, как мы его раскололи. Интересное совпадение.

– Устрашающее, – пробормотал Шпиндель. – Как они узнали?

– Мы сменили курс. Идем прямо на них.

Световое шоу стучалось к нам в окна.

– Что бы это ни было, – вымолвила Бейтс, – оно с нами разговаривает.

– Ну тогда, – заметил приятный голос, – без сомнения, нам следует поздороваться.

У руля вновь стояла Сьюзен Джеймс.

* * *

Я остался единственным наблюдателем.

Остальные занимались делом – каждый своим. Шпиндель прогонял отслеженный Сарастии смутный силуэт через серию фильтров, надеясь выжать из вида техники хоть какие-то сведения о биологии ее создателей. Бейтс сравнивала морфологию замаскированного объекта и скиммеров. Сарастии наблюдал за всеми нами с высоты и думал свои вампирские думы; столь глубокие, что мы даже не надеялись с ним сравняться. Но все это была суета, ведь к рампе вышла Банда четырех под талантливым руководством Сьюзен Джеймс.

Она подхватила ближайшее кресло, опустилась в него и подняла руки, будто собралась дирижировать. Ее пальцы металась в воздухе, играя на виртуальных иконках; губы и челюсть подергивались от произнесенных команд. Я подключился к ее каналу и увидел, как сигналы чужаков обрастают текстом:

«Роршах» вызывает судно, приближающееся с азимута 116°, склонение 23° сообщ.: «Привет, „Тезей“».

«Роршах» вызывает судно, приближающееся с азимута 116°, склонение 23° сообщ.: «Привет, „Тезей“».

«Роршах» вызывает судно, приближа...

Она расшифровала чертов сигнал. Уже! И даже ответила:

«Тезей» – «Роршаху»: «Привет, „Роршах“».

«Привет, „Тезей“. Добро пожаловать в наши края».

Она расколола его меньше, чем за три минуты. Или, вернее, они раскололи его меньше, чем за три минуты: четыре расщепленные личности, полностью независимые друг от друга, и несколько дюжин подсознательных семиотических модулей; все – действующие параллельно и высеченные с дивной ловкостью из одного куска серого вещества. Я даже стал понимать, почему кто-то сознательно идет на такое насилие над собственным рассудком. Какие результаты! До этого момента я не был уверен, что согласился бы на подобное даже ради спасения собственной жизни.

«Просим разрешения на сближение», —

отправила сообщение Банда четырех. Просто и открыто: только факты и данные, больше ничего, как можно меньше места для двусмысленности и недопонимания. Причудливые концепции вроде «мы пришли с миром» подождут. Первый контакт – не время для культурного обмена.

«Вам стоит держаться подальше. Seriously. Это опасное место».

Это привлекло внимание. Бейтс и Шпиндель после минутного колебания выглянули из своих рабочих пространств в виртуальность Джеймс.

«Запрашиваем данные о характере опасности», —

отправила сообщение Банда. Мы по-прежнему держались конкретных тем.

«Слишком близко и опасно для вас, трудности на низких орбитах».

«Просим информацию по трудностям на низких орбитах».

«Обстановка летальная. Метеориты и радиация. Как хотите. Я справляюсь, но нам так нравится».

«Нам известно о метеоритной угрозе. Мы оснащены средствами защиты против радиации. Просим информацию о других опасностях».

Не удовлетворившись переводом, я решил посмотреть на оригинал. Судя по цветовой кодировке, «Тезей» преобразовал часть входящих сигналов в звуковые волны. Значит, голосовая связь. Они с нами разговаривали! Под бегущими символами таились нагие звуки инопланетной речи.

Конечно, я не устоял.

– Между друзьями – сколько угодно. Вы тут из-за праздника?

Английский. Мужской голос. Старческий.

– Мы – исследователи, – ответила Банда, хотя голос принадлежал «Тезею». – Должны установить диалог с существами, направившими объекты в околосолнечное пространство.

– Первый контакт – подходящая причина для праздника.

Я дважды проверил источник информации. Нет, это был не перевод. Я слышал реальный, необработанный сигнал, исходящий с... «Роршаха», как оно себя называло. Во всяком случае, часть передачи, поскольку луч содержал и другие, неакустические элементы. Я проглядывал, какие именно, когда Джеймс заговорила:

– Запрашиваем информацию о вашем празднике. Стандартный межкорабельный протокол установления связи.

– Вам интересно? – Теперь голос стал сильнее, моложе.

– Да.

– Правда?

– Да, – терпеливо повторила Банда.

– Кто ты?

Мимолетное колебание.

– Говорит «Тезей».

– Это я знаю, исходник, – теперь по-китайски. – Кто ты? – Голос не изменил тональность, но каким-то образом стал неумовимо жестче.

– Говорит Сьюзен Джеймс. Я...

– Тебе здесь не понравится, Сьюзен. Все дело в фетишистских религиозных верованиях. Тут проводят опасные ритуалы.

Джеймс пожевала губу.

– Просим разъяснений. Ритуалы представляют для нас опасность?

– Безусловно, могут.
– Просим разъяснений. Опасны ритуалы или среда на низких орбитах?
– Среда нарушений. Следует быть внимательнее, Сьюзен. Невнимательность подразумевает безразличие, – передал «Роршах». И миг спустя добавил: – Или неуважение.

* * *

У нас оставалось четыре часа, прежде чем Большой Бен заслонит объект. Четыре часа непрерывного, безостановочного общения, оказавшегося гораздо проще, чем мы предполагали. Оно говорило на земном языке и регулярно выражало вежливую озабоченность нашим благополучием. И все же, несмотря на бойкую речь, практически ничего о себе не рассказало. За четыре часа объект умудрился не дать прямого ответа ни на один вопрос ни по одной теме, если не считать крайнее нежелание вступать с нами в тесный контакт. К моменту, когда наступило затмение, мы так и не выяснили, почему.

В середине разговора на палубу свалился Сараста. Его ноги не касались лестницы. Вампир протянул руку и вцепился в поручень, чтобы избежать падения; слегка пошатнулся. Если бы такой трюк вздумал повторить я, закончил бы плачевно, летал бы по отсеку, как галька в бетономешалке.

Он же замер статуей до конца сеанса связи. Лицо каменное, глаза скрыты за обсидиановым забралом очков. Когда сигнал с «Роршаха» оборвался на полуфразе, вампир жестом созвал нас к общему столу.

– Оно разговаривает, – произнес он.

Джеймс кивнула:

– Объект практически не дает нам информации, лишь просит держаться на расстоянии. До сих пор голос принадлежал взрослому мужчине, хотя его возраст несколько раз менялся.

Это Сараста и сам слышал.

– Структура сигнала?

– Межкорабельные протоколы выполнены идеально. Словарный запас объекта довольно обширный, такой не реконструируешь, подслушав стандартный пилотский треп за несколько рейсов. Скорее всего, они отслеживают весь наш внутрисистемный трафик – я бы сказала, в течение нескольких лет. С другой стороны, наблюдая за средствами массовой информации, они могли бы накопить словарный запас побольше. Поэтому,

вероятно, прибыли к нам уже после эпохи радиовещания.

– Насколько уверенно они пользуются нашим языком?

– Владеют грамматикой, строят фразы, поддерживают внутритекстовую зависимость. Глубина рекурсии по Хомскому^[32] – не меньше четырех, и я не вижу причин, по которым она не может стать еще больше при продолжительном контакте. Они не попугаи, Юкка, знают правила. Взять хотя бы имя...

– «Роршах», – пробормотала Бейтс, под хруст костяшек стискивая свой любимый мячик. – Интересный выбор.

– Я проверила список кораблей. На марсианской петле есть анкат^[33] – грузовик с таким названием. То, что говорило с нами, должно быть, относится к своему объекту, как мы – к космическому кораблю, и название подобрало соответствующее.

В соседнее со мной кресло рухнул Шпиндель, только что с камбуза. Груша с кофе колыхалась в его руке точно желе.

– Именно это название, из всех кораблей в Солнечной системе? Слишком символично для случайно выбранного имени.

– Не думаю, что их выбор случаен. Необычное название вызывает комментарии; пилот «Роршаха» выходит на связь с другим кораблем, в ответ слышит: «Ничего себе! Интересное у тебя имечко», – и начинает импровизировать, попутно вспоминая историю происхождения имени, а сам разговор продолжается в эфире. Тот, кто слышит эту болтовню, может не только уловить название и предмет, к которому оно относится, но и по контексту отчасти понять значение. Вероятно, наши инопланетные друзья перебрали таким образом половину реестра и решили, что для неведомого объекта лучше подойдет название «Роршах», чем, допустим, космолет «Джейми Мэтьюз».

– Территориальны и умны. – Шпиндель поморщился, вытаскивая кружку из-под кресла. – Шикарно!

Бейтс пожала плечами.

– Территориальны – может быть. Но необязательно агрессивны. Я вообще сомневаюсь, что они смогут причинить нам вред. Даже если захотят.

– А я нет, – отрубил Шпиндель. – Эти их скиммеры...

Майор отмахнулась:

– Большие суда маневрируют медленно. Если они решат поиграть с нами в бильярд, мы узнаем об этом заранее. – Она окинула нас взглядом. – Послушайте, неужели только мне одной это кажется странным? Они

обладают технологиями межзвездного масштаба, позволяющими проводить косметический ремонт газовых гигантов и строить метеориты как цирковых слонов, и, тем не менее, прячутся? От нас?

– Если только рядом нет кого-то еще, – неуверенно предположила Джеймс.

Бейтс покачала головой:

– Маскировка была направленной. Пришельцы прятались именно от нас, а не от кого-то другого.

– И даже мы их раскусили, – добавил Шпиндель.

– Именно! Так что они переходят к плану «Б», который пока сводится к блефу и невнятным угрозам. Я хочу сказать, что они ведут себя явно не как великаны. Поведение «Роршаха» кажется... импровизацией. По-моему, они нас не ждали.

– Ну да, конечно! Объект Бернса – Колфилда был...

– Пока не ждали.

– А, – выдавил Шпиндель, переваривая ее слова.

Майор провела ладонью по бритому затылку.

– С какой стати им считать, будто мы просто так повернем назад, узнав, что нас надули? Конечно, мы начнем поиски. Объект Бернса – Колфилда, скорее всего, задумывался как временная мера; на их месте я бы сразу планировала, что мы сюда доберемся рано или поздно. Но они, по-моему, просчитались. Мы явились раньше предполагаемого времени и застали врага со спущенными штанами.

Шпиндель вскрыл грушу и вытряхнул ее содержимое в кружку.

– Для таких умников не слишком ли большой просчет, а? – От соприкосновения с дымящейся жидкостью на кружке расцвела голограмма, слабым сиянием напоминая эпицентр атомного взрыва в Газе. Вертушку заполнил аромат пластифицированного кофе. – Особенно после того, как они нас картировали с точностью до метра.

– Ну и что они видели? Анкат-приводы? Солнечные паруса? Корабли, которые будут годами добираться до пояса Койпера и лишены запасов топлива, чтобы отправиться дальше. Теленигиляция на тот момент существовала только на симуляторах «Боинга» и в виде полудюжины прототипов. Заметить нелегко. Должно быть, они решили, что одной обманки хватит и теперь у них столько времени, сколько нужно.

– Для чего? – спросила Джеймс.

– Для чего нужно, – отрезала Бейтс. – Так что мы оказались в первых рядах.

Шпиндель отсалютовал ей кружкой в нетвердой руке и сделал глоток.

Кофе колыхался в темнице, под квелым тяготением вертушки коричневая поверхность шла волнами и горбами. Джеймс еле заметно, но неодобрительно поджала губы. Технически открытые сосуды для жидкостей в зонах переменной гравитации запрещались даже людям, не страдавшим, как Шпиндель, проблемами с координацией.

– Значит, они блефуют, – протянул он наконец.

Бейтс кивнула.

– Я считаю, «Роршах» еще недостроен. Возможно, мы имеем дело с автоматической защитной системой.

– Значит, на таблички «По траве не ходить» можно не обращать внимания? Ломиться напрямую?

– Мы можем дожидаться удачного момента и не давить на них.

– А... То есть сейчас мы могли бы с ним управиться, но ты хочешь подождать, пока «Роршах» из незаметного превратится в неуязвимого. – Шпиндель вздрогнул и отставил кофе. – Где тебе погоны давали? В академии равных возможностей?

Бейтс пропустила подкол мимо ушей.

– Лучшей причиной оставить «Роршах» в покое может быть именно то, что он до сих пор растет. Мы понятия не имеем, как может выглядеть... взрослая, наверное... да, взрослая форма объекта. Да, он скрывался от нас. Многие животные, вполне безобидные, прячутся от хищников. Особенно детеныши. Да, он... отвечает уклончиво. Не дает ответов, которых мы ждем. А вам не приходило в голову, что он не знает ответов? Вы смогли бы допросить человеческий эмбрион? Взрослая особь может вести себя совсем иначе.

– Взрослая особь может нам жопу на уши натянуть.

– Эмбрион с тем же успехом может навалить «Тезею» по полной. – Бейтс закатила глаза. – Господи, Исаак, ты же биолог! Не мне тебе напоминать, сколько пугливых зверюшек огрызается, если загнать их в угол. Дикобраз на ссору не напрашивается, но если пропустишь предупреждение мимо ушей, получишь полную морду иголок.

Шпиндель молча отодвинул кружку в сторону по вогнутому столу, так далеко, как мог дотянуться. Жидкость не выливалась: темный кружок остался параллелен кромке поверхности, только слегка наклонился в нашу сторону. Мне даже показалось, что я могу уловить еле заметный прогиб поверхностной пленки. Исаак слегка улыбнулся, глядя на произведенный эффект.

Джеймс откашлялась:

– Я ни в коей мере не преуменьшаю твоих опасений, Исаак, но мы еще

не исчерпали все возможности дипломатического пути. «Роршах», по крайней мере, согласен общаться с нами, хотя и не так откровенно, как хотелось бы.

– Ну да, он разговаривает, – согласился Шпиндель, не отрывая глаз от перекошенной кружки. – Но не как мы.

– Нет, конечно. Есть некоторые...

– Он не просто увиливает от ответов, а временами жутко косноязычен. Заметила? И путается в местоимениях.

– Ну, если учитывать, что язык он освоил исключительно методом пассивного подслушивания, «Роршах» на удивление красноречив. По моим наблюдениям, они обрабатывают речевые сигналы гораздо эффективнее, чем мы.

– Это точно! Чтобы так юлить, чужой язык надо знать в совершенстве.

– Будь они людьми, я бы с тобой согласилась, – ответила Джеймс. – Но то, что нам кажется обманом или уловкой, так же легко объясняется опорой на малые концептуальные единицы.

– Концептуальные единицы?

Бейтс, как я начал понимать, никогда не требовала пояснений от КонСенсуса, если этого можно было избежать. Джеймс кивнула.

– Все равно, что обрабатывать строку текста слово за словом, а не рассматривать фразу целиком. Чем меньше единицы, тем быстрее они перестраиваются; на выходе это дает молниеносные семантические рефлексy. С другой стороны, становится труднее поддерживать уровень логической связности: при перетасовке связи в масштабных структурах теряются.

– Оп-па! – Шпиндель выпрямился, забыв о жидкости и центробежной силе.

– Я лишь хочу сказать, что мы необязательно имеем дело с сознательным обманом. Существо, которое обрабатывает информацию в одном масштабе, может не замечать нестыковок в другом. Оно может вообще не воспринимать этот масштаб сознательно!

– Это не все, что ты хочешь сказать.

– Исаак, нельзя применять человеческие нормы к...

– А я-то все гадал, к чему ты клонишь...

Шпиндель нырнул в стенограммы и миг спустя выдернул оттуда отрывок:

«Запрашиваем информацию о среде, которую вы считаете летальной. Запрашиваем информацию о вашем отклике на неизбежное попадание

в летальную среду».

«Рады исполнить. Но ваше понимание летального отличается от нашего.

Существует немало переменчивых обстоятельств».

– Ты его испытывала! – воскликнул Шпиндель и причмокнул губами. Его челюсть подергивалась. – Рассчитывала на эмоциональную реакцию.

– Просто идея. Она ничего не доказывает.

– Была разница? Во времени отклика?

Джеймс чуть помедлила с ответом, затем покачала головой:

– Идея дурацкая. Слишком много переменных, и мы понятия не имеем, как они... Я хочу сказать, они же – не люди...

– Классическая патология.

– Какая патология? – спросил я.

– Это ничего не значит, кроме того, что они не вписываются в человеческий стандарт, – настаивала Джеймс. – Сам по себе этот факт – не повод смотреть на них сверху вниз, особенно здесь присутствующим.

Я попробовал снова:

– Какая патология?

Джеймс покачала головой.

– Есть один синдром, ты мог о нем слышать, – подсказал Шпиндель. – Говорливые, бессовестные, склонные противоречить самим себе и играть словами. Лишенные сочувствия.

– Речь идет не о человеческих существах, – вполголоса повторила Джеймс.

– Но если бы шла, – возразил Шпиндель, – то «Роршаха» можно было бы назвать клиническим социопатом.

На протяжении всего разговора Сараста не издал ни звука. Теперь, когда слово повисло в воздухе, я заметил, что остальные стараются на него не смотреть.

* * *

Конечно, мы все знали, что Юкка Сараста – социопат. Но большинство из нас не упоминало об этом в приличном обществе.

Шпинделя вежливость никогда не сдерживала. А может, казалось мне, он почти понимал вампира; мог смотреть сквозь чудовище и видеть

организм, такой же продукт естественного отбора, как человеческая плоть, которой за прошедшие эпохи монстр сожрал немало. Эта перспектива как-то успокаивала Шпинделя. Он смотрел, как Сараста наблюдает за ним, и не ежился.

– Жалко мне сукина сына, – признался он однажды, еще во время тренировок.

Некоторым такая реакция показалась бы нелепой. Человек, сращенный с машиной настолько сильно, что его собственные двигательные навыки разрушались при недостаточном уходе и техобслуживании; человек, слышавший рентген и видевший в оттенках ультразвука, настолько искалеченный модификациями, что не мог даже кончики своих пальцев чувствовать без посторонней помощи, способен жалеть кого-то другого, не говоря о хищнике, созданном убивать людей без малейшего угрызения совести?

– Сочувствие к социопатам – не самая распространенная черта, – заметил я.

– Может, и зря. Мы, по крайней мере, – он взмахнул рукой, какой-то дистанционно управляемый блок датчиков в другом конце симулятора рефлекторно загудел и повернулся, – сами выбрали свои модификации. А вампирам приходится быть социопатами. Они слишком похожи на свою добычу, многие систематики даже в подвид отказываются их записывать. Они так и не отошли от нас достаточно далеко для полной репродуктивной изоляции. Так что вампир – это скорее синдром, чем другая раса. Просто банда каннибалов поневоле с характерным набором отклонений.

– И каким образом это...

– Если твоя единственная пища – собственные сородичи, от сочувствия ты избавишься первым делом. Для них психопатия – не расстройство, понимаешь? Лишь стратегия выживания. Но у нас от них до сих пор мурашки по коже, поэтому мы их... сковываем.

– Думаешь, стоило исправить крестовый глюк?

Все знали, почему этого никто не сделал. Только дурак может воскресить чудовище, не поставив предохранитель. У вампиров он встроенный: без антиевклидиков Сараста рухнет в эпилептическом припадке, стоит ему увидеть первую же оконную раму на четыре створки.

Но Шпиндель покачал головой.

– Мы не могли его исправить. Вернее, могли, – поправился он, – но ведь глючит зрительная кора, так? Дефект связан с их универсавантизмом^[34]. Исправь его – и отключишь их способности к распознаванию образов. Тогда какой смысл их вообще воскрешать?

– Не знал.

– Ну это официальная версия, – он замолчал на секунду и криво ухмыльнулся. – Хотя, с другой стороны, метаболизм протокадеринов мы им подправили без труда.

Пришлось заполнять пробел в образовании. Ориентируясь на контекст, КонСенсус выбрал протокадерин ϵ -Y: волшебный белок мозговой ткани у высших приматов, который вампиры разучились синтезировать. Та самая причина, по которой упыри не переключались на бородавочников или зебр в отсутствие человеческой плоти и которая обрекла их на гибель, стоило людям открыть страшную тайну Прямого Угла.

– В общем, мне кажется, он... потерянный какой-то. – Уголок рта Шпинделя подергивался от нервного тика. – Волк-одиночка в компании овец. Тебе не было бы грустно так жить?

– Они компанию не любят, – напомнил я ему. Вампиров одного пола вместе лучше не сводить, если только вы не готовы делать ставки на исход кровавой бани. Они – охотники-одиночки и очень территориальны. Когда минимально приемлемое соотношение численности добычи и охотников составляло десять к одному, а люди встречались на просторах плейстоцена крайне редко, главной угрозой для выживания упырей становилась внутривидовая конкуренция. Естественный отбор никогда не учил их уживаться вместе.

Шпинделя это не смутило.

– Это не значит, что ему не может быть одиноко, – настаивал он. – Только Сарасты никогда этого не изменить.

* * *

Они знают мелодию, но не слова.

Роберт Хэйр. Лишенные совести^[35]

Мы воспользовались зеркалами – огромными круглыми и невозможно тонкими параболоидами; каждый – в три человеческих роста. «Тезей» штамповал их пачками и прикалывал к хлопушкам, заряженным антиматерией из наших убывающих запасов. За двенадцать часов до контакта корабль разметал зеркала как конфетти по точно рассчитанным баллистическим траекториям и, когда они отлетели достаточно далеко, поджег. Хлопушки полетели во все стороны, рассыпая гамма-лучевые

искры, пока не выгорели дотла. А потом плыли в бездне, раскрыв текущие стрекозиные крылья.

На огромном расстоянии от них четыреста тысяч инопланетных машин кружились и горели, будто ничего не замечая.

«Роршах» летел по орбите Бена всего в полутора тысячах километров над атмосферой, выписывая бесконечный торопливый круг, отнимавший сорок часов на один оборот. К тому времени, пока он опять не попал в наше поле зрения, все зеркала уже вышли из зоны полной слепоты. В КонСенсусе висел увеличенный снимок экваториальной области планеты. Вокруг него взорвавшейся диаграммой искрились символы зеркал, словно рассыпанные фасетки титанического, всеохватного сложного глаза. Тормозов у них не было. Долго на высоте они продержаться не могли.

– Вот оно, – первой отреагировала Бейтс.

У левой кулисы плыла фата-моргана, клочок кипящего хаоса размером в полногтя, если разглядывать его на расстоянии вытянутой руки. Этот мираж ничего не мог нам подсказать, но десятки далеких отражателей отбрасывали к нам световые лучи, и пусть каждый видел немногим больше последнего зонда – полоску темных туч, слегка перекошенную невидимой призмой, – каждое зеркало отражало сигнал по-своему. Капитан просеивал отсветы небес и «шил» из них мозаичное панно.

Постепенно проявлялись детали. Вначале – еле видный осколок тени, ямочка, почти затерявшаяся в кипящих облачных поясах экватора. Вращение планеты только-только выкатило ее из-за края диска – камушек в ручье, невидимый палец, промявший облака, и по обе стороны от него пограничные слои рвались от касательного напряжения и турбулентности.

Шпиндель прищурился:

– Эффект как от флоккулов.

Компьютер подсказал, что речь идет о чем-то вроде солнечных пятен – об узлах в магнитном поле Большого Бена.

– Выше, – произнесла Джеймс.

Что-то плыло над этой вмятиной в облаках: так лайнер-экраноплан парит над водой, проминающейся под его давлением. Я дал увеличение: рядом с субкарликом Оаса, вдесятеро тяжелее Юпитера, «Роршах» казался крошечным. Но в сравнении с «Тезеем» он был огромен.

Не просто бублик – узел, комок стекловолокна размером с гору; сплошь петли, мосты и тонкие шпили. Текстура поверхности была, разумеется, условной; КонСенсус просто «завернул» загадочный предмет в отражение фона. И все же... на свой мрачный, пугающий лад он был красив: клубок обсидиановых змей и дымных хрустальных башен.

- Оно снова подает голос, – доложила Джеймс.
- Ответить, – приказал Сарасты и оставил нас.

* * *

Она ответила, и, пока Банда общалась с объектом, остальные за ним шпионили. Зрение со временем мутилось – зеркала уходили с расчетных траекторий, и с каждой таявшей секундой видимость ухудшалась. В КонСенсус тем временем лилась информация. «Роршах» весил $1,8 \times 10^{10}$ кг, имел общий объем $2,3 \times 10^8$ кубометров. Судя по радиовизгу и эффекту флоккулов, его магнитное поле по силе в тысячи раз превосходило солнечное. К нашему изумлению, композитное изображение местами оказалось достаточно четким, чтобы различить тонкие спиральные борозды, прочертившие объект. («Последовательность Фибоначчи^[36], – доложил Шпиндель, на миг пронзив меня взглядом одного подергивающегося глаза. – По крайней мере они нам не совсем чужды».) На кончиках, по меньшей мере, трех из бесчисленных шипов «Роршаха» болтались уродливые шаровидные наросты; в этих местах борозды проявлялись реже, словно кожу раздуло и растянуло нарывом. Прежде чем уплыть из поля зрения, очередное бесценное зеркало засекло еще один шпиль – расколотый вдоль на треть длины. Рваные края вяло и неподвижно висели в вакууме.

– Пожалуйста, – пробормотала Бейтс вполголоса, – скажите мне, что это не то, на что похоже.

Шпиндель ухмыльнулся.

– Семенная коробочка... Почему нет?

Может, «Роршах» и не размножался, но в том, что он растет, не оставалось никаких сомнений. Его питал непрерывный поток обломков, выпадавших из аккреционного пояса. Мы подобрались достаточно близко, чтобы наблюдать их парад: скалы, горы и мелкая галька, словно мусор, стекали в раковину. Частицы, столкнувшиеся с объектом, прилипали; «Роршах» обволакивал свою добычу как огромная злокачественная опухоль. Поглощенная масса, вероятно, перерабатывалась внутри и перетекала в апикальные^[37] зоны роста; судя по микроскопическим изменениям в аллометрии объекта, кончики его ветвей росли.

Процесс не прекращался ни на секунду – «Роршах» был ненасытен.

Объект служил странным центром притяжения в межзвездной бездне.

Траектории падения обломков были хаотичны, но создавалось впечатление, что некий сэнсэй орбитальной механики создал систему – заводной планетарий, который пинком привел в движение, а все прочее оставил на долю инерции.

– Не думала, что такое возможно, – заметила Бейтс.

Шпиндель пожал плечами.

– Да ладно, хаотические траектории детерминированы ничуть не меньше других.

– Это не значит, что их можно предсказать. Уже не говоря о том, чтобы так распланировать, – майорская лысина отсвечивала разведданными. – Для этого нужно знать начальные условия миллиона разных переменных с точностью до десяти знаков. Буквально!

– Ага.

– Даже вампиры так не могут. Квантовые компьютеры тоже.

Шпиндель пожал плечами, как марионетка.

Все это время Банда то входила в роль, то выходила из нее, танцуя с невидимым партнером, который, несмотря на все ее усилия, так ничего нам и не сообщил, кроме бесконечных вариаций на тему «вам не стоит здесь находиться». На любой вопрос он отвечал вопросом, при этом ухитряясь каким-то невероятным образом создать иллюзию ответа.

– Это вы послали светлячков? – спрашивала Саша.

– Мы многое отправляли в самые разные места, – отвечал «Роршах». – Что показали их технические характеристики?

– Их характеристики нам неизвестны. Светлячки сгорели в земной атмосфере.

– Тогда не стоит ли вам поискать там? Когда наши дети улетаю, они от нас не зависят.

Саша отключила микрофон.

– Знаете, с кем мы разговариваем? С Иисусом, блин, из Назарета.

Шпиндель глянул на Бейтс. Та пожала плечами и подняла руки вверх.

– Не въехали? – Саша мотнула головой. – Последний диалог – информационный эквивалент «кесарю кесарево». Нота в ноту!

– Спасибо, что выставила нас фарисеями, – проворчал Шпиндель.

– Ну еврей у нас есть...

Шпиндель только глаза закатил.

Тут я впервые заметил мельчайший изъян в Сашиной топологии; щербинку сомнения, искажившую одну из ее граней.

– Никакого прогресса, – проговорила она. – Попробуем зайти с черного хода.

Саша скрылась: снова включала наружную связь уже Мишель.

- «Тезей» – «Роршаху». Принимаем запросы на информацию.
- Культурный обмен. Мы согласны, – ответил «Роршах».

Бейтс нахмурилась.

- Это разумно?
- Если оно не желает давать сведений, возможно, захочет их получить.

А мы можем многое узнать по тем вопросам, которые объект задаст.

- По...
- Расскажите нам о доме, – попросил «Роршах».

Саша вынырнула из глубины ровно настолько, чтобы бросить:

- Вольно, майор. Никто не обещал давать им верные ответы.

Пятно на гранях Банды замерцало, когда к рулю встала Мишель, но не исчезло. Оно даже слегка разрослось, пока синестет обтекаемыми фразами описывала некий умозрительный городок, не упоминая ни единого предмета меньше метра в поперечнике. (КонСенсус подтвердил мою догадку: теоретическая предельная разрешающая способность зрения светлячков.) А когда к рулю изредка вставал Головолом...

– Не у всех есть родители или кузены, у некоторых их никогда не было. Некоторые рождаются в чанах.

- Понимаю. Печально. «Чаны» звучит так бесчеловечно.

...пятно темнело и расползлось по их граням как разлитая нефть.

– Слишком многое он принимает на веру, – констатировала Сьюзен пару секунд спустя.

К тому времени, когда Сашу опять сменила Мишель, мысль была уже не просто сомнением и даже не подозрением, она превратилась в озарение: крошечный темный мем, поражавший по очереди расщепленные личности тела.

Банда напала на след, но пока не понимала, на чей.

А я понимал.

- Расскажите мне больше о своих кузенах, – затребовал «Роршах».

– Наши кузены лежат вокруг генеалогического дерева, – ответила Саша, – вместе с племянницами, племянниками и неандертальцами. Мы недолюбливаем навязчивую родню.

- Мы бы хотели побольше узнать об этом дереве.

Саша выключила микрофон и взглянула на нас, словно говоря: «Ну, куда уж яснее?»

- Оно не могло не проанализировать эту реплику. Там три

двусмысленности на две фразы. А оно их все просто проигнорировало!

– Ведь «Роршах» запросил разъяснений, – указала Бейтс.

– Он задал вопрос! Это не одно и то же.

Бейтс все еще не догадывалась, а вот до Шпинделя начало доходить.

Еле заметное движение привлекло мой взгляд: вернулся Сарасты. Он плыл над сияющими вершинами рабочего стола. При каждом движении головы на черном забрале крутился неоновый калейдоскоп. Я чувствовал, как его глаза за стеклом пристально изучают все вокруг. Позади вампира находился кто-то еще.

Я не мог сказать кто, поскольку не заметил ничего необычного, кроме смутного ощущения неправильности. Что-то по другую сторону палубы выглядело не так, как следовало. Нет, поближе, вдоль оси барабана. Однако там ничего не было – лишь голые трубы да кабели сшитого нерва, петляющие сквозь щели. И...

Внезапно чувство неправильности пропало. Я наконец сосредоточился: исчезновение аномалии, возвращение к норме привлекло мое внимание не хуже слабого движения. Я мог точно указать, в каком месте на пучке кабелей произошла перемена, и сейчас не видел ничего особенного. Но она была! Осталось практически бессознательное впечатление, какой-то зуд, находящийся так близко к поверхности под кожей, что я мог бы вернуть его, увидеть, надо было лишь сконцентрироваться.

Саша разговаривала с инопланетным объектом на другом конце лазерного луча. Она сводила разговор к родственным отношениям, семейным и эволюционным: неандертальцы, кроманьонцы и внучатые племянники со стороны матери. Вела беседу не первый час, и ей не было конца и края. Сейчас болтовня меня отвлекала, поэтому я постарался ее отсечь и сосредоточиться на дразнившем память полувоспринятом образе. Секунду назад я что-то видел перед собой. На одной из труб... Точно, слишком много сочленений! Прямая и гладкая, она каким-то образом отрастила сустав. Но нет, дело не в трубе... Вспомнил: там притаилось что-то лишнее, что-то... костлявое.

Безумие! Нет там ничего. Мы в половине светового года от дома, разговариваем с невидимыми инопланетянами о семейных отношениях, а меня стало обманывать зрение.

Если это повторится, надо поговорить со Шпинделем.

Я пришел в себя от того, что стих шум голосов. Саша замолчала. Вокруг нее грозovým облаком повисли потемневшие грани. Я выдернул из памяти последнюю фразу разговора: «Обычно мы находим племянников с помощью телескопов. Они жесткие, как гобблиниты».

Опять сознательная двусмысленность, а слова «гобблиниты» вообще нет. В глазах лингвиста отражалось неизбежное решение. Саша застыла на краю обрыва, прикидывая глубину омутa внизy.

– Вы забыли упомянуть своего отца, – заметили на другом конце линии связи.

– Верно, «Роршах», – вполголоса согласилась Саша, переводя дыхание...

И продолжила:

– Так почему бы тебе не пососать мой жирный лохматый хер?

В вертушке воцарилось молчание. У Бейтс и Шпинделя отпали челюсти.

Лингвист оборвала связь и повернулась к нам, так широко ухмыляясь, что я подумал: «У нее сейчас верхняя часть головы отвалится».

– Саша, – выдохнула Бейтс. – Ты рехнулась?

– А какая разница? Этой штуке все равно. Она понятия не имеет, о чем я говорю.

– Что?

– И понятия не имеет о том, что отвечает, – добавила Саша.

– Погоди. Ты... нет, Сьюзен говорила, что «Роршах» – не попугай, он знает правила.

К рулю встала Сьюзен:

– Да, и это так. Но сопоставительный анализ не требует понимания.

Бейтс покачала головой:

– Ты имеешь в виду, что мы разговаривали с... Оно даже не разумное?

– Может, и разумное. Только мы не общались с ним в привычном значении этого слова.

– И что это такое тогда? Голосовая почта?

– Вообще-то, – медленно произнес Шпиндель, – это называют «китайской комнатой».

«Давно пора!» – подумал я.

* * *

О «китайских комнатах» я знаю все. Сам был таким и никакого

секрета из этого не делал, рассказывал любому, кто проявлял интерес.

Задним числом теперь понимаю, что иногда этого делать не стоило.

– Как ты можешь пересказывать людям суть всех этих передовых достижений, если сам ничего в них не понимаешь? – потребовала ответа Челси.

Тогда между нами все было прекрасно. Она еще меня не узнала.

Я пожал плечами:

– Это не моя работа – понимать. Для начала, если бы я мог их понять, это были бы не слишком передовые достижения. Я просто, как бы сказать – проводник.

– Да, но как можно перевести то, чего не понимаешь?

Обычный вопрос дилетанта. Люди не в силах принять тот факт, что у формы есть собственный смысл, отличный от налипшего на ее поверхность семантического содержания. Если правильно манипулировать топологией, это самое содержание определится само собой.

– Никогда не слышала про «китайскую комнату»?

Челси покачала головой:

– Краем уха. Какая-то старая идея, да?

– Ей не меньше сотни лет. По сути, разновидность софизма – аргумент, предположительно опровергающий верность теста Тьюринга. Ты запираешь человека в комнате. Через щель в стене он получает листы, покрытые странными закорючками. В его распоряжении есть огромная база данных с такими же закорючками и набор правил, указывающих, как те должны сочетаться.

– Грамматика, – догадалась Челси. – Синтаксис.

Я кивнул.

– Суть в том, что наш подопытный не имеет понятия о значении закорючек или той информации, которую они могут нести. Он знает только, что, получив, допустим, символ «дельта», он должен извлечь пятый и шестой символы из папки «тета» и сложить их с «гаммой». Подопытный выстраивает цепочку знаков, переносит их на лист и опускает его в щель, а сам ложится спать до следующей итерации. Все повторяется, пока парень вконец не съедет от бесполезной и нудной работы.

– Так он поддерживает беседу, – закончила Челси. – На китайском, полагаю, наш опыт назвали бы испанской инквизицией.

– Именно! Суть в том, что можно общаться, используя простейшие алгоритмы сопоставительного анализа и не имея ни малейшего представления о том, что говоришь. Если пользуешься достаточно подробным набором правил, можешь пройти тест Тьюринга. Прослыть

острословом и балагуром, даже не зная языка, на котором общаешься.

– Это и есть синтез?

– Та его часть, что касается упрощения семиотических протоколов. И только в принципе. Строго говоря, я получаю ввод на кантонском диалекте, а отвечаю по-немецки, потому что, скорее, выступаю в роли проводника, нежели участника беседы. Но суть ты уловила.

– Как ты не путаешься во всех правилах и протоколах? Их же, наверное, миллионы.

– Как во всем остальном: стоит приноровиться – и действуешь по наитию. Все равно что ездить на велосипеде или пинговать ноосферу. Даже не вспоминаешь о протоколах, просто... представляешь, как себя ведут твои объекты.

– Ммм... – В уголках ее губ заиграла хитрая полуулыбка. – Но тогда о софизме речь не идет. Ты ведь не понимаешь ни кантонского, ни немецкого.

– Понимает система. Вся комната, сумма ее частей. Парень, который переписывает закорючки, – только один из компонентов. Ты же не ждешь, что единственный нейрон в твоей голове будет понимать английский, так?

– Иной раз я не могу выделить под это дело больше одного, – Челси покачала головой. Она не собиралась отступать. Я видел, как она сортирует вопросы в порядке важности, и как они становятся все более... личными.

– Возвращаясь к текущим делам, – я поспешно сменил тему беседы, – ты собиралась показать мне, как это делается пальцами.

Озорная улыбка стерла с ее лица все вопросы.

– О-о, ну как же...

Привязываться рискованно – слишком много сложностей. Стоит спутаться с наблюдаемой системой, и весь рабочий инструмент ржавеет и тупится.

Но если подопрет, им можно воспользоваться.

* * *

– Сейчас оно прячется, – проговорил Сараста. – И уязвимо.

– Пора!

Это была не столько новость, сколько оценка. Мы уже несколько дней мчались прямо на Большого Бена. Но гипотеза «китайской комнаты», похоже, укрепила нашу решимость. В любом случае, мы готовились вывести свою навязчивость на новый уровень, покуда «Роршах» скрывала от нас громада планеты.

«Тезей» постоянно пребывал в тягости: в его фабрикаторе зрел многоцелевой зонд, чье производство притормозили перед самым появлением на свет на случай, если от него потребуются еще какие-то пока непредвиденные функции. Где-то между инструктажами Капитан принял роды, модифицировав зонд для близкого контакта и полевой работы на объекте. За добрых десять часов до появления «Роршаха» на горизонте аппарат завершил разгон вниз по гравитационному склону, встроился в метеоритный поток и впал в спячку. Если мы не просчитались, его не должно было разнести шальным обломком, прежде чем он проснется. И если все пойдет по плану, существа, безусловно руководившие многомиллионным кордебалетом, не заметят лишнего танцора на орбитальной сцене. Возможно, нам тупо повезет, и мириады скиммеров, находившихся в это время в поле зрения, не окажутся запрограммированными доносчиками.

Приемлемый риск. Если бы мы не были к нему готовы, то с тем же успехом могли остаться дома.

Оставалось ждать: четверем оптимизированным гибридам, едва ступившим за порог банального понятия человечества, и одному вымершему хищнику, который предпочел командовать нами, а не сожрать живьем. Мы ждали, когда «Роршах» вывернет из-за угла. Зонд, наш посол к изоляционистам или, если Банда не ошиблась, мелкий взломщик, нанятый, чтобы проникнуть в пустую квартиру, плавно скользил по гравитационной воронке. Шпиндель прозвал его «чертиком из коробочки», вспомнив детскую игрушку, такую древнюю, что она не удостоилась даже строчки в КонСенсусе. Мы падали ему вслед по почти баллистической траектории, тщательно рассчитав импульс и инерцию, чтобы проскользнуть сквозь бешеное минное поле аккреционного пояса.

Но Кеплер в одиночку не справился бы; время от времени «Тезей» рычал – по хребту корабля прокатывался рокот маневровых двигателей, когда Капитан корректировал спуск в водоворот.

«В бою первым гибнет план боя», – пришло в голову изречение, но я не смог вспомнить, откуда взял цитату^[38].

– Есть! – вскрикнула Бейтс. Из-за края Бена показалась крошечная точка, и дисплей сразу же дал увеличение. – Запуск по сигналу.

Как ни близко мы подкрались, «Роршах» все еще оставался невидим. Но параллакс отчасти сдвинул шоры с глаз зонда, открывая поминутно выпадавшие из виду иглы и спирали дымного стекла. Сквозь прозрачную толщу оставался полувиден бесконечный плоский горизонт Бена. Изображение подрагивало, по КонСенсусу ходили волны.

– Ничего себе магнитосфера, – заметил Шпиндель.

– Тормозим, – доложила Бейтс.

«Чертик» плавно развернулся назад и запустил движок. Индикатор смены скорости на тактическом дисплее покраснел.

В эту смену телом Банды командовала Саша.

– Входящий сигнал, – доложила она. – Формат тот же.

Сараста пощелкал языком:

– Соединить!

– «Роршах» – «Тезею». Привет, «Тезей». – На сей раз голос оказался женский, немолодой.

Саша ухмыльнулась:

– Видали? Она совсем не обиделась. Даже на «жирный лохматый хер».

– Не отвечать, – распорядился Сараста.

– Тяга отключена, – доложила Бейтс.

Летевший по инерции «чертик»... чихнул. Серебряные чешуйки швырнуло в бездну с такой скоростью, что «Тезей» по сравнению с ними неподвижно висел на месте: миллионы ослепительно-блестящих компасных стрелок. Миг – и они исчезли. Зонд наблюдал за падением дипольных отражателей, обводя лазерным лучом небесную сферу, дважды в секунду ощупывая им небеса и аккуратно отмечая каждую отраженную вспышку. Лишь поначалу иглы мчались по прямой; затем они скручивались в спирали Лоренца, их сносило по странным дугам и выводило в штопор, чтобы швырнуть по новым, прихотливым траекториям на почти релятивистских скоростях. В Консенсусе начали проявляться контуры магнитного поля «Роршаха», на первый взгляд напоминавшие уплотненные слои стеклянной луковицы.

– Бздыннь, – высказался Шпиндель.

Луковица оказалась червивой: в ней стали видны полости, длинные, извилистые тоннели в силовом поле, фрактально ветвящиеся на всех уровнях.

– «Роршах» – «Тезею». Привет, «Тезей». Вы на связи?

Голографическая врезка рядом с центральным дисплеем показывала углы постоянно плывущего треугольника: «Тезей» – на острой вершине, «Роршах» и «чертик» определяли узкое основание.

– «Роршах» – «Тезею»: я вас ви-ижу...

– Легкомысленная манера разговора у нее получается лучше, чем у него.

Саша покосилась на Сараста и не стала добавлять: «Продолжаем?» Но сомнения появились и у нее. Теперь, когда отступать оказалось поздно, она

начала продумывать возможные последствия ошибки. Для трезвой переоценки время вышло, но для Саши и это было достижением.

Кроме того, решал все равно вампир.

Тем временем в магнитосфере «Роршаха» проявились колоссальные петли. Невидимые человеческому глазу, они даже на тактической диаграмме оставались исчезающе тонкими; серебряные чешуйки разметало по небу так широко, что даже Капитану приходилось гадать. Новообразования висели в магнитном поле как вложенные друг в друга карданы огромного призрачного гироскопа.

– Вижу, вы не сменили вектор, – заметил «Роршах». – Мы серьезно советуем сменить курс. Правда-правда. Для вашей же безопасности.

Шпиндель покачал головой.

– Эй, Мэнди, а «Роршах» с «чертиком»-то говорит?

– Если да, то я этого не замечаю. Никаких отсветов, вообще никакого направленного излучения, – Бейтс мрачно усмехнулась. – Похоже, мы проскочили незамеченными. И не называй меня Мэнди!

«Тезей» со стоном содрогнулся. Я покачнулся, чуть не упал в низкой псевдогравитации; пришлось держаться, чтобы устоять.

– Коррекция курса, – доложила Бейтс. – Метеоритные рифы.

– «Роршах» – «Тезею». Просим ответа. Ваш текущий курс неприемлем. Повторяю, ваш текущий курс неприемлем. Категорически рекомендуем изменить направление.

К этому моменту зонд плыл уже в нескольких километрах от ведущего края «Роршаха». В такой близости можно было различить не только магнитные поля: яркими красками цветовой кодировки в КонСенсусе представал сам объект. Незримые обводы и шипы переливались множеством условных палитр: тяготение, альбеда, температура абсолютно черного тела. Колоссальные электрические разряды, бьющие с острых шипов, отображались пастельно-лимонными полосами. Дружественный интерфейс КонСенсуса превращал «Роршаха» в мультяшку.

– «Роршах» – «Тезею». Просим ответа.

Корабль зарычал маневровыми движками по левому борту, завилял. На тактическом дисплее еще один только что засеченный обломок прошел мимо «Тезея» на безопасном расстоянии в шесть километров.

– «Роршах» – «Тезею». Если не можете ответить, пожалуйста... твою мать!

Мультик моргнул и погас.

Но я заметил, что случилось в последнюю секунду: вот «чертик» минует одну из гигантских призрачных петель, и внезапно, будто лягушка

открыла рот, вырвалась стрела энергетического языка. Сигнал пропал.

– Теперь я вижу, что вы затеяли, суки! Кретины, думаете, мы совсем тупые?

Саша стиснула зубы.

– Мы...

– Нет, – отрезал Сараста.

– Но оно...

Сараста зашипел, звук шел из самой глубины глотки. Никогда не слышал, чтобы млекопитающие издавали такие звуки. Лингвист тут же замолкла.

Бейтс боролась с управлением.

– Я все еще... сейчас...

– Уберите эту хрень прямо сейчас, твари! Вы меня слышите? Сейчас же!

– Есть! – проскрежетала Бейтс, когда сигнал вернулся. – Только лазер перенацелить пришлось.

Зонд снесло в сторону – словно человека, переходящего реку вброд, захватило внезапное течение и швырнуло в водопад. Но он остался на связи и не потерял подвижность.

Почти... Бейтс с трудом удерживала его на курсе. Спотыкаясь, «чертик» продирался сквозь тугие витки магнитосферы «Роршаха». Объект громоздился в его окулярах. Изображение подмигивало.

– Продолжать сближение, – спокойно распорядился Сараста.

– Я бы с радостью, – прохрипела Бейтс. – Пытаюсь.

«Тезей» вновь пошатнулся, входя в штопор. Я был готов поклясться, что слышу, как скрежещут опоры вертушки. На тактическом дисплее мимо проплыл еще один метеорит.

– Я думал, вы эти штуки заранее засекли, – проворчал Шпиндель.

– Хотите затеять войну, «Тезей»? Вы об этом мечтаете? Думаете, силенок хватит?

– Оно не нападает, – взял решающее слово Сараста.

– Может, и нападет. – Бейтс не повышала голоса, но я видел, чего ей это стоит. – Если «Роршах» может управлять траекториями этих...

– Распределение нормальное. Коррективы незначительные.

Он, очевидно, имел в виду статистику, потому что корабль серьезно болтало и корежило.

– А, ну да, – внезапно произнес «Роршах». – Теперь понятно. Вы думаете, здесь никого нет? Вам какой-то консультант на большом окладе подсказал, что волноваться не из-за чего.

«Чертик» забрался в самую чащу Большую часть тактических оверлеев мы потеряли из-за зауженного канала связи. В тусклом видимом свете кошмарный ландшафт со всех сторон разрубали чудовищные ребристые гребни «Роршаха»: каждый – размером с небоскреб. Сигнал заикался, Бейтс изо всех сил пыталась удержать зонд в луче. КонСенсус раскрашивал стены и воздух колдовскими знаками телеметрии. Я понятия не имел, что они означают.

– Вы решили, что мы всего лишь «китайская комната» – глумился «Роршах».

«Чертик» шел на таран, нашаривая, за что бы уцепиться.

– Это была ошибка, «Тезей».

Нащупал. Прилип. И внезапно «Роршах» проявился у нас перед глазами – не контуры, не модели искусственных цветов и не упрямые комбинированные изображения. Он, наконец, предстал обнаженным перед людским взглядом.

Вообразите терновый венец: кривой, черный, матовый и слишком запутанный, чтобы примоститься на человеческой макушке. Запустите его на орбиту недоделанной звезды, чей отраженный полусвет едва очерчен силуэтами ее спутников. Редкие кровавые отсветы тусклыми углями вспыхивают в расселинах и на извивах, лишь подчеркивая царящую повсюду темноту.

Представьте себе объект, воплотивший само понятие страдания, нечто до такой степени искореженное и увечное, что даже сквозь бесчисленные световые годы и непредставимые бездны биологических различий ты не можешь не ощутить, что предмет будто корчится от боли.

Теперь увеличьте его до размеров города.

Он сверкал на наших глазах. На кривых километровых шипах играли молнии. КонСенсус раскинул перед нами осененный зарницами ландшафт ада: бесконечного, мрачного и мучительного. Синтезированные модели лгали – в нем не было и грана красоты.

– Слишком поздно, – сообщило нечто изнутри «Роршаха». – Теперь вы все покойники. И... Сюзен, ты слышишь? Мы начнем с тебя.

* * *

Жизнь слишком коротка для шахмат.

Лорд Байрон

Они никогда не закрывали за собой люк. Слишком легко затеряться в зияющей бесконечности, разверзшейся по всем осям координат. Им нужно было и то и другое – не только пустота, но и якорь посреди нее: слабые отсветы с кормы, незаметный ветерок из вертушки, дыхание людей и шорох машин рядом.

Я лежал в засаде. Прочитав десятки очевидных намеков в их поведении, я уже втиснулся в передний шлюз, когда они пролетали мимо. Выждал пару минут и пополз вперед, к погруженной в темноту рубке.

– Конечно, они обратились к ней по имени, – говорил Шпиндель. – Никакого другого имени они не знали. Она сама им сказала, помнишь?

– Ага, – Мишель это не успокаивало.

– Это ваша команда утверждала, что мы болтаем с «китайской комнатой». Хочешь сказать, вы ошиблись?

– Мы... нет! Нет, конечно.

– Ну тогда получается, «Роршах» Сьюзен не угрожал. Так? Он вообще никому не угрожал и понятия не имел, о чем говорил.

– Он руководствуется правилами, Исаак. «Роршах» следует функциональной схеме, которую начертил, наблюдая в действии человеческое общение. По этим правилам в данных обстоятельствах ему зачем-то понадобилось отреагировать угрозой насилия.

– Но если он даже не понимает, что говорит...

– Не понимает. Не может. Мы разбирали его речь так и этак, брали концептуальные единицы самой разной длины... – Долгий-долгий вздох. – Но он атаковал зонд, Исаак!

– «Чертик» просто слишком близко подобрался к одному из этих... электродов. Ну и замкнуло.

– Ты не считаешь, что «Роршах» враждебен?

Длинная пауза, слишком длинная. Я уже заподозрил, что меня обнаружили.

– Враждебен, – повторил, наконец, Шпиндель. – Дружелюбен. Мы выучили эти слова на Земле. Не знаю, можно ли применять их здесь, – он причмокнул. – Но он, полагаю, вроде как враждебен, да.

Мишель задумалась.

– Исаак, нет причины... Я хочу сказать, что это бессмысленно. У нас не может быть ничего, что им нужно.

– Он хотел, чтобы его оставили в покое, – заметил Шпиндель. – Даже если сам не понял, что сказал.

Некоторое время они парили за переборкой в тишине.

– По крайней мере радиационная защита выдержала, – подвел итог

биолог. – Уже что-то.

Он имел в виду не только «чертика». Наша собственная броня была покрыта слоем того же материала. Это истощило корабельные запасы сырья на две трети, но никто не собирался полагаться на обычное поле корабля перед лицом сил, с такой легкостью игравших с электромагнитным спектром.

– Если они нападут, что мы будем делать? – спросила Мишель.

– Выясним, что сможем, пока будет поступать информация. Станем отбиваться, пока хватит сил.

– Если хватит... Оглянись, Исаак. Мне плевать, насколько эта штука недоразвита. Просто скажи мне, что мы не безнадежно отстали.

– Отстали – само собой. Насчет безнадежно сомневаюсь.

– Раньше ты пел по-другому.

– Ну и что? Всегда есть способ выиграть.

– Если бы это сказала я, ты бы уже кричал про розовые очки.

– Тогда бы так и было. Но сейчас это говорю я, поэтому перед нами теория игр.

– Опять теория игр? Господи, Исаак...

– Нет, послушай. Ты думаешь об инопланетянах как если бы это были млекопитающие. Существа, наделенные чувствами, которые заботятся о потомстве.

– Откуда ты знаешь, что нет?

– Потому что нельзя заботиться об отпрысках, которые находятся в световых годах от тебя. Они сами по себе, а мир огромен, безразличен и опасен, и большинство из них не выживет, понимаешь? Лучшее, что ты можешь сделать, – наплодить миллионы детишек и искать слабое утешение в том, что по слепой случайности хоть кому-нибудь из них повезет. Млекопитающие так не мыслят, Мишель. Хочешь земных аналогий, вспомни семена одуванчика. Или селедку.

Слабый вздох.

– Значит, они межзвездные селедки. Только это не значит, что им не под силу нас раздавить.

– Но они-то про нас ничего не знают – заранее, по крайней мере. Семя одуванчика понятия не имеет, с чем ему придется столкнуться, когда прорастет. Может, вокруг ничего не будет. Может, полудохлая лебеда, которая тут же зачахнет. А может, ему дадут такого пинка, что оно долетит до Магеллановых облаков. Семя не знает, а универсальной стратегии выживания в природе нет. То, что против одного игрока – козырь, против другого – шестерка. Поэтому приходится тасовать стратегии согласно

вероятностям. Это игра краплеными картами, и в целом она дает наилучший средний выигрыш. Но, по крайней мере, пару раз ты обязательно лоханешься и выберешь неверное решение. Такова цена игры. А это значит, что слабые игроки не просто могут выиграть у сильных; по статистике, они иногда обязательно выигрывают.

Мишель фыркнула.

– И это твоя теория игр? Камень – ножницы – бумага со статистикой?

Может, Исаак не уловил отсылки, потому задержался с ответом – как раз настолько, чтобы обратиться к КонСенсусу за ссылкой, – а затем расхохотался:

– Камень – ножницы – бумага! Точно!

Несколько секунд лингвист переваривала его реакцию:

– Очень мило с твоей стороны, но это сработает, если противник слепо перебирает варианты. А это совсем необязательно, если знать заранее, с чем будешь иметь дело. Господи ты боже мой! Они столько знают о нас...

Они угрожали Сьюзен. Причем конкретно ей.

– Они не могут знать все, – настаивал Шпиндель. – И принцип действует в любом сценарии, связанном с неполной информацией, не только в предельном случае невежества.

– Но не так хорошо.

– Хоть как-то действует, и это наш шанс. Пока карты не сданы, неважно, насколько хорошо ты играешь в покер, а? Вероятность получить хорошую сдачу не меняется.

– Так вот во что мы играем. В покер.

– Скажи спасибо, что не в шахматы. Тогда бы нам точно пришел конец.

– Эй, из нас двоих мне полагается быть оптимисткой.

– Ты и есть оптимистка. Это у меня юмор висельника прорезался. Мы все вошли в историю на полдороге, играем свои роли, как можем, и все умрем до конца представления.

– Узнаю моего Исаака, мастера боев без победителя.

– Победить можно: победителем будет тот, кто точнее угадает, чем обернется дело.

– Значит, ты просто гадаешь?

– Угу. Только без информации невозможно толково гадать. И мы можем оказаться первыми, кто выяснит, что случится с человечеством. Пожалуй, по одному этому факту нам уже обеспечен проход в полуфинал.

Мишель долго не отвечала. Когда она снова заговорила, я не смог разобрать слов. Шпиндель тоже.

– Извини?
– Ты тогда сказал «из незаметного в неуязвимого». Помнишь?
– Угу. Выпускной бал «Роршаха».
– Как думаешь, скоро?
– Понятия не имею. Но вряд ли мы прозеваем этот момент. Вот почему мне кажется, что он не нападал на нас.

Должно быть, Мишель вопросительно на него взглянула.

– Потому что, если он за нас возьмется, это будет не ласковый шлепок по заднице, – объяснил он. – Когда эта сволочь очнется, мы заметим.

Краем глаза я уловил за спиной какое-то движение, развернулся в тесном проходе и еле сумел проглотить вскрик: что-то едва различимое, многорукое вывернулось из-под взгляда и нырнуло за угол, тут же сгинув.

Да не было его там! Не могло быть. Померещилось...

– Ты слышала? – спросил Шпиндель, но я сбежал на корму прежде, чем Мишель успела ответить.

* * *

Мы спустились так низко, что невооруженный глаз больше не видел диска – едва замечал кривизну поверхности. Мы летели прямо в стену, в бескрайний сумрачный простор кипящих грозовых туч, растянувшийся во все стороны до бесконечно далекого горизонта. Бен заполнил половину Вселенной.

А мы продолжали падать.

Далеко внизу «чертик» уцепился колючими кранцами, похожими на лапы геккона, за ребристую шкуру «Роршаха» и разбил там лагерь. Он облучал поверхность рентгеном и ультразвуком, простукивал ее пытливыми пальцами и слушал отзвуки, ставил крошечные заряды взрывчатки и отмерял эхо взрывов. Он рассеивал семена как пыльцу: тысячи крошечных зондов и датчиков – автономных, близоруких, придурковатых и одноразовых. Большинству предназначалась роль жертвы, умиротворяющей слепой случай; лишь один из сотни продержался достаточно долго, чтобы передать по телеметрии полезные данные.

Покуда наша передовая разведка вела съемку окрестностей, «Тезей», падая с небес, рисовал масштабные карты. Он уже в свой черед сплюнул тысячи одноразовых зондов, распределил их в пространстве и теперь собирал стереоскопическое изображение с тысячи точек зрения одновременно.

В жилых отсеках корабля собирался лоскутный образ. Шкура «Роршаха» на шестьдесят процентов состояла из сверхпроводящих углеродных нанотрубок. Его внутренности оказались, в основном, пусты, но в некоторых полостях даже была атмосфера. Никакая форма земной жизни не продержалась бы там и секунды: радиационные пояса и электромагнитные поля прихотливым образом обвивали конструкцию, просачиваясь внутрь. Местами радиация была настолько мощной, что вмиг обратила бы в пепел обнаженную плоть. Более спокойные заводи за то же время просто убивали: заряженные частицы с субсветовыми скоростями мчались по невидимым трекам, хлестали из зияющих дыр, вертелись в объятиях магнитных полей, какими не погнушалась бы и нейтронная звезда, вырывались на открытое пространство и вновь ныряли в черную тушу. Изредка на поверхности набухали и лопались нарывы, выпуская облака микрочастиц, которые, будто споры, засеивали пояса Ван-Аллена^[39]. Больше всего «Роршах» напоминал гнездо свившихся друг с другом не до конца разобранных циклотронов.

Ни «чертик» внизу, ни «Тезей» с орбиты не смогли обнаружить вход, если не считать непроходимые жерла, то извергавшие потоки заряженных частиц, то глотавшие их обратно. Даже при максимальном приближении не нашлось ни люков, ни шлюзов, ни иллюминаторов. То, что нам угрожало по лазерной связи, подразумевало наличие каких-то оптических антенн или фазовых решеток, но даже их мы не смогли обнаружить.

Определяющим свойством фон-неймановских машин является самовоспроизводство. Подходит ли «Роршах» под этот критерий, будет он давать семена, или делиться, или рожать, преодолев некий критический порог (если уже не сделал этого), – вопрос оставался открытым.

Один из тысячи вопросов. В конечном итоге после всех наблюдений и раздумий, рассуждений и догадок мы вышли на орбиту, узнав миллион несущественных мелочей и не получив ни одного ответа на главные вопросы. С уверенностью можно было сказать одно: пока «Роршах» огня не открывал.

* * *

– Мне показалось, «Роршах» знал, о чем говорит, – заметил я.

– В этом-то и загвоздка, – отозвалась Бейтс.

Ей было некому довериться: она не вела интимных бесед, которые можно подслушать. С ней я использовал прямой подход.

«Тезей» все рожал, выдавая на свет двойню за двойней мерзостных тварей: бронированных, приплюснутых овоидов вдвое больше человеческого торса, утыканных всякими разными садовыми принадлежностями: антеннами, оптическими портами, втяжными пилами. И оружейными дулами.

Бейтс созывала своих солдат. Мы с ней парили перед главным выходом фаба, в основании корабельного хребта. С тем же успехом фабрикатор мог извергнуть войско в трюм под панцирем – там оно в любом случае будет покоиться, пока не придет пора, – но Бейтс осматривала каждого пехотинца лично, прежде чем отправить к воздушному шлюзу, располагавшемуся в паре метров выше по коридору Ритуал, надо полагать, армейская традиция: глазами она не могла обнаружить ничего такого, чего не показала бы базовая диагностика.

– Это будет сложно? – спросил я. – Управлять ими без помощи интерфейса?

– Они сами прекрасно управятся. Без спама в сети время реакции ускоряется. Я здесь исполняю, скорее, роль предохранителя.

«Тезей» зарокотал, набирая высоту. Кормовая броня дрогнула. Еще один обломок местного мусора миновал нашу траекторию. Мы выходили на экваториальную орбиту всего в нескольких километрах над объектом, в безумной отваге пробивая аккреционный пояс.

Никого, кроме меня, это не волновало.

– Это как переходить скоростное шоссе, – с пренебрежением отмела Саша мои тревоги. – Попробуй ползком – и тебя на шину наматает. Прибавь ходу – и плыви по течению.

Но в потоке возникали завихрения. С тех пор как «Роршах» замолк, пяти минут не проходило без очередной коррекции курса.

– Так что, ты согласна? – спросил я. – Распознавание образов и пустые угрозы? Волноваться не о чем?

– Пока по нам огня не открывали, – отозвалась Бейтс.

Это значило: ничего подобного.

– Как ты относишься к доводам Сьюзен? Разные среды обитания, нет причин для конфликта...

– Пожалуй, это имеет смысл.

Читай: полная фигня.

– Ты можешь назвать причину, по которой существа, так сильно отличающиеся от нас, решат напасть?

– Вполне возможно, – заметила она, – для атаки хватит и этих самых различий.

Я видел, как в ее графах преломляются поля детсадовских боев. Вспомнил собственные и попытался представить, бывают ли другие.

Хотя, по сути, в этом и смысл. Люди воюют не из-за цвета кожи или идеологии: и то и другое – лишь удобные метки для отбора сородичей. В конечном итоге все сводится к генетическим линиям и дефициту ресурсов.

– Исаак сказал бы, что это другое дело, – заметил я.

– Пожалуй.

Бейтс отправила очередного солдатику в трюм; на его место с гудением заступили двое, плечом к плечу. Броня блестела в свете ламп.

– Сколько пехотинцев тебе нужно?

– Сири, мы готовимся к грабежу со взломом. Оставлять самим дом без присмотра было бы глупо.

Я изучал ее топологию также тщательно, как она осматривала броню роботов: внутри бурлили сомнение и гнев.

– Ты в сложном положении, – заметил я.

– Как и все мы.

– Но ты отвечаешь за нашу оборону против врага, о котором мы пока ничего не знаем, можем лишь гадать.

– Сараста не гадают, – поправила Бейтс. – Его не случайно поставили командиром. Не вижу особого резона оспаривать его распоряжения, когда нам всем не хватает по сотне пунктов IQ, чтобы понять их смысл.

– Тем не менее о его хищнической натуре все предпочитают молчать, – заметил я. – Ему тоже нелегко: такой интеллект сосуществует с инстинктивной агрессией. Важно, чтобы победила верная сторона.

В этот момент майору пришло в голову, что Сараста может подслушивать. Но в следующую секунду она решила, что это неважно: какое ему дело до мнения скотины, если та исполняет приказы?

– Я думала, – произнесла Бейтс вслух, – что вам, жаргонатам, не положено иметь собственное мнение.

– Оно не мое.

Майор замолчала и вернулась к осмотру.

– Ты же знаешь, чем я занимаюсь, – напомнил я.

– Угу, – один из двух роботов прошел поверку и отправился вверх по хребту. Бейтс повернулась ко второму. – Упрощаешь. Чтобы народ, оставшийся на Земле, понял, чем тут занимаются специалисты.

– Отчасти.

– Мне не нужен переводчик, Сири. Если все пройдет гладко, то я спокойно выполню роль консультанта. Если нет – телохранителя.

– Ты офицер и военный эксперт. Я бы сказал, что для оценки

возможной угрозы со стороны «Роршаха» это достаточная квалификация.

– Я – грубая сила. Разве Юкку или Исаака не надо упрощать?

– Именно этим я и занимаюсь.

Она обернулась.

– Вы взаимодействуете, – пояснил я. – Все компоненты системы влияют друг на друга. Обработать Сарасту, не учитывая тебя, – значит рассчитывать ускорение, забыв о массе.

Бейтс опять вернулась к своему выводу. Еще один робот прошел осмотр.

Она ненавидела не меня, а то, что подразумевалось под моим присутствием.

«Они не доверяют нам и не дают говорить за себя, – молчала она. – Как бы мы ни были ловки, как бы далеко ни обогнали остальную стаю. Может, именно поэтому. Мы для них как зараженные. Мы субъективны. Поэтому с нами послали Сири Китона, который перескажет, что мы имели в виду на самом деле».

– Понимаю, – сказал я через минуту.

– Да ну?

– Это вопрос не доверия, майор, а местоположения. Нельзя рассмотреть систему изнутри, кем бы ты ни был. Пропорции искажаются.

– А для тебя – нет?

– Я вне системы.

– Сейчас ты общаешься со мной.

– Только как наблюдатель. Совершенство недостижимо, но достигаемо, понимаешь? Я не участвую в исследованиях и не принимаю решений; не вмешиваюсь в те аспекты миссии, которые призван изучать. Но, естественно, я задаю вопросы. И, чем больше информации в моем распоряжении, тем точнее анализ.

– Я думала, тебе и спрашивать не надо. Считала, ты по губам читаешь или вроде того.

– Важна каждая мелочь, все идет в котел.

– И ты этим занимаешься прямо сейчас? Синтезируешь?

Я кивнул.

– Без всякого специального образования?

– Я такой же специалист, как и ты. Специалист по обработке информационных графов.

– Но ты ни черта не смыслишь в их содержании.

– Достаточно понимать форму.

Бейтс, кажется, нашла мелкий изъян в боевом роботе, которого

разглядывала, и поскребла броню ногтем.

– А софт без твоей помощи не справился бы?

– Софт многое может, но кое-что мы предпочитаем делать сами, – я мотнул головой в направлении солдата. – Визуальный осмотр, например.

Она усмехнулась, признав поражение.

– Так что прошу, говори свободно. Я обязан обеспечивать конфиденциальность, ты же знаешь.

– Спасибо, – произнесла она, имея в виду: «На борту корабля такой штуки просто не существует».

«Тезей» зазвенел. Вдогонку раздался голос Сарасты:

– Выход на орбиту через пятнадцать минут. Через пять всем собраться в вертушке.

– Ну вот, – пробормотала Бейтс, отправляя в путь последнего солдата, – поехали.

Она оттолкнулась и поплыла вверх по хребту. Новорожденные машины-убийцы угрожающе пощелкивали в мою сторону. От них пахло новыми автомобилями.

– Кстати, – бросила Бейтс через плечо, – ты пропустил самое очевидное.

– Что-что?

В конце прохода она развернулась вверх ногами и, как гимнастка, приземлилась рядом с люком вертушки.

– Причину. Зачем кому-то нападать, если от нас им ничего не нужно.

– Если они на самом деле не нападают, – прочел я на ее лице. – Если они защищаются.

– Ты спрашивал насчет Сарасты. Крепкий парень, волевой лидер. Мог бы больше времени проводить с рядовым составом.

Вампир не уважает подчиненных. Не прислушивается к советам. Постоянно прячется. Я вспомнил косаток-мигрантов.

– Может, он щадит наши чувства?

Он знает, что заставляет нас нервничать...

– Разумеется, – отозвалась Бейтс.

Вампир даже себе не доверяет.

* * *

И это касалось не только Сарасты. Они все скрывались от людей, даже когда сила была на их стороне. Всегда жили на грани легенды.

Началось все как обычно: вампиры далеко не первые обнаружили преимущества сохранения энергии. Землеройки и колибри, обремененные крошечными тельцами и форсированным метаболизмом, за ночь умирали бы от голода, если бы не впадали в оцепенение на закате. Коматозные морские слоны бездыханные таились на дне морском, поднимаясь только в погоне за добычей или когда содержание лактата достигало критического уровня. Медведи и бурундуки снижали энергетические расходы, отсыпаясь голодными зимними месяцами, а двоякодышащие рыбы – существа родом из Девона, владеющие настоящим «черным поясом» по искусству спячки, – могли лечь и сдохнуть на долгие годы, ожидая дождей.

С вампирами было немного иначе. Им мешал не метаболический разгон, недостаток кислорода или накрывающий кладовку снежный полог. Для них проблема заключалась не в малом количестве добычи, а в том, что они сами не слишком от нее отличались, так как совсем недавно отошли от базовой линии гоминидов. Наши темпы размножения совпадали. Обычная динамика типа «волк – заяц», когда на одного хищника приходится сотня жертв, здесь не подходила. Вампиры питались добычей, которая размножалась не многим быстрее их, и выжрали бы собственную кормовую базу в мгновение ока, если бы не научились давать по тормозам.

Эволюция вынесла им смертный приговор, когда они уже могли отключаться на десятки лет. В этом был двойной смысл. Анабиоз не только срезал их метаболические потребности, пока корм размножался до уровня потребления. Он давал на время забыть, что мы – их добыча. К плейстоцену люди сильно поумнели, даже могли позволить себе легкий скептицизм; если за годы жизни в саванне ты не сталкивался с ночными демонами, с чего тебе верить болтовне дряхлой бабки за трапезой у костра?

Сон вампиров был смертью для наших предков, пускай даже именно эти вражеские гены – ныне присвоенные людьми – спустя полмиллиона лет хорошо нам послужили, когда мы покинули Солнечную систему. Меня ободряла мысль о том, что Сараста, скорее всего, сам чувствовал власть инстинктов, врожденное отвращение к собственной видимости, вылепленное поколениями в ходе естественного отбора. Быть может, каждую минуту, проведенную в нашем обществе, он сопротивлялся голосам, требовавшим от него скрыться, спрятаться и позволить добыче успокоиться. Вероятно, он уходил, когда становилось невмочь им сопротивляться. Вдруг мы его нервировали не меньше, чем он нас. Могли же мы на это надеяться, правда?

Наша окончательная траектория в равной мере сочетала элементы осторожности и отваги.

«Роршах» нарезал идеальные круги по экватору Большого Бена, на расстоянии 87 900 км от центра тяжести. Сараста не желал выпускать объект из поля зрения: не надо быть вампиром, чтобы не доверять ретрансляционным спутникам в радиоактивной пурге из песка и роботов. Очевидной альтернативой стало согласование орбиты.

Спорить о том, всерьез ли «Роршах» грозил нам – и понимал ли, о чем говорит, – уже было явно не к месту. Так или иначе, мы могли столкнуться с защитными мерами, и длительное сближение только увеличивало риск. Поэтому Сараста пришел к оптимальному компромиссу: умеренно эксцентричная орбита практически касалась объекта в перигее и держала нас на отдалении все остальное время. Траектория получалась длиннее, чем у «Роршаха», и выше – на нисходящей дуге приходилось идти на тяге, чтобы синхронизировать вращение, – но в итоге мы не упускали объект из вида ни на минуту, а на дистанции поражения находились лишь в течение трех часов до и после нижней точки.

Нашей дистанции поражения, естественно. Насколько мы знали, «Роршах» был способен, например, протянуть руку и прихлопнуть нас еще до того, как мы покинули пределы Солнечной системы.

Сараста командовал из своей палатки. КонСенсус принес его голос в вертушку, когда «Тезей» проходил апогей:

– Пора.

«Чертик» воздвиг над собой купол – пузырь, приклеенный к корпусу «Роршаха» и надутый в вакууме одним выдохом азота. Теперь зонд навел лазеры на цель и принялся сверлить. Если сонар не ослышался, толщина поверхности под его ногами составляла всего тридцать четыре сантиметра. Несмотря на шесть миллиметров усиленной радиозащиты, лазерные лучи постоянно заикались во время работы.

– Сучий потрох, – пробормотал Шпиндель. – Это же надо, получается.

Мы прожгли прочный волокнистый эпидермис и изоляционные жилы какого-то материала вроде управляемого асбеста. Слой за слоем сверхпроводящей сетки, перемежавшейся слоистыми углеродными пленками.

Мы пробились внутрь.

Лазеры тут же погасли. За несколько секунд кишечные газы

«Роршаха» надули палатку как барабан. В загустевшей атмосфере клубилась и плелась черная сажа.

Никто по нам не стрелял и никак не отреагировал. Вообще! В КонСенсусе начали копиться парциальные давления газов: метан, аммиак, водород. Много водяного пара, вымерзавшего быстрее, чем приборы успевали его регистрировать.

Шпиндель хрюкнул.

– Восстановительная атмосфера. До-снежковая фаза^[40].

В его голосе звучало разочарование.

– Может, они еще не закончили работу, – предположила Джеймс. – Как и над всем объектом.

– Может...

«Чертик» высунул язык – огромный механический сперматозоид с оптомышечным хвостом. Головой ему служил толстокожий ромб, половину поперечного сечения которого занимала керамическая броня. Крошечный ганглий датчиков в его сердцевине был рудиментарным, но настолько маленьким, что мог просочиться в просверленную лазером узкую дырочку диаметром с карандаш. Зонд просунулся внутрь, облизывая свежепрорванное отверстие «Роршаха».

– Темно там, – заметила Джеймс.

– Зато тепло, – ответила Бейтс.

Двести восемьдесят один кельвин^[41]. Выше точки замерзания.

Эндоскоп нырнул во тьму. В тепловом спектре прорезалась зернистая черно-белая картинка – что-то вроде тоннеля, заполненного туманом, с причудливыми каменными наростами. Стены гнулись как соты или окружности окаменевшей кишки. Тут и там от центрального прохода ответвлялись тупички и боковые коридоры. Судя по виду, основным материалом служило плотное «слоеное тесто» из углеродного волокна. Местами в зазор между слоями едва можно было просунуть палец, а в некоторые щели удалось бы пропихнуть труп.

– Дамы и господа, – вполголоса произнес Шпиндель. – Кушать подано – чертова пахлава.

Я был готов поклясться, что заметил какое-то очень и очень знакомое движение.

Камера сдохла.

Роршах

Матери любят своих детей больше, чем отцы, так как они более уверены в том, что это именно их дети.

Аристотель

Попрощаться с отцом я не смог; даже не знаю, где он был в то время.

Прощаться с Хелен я не хотел, не желал туда возвращаться. Только проблема была в том, что теперь я мог вообще никуда не ехать: на планете не осталось места, где бы гора не взяла и не пришла к Магомету. Небеса были лишь очередным районом глобальной деревни, и та не оставляла мне выбора.

Я связался с матерью прямо из своей квартиры. Новые имплантаты – заточенные под экспедиционные нужды и всего неделю назад вставленные под череп – навели мост в ноосферу и постучались во врата рая. Некий ручной призрак, столь же бесплотный, как Петр-ключник, хотя более правдоподобный, принял записку и умчался.

Меня пустили внутрь.

Ни передней, ни комнаты свиданий: Небеса не предназначались для досужих зевак; любой рай, в котором бы себя уютно чувствовали скованные плотью, оказался бы нестерпимо прозаичен для бестелесных душ. Гость и хозяин могли видеть совершенно разные обстановки. Если бы я захотел, то мог бы снять с полки любой стандартный пейзаж и обставить это место как мне заблагорассудится. Сами взошедшие, конечно, не поддавались изменению. Хотя одно из преимуществ посмертия – возможность самому выбирать себе лица.

То, чем предстала моя мать, лица не имело. И, черта с два, я стану прятаться перед ней за какой-то маской.

– Привет, Хелен.

– Сири! Какой чудесный сюрприз!

Она была абстракцией абстракции: нереальным пересечением десятков ярких стекол, словно засветился изнутри и ожил рассыпавшийся витраж. Она кружилась передо мной, как стая рыбок. Ее мир был отдаленным эхом телесного существования Хелен: огоньки, острые углы и трехмерные эшеровские парадоксы, громоздившиеся сияющими тучами. И все же почему-то я узнал бы ее в каком угодно виде. Небеса – это сон:

только проснувшись, понимаешь, что люди, которых ты там видел, совсем не похоже на тех, с кем ты сталкивался в реальной жизни.

В сенсорном поле я нашел лишь один знакомый ориентир – рукотворный рай моей матери пропах корицей.

Я смотрел на сияющую аватару и представлял себе тело, отмокающее в чане с питательным раствором глубоко под землей.

– Как поживаешь?

– Прекрасно... Прекрасно! Конечно, не сразу привыкаешь к тому, что твой разум принадлежит не тебе одной. (Рай не только питал мозги своих обитателей, но и кормился ими – использовал резервные мощности незадействованных синапсов, поддерживая собственную инфраструктуру.) Тебе обязательно надо сюда перебраться, и чем быстрее, тем лучше. Ты не захочешь уходить.

– Вообще-то я улетаю, – отозвался я. – Завтра старт.

– Улетаешь?

– Пояс Койпера. Ты знаешь. Светлячки.

– Ах да... Кажется, я что-то слышала. Понимаешь, новости из внешнего мира к нам почти не поступают.

– В общем, я хотел попрощаться.

– Я рада. Надеюсь увидеть тебя без... ну ты понимаешь...

– Без чего?

– Ты знаешь. Не хочу, чтобы твой отец подслушивал.

Опять...

– Хелен, отец на задании. Межпланетный кризис. Может, ты слышала хоть какие-то новости?

– Разумеется. Ты знаешь, я не всегда терпеливо переносила длительные командировки твоего отца. Но, вероятно, все к лучшему: чем меньше времени он проводил с нами, тем меньше мог сделать.

– Сделать?

– С тобой, – призрак застыл на несколько секунд, изображая неуверенность. – Никогда тебе этого прежде не говорила, но... нет. Не стоит!

– Не стоит что?

– Вспоминать... старые обиды.

– Какие обиды?

Точно по звонку, привычка въелась слишком глубоко. Я ничего не мог с собой поделать – всегда тявкал по команде.

– Ну, – начала она, – иногда ты возвращался – когда был совсем маленький, – и у тебя было такое лицо... напряженное и застывшее, что я

думала: почему ты так сердишься, малыш? На что может злиться такая кроха?

– Хелен, о чем ты? Возвращался откуда?

– Оттуда, куда он тебя водил, – на ее гранях мелькнуло что-то вроде дрожи. – Тогда твой отец еще не так часто уезжал, не был такой важной персоной – просто помешанным на карате бухгалтером, готовым болтать о криминалистике, теории игр и астрономии, пока не вгонит собеседника в сон.

Я попытался себе представить: мой отец – болтун.

– Это не похоже на папу.

– Само собой! Тогда ты был слишком мал, чтобы запомнить, а он был просто маленьким человеком. Им и остался, несмотря на все тайные задания и засекреченные инструкции. Никогда не понимала, как люди этого не замечают. Но даже в те времена твой отец предпочитал... ну это все же не его вина, наверное. У него было трудное детство, он так и не научился решать проблемы как взрослый. Предпочитал давить и использовать свое положение, можно так сказать. Я узнала об этом после того, как мы поженились. Если бы раньше, я... но я приняла этот груз и не бросила его.

– Хочешь сказать, что он издевался над тобой? – «Оттуда, куда он тебя водил». – Ты... хочешь сказать, что и надо мной?

– Сири, издевательства бывают разные. Порой слова ранят сильнее пуль. А бросить ребенка...

– Он не бросал меня, а оставлял с тобой.

– Твой отец бросал нас, Сири! Порой на целые месяцы, и я... мы не знали, вернется ли он. Это был его выбор! Он не нуждался в этой работе, имел массу других специальностей, которые много лет назад ушли в прошлое.

Я недоверчиво покачал головой, не в силах произнести вслух услышанное: мать ненавидела отца за то, что у того не хватило любезности устареть.

– Отец не виноват, что мировая служба безопасности по-прежнему необходима, – произнес я.

Она продолжала, будто не слыша меня:

– Были времена, когда нашим ровесникам приходилось работать, чтобы свести концы с концами. Но даже тогда люди предпочитали проводить время с семьей, позволяли себе такую роскошь. А сознательно оставаться на работе, без особой на то необходимости – это... это... – Она разбилась и собралась вновь уже рядом со мной. – Да, Сири, я считаю это издевательством. И если бы твой отец был верен мне хотя бы в половину

как я ему...

Я вспомнил Джима и нашу последнюю встречу: как он нюхал вазопрессин под тревожными взглядами роботов-охранников.

– По-моему, отец нас не предавал.

Хелен вздохнула:

– Я и не надеялась, что ты поймешь. Я не такая уж дура, видела, чем все обернулось. Все эти годы мне фактически пришлось растить тебя одной, пришлось быть строгой, заниматься твоим воспитанием. Ведь отец опять укатил на очередное секретное задание! Он возвращался на неделю-другую, и ты смотрел на него влюбленными глазами лишь потому, что папа соизволил явиться. Я виню тебя в этом не больше, чем его, вина уже ничего не решает. Я просто думала... решила, что тебе стоит знать. Как хочешь, так и понимай.

Непрощеное воспоминание: мне девять лет, и Хелен зовет меня лечь рядом с ней; гладит ладонью мой шрам, несвежее сладковатое дыхание касается моей щеки. «Ты – единственный мужчина в семье, Сири. На твоего папу больше нельзя положиться. Только ты да я...»

Я ничего не ответил, но спросил:

– Неужели совсем не помогло?

– Ты о чем?

Я обвел взмахом руки созданную на заказ абстракцию, самоподдерживающийся осознанный сон.

– Здесь ты всемогуща. Пожелай что хочешь, вообрази что угодно – и вот оно. Я думал, ты сильнее изменишься.

Радужные витражи аккомпанементом заиграли под натянутый смешок.

– Для тебя это – недостаточная перемена?

– Нет.

Небеса оказались с изъяном: сколько бы аватар и големов ни строила здесь Хелен, сколько бы скудельных сосудов ни пели ей осанну и ни сострадали несправедливости, которую она претерпела, в конечном итоге все сводилось к разговору с самой собой. Существовала иная реальность, над которой мать не властвовала, и другие люди, которые не подчинялись ее правилам и думали о ней как заблагорассудится. Если вообще думали. Она могла провести всю жизнь, не встретившись с ними. Но она знала об их существовании, и это сводило ее с ума. Когда я покидал Небеса, мне пришло в голову, что при всем всемогуществе мать стала бы абсолютно счастливой в собственном раю лишь в одном случае – если бы вся остальная вселенная сгинула без следа.

– Этого не должно было случиться! – отчеканила Бейтс. – Защита держалась.

Банда сидела в своей палатке по другую сторону вертушки и с чем-то возилась. Сараста в тот день держался за кулисами и отслеживал происходящее из своего логова. В общей комнате остались я, Бейтс и Шпиндель.

– Против чистого ЭМ-поля – может быть. – Шпиндель потянулся, подавляя зевоту. – В живых тканях ультразвук проталкивает магнитные поля через оболочки. Могло такое случиться с вашей электроникой?

Бейтс развела руками:

– Кто ее разберет? С тем же успехом там могли поработать эльфы и черная магия.

– Ну это был не полный провал. Можно сделать несколько интересных предположений.

– Например?

Шпиндель поднял палец:

– Слои, которые мы прорезали, не могли появиться в ходе естественных метаболических процессов, по крайней мере я таких представить не могу. Так что эта штука не живая в биологическом смысле слова. Если, конечно, в наши дни это что-то значит, – добавил он, окидывая взглядом чрево нашего кита.

– Как насчет жизни внутри объекта?

– Бескислородная атмосфера. Сложную многоклеточную жизнь, скорее всего, можно исключить. Микробы – вероятно, хотя, если они там есть, я жажду увидеть это чудо. Но любой достаточно сложный организм, способный мыслить, не говоря о том, чтобы построить вот это, – Шпиндель указал на изображение в Консенсусе, – требует высокоэнергетического метаболизма, а значит, кислорода.

– Ты думаешь, что «Роршах» пустой?

– Этого я не говорил. Инопланетянам положено быть загадочными и все такое, но я не понимаю, зачем кому-то строить заповедник космических масштабов для анаэробных бактерий.

– В этой штуке кто-то должен обитать. Зачем тогда вообще атмосфера, если мы имеем дело просто с терраформирующим автоматом?

Шпиндель ткнул пальцем в сторону палатки.

– Как сказала Сьюзен: атмосфера еще строится. Так что можем

потусить в пустом доме, пока хозяева не явились.

– В пустом?

– Типа того. Я прекрасно понимаю, что мы видели лишь крохотную долю от всего объекта. Но кто-то же видел, как мы приближаемся! И, насколько помню, очень сердился. Если они разумны и враждебны, почему не стреляют?

– А может, уже выстрелили.

– Если что-то внутри и расстреляло твоих роботов, оно поджарило их не быстрее обычной естественной среды.

– То, что ты называешь «обычной естественной средой», может оказаться активной защитой. Иначе почему орбитальная станция настолько необитаема?

Шпиндель закатил глаза.

– Ладно, я ошибся. Для предположений мы знаем недостаточно.

Нельзя сказать, что мы не пытались раздобыть больше информации. Когда сенсорная головка «чертика» напрочь сгорела, мы разжаловали его в землекопы: зонд по волоску расширял шахту, терпеливо выжигая края проделанной первоначально замочной скважины, покуда та не достигла метра в диаметре. Тем временем мы переделывали пехотинцев Бейтс – навесили столько защиты, что те не отказали бы и в ядерном реакторе, и внутри циклотрона, – и в перигее сбросили их на «Роршах», словно камушки с опушки в зачарованный лес. Каждый из них по очереди прошел воротца «чертика», разматывая за собой нити оптоволокну для передачи данных в ионизированной атмосфере.

Мимолетный взгляд – вот и все, чего им удалось добиться. Мы получили несколько эпизодических сцен. Видели, как шевелятся стены «Роршаха»: волны перистальтики лениво колыхали его внутренности. Видели, как из стен в мучительных спазмах вылезают похожие на патоку новообразования, которые с течением времени должны были совершенно перекрыть проход. Сквозь некоторые помещения наша пехота проплывала с легкостью, в других спотыкалась и с трудом находила дорогу среди магнитного шума. Роботы пролезали сквозь странные пасти, ощеренные бритвенно-острыми зубами, тысячами спирально изогнутых треугольных лезвий, выложенных параллельными рядами. Они осторожно обходили облака тумана, слепленные в абстрактные фрактальные фигуры, смещающиеся, бесконечно повторяющие себя, чьи заряженные капли были нанизаны на мириады сходящихся линий электромагнитного поля.

Рано или поздно каждый солдат сгорал. Или мы теряли с ним связь.

– Можно улучшить радиационную защиту? – полубопытствовал я.

Шпиндель взглянул на меня.

– Мы и так уже замуровали все, кроме датчиков, – объяснила Бейтс. – Если закрыть и их, мы ослепнем.

– Но видимый свет относительно безопасен. Как насчет чисто оптически...

– Мы уже пользуемся оптической связью, комиссар, – отрезал Шпиндель. – Мог бы заметить, что всякая хрень все равно просачивается.

– Но есть же эти... как их... – я поискал слова, – полосовые фильтры? И приспособления, которые будут пропускать видимые частоты, срезая смертельное излучение?

Шпиндель фыркнул.

– Ага! Такая штука называется «атмосферой», и, если бы мы приволокли ее с собой – раз в пятьдесят толще земной, – она могла бы частично отфильтровать эту кашу Правда, Земле еще здорово помогает магнитное поле, но я не стал бы полагаться на нашу ЭМ-защиту.

– Если мы и дальше будем сталкиваться с такими всплесками, – уточнила Бейтс. – Настоящая проблема в них.

– Они повторяются со случайными интервалами? – поинтересовался я.

Шпиндель пожал плечами, как вздрогнул:

– Не думаю, что в здешних местах есть что-то случайное. Хотя кто знает? Нужно больше данных.

– Которые мы вряд ли получим, – закончила Джеймс, подползая к нам по потолку, – если зонды и впредь будет коротить.

Условное наклонение оказалось чистой фигурой речи. Мы рискнули, жертвовали зондами одним за другим – в надежде, что хотя бы одному повезет. Чем дальше они уходили от базы, тем быстрее их шансы на выживание стремились к нулю. Мы пытались экранировать оптоволокну для уменьшения протечек; замотанный в несколько слоев феррокерамики кабель получался настолько жестким и негибким, что мы фактически размахивали зондом на палочке. Решили обойтись без помочей и отправляли роботов на самостоятельную разведку в радиоактивный буран, надеясь потом скачать данные, – но ни один не вернулся. В общем, испробовали все.

– Мы можем отправиться туда сами, – сказала Джеймс.

Ну все, приехали...

– Ага, – выдавил Шпиндель голосом, который мог значить только «нет!».

– Это единственный способ выяснить что-то дельное.

– Например, за сколько секунд твои мозги превратятся в циклотронное

рагу.

- Скафы можно экранировать.
- В смысле – как зонды Мэнди?
- Не надо меня так называть, пожалуйста! – вмешалась Бейтс.
- Суть в том, что «Роршах» тебя убьет, будь ты из мяса или металла.
- Суть в том, что мясо он убивает иначе, – отозвалась Джеймс. –

Медленнее.

Шпиндель покачал головой.

– Через пятьдесят минут тебе все равно каюк. Несмотря на защиту. Даже в так называемых «холодных зонах».

– Три часа лучевая болезнь протекает бессимптомно. Смерть наступает лишь через несколько дней, но мы успеем вернуться на «Тезей», и корабль подлатает нас в два счета. Это даже мы знаем, Исаак! Все – в Консенсусе. А если это знаем мы, ты точно в курсе. Так что спорить не о чем.

– Такая у тебя идея? Каждые тридцать часов накачиваться жестким излучением, а мне потом вырезать опухоли и по клетке склеивать всех заново?

– Капсулы работают автоматически, тебе даже пальцами шевелить не придется.

– Не говоря о фокусах, которые выделяют с мозгом магнитные поля. Мы начнем галлюцинировать с первой секунды, как...

– Отфарадеить скафандры.

– Ага, то есть мы полезем туда глухими и слепыми. Здорово!

– Пусть только свет проходит. Инфракрасное...

– Сюзи, это все излучение! Даже если мы замажем шлем черной краской и будем ориентироваться по видеосигналу, радиация просочится через кабельное гнездо.

– Немного – да. Но это все же лучше, чем...

– Господи! – От тремора из уголка губ Шпинделя брызгала слюна. – Дай мне поговорить с Ми...

– Я обсудила это с остальной Бандой, Исаак! Мы все согласны.

– Все согласны? Сюз, вы решаете не большинством голосов. Оттого, что ты порезала мозг на мелкие кусочки, каждый из них не получает избирательного права.

– Не понимаю, почему нет. Каждый из нас, как минимум, столь же разумен, как и ты.

– И все они – ты. Только распараллеленная.

– Ты, кажется, без труда воспринимаешь Мишель как отдельную личность.

– Мишель, она... Я хочу сказать – да, вы все – совершенно разные грани, но оригинал один. Твой альтер э...

– Не называй нас так, – вмешалась Саша. Ее голос был холоден, словно жидкий кислород. – Никогда!

Шпиндель попытался отступить:

– Я не имел в виду... ты же понимаешь...

Но Саша ушла.

– И что ты имел в виду? – поинтересовался вместо нее мягкий голос. – Ты думаешь, что я просто... ипостась Мамочки? Что, когда мы вместе, ты наедине с ней?

– Мишель, – жалким голосом пробормотал Шпиндель. – Нет. Я хотел сказать...

– Неважно, – перебил Сараста. – Мы не голосуем.

Вампир парил над нами в центре вертушки, скрытый непроницаемым забралом. Никто не заметил его появления. Он медленно поворачивался вокруг своей оси, не выпуская нас из виду, пока мы вращались вокруг него.

– Запускаем «Сциллу». Аманде нужны два солдата без привязи с вооружением только для защиты. Камеры с диапазоном от одного до миллиона ангстрем, экранированные микрофоны без автономного контроля. К 13:50 всем принять тромбоцитарный стимулятор, дименгидринат^[42] и йодистый калий.

– Всем? – переспросила Бейтс.

Сараста кивнул.

– Окно открывается на четыре часа двадцать три минуты.

Вампир снова повернулся к хребту.

– Кроме меня, – сказал я.

Сараста замер.

– Я не участвую в полевых работах, – напомнил я.

– Теперь участвуете.

– Я синтез.

Он это знал, как и все остальное: нельзя наблюдать систему изнутри.

– На Земле вы синтез, – отчеканил вампир. – В Койпере вы синтез. А здесь – балласт. Делайте что говорят.

Сараста исчез.

– Добро пожаловать в общую картину, – пробормотала Бейтс.

Остальные уже расходились. Я взглянул на нее:

– Ты же знаешь, я...

– Мы очень далеко забрались, Сири. Нельзя ждать решений твоего начальства четырнадцать месяцев, и ты это знаешь.

Она подпрыгнула с места и пронеслась сквозь голограммы в невесомость, царящую в центра вертушки. Там остановилась, будто отвлекшись на внезапное озарение, и, ухватившись за спинной хребет, развернулась ко мне лицом:

– Тебе не стоит себя недооценивать. Как и Сарасты. Ты наблюдатель, верно? Могу держать пари, внизу будет за чем понаблюдать.

– Спасибо, – отозвался я.

Но я уже знал, зачем Сарасты отправил меня на «Роршах», и наблюдение не являлось главной причиной. Трое ценных работников – под огнем, а подсадная утка хоть немного увеличивала шанс на то, что первый раз выстрелят не по ним.

* * *

И найдет на тебя Дух Господень, и ты будешь
пророчествовать с ними, и сделаешься иным человеком.

Первая книга Царств, 10:6^{[\[43\]](#)}

– Вероятно, на протяжении почти всей эволюционной истории мы были раздробленными, – сказала мне Джеймс, когда мы еще только знакомились, и постучала себя по виску. – Там, внутри, места много. Мозг современного человека без всякой перегрузки может вести десятки мыслительных процессов одновременно. А параллельная многозадачность имеет очевидное преимущество в плане выживания.

Я кивнул.

– Десять голов лучше одной.

– Наша интеграция могла произойти совсем недавно. Некоторые эксперты считают, что в определенных обстоятельствах и сейчас мы можем вернуться к множественным личностям.

– Само собой. Ты – живой пример.

Она покачала головой.

– Я не о физическом разделении. Конечно, мы – почти произведение искусства, но теоретически хирургия не нужна. Достаточно сильного стресса, причем в раннем детстве.

– Шутишь?

– Это в теории, – призналась Джеймс и мутировала в Сашу:

– Хрена с два «в теории». Отдельные случаи фиксировали еще полвека

назад.

– Правда? – Я устоял перед искушением воспользоваться имплантатами: рассеянный взгляд мог меня выдать. – Не знал.

– Сейчас те времена вспоминать не принято. В те времена с многоядерниками поступали по-варварски – считали это «расстройством» и лечили как болезнь: оставляли одно из ядер, а остальных кончали. Естественно, убийством такие действия не называли, говорили «интеграция» и прочая хрень. Люди создавали других людей, обрекали их на пытки и мучения, а затем, когда отпадала нужда, убивали.

Обычно таким тоном при первом знакомстве не разговаривают. Джеймс аккуратно выпихнула Сашу с водительского места, и беседа понемногу вошла в пристойное русло.

Однако мне не приходилось слышать, чтобы кто-то из Банды называл других «альтер эго» – ни тогда, ни теперь. В устах Шпинделя это прозвучало почти безобидно. Я удивился, почему они так оскорбились; и теперь, пока я парил в пустой палатке, убивая минуты одиночества перед вылетом, никто не видел, как остекленели мои глаза после подключения к КонСенсусу.

Понятие «альтер эго» больше ста лет несет на себе груз отрицательных ассоциаций, сообщил он мне. Саша не ошибалась: было время, когда комплекс многоядерной личности считали расстройством, болезнью, и его никогда не вызывали намеренно. Специалисты тех лет считали, что множественные личности рождаются спонтанно, в невообразимых котлах насилия – осколки индивидуумов приносили в жертву, именно на них сваливались изнасилования и побои, пока дитя пряталось в неведомом приюте среди мозговых извилин. Стратегия выживания и одновременно ритуальное самоубийство: бессильные души рвались на куски, возлагая на алтарь трепещущие куски себя в тщетной надежде умиловить мстительных, ненасытных богов – Маму и Папу.

Все это оказалось вымыслом. Во всяком случае, подтверждения теории не нашлось. Тогда специалисты были, по сути, шаманами, исполнявшими импровизированный танец с бубном: петлистые извивы свободных бесед, полные наводящих вопросов и невербальных символов; возня падальщиков в помойке переваренного детства. Иногда – доза лития или галоперидола (если бубен с погремушкой оказывались бессильны). Технология картографирования разума только начиналась, до уровня коррекции оставались годы. Психотерапевты и психиатры докапывались до своих жертв и придумывали названия тому, чего не понимали, ведя диспуты над алтарями Фрейда, Кляйна и древних астрологов; изо всех сил

делали вид, что они тоже – Наука.

В конечном итоге именно Наука и размазала их по асфальту. Расстройство множественной личности оставалось полузабытой фантазией до появления синаптической корректуры. Но оборот «альтер эго» сохранился, и его значение не изменилось. Среди тех, кто помнил историю, это выражение было синонимом предательства, человеческих жертвоприношений и пушечного мяса.

Представив себе топологию сосуществующих душ Банды четырех, я понял, почему Саша поддалась этому мифу, и почему Сьюзен позволила ей такое поведение. В конце концов, ничего невозможного в самом понятии не было – его доказывало само существование Банды. А когда тебя отшелушили от уже существующей личности и вызвали из небытия прямо во взрослую жизнь – осколок личности, лишенный полноценного собственного тела, – можно понять и простить некоторую озлобленность. Да-да, вы все равны и одинаковы, ни одна не превосходит другую. Но фамилия есть у одной Сьюзен.

Лучше направить эту злобу на старые обиды, реальные или вымышленные. Это конструктивнее, чем срывать гнев на тех, кто делит с тобой одну плоть.

И в тот момент, когда вокруг сияли диаграммы, документировавшие непреклонный рост левиафана в глубине, я понял еще одно. Не только почему Саше было так не по душе это слово, но и почему Исаак Шпиндель бессознательно его произнес.

С точки зрения Земли, все мы на борту «Тезея» были альтер эго.

* * *

Сараста остался на корабле (для него сменщика не предусмотрели).

В челнок набились мы, все остальные: в переделанных скафандрах, так обвешанных радиационной защитой, что они походили на старинные водолазные костюмы. Здесь следовало соблюдать тщательный баланс, слишком сильное экранирование могло навредить больше, чем его полное отсутствие, так как расщепляло первичные частицы на вторичные корпускулярные – столь же смертоносные, но более многочисленные. Придется терпеть невысокий уровень излучения, иначе оставалось только нырнуть в свинец и застыть, как комар в янтаре.

Мы отбыли за шесть часов до перигея. «Сцилла» мчалась вперед с детским нетерпением, оставив позади родителя. На лицах за моей спиной

особого энтузиазма не было за одним исключением: Банда четырех едва не мерцала за забралом шлема.

– Волнуешься? – спросил я.

– Еще бы, твою мать! – отозвалась Саша. – Это ж полевые исследования, Китон. Первый контакт.

– А если там никого нет?

Или есть, но мы им не понравимся?

– Тем лучше! Почитаем их дорожные знаки и этикетки от печенья без присмотра местной полиции.

Мне стало интересно, выражает ли она общее мнение. В том, что Мишель считает иначе, я не сомневался.

Иллюминаторы «Сциллы» были задраены. Наружу не выглянуть, внутри смотреть не на что, кроме роботов, тел и корявого контура, что разрастается на дисплее внутри шлема. Но я чувствовал, как радиация пронизывает броню, точно бумажную салфетку. Ощущал узловатые гребни и вмятины магнитного поля «Роршаха». Чувал, как он приближается: как обугленный полог выгоревшего инопланетного леса; скорее пейзаж, чем предмет. Я представлял, как титанические разряды проскакивают между его ветвями, и себя на их пути.

Какие существа согласятся жить в подобном месте?

– Ты правда считаешь, что мы договоримся? – пробормотал я.

Джеймс пожала плечами – под броней было едва заметно.

– Может, не сразу. Может, мы не с того начали. Скорее всего, придется распутывать массу недопониманий. Но в конце концов мы друг друга пойдем.

Очевидно, она решила, что ответила на мой вопрос.

Челнок заложил вираж, и мы повалились друг на друга, словно кегли. Тридцать секунд микроманевров ушли на торможение. На внутришлемном дисплее засветилась веселая картинка в сине-зеленых тонах: шлюзовой рукав проталкивался сквозь мембрану, служившую проходом в надувную прихожую «Роршаха». Даже в виде мультяшки это выглядело слегка порнографически.

Бейтс заранее пристроилась у шлюза. Она отодвинула внутреннюю дверь.

– Берегите головы.

Это не так просто, когда ты закутан в феррокерамику и костюм жизнеобеспечения. Шлемы колыхались и сталкивались. Пехотинцы, распластанные по потолку, как гигантские смертоносные тараканы, с гудением пробудились к жизни и оторвались от поверхности.

Протолкнулись в тесную щель над головами, загадочно покивали хозяйке и скрылись за кулисами.

Бейтс затворила внутреннюю дверь. Шлюз вдохнул-выдохнул и открылся снова, уже пустой.

Если верить приборам, все в норме. Зонды терпеливо ждали в прихожей, на них никто не набрасывался. Майор последовала за ними.

Картинки пришлось ждать целую вечность. Сквозь каналы связи просочились лишь капли информации. Речь проходила туда и обратно без проблем, но каждый кадр весил больше миллиона слов.

– Пока никаких сюрпризов, – дoloжила Бейтс голосом поврежденного варгана [\[44\]](#).

Вот оно: глазами второго пехотинца мы увидели первого. Тот стоял неподвижный на зернистой черно-белой картинке. Это была открытка из прошлого: слух, обращенный в зрение, отражение неуклюжих вибраций густой метановой атмосферы о корпус. Чтобы каждый испещренный помехами кадр дополз до внутришлемного дисплея, нужно было несколько секунд: вот пехотинцы спускаются в яму, вползают в кишку «Роршаха», вот мерными шагами продвигаются через загадочный, враждебный мир. В нижнем левом углу каждой картинки стояло время снимка и показатель мощности магнитного поля.

Когда не доверяешь ЭМ-спектру, многое теряется.

– На вид все в порядке, – отчиталась Бейтс. – Захожу.

В менее враждебной вселенной роботы катились бы по главной улице, отсылая нам кристально-четкую картинку в идеальном разрешении. Шпиндель и Банда потягивали бы кофе в вертушке, указывая пехотинцам здесь взять пробу, а тут сделать снимок крупным планом. В менее враждебной вселенной меня бы тут вообще не было...

На открытке появилась Бейтс: она вылезала из фистулы. На следующей – повернулась спиной к камере – очевидно, осматривала периметр. На следующей – глядела прямо на нас.

– Н... нормально, – выдавила она. – Сп... спускайтесь.

– Не так быстро, – упредил Шпиндель. – Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо. Немного... странно, но...

– В каком смысле «странно»?

Первый признак лучевой болезни – тошнота, но, если расчеты верны, он должен проявиться не раньше, чем через час-другой. Когда мы хорошенько «прожаримся» под излучением.

– Легкая дезориентация, – отозвалась Бейтс. – Тут жутковато малость, но... Должно быть, «синдром зеленых человечков». Терпимо.

Я покосился на Банду. Лингвист посмотрела на Шпинделя. Тот пожал плечами.

– Лучше не станет, – донесся издалека голос Бейтс. – Часы... часики тикают, ребята. Спускайтесь.

Мы спустились.

* * *

На жилой дом «Роршах» не походил. Вообще. Скорее на обиталище призраков.

Даже когда стены замирали, они все равно двигались: уголком глаза ты постоянно замечал ползучее шевеление. А спиной всегда чувствовал, как за тобой наблюдают, испытывал жуткую уверенность в том, что где-то сидят недобрые чужие наблюдатели и следят за тобой. Я оборачивался, надеялся застать призраков врасплох, но не видел ничего, кроме полуслеплого пехотинца, плывущего вдоль тоннеля, или нервного испуганного коллеги, пялящегося на меня. Стены из блестящей черной лавы прорастали сотнями глаз, которые захлопывались за миг до того, как их могли заметить. Наши фонари разгоняли тьму метров на двадцать, дальше царили туман и тени. И еще звуки – «Роршах» поскрипывал, словно древний парусник, затертый в паковых льдах. Гремучими змеями шипели разряды.

Говоришь себе, что это иллюзия. Напоминаешь, что такие симптомы уже давно исследованы – неизбежные последствия слишком тесного контакта плоти с высокоэнергетическими полями, которые пробуждают призраков и кошмары в височных долях, вызывают из среднего мозга парализующий ужас и пропитывают им сознание. Они путают двигательные нервы и заставляют спящие имплантаты петь, подобно хрупким звонким кристаллам.

Артефакты – вот что они такое! Ты повторяешь это про себя так часто, что мантра теряет даже подобие смысла, вырождаясь в магическое заклинание, абракадабру против злых сил. Голоса, шепчущиеся за броней шлема, и полужаметные твари, видимые лишь искоса, ненастоящие. Они – обман разума, нейрологический балаган, который на протяжении веков убеждал людей, что их мучают призраки, похищают пришельцы, преследуют...

...вампиры...

И начинаешь думать, остался Сараста на борту или все это время был тут, рядом, и ждал тебя.

– Очередной пик, – предупредила Бейтс, когда на моем дисплее начали зашкаливать теслы и зиверты^[45]. – Держитесь!

Я ставил колокол Фарадея^[46]. Точнее говоря, пытался: уже протянул от входа главную растяжку к вялому мешку, повисшему посреди тоннеля, и вдруг все вылетело из головы. Да, что-то насчет якорного каната... Чтобы... отцентровать колокол.

В свете нашлемного фонаря стена поблескивала мокрой глиной. В моих глазах вспыхивали сатанинские руны.

Я налепил якорную пластину на стенку. Готов был поклясться, что материал передернуло! Пальнул из реактивного пистолета, отступив к середине прохода.

– Они здесь, – прошептала Джеймс.

Что-то было рядом. Я чувствовал за спиной чужое присутствие, куда бы ни повернулся. Ревущая тьма клубилась на краю поля зрения: жадная пасть, широкая как тоннель. Она была готова в любой миг с невероятной быстротой надвинуться и поглотить нас.

– Они прекрасны... – прошептала Джеймс.

В ее голосе не было страха – только изумление.

– Что? Где? – Бейтс не переставала крутиться на месте, пытаясь смотреть сразу на все четыре стороны. Зонды, похожие на бронированные фигурные скобки, под ее управлением беспокойно ворочались, туда-сюда тыкая пушками. – Что ты заметила?

– Не там – здесь. Повсюду! Разве вы не видите?

– Ничего не вижу, – дрожащим голосом выдавил Шпиндель.

– Это электромагнитные поля, – произнесла Джеймс. – Вот как они общаются. Конструкция полна языков, это...

– Я ничего не вижу, – повторил биолог. Его дыхание громко и часто отдавалось в наушниках. – Я ослеп.

– Черт. – Бейтс повернулась к нему. – Как оно может... радиация?

– Н-не думаю, что д-дело в ней.

Девять тесла и призраки повсюду. Пахло жимолостью и асфальтом.

– Китон! – окликнула Бейтс. – Ты с нами?

– Д-да, – едва-едва.

Я снова стоял рядом с клеткой, сжимая в руке вытяжной трос. Пытался игнорировать то, что похлопывало меня по плечу.

– Бросай! Вытаскивай Шпинделя!

– Нет! – Тот беспомощно болтался посреди коридора. Пистолет мотало на поводке. – Нет! Брось мне что-нибудь!

– Что?!

Это все у тебя в голове. Все у тебя в...

– Брось мне что-нибудь! Что угодно!

Бейтс заколебалась:

– Ты сказал, что ослеп...

– Давай!

Бейтс сорвала с пояса запасную батарею и швырнула ее Исааку. Шпиндель потянулся за ней, достал, но та выскользнула из его пальцев и отскочила от стены.

– Я в порядке, – выдохнул он. – Только запихните меня в палатку.

Я рванул шнур. Клетка надулась, словно огромный бронзовый попкорн.

– Все внутрь! – Бейтс одной рукой палила из газового пистолета, а другой тащила Шпинделя. Она толкнула его ко мне и налепила на шкуру колокола короб с датчиками. Я сорвал экранированный клапан с входа, как струп с раны. Под ним мыльной пленкой блестела и вихрилась единственная, бесконечно длинная, навитая сама на себя молекула.

– Тащи его внутрь. Джеймс, давай сюда!

Я протолкнул Шпинделя сквозь мембрану. Та смыкалась вокруг скафа с неприличной теснотой, обнимая по мере прохождения каждую вмятину и щелочку.

– Джеймс! Ты...

– Уберите это от меня! – Грубый голос, напуганный и пугающий. Настолько мужской, насколько позволяли женские голосовые связки. Головолом у руля. – Уберите это от меня!

Я обернулся. Тело Сьюзен Джеймс медленно кувыркалось посреди тоннеля, обеими руками сжимая правую ногу.

– Джеймс! – Бейтс подплыла к ней. – Китон! Помоги! – Она схватила Банду за руку. – Головолом? Что случилось?

– Это! Ты чего, ослеpla?

Он не просто держал себя за ногу, сообразил я, а дергал ее. Пытался оторвать.

Кто-то истерически расхохотался у меня под шлемом.

– Держи его за руку, – приказала Бейтс, стискивая лингвиста за запястье и пытаюсь отодрать пальцы, мертвой хваткой вцепившиеся в бедро. – Лом, пусти! Сейчас же!

– Уберите это от меня!

– Это твоя нога, Головолом.

Мы боролись всю дорогу до колокола.

– Это не моя нога! Вы гляньте, как оно... оно дохлое. Прилипло ко мне...

Почти добрались.

– Лом, слушай меня! – рявкнула Бейтс. – Ты меня сл...

– Уберите!

Мы затолкнули Банду под купол. Бейтс отступила, когда я нырнул следом. Поразительно, как она держалась. Ей каким-то образом удавалось не подпускать демонов к себе и загнать нас в безопасное убежище, работала как овчарка в шторм. Она...

Майор не последовала за нами – Аманда Бейтс исчезла. Обернувшись, я увидел ее тело рядом с палаткой: рука в перчатке сжимала край полотнища; даже сквозь слои каптона, хромеля^[47] и поликарбоната, сквозь искаженные блики на забрале шлема я увидел, чего не хватало – ее грани рассеялись.

Это не Аманда Бейтс! У существа передо мной было не больше графов, чем у манекена.

– Аманда?

Банда тихонько бредила у меня за спиной.

– В чем дело? – вдруг спросил Шпиндель.

– Я остаюсь, – ответила майор. Без всякого выражения. – Я все равно мертва.

– Что?.. – У Шпинделя не хватало слов. – Сейчас будешь, если не...

– Оставьте меня! – отрезала Бейтс. – Это приказ.

Она запечатала нас в палатке.

* * *

Для меня такое было не впервой. Невидимые пальцы и прежде ковырялись в моем мозгу, взбаламучивая грязь и срывая струпья. Воздействие «Роршаха» оказалось намного мощнее, но Челси действовала... точнее. Наверное, так.

Она называла это «макrame»: глиальные замыкания, каскадные эффекты, шинковка критических ганглиев. Если я зарабатывал на жизнь чтением мозговой архитектуры, Челси ее ремонтировала – находила критические узлы, бросала гальку у истоков памяти и наблюдала, как круги на воде превращаются в волны и сливаются в рокошущий поток где-то в низовьях психики. Она могла за час впаять тебе в мозг счастье, а за три – примирить с тяжелым детством.

Процесс перепайки научился обходиться без людей, как и многие другие области человеческой деятельности до него. Человеческую природу поставили на конвейер, и само человечество из производителя все больше становилось продуктом. И все же искусство Челси озаряло странный старый мир новым светом – верстка мысли не ради всеобщего блага некоего абстрактного общества, а ради простых эгоистичных стремлений индивида.

– Позволь мне подарить тебе счастье, – сказала она.

– Я вполне счастлив.

– Я сделаю тебя еще счастливее. ВКУ, за счет фирмы.

– ВКУ?

– Временную корректировку установок. У меня остались права доступа в «Саксе».

– Меня и так достаточно корректировали. Переправь еще хоть синапс, и я могу превратиться в не пойми, что.

– Глупости, и ты это понимаешь. Иначе ты от каждого переживания становился бы другим человеком.

Я поразмыслил над ее словами.

– Наверное, так и есть.

Но она настаивала, и даже самые убедительные аргументы против счастья со временем перестают работать. В общем, однажды вечером Челси порылась в ящике и вытащила сетку для волос, облепленную жирными серыми шайбами. Сетка оказалась сверхпроводящей паутиной, тонкой, словно туман, чтобы ловить колебания мысли; шайбы – керамическими магнитами, омывавшими мозг собственным полем. Имплантаты Челси были завязаны на базовую станцию, игравшую на интерференционных узорах между этими устройствами.

– Раньше только для размещения магнитов требовалась машина размером с ванну, – Челси уложила меня на диван и расправила сетку на волосах. – Это единственное чудо, которое позволяет совершить такая портативная штукавина. Можно найти горячие точки и даже тряхнуть их как следует, если нужно, но эффекты ТКМС^[48] со временем стираются. Для долговременной корректуры придется идти в клинику.

– И что же мы ищем? Подавленные воспоминания?

– Таких не бывает. – Она широко улыбнулась, ободряя меня. – Есть только воспоминания, которые мы предпочитаем игнорировать или обходить, как бы мыслить вокруг них, понимаешь?

– Я думал, ты собиралась подарить мне счастье. Почему...

Челси приложила палец к моим губам.

– Веришь или нет, Лебедь, люди временами предпочитают игнорировать даже счастливые воспоминания. Например, если им понравилось что-то, что они считают неприличным. Или, – она поцеловала меня в лоб, – если думают, что недостойны быть счастливыми.

– Так мы будем...

– Тянуть фанты. Пока не вытянешь, не узнаешь, что попало. Закрой глаза.

Где-то между ушами зародилось тихое гудение. Голос Челси вел меня в темноте:

– Только имей в виду: память – не исторический архив. На самом деле это... импровизация. Много из того, что у тебя ассоциируется с определенным событием, может быть фактически неверно, как бы ясно тебе оно ни вспоминалось. У разума есть странная привычка клеить коллажи, вставлять подробности постфактум. Но это не значит, что память тебе врет. Она честно отражает то, как ты видел мир, и каждое воспоминание влияет на то, как ты видишь его прямо сейчас. Но это не фотографии. Больше похоже на импрессионистские картины. Хорошо?

– Хорошо.

– О! – воскликнула она. – Что-то есть...

– Что?

– Функциональный узел. Задействован постоянно, но несильно, до сознательного восприятия не добирается. Посмотрим, что будет, если...

Мне десять лет, я рано пришел домой и заглянул на кухню, где пахло подгоревшим маслом и чесноком. В соседней комнате ругались папа и Хелен. Откидная крышка кухонного мусоропровода была открыта – временами этого хватало, чтобы мама завелась. Но ссорились они по другой причине. Мать «просто хотела, чтобы всем стало лучше», а папа говорил, «есть же пределы» и «так нельзя». Она отвечала: «Ты не знаешь, на что это похоже», «Ты едва его видишь». Тогда я понял, что родители ссорятся из-за меня. В чем вообще-то не было ничего необычного.

А вот по-настоящему меня испугало то, что папа впервые стал огрызаться.

– К такому нельзя принуждать. Тем более не сказав ни слова. – Отец никогда не кричал: его голос был, как всегда, негромким и ровным, но холоднее, чем я когда-либо слышал, и твердым будто железо.

– Ерунда, – ответила Хелен. – Родители всегда принимают решения за детей, в их интересах, особенно когда дело касается медицинских во...

– Это не медицинский вопрос, – теперь отец повысил голос. – Это...

– Не медицинский вопрос?! О, ты сейчас сам себя превзошел! Глаза открой! Если ты не заметил, ему вырезали половину мозга. Думаешь, он сможет оправиться без нашей помощи? Опять суровая отцовская любовь засвербела? Может, и кормить-поить его запретишь, раз начал?

– Если бы ему требовались мю-опы, врач их прописал бы.

Я чувствовал, как морщусь от незнакомого слова. Из распаханного мусорного ведра выглядывало что-то маленькое и белое.

– Джим, будь благоразумен! Сири замкнулся в себе, едва со мной разговаривает.

– Они предупреждали, что потребуется время.

– Два года! Ничего дурного в том, чтобы слегка помочь природе. Это ведь не черный рынок! Таблетки продают без рецепта, господа ты мой!

– Дело не в этом.

Пустая склянка из-под таблеток. Вот что выбросил один из них, прежде чем оставить распаханной крышку Я выудил ее из кухонных отбросов и про себя прочел этикетку:

Bondfast_TN Тип IV

Усилитель μ -опиоидных рецепторов

Стимулирует зависимость от матери

«Мы укрепляем связь между матерью и ребенком с 2042 года»

– Значит, теперь мужику, который бывает дома всего три месяца в году, хватает, блин, наглости судить о моих родительских способностях? Если хочешь решать, как надо воспитывать сына, то для начала поучаствуй в процессе! А до тех пор – отвали.

– Ты больше не станешь пичкать моего сына этой дрянью, – отчеканил отец.

– Да? И как ты собираешься меня остановить, ботанишка? Ты даже не можешь выкроить время на то, чтобы выяснить, что творится в твоей семье, а теперь, значит, решил, что можешь мной крутить с орбиты? Думаешь...

Внезапно из гостиной перестали доноситься голоса, осталось только слабое бульканье. Я заглянул за угол: отец держал Хелен за горло.

– Думаю, – прорычал он, – я могу остановить тебя и защитить Сири, если придется. И думаю, ты это понимаешь.

Потом она увидела меня. Он тоже.

Отец убрал руки с шеи матери. Его лицо осталось непроницаемым. А

на лице Хелен было трудно не заметить торжество.

* * *

Я слетел с дивана, стискивая в руке сетку. Челси смотрела на меня огромными глазами; бабочка на ее щеке застыла как мертвая.

Челси взяла меня за руку.

– Господи... Прости.

– Ты... это видела?

– Нет, конечно. Я не читаю мысли. Но это явно было невеселое воспоминание.

– Не так все страшно.

Где-то поблизости я ощутил острую, непонятную боль, как пятно чернил на белой скатерти. Миг спустя зафиксировал ее: оказывается, прикусил губу.

Челси погладила меня по плечу.

– Тебя здорово выбило из колеи. Ты в порядке?

– Да ничего, – снова привкус соли. – Но мне кое-что интересно.

– Спрашивай.

– Зачем ты так со мной поступила?

– Потому что мы можем это убрать, Лебедь. В этом смысл. Что бы там ни было, что бы тебя ни расстраивало, теперь мы знаем, где оно сидит, можем вернуться и пригасить его, раз – и все! А потом у нас будет несколько дней, и мы удалим это воспоминание навсегда. Если захочешь. Просто надень сетку, и...

Она обняла меня и привлекла к себе. От нее пахло песком и потом: мне нравился этот запах. На какой-то миг я почувствовал себя в безопасности. Сделал вид, что земля на месте и не может уйти из-под ног в любой момент. Когда я был с Челси, становился значимым.

Я хотел, чтобы она обнимала меня вечно.

– Не хочу, – ответил я.

– Нет? – Она моргнула и уставилась на меня. – Почему?

Я пожал плечами.

– Знаешь, что говорят о людях, которые не помнят свое прошлое?

* * *

Хищник бежит за едой.
Жертва бежит от смерти.

Старая поговорка экологов

Мы были беспомощны и слепы, втиснулись в хрупкий пузырек безопасности во вражеском тылу. Но шепоты, наконец, смолкли. Чудовища остались за пологом.

И Аманда Бейтс с ними.

– Вот хрень, – выдохнул Шпиндель.

Его взгляд за смотровым стеклом был ясен и внимателен.

– Видеть можешь? – спросил я.

Он кивнул.

– Что случилось с Бейтс? Скаф пробило?

– Не думаю.

– Тогда почему она сказала, что мертва?

– Она имела в виду – буквально, – пояснил я. – Не в смысле «мне конец» или «я умираю». Мертва сейчас, как говорящий труп.

– Откуда... – Ты знаешь? Дурацкий вопрос. Лицо Шпинделя подергивалось и кривилось за стеклом. – Это же безумие.

– Дай определение безумия.

Банда молча висела в воздухе, едва не прижимаясь в тесноте к спине биолога. Стоило нам задраить клапан, и Головолома отпустило. Или его просто оттеснили: мне показалось, что в спазмах пальцев, скованных перчатками, я вижу топологию мыслей Сьюзен.

Дыхание Шпинделя сдвоенным эхом отдавалось в динамиках.

– Если Бейтс мертва, нам конец.

– Может, и нет. Переждем всплеск и выберемся. Кроме того, – добавил я, – она не мертва, а лишь так сказала.

– Блин. – Протянув руку, биолог прижал перчатку к полотнищу палатки. Пощупал что-то за пленкой. – Кто-нибудь поставил приемник?

– На восемь часов, – подсказал я, – метром ниже.

Ладонь Шпинделя легла на стену напротив. Поток чисел с чужого плеча хлынул вверх по его руке, ринулся в наши скафы и затопил мой дисплей.

Снаружи было еще пять тесла, но напряжение поля спадало. Палатка то раздувалась вокруг нас, то опадала, будто дыша, когда мимо проходили волны низкого давления.

– Когда к тебе вернулось зрение? – поинтересовался я.

– Как только мы забрались внутрь.
– Раньше. Ты видел батарею.
– Но упустил, – он хмыкнул. – Хотя я и зрячий, еще тот паралитик, а? Бейтс! Ты там?
– Ты потянулся к ней и почти поймал. Это была не слепая случайность.
– Нет. Это была ложная слепота. Аманда? Отзовись, пожалуйста.
– Ложная слепота?
– С рецепторами все в порядке, – рассеянно проговорил он. – Мозг обрабатывает изображение, но не имеет к нему доступа. Управление перехватывает ствол мозга.
– То есть ствол видит, а кора нет?
– Что-то вроде того. Заткнись и дай мне... Аманда, ты меня слышишь?
– ...Нет...
Голос не принадлежал никому в палатке. Едва слышный, он вместе с остальными данными пришел снаружи и скользнул по руке Шпинделя.
– Майор Мэнди! – воскликнул Шпиндель. – Живая!
– ...Нет... – шепот как белый шум.
– Ну, раз разговариваешь, точно недохлая.
– ...Нет...
Мы со Шпинделем переглянулись.
– В чем проблема, майор?
Молчание. Банда легонько прислонилась к стене за нами. Все ее грани были мутными.
– Майор Бейтс? Слышишь меня?
– Нет. – Мертвый голос – спокойный и безразличный, как после препаратов, пойманный в банку, переданный сквозь плоть и свинец на скорости в три бода. Но это определено была Бейтс.
– Майор, тебе нужно забраться внутрь, – предложил Шпиндель. – Можешь залезть в палатку?
– ...Нет...
– Ты ранена? Тебя что-то держит?
– ...Н-нет...
Может, это не она, а только ее голосовые связки?
– Слушай, Аманда. Это опасно. Снаружи слишком жарко, понимаешь? Ты...
– Меня здесь нет, – ответил голос.
– Где ты?
– ...Нигде.

Я взглянул на Шпинделя. Он посмотрел на меня. Все молча.

Заговорила Джеймс – не сразу и очень тихо:

– Аманда, где ты?

Нет ответа.

– Ты – «Роршах»?

Здесь, во чреве зверя, в это было легко поверить.

– Нет...

– Тогда что?

– Н... ничто. – Голос ровный, механический. – Я ничто.

– Ты говоришь, что тебя не существует? – протянул Шпиндель.

– Да.

Палатка вокруг нас вздохнула.

– Тогда как ты можешь говорить? – спросила у голоса Сьюзен. – Если тебя не существует, с кем мы разговариваем?

– С кем-то еще, – дыхание. Шорох помех. – Не со мной.

– Черт, – пробормотал Шпиндель. Его графы вспыхнули решимостью и внезапным прозрением. Он отнял ладонь от стены, и мой дисплей тут же поблек. – У нее мозги варятся. Надо затащить ее внутрь.

Биолог потянулся к клапану. Я тоже.

– Всплеск...

– Уже проходит, комиссар. Худшее позади.

– Хочешь сказать, это безопасно?

– Это смертельно опасно. Там всегда смертельно, и она снаружи, может сильно пострадать в своем нынешнем со...

Что-то врезалось в палатку снаружи, ухватило внешний клапан и потянуло.

Наше убежище распахнулось как глаз: из открывшегося зрачка на нас смотрела Аманда Бейтс.

– У меня по датчикам уровень три и восемь десятых, – проговорила она. – Это же терпимо, да?

Никто не пошевелился.

– Давайте, ребята. Перекур окончен.

– Ама... – Шпиндель уставился на нее. – Ты в порядке?

– Здесь? Черта с два. Но нас работа ждет.

– Ты... существуешь? – спросил я.

– Что за дурацкие вопросы? Шпиндель, как насчет напряженности поля? Работать можно?

– Э... – Он отчетливо сглотнул. – Возможно, нам стоит прервать работу, майор. Этот пик...

– По моим данным, пик почти прошел. У нас меньше двух часов на то, чтобы разбить лагерь, установить наземный контроль и унести отсюда ноги. Справимся без галлюцинаций?

– Не думаю, – признался Шпиндель, – что мы до конца придем в себя. Но об... экстремальных проявлениях не стоит беспокоиться до новой волны.

– Хорошо.

– Которая может накатить в любой момент.

– Мы не галлюцинировали, – тихо заявила Джеймс.

– Обсудим позже, – перебила Бейтс. – Сейчас...

– Там была система, – настаивала Джеймс. – В магнитном поле. И в моей голове. «Роршах» разговаривал. Может, не с нами, но разговаривал.

– Хорошо, – Бейтс отплыла, пропуская нас. – Может, теперь мы научимся отвечать.

– Может, научимся слушать, – отозвалась Джеймс.

* * *

Мы бежали с «Роршаха», как испуганные дети, соорудив храбрую мину. Бросили базовый лагерь: «чертика», чудесным образом до сих пор работающего на входе; тоннель в дом с привидениями; оставили на погибель одинокие магнитометры в смутной надежде, что им удастся ее избежать. Грубые актинометры и термографы, старомодные радиоустойчивые устройства, измерявшие мир через изгибы металлических трубок и высекавшие свои летописи на рулонах пленки. Лампы, водолазные колокола, связки направляющих канатов. Мы оставили все – и обещали вернуться через тридцать шесть часов, если выживем.

Внутри каждого из нас мельчайшие раны превращали ткани в кашу. Клеточные мембраны текли от бессчетных щелей. Замученные ремонтные ферменты в отчаянии цеплялись за рваные гены, едва оттягивая неизбежное. Оболочка кишечника отслаивалась клочьями, решив покинуть хозяина первой, пока остальные не выстроились в очередь, когда начнет умирать остальное тело.

К моменту стыковки с «Тезеем» меня и Мишель уже подташнивало. Остальную Банду, как ни странно, нет; понятия не имею, как такое возможно, но им предстояло испытать то же самое через несколько минут. Без медицинской помощи нас бы выворачивало наизнанку в течение двух следующих суток. Потом тело сделало бы вид, что поправляется; примерно

неделю не чувствовало бы боли и не имело будущего. Мы бы ходили, разговаривали, двигались как живые и, вероятно, убедили бы себя, что бессмертны. А затем схлопнулись бы внутрь и сгнили бы изнутри. Истекли бы кровью из глаз, десен, задниц и, если хоть один Бог милосерден – умерли бы до того, как лопнуть, словно перезревшие плоды.

Но искупитель «Тезей» избавит нас от такой незавидной судьбы. Из челнока мы цепочкой проследовали в огромный надувной шар, который Сараста установил для хранения личных вещей; сбросили там зараженные скафы, одежду и нагими вынырнули в хребет корабля. Чередой летающих мертвецов проследовали через вертушку. Вампир ждал в благоразумном отдалении, пока мы пройдем; затем подскочил и скрылся на корме – пошел скормливать наши радиоактивные обноски декомпилятору.

В склеп! Гробы стояли распаханутыми у кормовой переборки, и мы с облегчением опустились в их объятия. Когда крышка опускалась, Бейтс уже начала кашлять кровью.

Капитан запустил процесс, и мои кости тут же загудели. Я заснул мертвецким сном. Лишь теория да обещания наших братьев-механизмов убеждали в том, что впереди меня ждет возрождение.

* * *

Восстань, Китон.

Я очнулся от дикого голода. Из вертушки доносились слабые голоса. Несколько секунд я парил в своем стручке, закрыв глаза, наслаждаясь отсутствием боли и тошноты. Исчез подсознательный ужас от мысли, что тело постепенно превращается в кашу. Слабость и голод – все остальное в порядке.

Я открыл глаза.

Надо мной нависло что-то вроде руки. Серое, блестящее и слишком тощее для человеческой конечности. Без кисти. С невероятным количеством сочленений: кость словно перебита в десяти местах. Тело, с которым соединялась рука, едва виднелось из-за края саркофага намеком на темную тушу, шевелились вывихнутые щупальца. Оно парило передо мной неподвижно, будто я застал его за каким-то непристойным занятием.

Я не успел набрать в грудь достаточно воздуха, чтобы закричать, как существо метнулось прочь.

Я выскочил из гроба, выпучив глаза. Вокруг никого: покинутый склеп с голым летописцем. В зеркальной переборке отражались пустые капсулы,

стоявшие по сторонам. Я вызвал КонСенсус: все системы в норме.

Оно не отражалось, вспомнил я. Не отражалось в зеркале!

Я отправился на корму. Сердце колотилось. Передо мной отворилась вертушка. Шпиндель вполголоса беседовал о чем-то с Бандой. При виде меня он помахал дрожащей рукой.

– Меня надо проверить, – сказал я совсем не так уверенно, как хотел бы.

– Первый шаг – признать, что с тобой не все в порядке, – бросил Шпиндель в ответ. – Только не жди от меня чудес.

Он снова повернулся к Банде, сидевшей в диагностическом кресле; у руля стояла Джеймс, но тестовые таблицы, мерцавшие на кормовой переборке, они изучали вместе.

Я ухватился за верхнюю ступеньку и притянул себя к полу. Сила Кориолиса сдувала меня вбок, точно флаг на ветру.

– Или я брежу, или на борту что-то есть.

– Ты бредишь.

– Я серьезно.

– Я тоже. Бери номерок, становись в очередь.

Он не шутил. Я с трудом успокоился, прочитал его и понял, что мои слова Шпинделя не слишком удивили.

– Небось изрядно проголодался, утомившись от лежания, а? – Шпиндель махнул рукой в сторону камбуза. – Перехвати что-нибудь. Я займусь тобой через пару минут.

Пока ел, я с немалым трудом, но все-таки поработал над очередным конспектом; правда, это заняло только одну половину мозга; вторая все еще дрожала, не вырвавшись из-под ига примитивных инстинктов, которые призывали то ли бежать, то ли драться. Я попытался развеяться, подключившись к потоку данных из медотсека.

– Оно было реальным, – волновалась Джеймс. – Мы все видели.

Не может быть!

Шпиндель прокашлялся.

– Эту попробуй.

В потоке было видно, что он ей показывал: черный треугольник на белом фоне. В следующий миг тот разбился на десяток идентичных копий, потом на сотню. Метастазирующий рой крутился в центре экрана, как на балу геометрических фигур – танцуя в строю, отрачивая по углам крохотных собратьев, фрактализуясь, эволюционируя в бесконечный причудливый узор...

Шпиндель держал в руках скетчпад, на котором разворачивалась

интерактивная реконструкция увиденного, без пустой болтовни, – программы распознавания образов в мозгу Сьюзен реагировали на то, что она видит: нет, их было больше, и ориентация неправильная; да, так, но крупнее – а машина Шпинделя выхватывала реакции прямо из ее мыслей и в реальном времени корректировала изображение. Немалый шаг вперед, по сравнению с бестолковым эрзацем под названием «язык». Впечатлительные даже могли бы назвать это «чтением мыслей».

Ничего похожего, конечно. Просто обратная связь и корреляция. Чтобы преобразовать один набор структур в другой, телепат не нужен. К счастью.

– Вот оно! Вот! – воскликнула Сьюзен.

Треугольники видоизменились до самоуничтожения.

Теперь дисплей наполняли переплетающиеся асимметричные пентаграммы – паутина из рыбьей чешуи.

– И не говори, что это случайные помехи, – триумфально произнесла она.

– Нет, – скучно ответил Шпиндель. – Это форма Ключера^[49].

– К...

– Это была галлюцинация, Сюз.

– Конечно! Но кто-то подсадил ее к нам в голову, так? И...

– Она всегда была там. С того дня, как ты появилась на свет.

– Нет!

– Это артефакт глубинных структур мозга. Его даже слепые от рождения иногда видят.

– Никто из нас раньше их не видел. Никогда!

– Верю. Но никакой информации в них не содержится, понимаешь? Это не разговоры «Роршаха», а просто... интерференция. Как и все остальное.

– Но оно было такое яркое! Не мерцание, которое постоянно маячит на краю поля зрения. И такое плотное. Реальнее настоящего.

– Это и доказывает, что оно ненастоящее. Поскольку ты на самом деле ничего не видишь, разрешение не ограничивается мутной оптикой.

– О, – выдавила Джеймс и шепотом добавила: – Твою мать.

– Ага. Извини, – и потом: – Закончишь – подходи.

Я взглянул наверх: Шпиндель махал мне рукой.

Джеймс поднялась из кресла, но это Мишель приобняла его с несчастным видом, а Саша, ворча, проплыла мимо меня в сторону палатки.

К тому времени, когда я добрался до биолога, Шпиндель развернул кресло в полукушетку.

– Ложись.

Я подчинился.

– Тут такое дело, но я говорил не о «Роршахе». Мне что-то померещилось здесь, прямо сейчас, когда я очнулся.

– Подними левую руку, – проговорил он. Потом: – Только левую, а?

Я опустил правую и поморщился от укола.

– Немного примитивно.

Он покатал в пальцах наполненную кровью пробирку, дрожащую рубиновую слезу размером с ноготь.

– Для некоторых целей тканевая проба подходит лучше всего.

– Разве капсулы не должны справляться сами?

Шпиндель кивнул.

– Считай это проверкой качества. Чтобы корабль не зазнавался. – Он уронил образец на ближайший лабораторный стол. Слезинка растеклась и лопнула; поверхность впитала мою кровь, будто страдала от жажды. Шпиндель причмокнул губами. – Повышенный уровень ингибиторов холинэстеразы в ретикулуме. Вкуснотища.

Не удивлюсь, если мои анализы и вправду казались ему вкусными. Шпиндель не просто считывал результаты – он их ощущал, видел, нюхал и перекачивал каждый бит данных на языке, как лимонные леденцы. Весь биомедицинский отсек был частью протеза Исаака: расширенное тело с десятками разных органов чувств, вынужденное мириться с мозгом, который знает лишь пять. Неудивительно, что он связался с Мишель. Биолог был почти синестетом.

– Ты провалился в капсуле чуть дольше остальных, – заметил он.

– Это важно?

Шпиндель как-то дергано пожал плечами.

– Может, твои внутренности прожарились чуть больше наших. Может, у тебя просто конституция хлипкая. Капсула выловила все... неизбежное, так что, думаю... А!

– Что?

– Отдельные клетки в основании мозга перешли на форсаж. И еще больше – в почках и мочевом пузыре.

– Опухоли?

– А ты чего ждал? «Роршах» – не курорт.

– Но капсула...

Шпиндель поморщился: это было что-то вроде обнадеживающей улыбки в его исполнении.

– Ну да, исправляет девяносто девять и девять десятых процента повреждений. К тому времени, когда добираешься до последней одной

десятой, эффективность системы начинает падать. Опухоли мелкие, комиссар. Скорее всего, тело само с ними справится. Если нет – мы знаем их адреса.

– А те, что в мозгу... они не могут вызывать?..

– Шансов мало. – Он пожевал нижнюю губу. – Правда, рак – не единственное, чем нас наградила эта штука.

– То, что я видел. В склепе. У него были... многосуставчатые щупальца, отходящие от центрального узла. Существо было размером, наверное, с человека.

Шпиндель кивнул.

– Привыкай.

– Остальные тоже видят такое?

– Сомневаюсь. У каждого свой взгляд, как... – «Сказать ли?» – передало его подергивающееся лицо, – ...на пятна «Роршаха».

– Там галлюцинации понятны, – признался я, – но здесь!

– Это эффекты от магнитной стимуляции. – Шпиндель прищелкнул пальцами. – Они прилипчивые, а? Нейроны, как войдут в одно состояние, потом долго не могут прийти в себя. ВКУ тебе никогда не делали? Такому уравновешенному да отлаженному?

– Пару раз было, – ответил я. – Наверное.

– Тот же принцип.

– Мне и дальше будет мерещиться эта ерунда?

– Если официально, то со временем глюки сходят на нет. Неделя-другая – и по идее ты должен прийти в норму. Но здесь, с этой штуковиной... – Он пожал плечами. – Слишком много переменных. К тому же, полагаю, мы будем туда возвращаться, пока Сараста не скажет «хватит».

– То есть, по сути, это влияние магнитного поля.

– Вероятно. Хотя, что касается этой хрени, я бы не поручился на сто процентов.

– А что-то еще может вызывать галлюцинации? – спросил я. – На борту.

– Например?

– Ну не знаю. Протечки в магнитозащите «Тезея», например.

– В норме – нет. Только у нас всех в голове по маленькому компьютеру.

А у тебя вообще целое полушарие протезов. Кто знает, какие побочные эффекты могут возникнуть. А что, «Роршаха» в качестве причины тебе недостаточно?

«Я их и раньше видел», – хотел сказать я. Но тогда Шпиндель спросил

бы: «О, и когда? Где?» И я бы, может, ответил: «Когда шпионил за тобой и Мишель», – и любые шансы продолжать бесконтактное наблюдение разнесло бы на атомы.

– Да нет, ничего, просто я в последнее время... нервничаю. Померещилось, будто видел что-то странное в хребтовой шахте, еще до высадки на «Роршах». Всего на секунду, и оно пропало, стоило мне сосредоточить взгляд.

– Многосуставчатые лапы и центральный узел?

– Господи, нет! Просто мелькнуло что-то. Если там и был какой-то предмет, то, скорее всего, это Аманда опять упустила свой мячик.

– Возможно, – Шпинделя мои слова почти позабавили. – Но защиту нужно проверить на предмет протечки. На всякий случай. Нам лишние глюки без надобности, а?

Я покачал головой, вспоминая увиденный кошмар.

– Как остальные?

– Банда в порядке, только разочарована немного. Майора пока не видел, – он пожал плечами. – Может, она меня избегает.

– Ей здорово досталось.

– Не сильнее, чем нам, правду сказать. Она могла даже не запомнить случившееся.

– Как... может человек поверить, что его не существует?

Шпиндель покачал головой.

– Бейтс не верила. Знала. Как факт.

– Но как?..

– Представь индикатор заряда на приборной панели автомобиля. Иногда контакты ржавеют. Индикатор стоит на нуле, и ты думаешь, что аккумулятор сел. А как иначе? Ты же не можешь вручную пересчитать электроны.

– Хочешь сказать, в мозгу стоит экзистенциометр?

– В мозгу стоят самые разные индикаторы. Ты можешь знать, что слеп, когда на самом деле видишь; и можешь знать, что видишь, когда слеп. И – да, ты можешь знать, что тебя не существует, когда это не так. Список длинный, комиссар. Синдром Котара, синдром Антона-Бабинского, «дамасская болезнь». Это для начала.

Он не сказал о ложной слепоте.

– На что это было похоже? – спросил я.

– Что? – Хотя Шпиндель прекрасно понял, что я имею в виду.

– Твоя рука... словно действовала сама по себе. Когда потянулась к батарее.

– О нет. Ты сознания не теряешь, просто... чувствуешь, и все. Чуешь, куда потянуться. Отделы мозга играют друг с другом в шарады, а? – Он махнул рукой в сторону кушетки. – Слезай. Я уже насмотрелся на твои гнилые кишки. И пригони сюда Бейтс, если найдешь, где она прячется. Должно быть, строит новые полки на фабрике.

Дурные предчувствия мелькали на его лице словно блики.

– Ты ей не доверяешь.

Он хотел возразить, но вспомнил, с кем говорит.

– Не лично ей. Она – просто... человеческий центр управления механической пехотой. Электронные рефлексy, подчиненные синапсам. Догадайся сам, где находится слабое звено.

– По-моему, там внизу, на «Роршахе», все звенья слабые.

– Я не о «Роршахе», – уточнил Шпиндель. – Мы спускаемся туда. Что помешает им подняться сюда?

– Им?

– Может, они еще не приехали, – согласился он. – Но, когда появятся, держу пари, мы столкнемся с чем-то покрупнее анаэробных микробов.

Я промолчал, а он продолжил, понизив голос:

– И в любом случае, ЦУП в принципе не знал о «Роршахе». Они думали, что отправляют нас туда, где всю грязную работу можно поручить роботам. Но дело в том, что начальство не переносит, когда некем покомандовать, понимаешь? Не может признать, что пехтура умнее генералов. Так что ради политики в нашей обороне проделали дыру – это не то чтобы свежая новость, – и хоть я не солдат, но мне такая стратегия разумной не кажется.

Я вспомнил, как Аманда Бейтс принимала роды своих дронов. «Я скорее предохранитель...»

– Аманда... – начал я.

– Мэнди мне нравится, славная зверюшка. Но, если мы идем полным ходом на поле боя, я не хочу, чтобы мою жопу прикрывала сеть со слабым звеном.

– Если тебя окружает рой машин-убийц – может...

– Да, это я слышал много раз. Нельзя доверять машинам! Луддиты обожают талдычить о компьютерных сбоях и о том, сколько нечаянных войн можно было бы предотвратить, если бы окончательное решение принадлежало человеку. Но вот что забавно, комиссар: никто не вспоминает, сколько войн было начато намеренно и именно по воле человека. Ты все пишешь свои открытки в вечность?

Я кивнул, даже не поморщившись про себя. Таков уж он есть.

– Можешь к следующей приколоть эту беседу. Может, от нее даже будет прок.

* * *

Представь себе, что ты в плену.

Придется признать – сама напросилась. Ты ломала «железо» и рассеивала биозоли восемнадцать месяцев подряд; это по любым меркам достижение. Карьера реалиста-саботажника долгой не бывает, рано или поздно всех ловят.

Так было не всегда. Когда-то у тебя теплилась надежда тихо выйти на пенсию, но потом из плейстоценовой эпохи вытянули вампиров и – силы небесные! – поставили баланс сил с ног на голову. Эти суки любого опережают на десять шагов. Что неудивительно: в конце концов, кровососы рождены для охоты на людей.

В старом учебнике по популяционной динамике, совсем древнем, чуть ли не XX века, есть одна запомнившаяся тебе строчка. В твоём ремесле эта фраза является чем-то вроде мантры, почти молитвы. «Хищник бежит за едой, – гласит она. – Жертва бежит от смерти». Вывод напрашивается следующий: обычно добыча ускользает от хищника за счет лучшей мотивации.

Может, это и было правдой, пока соревнования проходили по бегу. Но если стратегия выживания включает тактическое предвидение и трехслойное очковтирательство, деваться некуда – вампиры неизменно выигрывают.

Теперь ты в плену, и, хотя ловушку расставили монстры, на спусковой крючок нажимали обыкновенные исходники, предатели. Ты уже шестой час висишь, прилепленная к стене безымянной и неведомой подземной тюрьмы, глядя, как люди забавляются с твоим парнем и созаговорщиком. Забавляются изошренно: в ход идут кусачки, раскаленная проволока и части тела, которые в норме не должны отделяться от туловища. Сейчас ты уже мечтаешь о том, чтобы твой любовник умер, как те двое в камере, чьи ошметки разбросаны по полу. Но они не позволят ему умереть, ведь им так весело!

Это же не допрос, и есть менее инвазивные способы добывать более достоверные ответы. Тут просто развлекаются очередные зверовидные садисты, облеченные властью; убивают время, и не только его, а тебе остается рыдать, зажимуриваться и хныкать, как животное, хотя к тебе еще

не притронулись. Ты мечтаешь лишь о том, чтобы тебя не оставили напоследок, так как понимаешь, что это значит.

Внезапно мучители останавливаются посередь игры и склоняют головы, будто прислушиваясь к коллективному внутреннему голосу. Тот не иначе как приказывает им снять тебя со стены, перетащить в соседнюю комнату и усадить в одно из двух кресел с гелевыми подушками по разные стороны «умного» стола, потому что именно так они и поступают – гораздо аккуратнее, чем ты ожидаешь, – прежде чем удалиться. Похоже, тот, кто распоряжается ими, могуществен и недоволен, весь садистский кураж и гонор слетают с их морд в одно мгновение.

Ты сидишь и ждешь. Стол тускло светится таинственными знаками, но тебе не до них, даже если бы ты их понимала, даже если бы они скрывали самую главную вампирскую тайну. Где-то глубоко внутри разума начинает еле заметно теплиться надежда, но разум не осмеливается ей верить. Ты ненавидишь себя за то, что думаешь о жизни, когда куски тел твоих друзей еще не остыли за стеной.

В комнату входит крепко сбитая женщина с явными индейскими корнями в неопределенно-полевой форме. Ее волосы острижены под ноль, на горле просвечивает мелкая сетка подкожной антенны. Твоей подкорке кажется, что она около десяти метров высотой, хотя обнаглевшая студенистая кора головного мозга настаивает, что женщина среднего роста.

Бирка на левой груди вновь прибывшей гласит: «Бейтс». Знаков различия нет.

Бейтс вытаскивает оружие из кобуры на бедре. Ты вздрагиваешь, но ствол нацелен не на тебя. Она бросает оружие на стол, к тебе, и садится напротив.

Микроволновой пистолет. Полностью заряжен и снят с предохранителя. На минимальной мощности вызывает ожоги и тошноту, на максимальной – кипит мозги в черепе, на промежуточных значениях причиняет боль и увечья, степень которых зависит от воображения владельца.

Твоя фантазия по этой части сорвала все барьеры. Ты тупо пялишься на пистолет, пытаешься найти подвох.

– Двое твоих друзей мертвы, – говорит Бейтс таким тоном, словно ты не наблюдала за процессом. – Необратимо.

«Необратимо мертвы». Хороший оборот.

– Мы можем восстановить тела, но повреждения мозга... – Бейтс прокашливается, словно ей неуютно и... стыдно. Неожиданно по-человечески для такого чудовища. – Последнего мы пытаемся спасти. Не

обещаю.

Нам нужна информация, – переходит она к делу. (Конечно, все, что было до того, – психология, подготовка. Бейтс – «хороший коп».)

– Мне нечего вам сказать, – удастся выдать тебе.

Десять процентов упрямства, девяносто – логики: они не смогли бы тебя поймать, если бы уже не знали все.

– Тогда нам нужно прийти к соглашению, – говорит Бейтс. – К некой договоренности.

Она издевается! Похоже, твое недоверие заметили. Бейтс обращает на него внимание.

– В каком-то смысле я вас понимаю. Мне далеко не по нутру идея менять настоящую жизнь на симуляцию, и меня трудно купить на всякую мишуру вроде постоянных вопросов «что есть реальность», которые нам втюхивает нынешняя телоекономика. Может, для страха действительно есть повод. Это не моя проблема и не моя работа, а лишь мое мнение, и необязательно верное. Но если мы тем временем поубиваем друг друга, то правды не узнаем. Это непродуктивно.

Ты видишь расчлененные тела своих друзей и ошметки на полу, в которых еще теплится жизнь, а у этой суки хватает наглости говорить о продуктивности.

– Не мы начали убивать, – говоришь ты.

– Не знаю. И знать не хочу. Повторю: это не моя работа. – Бейтс тычет пальцем через плечо, в сторону двери за спиной, через которую она вошла в комнату.

– Там, – говорит она, – убийцы твоих друзей. Они безоружны. Когда ты войдешь внутрь, камеры уйдут в офлайн и включатся только через шестьдесят секунд. За все, что случится в этот отрезок времени, ты ответишь перед своей совестью.

Подвох... Тут должен быть подвох!

– Что ты теряешь? – интересуется Бейтс. – Мы и так можем сделать с тобой все что заблагорассудится. Нам даже причина не нужна.

Ты нерешительно берешь пистолет. Бейтс тебя не останавливает.

«Она права, – понимаешь ты. – Терять совершенно нечего».

Ты встаешь на ноги и, забыв о страхе, тычешь ей дулом в лицо.

– Зачем мне уходить? Тебя я могу пристрелить и здесь.

Она пожимает плечами:

– Попробуй. По мне, так ты упустишь шанс.

– Значит, я захожу, выхожу через минуту – и что тогда?

– Тогда поговорим.

– Мы просто...

– Считай это жестом доброй воли, – говорит она. – Или даже возмещением.

Дверь открывается перед тобой и закрывается позади. Вот и они, все четверо, распластаны по стене, точно кордебалет распятых Иисусов. Их глаза больше не сияют. В них плещется только животный ужас и отражения изменившихся судеб. И когда ты смотришь на них, двое палачей марают штаны.

Сколько осталось? Секунд пятьдесят?

Немного... Будь у тебя чуть больше времени, ты бы много успела наворотить. Но хватит и того, не хочется злоупотреблять любезностью этой... Бейтс.

Похоже, с ней можно договориться.

* * *

В других обстоятельствах лейтенанта Аманду Бейтс отдали бы под трибунал и в течение месяца расстреляли. Неважно, что четверо погибших были виновны в многочисленных случаях изнасилований, пыток и убийств, – на войне люди всегда так поступают, нет никакой порядочности и кодекса чести, кроме командной цепочки и боевого строя. Разбирайся с опрометчивыми, если положено; карай виновных, если должен, хотя бы для пущей видимости. Но ради всего святого – закрой дверь и никогда не позволяй врагу видеть раздоры в твоих собственных рядах, не доставляй ему такого удовольствия. Ему положено лицезреть лишь единство и стальную уверенность. Среди нас могут быть насильники и убийцы, но, Господь свидетель, это наши насильники и наши убийцы. И уж точно не годится давать право на месть какой-то террористской мочалке с сотней наших скальпов за поясом.

Но с результатом не поспоришь: договор о прекращении огня с третьей по численности фракцией реалистов в Западном полушарии. Немедленное сокращение террористической активности на сорок шесть процентов по всей задействованной территории. Безоговорочное прекращение нескольких кампаний, способных серьезно подорвать работу трех крупных хранилищ тел и полностью вынести Дулутскую зону подготовки. Все потому, что лейтенант Аманда Бейтс в поисках решения первого боевого задания рискнула воспользоваться сочувствием как оружием.

Это было сотрудничество с врагом, измена и предательство товарищей. Такие вещи положено делать дипломатам и политикам, а не солдатам.

Однако какой результат!

Все это можно было прочесть в личном деле: инициатива, воображение, готовность победить любыми средствами и любой ценой. Возможно, такие склонности следовало пресечь или смягчить. Спор продолжался бы до бесконечности, но тут история просочилась в прессу, и у генералов на шее оказалась героиня.

Где-то посреди трибунала смертный приговор Бейтс сменился оправданием; оставался вопрос, куда отправить преступницу – в тюрьму или на офицерские курсы. Оказалось, в Ливенворте^[50] есть и то и другое; база так туго стиснула отступницу в объятиях, что повышение в звании ей было почти гарантировано, Аманде оставалось только выжить. Три года спустя майор Бейтс отправилась к звездам, где отметилась странной фразой: «Сири, мы готовимся к грабежу со взломом...» В ней сомневался не только Шпиндель. Другие тоже интересовались, чем объясняется ее назначение: превосходной подготовкой или удачным разрешением пиар-кризиса. Я, разумеется, своего мнения не имел, но прекрасно понимал, отчего некоторым Бейтс казалась обоюдоострым оружием. Когда судьба мира висит на волоске, поневоле внимательно приглядишься к солдату, который начал свою карьеру, сотрудничая с врагом.

* * *

Если вы это видите – оно, скорее всего, не существует.

Кейт Куо. Основания для самоубийства^[51]

Мы пять раз отправлялись в путь: на протяжении пяти оборотов подряд бросались в пасть чудовища, и оно пережевывало нарушителей триллионом микроскопических зубов, покуда «Тезей» не выдергивал нас на поверхность, чтобы склеить заново. Спотыкаясь и вздрагивая, мы ползали по кишкам «Роршаха», сосредотачиваясь на ближайших задачах и стараясь забыть о призраках, щекотавших нам средний мозг.

Временами стены вокруг начинали шевелиться, а порой нам это лишь мерещилось, иногда мы прятались в колоколе, пока ионные и магнитные вихри лениво проплывали мимо, точно капли эктоплазмы в кишечнике

бога-полтергейста.

Временами нас накрывало на открытом месте. Банда начинала вздорить сама с собою, не в силах отличить одну личность от другой. Я как-то провалился в нечто вроде осознанного паралича, и чужие руки волокли мое тело вдаль по коридору; но, к счастью, другие руки вернули меня домой, а голоса, нагло заявлявшие о своей реальности, уверяли, что мне все привиделось. Аманда Бейтс дважды обретала Бога: видела его прямо перед собой и была уверена, что творец не просто существует, а говорит с ней, причем только с ней одной. Оба раза она теряла веру, стоило нам затащить ее под колокол, но до того ситуация была не из приятных. Ее солдатики, пьяные от электричества, однако по-прежнему управляемые по линии визирования, покидали свои посты и неуверенно водили стволами по сторонам, заставив нас понервничать.

Пехота умирала быстро: некоторые не выдерживали и одной вылазки, парочка и вовсе вырубилась за пару минут. Самые стойкие оказывались самыми неторопливыми, полуслепыми, туповатыми; каждую команду и ответ они протискивали через экранированные микрофоны пронзительным высокочастотным скрипом. Иногда мы укрепляли ряды тугодумов дронами, говорившими на оптических частотах: быстрыми, но нервными и еще более уязвимыми. Вместе они охраняли нас от противника, до сих пор не показавшего своего лица.

Да ему и не нужно было. Наши солдаты гибли без всякого вражеского огня.

Мы работали, несмотря ни на что, невзирая на приступы, галлюцинации и, временами, на судороги. Мы пытались присматривать друг за другом, пока магнитные щупальца хватили за внутреннее ухо и доводили до морской болезни. Порой нас рвало в шлемы; тогда мы, бледные, просто висели, втягивая кислый воздух сквозь стиснутые зубы, пока воздухоочиститель убирал с лица комочки пищи и слизь, и молча благодарили небеса за маленький дар антистатических, самоочищающихся смотровых стекол.

Вскоре стало очевидно, что мне уготовили роль не только пушечного мяса. Да, я не владел языковыми способностями Банды и не знал биологию, как Шпиндель, но был лишней парой рук там, где каждый мог выпасть из строя в любой момент. Чем больше народу Сарастии отправлял на «Роршах», тем выше становились шансы, что хотя бы один из нас в ответственный момент сможет остаться на плаву. Но даже так мы все находились в ужасном состоянии, а работа шла из рук вон плохо. Мы безрассудно рисковали в каждой вылазке, но все равно шли туда, иначе

могли собирать вещички и мотать домой.

Работа двигалась бесконечно малыми шагами: наши старания напоминали ковыляние охромевшего на обе ноги человека. Банда не могла обнаружить в шуме никаких признаков знаковой системы или речи, поддающейся расшифровке, но общее развитие объекта бросалось в глаза без всяких теорий. Временами «Роршах» членился, выдавливал поперек тоннелей перегородки, похожие на хрящевые кольца человеческой трахеи. Некоторые из них на протяжении часов лениво текли расплавленным воском и превращались сначала в сужающиеся диафрагмы, а потом и вовсе в плотные мембраны. Мы словно наблюдали прирост объекта отдельными сегментами. В основном, конечно, «Роршах» увеличивался за счет кончиков шипов. Мы проникли внутрь за сотни метров от ближайшей зоны активных изменений, но, очевидно, отголоски докатывались и сюда.

Если это было частью нормального процесса роста, то мы видели лишь слабое эхо того, что творилось в сердце апикальных зон. Наблюдать за ними напрямую, изнутри мы не могли: уже в ста метрах от шпиля в тоннеле становилось слишком опасно даже для самоубийц. Но за пять оборотов «Роршах» вырос еще на восемь процентов, механически и бездумно, как кристалл.

В ходе вылазок я пытался делать свою работу: собирал и склеивал, вымучивал данные, которые никогда не смогу понять. В меру своих возможностей наблюдал за системами вокруг, учитывал каждую причуду и особенность. Одна часть моего рассудка выдавала конспекты и обобщения, другая, невежественная, просто в недоумении глазела по сторонам. Ни та ни другая не понимала, откуда к ним приходит озарение.

Но было трудно. Сараста не позволял мне покинуть систему. Каждое наблюдение оказывалось загрязнено моим собственным губительным присутствием. Я старался как мог, не вносил предложений, способных влиять на принятие критических решений, во время вылазок делал, что приказано, и ни граммом больше; старался походить на одного из пехотинцев Бейтс – простое оружие, лишённое инициативы и влияния на психодинамику группы. Думаю, по большей части, мне это удавалось.

Мои непонимания копились и, неотправленные, по графику ложились в пакет передачи (из-за обилия помех «Тезей» не мог транслировать сигнал на Землю).

Шпиндель был прав: призраки последовали за нами. Мы уже на корабле начали слышать шепчущие голоса, не принадлежавшие Сарастии. Порой даже ярко освещенный кольцевой мирок вертушки плыл и колыхался, стоило взглянуть на него краем глаза – я не раз замечал костлявые, безголовые и многорукие миражи среди балок. Они казались вполне реальными, если смотреть на них искоса, исподволь, но стоило сосредоточиться – и существа превращались в тени, в черные прозрачные пятна на фоне металла. Такие хрупкие, что их можно было просверлить насквозь одним взглядом.

Шпиндель сыпал диагнозами как градом. Правда, в основном, всем ставил разные синдромы и помешательства. За просвещением я обратился к КонСенсусу и обнаружил целое иное «я», захороненное под лимбической системой, задним мозгом и мозжечком. Оно обитало в стволе мозга, оказалось старше самого подтипа позвоночных и было самодостаточным: слышало, видело и щупало независимо от всех прочих частей, наслоившихся последышей эволюции. Это «я» стремилось только к собственному выживанию, ничего не планировало, не анализировало абстракций, а тратило усилия лишь на минимальную обработку сенсорной информации. Но оно действовало быстро, не отвлекалось и реагировало на угрозы быстрее, чем его умные соседи успевали их осознать.

И даже когда оно не срабатывало – упрямый, несговорчивый неокортекс отказывался спустить его с поводка, – то все равно пыталось передать увиденное, и тогда неведомое чутье подсказывало Исааку Шпинделю, куда протянуть руку. У него в голове обитала своего рода усеченная версия Банды. Как и у всех нас.

Я шагнул дальше и нашел в мозговой плоти самого Господа, источник помех, погружавший Бейтс в экстаз, а Мишель – в судорожный припадок. Проследил синдром Грея до его истоков в височной доле. Слушал голоса, что шепчут на ухо шизофреникам. Находил очаговые инсульты, принуждавшие людей отвергать собственные конечности, и представлял, как их заменяли магнитные поля в тот раз, когда Головолом пытался саморасчлениваться. В полузабытой чумной могиле историй болезни из XX века, под шапкой «синдром Котара» я нашел Аманду Бейтс и ей подобных, чьи мозги вывихнулись в отрицании самих себя. «У меня было сердце, – безвольно шептал из архива один пациент. – Теперь на его месте бьется что-то неживое». Другой требовал похоронить себя, так как его труп смердел.

И дальше – целый каталог хорошо темперированных расстройств, которыми «Роршах» нас еще не наградил. Сомнамбулизм. Агнозии.

Одностороннее игнорирование. КонСенсус демонстрировал цирк уродов, при виде которого любой рассудок повредился бы от одного сознания своей хрупкости: женщина, умирающая от жажды рядом с водой не потому, что не может увидеть кран, а потому, что не может его узнать; человек, для которого левая сторона Вселенной не существует, который не может ни воспринять, ни представить левую сторону своего тела, комнаты, строки в книге – для него само понятие «левизны» стало буквально немислимым.

Временами мы можем представлять себе предметы и все же не видеть их, хотя они находятся прямо перед нами. Небоскребы возникают ниоткуда, наш собеседник меняет обличье, стоит отвлечься на секунду. А мы не замечаем! И это не волшебство, даже не обман зрения в полном смысле слова. Это явление называют перцептивной слепотой, и о нем известно уже более ста лет: склонность взгляда не останавливаться на том, что эволюционный опыт считает невероятным.

Я нашел антипод ложной слепоты Шпинделя, болезнь, при которой зрячие уверены, что слепы, а слепые настаивают, будто могут видеть. Сама идея была нелепа до безумия, и все же вот они, пациенты – отслоенные сетчатки, выжженные зрительные нервы, всякая возможность видеть отнята законами физики, – которые врезаются в стены, бьются о мебель, изобретают бесконечные смехотворные оправдания своей неуклюжести. Кто-то неожиданно выключил свет. Пестрая птица пролетела за окном и отвлекла от преграды. Я превосходно вижу, спасибо! У меня с глазами все в порядке.

«Индикаторы в голове», – говорил Шпиндель. Но в мозгу прячутся не только измерительные приборы. В нем есть образ мира, и мы не глядим вовне; наше сознательное «я» видит лишь модель, интерпретацию реальности, которая постоянно обновляется в соответствии с информацией, поступающей с органов чувств. Что случится, если они откажут, а модель, поврежденная травмой или опухолью, не сможет обновиться? Долго ли мы будем пялиться на устаревшую картинку, пережевывая и вымучивая одни и те же мертвые данные в отчаянном, подсознательном, совершенно искреннем отрицании реальности? Скоро ли нас озарит, что мир, который мы видим, больше не отражает мира, в котором мы обитаем, что мы слепы?

Если верить историям болезни – через месяцы. Одной несчастной понадобилось больше года.

Обращения к логике безуспешны. Как можно увидеть птицу, когда перед тобой нет окна? Как ты решаешь, где кончается видимый тобою полумир, если не видишь вторую, уравновешивающую его половину? Если ты мертв, то почему обоняешь смрад собственного гниения? Если тебя не

существует, Аманда, то кто разговаривает с нами?

Бесполезно. Когда человека поработает синдром Котара или одностороннее игнорирование, аргументами его не высвободить. А когда ты во власти инопланетного артефакта, то просто знаешь, что твое «я» мертво, а реальность кончается посередине, причем с той же непоколебимой уверенностью, с какой любой человек ощущает расположение собственных конечностей, – намертво впечатанным в мозг чувством, не нуждающимся в дополнительных подтверждениях. Что против этой убежденности разум? Что ему логика?

Им не место на «Роршахе».

* * *

На шестом обороте он нанес удар.

– Оно с нами разговаривает, – неожиданно выдала Джеймс.

Ее глаза за стеклом были широко раскрыты, но не сияли, в них не полыхал огонь безумия. Вокруг нас внутренности «Роршаха» сочились, корчились где-то на периферии зрения; чтобы стряхнуть наваждение, приходилось постараться. Я сосредоточился на колечке пальцевидных наростов, торчавших из стены, а в стволе моего мозга зверюшками копошились нечеловеческие слова.

– Оно не разговаривает, – перебил висевший напротив Шпиндель. – Это ты опять бредишь.

Бейтс промолчала. Посреди прохода висели двое пехотинцев, ведя наблюдение сразу по трем осям разом.

– Сейчас все по-другому, – настаивала Джеймс. – Геометрия... оно не настолько симметрично. Похоже на Фестский диск, – она неторопливо повернулась, указывая вдоль прохода: – Кажется, в той стороне сильнее...

– Дай Мишель порулить, – предложил Шпиндель. – Может, она ума одолжит.

Джеймс тихо рассмеялась.

– Ты никогда не сдаешься, да? – Она настроила газовый пистолет и поплыла в темноту. – Да, тут определенно сильнее. В этих узорах есть содержание, и оно наложено на...

«Роршах» отсек ее в мгновение ока. Я никогда прежде не видел, чтобы что-то двигалось так быстро. Ни томного шевеления перепонки, к которому мы успели привыкнуть, ни ленивых, постепенных сокращений: диафрагма захлопнулась разом. Внезапно сосуд перекрыло в трех метрах впереди

матово-черной мембраной, изукрашенной тонким спиральным узором.

И Банда четырех осталась по другую сторону.

Пехотинцы разом набросились на преграду. Местный воздух захрустел под лазерными лучами, Бейтс орала: «Назад! К стенам!» – кувыркаясь, словно гимнастка на ускоренном просмотре, и занимая некую, очевидную по крайней мере для нее, тактическую высоту. Я прижался к стене. Сверкающие нити перегретой плазмы пластали атмосферу. Краем глаза я видел, как притиснулся к противоположной стороне коридора Шпиндель. Стены шевелились. Я видел, как действуют лазеры: перегородка от их прикосновения рассыпалась горячей бумагой; черный маслянистый дым клубился над подгоревшими краями, и...

Внезапная вспышка, всюду разом. Воздушную жилу затопило лавиной битого света, тысячью осыпающихся осколков, вспышек и отражений. Мы как будто попали в калейдоскоп, направленный на солнце. Свет... И бритвенно-острая боль в боку, в левом плече. Запах жареного мяса. Оборвавшийся вопль.

Сьюзен? Ты там, Сьюзен?

Мы начнем с тебя.

Сияние вокруг меня погасло; пятна перед глазами мешались с хроническими полувидами, которые «Роршах» уже подsunул в мою голову. Раздражающе чирикали сигналы тревоги – пробой, пробой, пробой! – пока умная ткань скафа не размягчилась и не заклеила отверстия. Левый бок мучительно жгло. Ощущение было как будто мне поставили клеймо.

– Китон! Проверь Шпинделя!

Бейтс отключила лазеры. Пехтура перешла в рукопашную, огневыми соплами и алмазными когтями впиваясь в радужно сверкающие пятна под сожженной шкурой.

«Волоконный отражатель, – понял я. – Он разбил лазерные лучи, превратив их в световую шрапнель и швырнув нам в лица. Умно...»

Поверхность еще светилась, хотя лазеры были отключены, – рассеянным, неровным и тусклым мерцанием, сочащимся с дальней стороны преграды, пока зонды упрямо жевали ближайшую к нам стенку. Не сразу, но я сообразил – нашлемный фонарь Джеймс.

– Китон!

Точно. Шпиндель.

Его смотровое стекло было целехонько. Лазер расплавил сетку Фарадея, которой ламинирован хрусталь, но скаф уже заделывал пробоину. Вот только другая осталась – аккуратная дырочка прямо во лбу биолога.

Глаза Исаака за стеклом смотрели в бесконечность.

– Ну? – спросила Бейтс.

Она видела жизненные показатели так же ясно, как и я, но «Тезей» мог провести посмертную реконструкцию.

Если не поврежден мозг.

– Нет.

Гул сверл и резаков стих, посветлело. Я отвернулся от останков Шпинделя. Пехотинцы пробили дыру в волокнистой подложке, один протолкнулся на другую сторону.

Сквозь шум прорезался новый звук: тихий звериный вой, пронзительный и жуткий. На миг мне показалось, что «Роршах» снова нашептывает нам; стены словно сжались вокруг.

– Джеймс? – рявкнула Бейтс. – Джеймс!

Не Джеймс. Маленькая девочка в женском теле, заключенная в бронированный скафандр и напуганная до полусмерти.

Дрон вытолкнул к нам ее свернувшееся в клубок тело. Бейтс бережно взяла лингвиста на руки.

– Сьюзен? Возвращайся, Сьюзен. Все в порядке.

Пехотинцы беспокойно кружились в воздухе, делая вид, что все под контролем и под прицелом. Аманда бросила взгляд на меня: «Бери Исаака», – и снова повернулась к Джеймсу.

– Сьюзен?

– Н... не-ет, – тихо прохныкал девчоночий голосок.

– Мишель? Это ты?

– Там было оно, – прошептала девочка. – Оно меня схватило за ногу.

– Уматываем. – Бейтс потащила Банду за собой через туннель. Один пехотинец остался позади, на страже у дыры; другой шел ведущим.

– Его больше нет, – мягко проговорила Бейтс. – Тут больше никого нет. Видишь?

– Его не-нельзя увидеть, – прошептала Мишель. – Оно не... не... невидимое.

Мы отступали, и диафрагма скрывалась за поворотом. Пробитая в ее центре дыра смотрела на нас, как рваный зрачок огромного немигающего глаза. Пока она оставалась в поле нашего зрения, отверстие пустовало. Нас никто не преследовал. По крайней мере мы никого не увидели. В голове родилась фраза для какой-то бестолковой надгробной речи; выдернутая из подслушанной исповеди, она все вертелась в мыслях, и, как ни старался, я не мог ее прогнать.

Исаак Шпиндель все же не прошел в полуфинал.

Сьюзен Джеймс пришла в себя на обратном пути. Исаак Шпиндель – нет.

В дезинфекционный купол мы заходили молча. Бейтс первой выбралась из скафа и потянулась к биологу, но Банда остановила ее взмахом руки и покачала головой. Они разоблачали тело; личности сменяли друг друга. Сьюзен сняла шлем, рюкзак и кирасу. Головолом отшкурил серебряную освинцованную пленку, покрывавшую все тело, от воротника до пят. Саша стянула комбинезон, оставив нагой бледную плоть. Только перчатки они не тронули: навеки чувствительные кончики пальцев поверх онемевшей кожи. И все это время Шпиндель остекленевшими глазами, не мигая, смотрел на далекие квазары.

Я ожидал, что Мишель появится в свой черед и опустит ему веки, но она так и не вышла.

* * *

Имея очи, не видите.

Иисус Назарянин^[52]

«Не знаю, что надо чувствовать», – подумал я. Он был добрым, достойным человеком. Хорошо ко мне относился, даже когда не знал, что я его слышу. Мы познакомились недавно, нельзя сказать чтобы особенно сдружились, и все же... Я должен был тосковать по нему. Скорбеть.

Мне следовало чувствовать нечто большее, чем тошнотворный, обессиливающий страх оказаться следующим.

Сараста не тратил время попусту. Свежеоттаявший дублер Шпинделя встретил нас, когда мы вышли из люка. От него несло никотином. Регидратация еще не завершилась – на бедрах нового биолога колыхались мешки с физраствором, – но смягчить жесткие черты его лица она не сможет. При каждом движении слышался хруст суставов.

Он посмотрел сквозь меня и принял тело.

– Сьюзен... Мишель, я...

Банда отвернулась.

Он прокашлялся и стал натягивать на тело мешок-кондом.

– Сараста вызывает всех в вертушку.

– Мы светимся, – напомнила Бейтс.

Даже прервав вылазку до срока, мы набрали летальную дозу зивертов.

Слабая тошнота уже покалывала в горле.

– Потом дезактивируем, – один взмах руки – и Шпинделя скрыл маслянисто-серый саван. – Ты, – он обернулся ко мне, ткнул пальцем в прожженные дыры в комбинезоне. – Со мной.

Роберт Каннингем, еще один архетип. Темные волосы, впалые щеки, челюсть можно использовать в качестве линейки. Он был спокойнее своего предшественника и жестче. Если Шпинделя дергали тики и спазмы, будто от электрического разряда, лицо Каннингема обладало выразительностью восковой маски. Комплекс, управляющий мимическими мышцами, забрили в другую армию. Даже судороги, сотрясавшие его тело, сглаживал никотин, который биолог впитывал на каждом втором вдохе.

Сейчас у него не было сигареты. Только мертвое тело неудачливого коллеги и свежеоттаявшая неприязнь к бортовому синтезу. Пальцы биолога дрожали.

Бейтс и Банда поднимались по хребту молча. Мы с Каннингемом ползли следом, направляя труп Шпинделя. После напоминания у меня снова заболели нога и бок. Хотя помочь мне Роберт ничем не мог: лучи прижгли плоть, а если бы задели какой-то жизненно важный орган, я бы уже умер.

У люка нам пришлось выстроиться цепочкой: первым Шпиндель, в ногах у него – Каннингем. К тому времени, как в вертушку пробрался я, Бейтс и Банда уже спустились на палубу и заняли свои обычные места. С дальнего конца стола на них взирал Сараста, во плоти.

Он снял очки. С того угла, где стоял я, приглушенный белый свет смывал блеск из его глаз. Если не приглядываться внимательно, их почти можно было принять за человеческие.

Медотсек к моему прибытию затормозили. Каннингем ткнул пальцем в сторону диагностической кушетки на участке застывшего пола, служившего нам лазаретом. Я подплыл туда и пристегнулся. В двух метрах от нас, за проросшими из палубы перилами высотой до пояса, катилась мимо основная часть вертушки. Бейтс, Банда и Сараста кружились передо мной, точно грузики на леске.

Чтобы их слышать, я подключился к КонСенсусу. Говорила Джеймс, тихо и без выражения:

– Я заметила новый узор среди постоянных форм. Где-то в решетке. Он походил на сигнал. Чем дальше я уходила по коридору, тем сильнее он становился. Я пошла за ним и отключилась. Больше ничего не помню до нашего возвращения. Мишель мне рассказала, что случилось. Насколько могла. Это все, что я знаю. Извините.

В ста градусах дуги от меня, в зоне невесомости Каннингем укладывал своего предшественника в саркофаг, выполняющий иные функции, нежели стоявшие ближе к носу корабля. Я сразу задумался, начнет ли машина вскрытие прямо во время разбора полетов. И услышим ли мы при этом какие-то звуки.

– Саша... – сказал Сараста.

– Ага, – отозвался голос с фирменной Сашиной растяжкой. – Я висела на шее у Мамочки. Когда та вырубилась, я оглохла и ослепла на фиг. Пыталась встать к рулю, но что-то мне мешало. Мишель, должно быть. Не подумала бы, что у нее сил хватит. Я даже не видела ничего.

– Но вы не теряете сознания.

– Сколько мне помнится, я все время была в себе. Но в полной темноте.

– Обоняние? Осязание?

– Когда Мишель обоссалась в скафе, я почувствовала. И только.

Вернулся Каннингем. В зубах у него торчала непременная сигарета.

– Вас никто не трогает, – предположил вампир. – Никто не хватается за ногу.

– Нет, – отозвалась Саша.

Она не верила в байку Мишель о невидимых чудовищах. Никто из нас не верил. Зачем, когда все, что мы испытали, легко объяснялось безумием?

– Головолом.

– Ничего не знаю, – я так и не привык слышать, как мужской голос слетает с губ Джеймс.

Лом был трудоголиком. В смешанной компании он обычно не выходил на свет.

– Вы на месте, – напомнил ему Сараста. – Вы должны помнить...

– Мамуля передала мне данные для анализа, и я их обрабатывал. Обрабатываю до сих пор, – добавил он с намеком. – Ничего не заметил. Это все?

Я никогда не мог его хорошенько прочесть. Временами казалось, что у Головолома больше общего с десятками бессознательных модулей, работающих в голове Джеймс, чем у разумных ядер, составляющих остальную Банду.

– Ничего не чувствуете? – настаивал Сараста.

– Только данные.

– Что-то существенное?

– Обычная феноматика, спирали и решетки. Но я еще не закончил. Могу быть свободен?

– Да. Позовите Мишель, пожалуйста.

Что-то бормоча про себя, Каннингем обкалывал мои раны анаболиками. Между нами висел синеватый дымок.

– Исаак нашел несколько опухолей, – заметил он.

Я кивнул и закашлялся. Саднило в горле. Тошнота отяжелела настолько, что начала продавливать диафрагму.

– Мишель, – повторил Сараста.

– Я обнаружил еще несколько, – продолжал Каннингем. – В основании черепа. Всего пара десятков клеток, не стоит пока выжигать.

– Здесь, – голос Мишель был едва слышен даже через КонСенсус, но, по крайней мере, она снова стала взрослой женщиной. – Я здесь.

– Что вы помните, расскажите нам, пожалуйста.

– Я... почувствовала... я просто висела у Мамули на шее, а потом она ушла, и никого больше не было, так что мне пришлось... взять управление...

– Вы видите, как закрывается диафрагма?

– Нет. Я заметила, что потемнело, но, когда обернулась, мы уже были в ловушке. А потом я почувствовала, что у меня за спиной кто-то есть: бесшумно, несильно оно просто толкнуло и схватило меня, и... и... Извините, – пробормотала она после некоторой задержки. – Меня немного... ведет...

Сараста ждал.

– Исаак, – прошептала Мишель. – Он...

– Да, – пауза. – Нам очень жаль.

– Может... можно его починить?

– Нет. Мозговая травма.

В голосе вампира прозвучала нота, похожая на сочувствие, – заученное притворство опытного лицедея. И сквозило что-то еще: почти неуловимый голод, слабая тень искушения. Правда, вряд ли кто-то, кроме меня, это заметил.

Мы были неизлечимо больны, а хищников тянет к слабым и раненым.

Мишель замолчала. Когда она заговорила снова, ее голос лишь чуть дрогнул:

– Много не расскажешь. Оно меня схватило и отпустило. Я сошла с катушек и не могу объяснить, если не считать того, что это проклятое место достает тебя до печенок... Я... не справилась. Простите. Больше нечего сказать.

– Спасибо, – после долгой паузы проговорил Сараста.

– Могу я... если можно, я бы хотела удалиться.

– Да, – отозвался вампир.

Мишель ушла на дно. Кубрик вращался, и я не увидел, кто занял ее место.

– Пехотинцы ничего не видели, – заметила Бейтс. – К тому времени, когда мы пробили перегородку, тоннель за ней был пуст.

– За такое время любой домовой уже сделал бы ноги, – заметил Каннингем. Он опустил ноги на палубу и уцепился за поручень: вертушка тронулась с места. Меня повело, я наискось повис на ремнях.

– Не спору, – отозвалась Бейтс. – Но стопроцентно мы знаем об этом месте лишь то, что не можем верить там собственным чувствам.

– Поверьте чувствам Мишель, – отчеканил Сараста.

Я чувствовал, как с каждой секундой становлюсь все тяжелее. Вампир открыл окошко: кадры, заснятые пехотинцем. За полупрозрачными волокнами ошкуренной перегородки, как за вощенной бумагой, колыхалось яркое расплывчатое пятно – фонарь Джеймс, видимый сквозь преграду. Изображение дернулось, когда робот пошатнулся на магнитной кочке, потом все повторилось. Качнулось и повторилось. Шестисекундная петля.

– Видите объект рядом с Бандой?

Невампиры ничего не увидели. Сараста, очевидно, это понял и остановил картинку.

– Дифракционные узоры не согласуются с единственным источником света в пустом пространстве. Я вижу более тусклые, отражающие элементы. Два темных предмета, близких по размеру и находящихся недалеко друг от друга, рассеивают свет здесь, – курсор указал на две непримечательные точки в кадре, – и здесь. Один – это Банда, сведений о втором у нас нет.

– Погодите, – вмешался Каннингем. – Если вы это раскусили, почему Сюю... почему Мишель ничего не видела?

– Синестезия, – напомнил ему Сараста. – Вы видите. Она чувствует.

Медотсек слегка вздрогнул, синхронизировав вращение с большой вертушкой; ограждение втянулось обратно в палубу. Из дальнего угла что-то слепое следило за тем, как я наблюдаю за ним.

– Черт, – прошептала Бейтс, – Значит, дома кто-то есть.

* * *

К слову сказать, они вовсе не так разговаривали. Если бы я передавал их настоящие голоса, вы бы слышали белиберду – полдюжины языков,

вавилонское столпотворение личных диалектов.

Конечно, причуды попроще пробивались и в их беседу: добродушная воинственность Саши и неприязнь Сарасты к прошедшему времени. Каннингем из-за непредвиденного сбоя при операции на височной доле потерял большую часть гендерных местоимений. Но отличия лежали глубже. Команда через фразу мешала английский с хинди и хадзани^[53]; ни один настоящий ученый не позволит концептуальным ограничениям единственного языка стреножить свои мысли. Временами они вели себя почти как синтеты, общаясь ворчанием и жестами, бессмысленными для любого исходника. Дело даже не в том, что сингулярникам недостает социальных навыков, а в том, что после определенной границы грамматически правильная речь становится слишком медленной.

Но только не для Сьюзен Джеймс. Это ходячее противоречие: женщина, настолько преданная идее Общения как Объединяющей силы, что ради нее она раскромсала собственный мозг на отдельные куски. Похоже, ей одной был небезразличен собеседник. Остальные говорили сами с собой, даже когда обращались к другому. Более того, даже другие личности в мозгу Джеймс вели себя так же, предоставляя окружающим право переводить как могут. Никаких проблем – на борту «Тезея» каждый мог понять любого. А для Сьюзен Джеймс это просто не имело значения: она каждое слово предназначала конкретному адресату, приспосабливала фразу под реципиента.

Я – проводник, существую, чтобы наводить мосты, но никакого моста не получится, если я передам лишь то, что говорил экипаж «Тезея». Поэтому я рассказываю, о чем он говорил, а вы черпайте столько смысла, сколько в состоянии воспринять. За одним исключением: Сьюзен Джеймс, лингвисту и вожаку Банды, я доверяю говорить за саму себя.

* * *

Пятнадцать минут до апогея; максимально безопасное расстояние на случай, если «Роршах» решит нанести ответный удар. Далеко внизу магнитное поле объекта продавливало атмосферу планеты, словно мизинец Господень. Под ним собирались тяжелые, темные грозовые тучи, а по его следам клубились вихри размером с Луну.

Пятнадцать минут до апогея, а Бейтс еще надеялась, что Сараста передумает.

В каком-то смысле это была ее вина. Если бы она отнеслась к новому

испытанию как к очередному кресту, который придется нести, возможно, все пошло бы более-менее по накатанной. Еще жила слабая надежда, что Сараста позволит нам стиснуть зубы и продолжить, включив в список напастей не только зиверты, магниты и чудовищ из подсознания, но и двери-капканы. Но Бейтс подняла шум: для нее этот случай стал не очередным куском дерьма в канализации, а шматом, который забил трубу.

«Мы ходим по краю, мы едва выживаем в среде, которая обычна для этой штуковины. Но если она начнет сознательно с нами бороться... Мы не можем так рисковать».

Четырнадцать минут до апогея, и Аманда Бейтс до сих пор жалела об этих словах.

За время предыдущих вылазок мы обнаружили двадцать шесть переборок на разных фазах развития. Мы просвечивали их рентгеном и пробовали ультразвуком. Наблюдали, как ими заплывают коридоры и как они неторопливо втягиваются обратно в стены. Диафрагма, захлопнувшаяся за спиной у Банды четырех, была совершенно иной породы.

«Какова вероятность, что первая же мембрана на спусковом крючке будет с противолазерным отражателем? Мы столкнулись не с обычным процессом роста – эту штуку подготовили специально для нас».

А значит, ловушку кто-то расставил.

Вот и еще одна причина для беспокойства. Тринадцать минут до апогея, а Бейтс волновалась за обитателей «Роршаха».

Конечно, любая наша вылазка была не чем иным, как кражей со взломом. Тут ничего не изменилось. Но, вскрывая замок, мы считали, что вторгаемся в пустой недостроенный дом. Думали, о его жильцах можно еще долго не беспокоиться, и не ждали, что один из них выйдет за полночь отлить и застанет нас с поличным. И теперь, когда он скрылся в лабиринте, мы крепко задумались, какой пистолет спрятан у него под подушкой...

«Эти перегородки могут изолировать нас в любой момент. Сколько их? Они перемещаются или привязаны к одному месту? Мы не можем двигаться дальше, не выяснив этого».

Поначалу Бейтс удивилась и обрадовалась от того, что Сараста с ней согласился.

Двенадцать минут до апогея. Отсюда, с высоты, куда не доходили помехи, «Тезей» вглядывался в изломанные, перекрученные очертания «Роршаха», не сводя стального взора с крошечной ранки, которую мы прожгли в боку зверя. Палатка-прилипала закрыла ее, словно волдырь; изнутри «чертик» передавал нам картину разворачивающегося

эксперимента в другой перспективе – от первого лица.

«Сэр, мы знаем, что „Роршах“ обитаем. Готовы ли мы рисковать дальше, провоцируя его жителей и подвергая их жизнь опасности?»

Сараста не то чтобы посмотрел на нее и не то чтобы ответил. Но если бы ответил, то, скорее всего, сказал бы что-то вроде: «Не понимаю, как такое мясо доживает до взрослых лет».

Одиннадцать минут до апогея, и Аманда Бейтс в очередной раз пожалела, что экспедиция находится не в военной юрисдикции.

Прежде чем приступить к эксперименту, мы дождались максимального отдаления. «Роршах» мог воспринять наши действия как враждебные – с этим Сараста согласился без тени иронии в голосе. Сейчас вампир стоял перед нами, глядя, как на столешнице разворачивается изображение. Блики отражались в его глазах, не до конца скрывая глубокий блеск зрачков.

Десять минут до апогея. Сюэзен Джеймс мечтала, чтобы Каннингем затушил свою чертову сигарету. Дым вонял, втягиваясь в вентиляцию, и никакой необходимости в нем не было. Всего лишь манерный анахронизм, способ привлечь внимание; если биологу так требовался никотин, то пластырь легко подавил бы судороги, но без дыма и запаха.

Однако лингвист думала не только о курении. Она размышляла, зачем в начале вахты Сараста вызвал к себе Каннингема, и почему тот после разговора с вампиром так странно на нее поглядывал. Меня это тоже интересовало. Пробежавшись по меткам времени в КонСенсусе, я обнаружил, что в тот же самый момент кто-то заглядывал в ее историю болезни. Я проверил статистику, образы сновали между полушариями; внимание сосредоточилось на повышенном уровне окситоцина как вероятной причине разноса. Вероятность того, что Джеймс стала, на вкус Сарасты, слишком доверчива, – восемьдесят два процента.

Понятия не имею, как я это подсчитал. И никогда не имел.

Девять минут до апогея.

Пока «Роршах» не потерял по нашей вине и пары молекул воздуха, но сейчас все изменится. Картинка базового лагеря разделилась, точно бактерия: одно окошко показывало палатку-ракушку, другое – широкоугольную панораму поверхности вокруг нее с тактическими диаграммами.

Восемь минут до апогея. Сараста выдернул пробку.

Внизу, на «Роршахе», наша палатка лопнула, словно жук под каблуком. Из раны хлестнул гейзер; по его краям бушевала пурга, вывязывая заряженные кружева снега. Атмосфера рвалась в вакуум, рассеялась, кристаллизовалась. Космос вокруг базового лагеря наполнили искры. Это

выглядело почти прекрасным.

Только не для Бейтс! Она наблюдала за кровоточащей раной, и ее лицо было не выразительнее, чем у Каннингема; лишь челюсть свело столбняком. Взгляд перебегал с одного окошка на другое, высматривая существ, задыхающихся в тени.

«Роршах» дернулся.

Вздрогнули колоссальные вены и артерии, по ветвям прокатилась сейсмическая судорога. Эпицентр начал проворачиваться: огромный кусок пробитого отростка вращался вокруг своей оси. По оконечностям вращающегося участка, там, где он касался неподвижной части «Роршаха», пролегли морщины; материал размягчался тянучкой и стягивался, будто кто-то перекручивал длинный воздушный шар, превращая его в нитку сарделек.

Сараста пощелкал глоткой. Кошки порой так делают, заметив птицу за окном...

КонСенсус застонал от грохота сталкивающихся миров: телеметрии с полевых датчиков, припавших ушами к земле. Камера на «чертике» опять потеряла управление. Изображение с нее шло обрезанное, зернистое. Объектив тупо пялился на край пробитой нами дыры в преисподнюю.

Стон прекратился, и последняя хилая тучка хрустальной пыли рассеялась в пространстве, едва видимая даже при максимальном разрешении.

Трупов нет. По крайней мере видимых.

Внезапное движение в базовом лагере. Вначале мне померещилось, что сигнал «чертика» забивают помехи, размывая самые контрастные детали. Но нет! Что-то определенно шевелилось и копошилось по краям прожженного нами отверстия, тысячи серых волокон прорастали сквозь разрез и медленно шевелились в темноте.

– Ничего себе, – пробормотала Бейтс. – Должно быть, их провоцирует падение давления. Вот так способ конопатить пробоину...

«Роршах» принялся заживлять рану – через две недели после того, как мы ее нанесли.

Апогей миновал. Дальше путь шел только вниз. «Тезей» начал долгое падение на вражескую территорию.

– Не пользуется диафрагмами, – констатировал Сараста.

Гены хитрый развод учинили мозгам,
Сделав траханье слаще всего.
Эти мелкие твари замыслили план,
Размножаться во время него.
Но мозги развели их шикарно в ответ.
Комом выпекся хитрый блин.
Вазэктомия – и всем привет —
Гены могут сосать бензин. [\[54\]](#)

R-отборники. Усеклада [\[55\]](#)

Секс от первого лица – настоящий, как настаивала Челси, – требует привычки: рваные вздохи, грубые шлепки, потная вонь от кожи, испещренной норами и оспинами, целый партнер с набором прихотей и капризов. Определенная животная притягательность в этом присутствовала, не поспоришь. В конце концов, именно так мы делали миллионы лет. Но в этой... местечковой похоти всегда была доля вражды, нестыковки асинхронных ритмов. Ни взаимодействия, ни взаимопроникновения. Лишь перестук сталкивающихся тел в борьбе за господство, где каждый пытается навязать другому свой ритм.

Челси относилась к сексу как к высшему воплощению любви. Я в конце концов начал воспринимать его как рукопашный бой. Прежде, трахая созданий из моего собственного меню или пользуясь моделями из чужих, я всегда мог выбрать контрастность и разрешение, текстуру и позу. Телесные отправления, противодействие несовместных желаний, бесконечные ласки, от которых язык стирается до корня и клейко блестит лицо, – ныне они стали капризами. Опциями для мазохистов.

Но у Челси не было опций – только стандартный набор.

Я ей потакал. Подозреваю, я был не более терпелив к ее извращениям, чем она – к моей неловкости. Мои усилия оправдывало совсем другое. Челси любила спорить обо всем на свете, лукавая, вдумчивая, любопытная, точно кошка, и била без предупреждения. Низведенная до уровня избыточного большинства, она продолжала простодушно и ярко наслаждаться жизнью. Взбалмошная и вспыльчивая, Челси была неравнодушна. К Пату. Ко мне. Хотела узнать меня ближе. Проникнуть внутрь.

Это становилось серьезной проблемой.

– Мы могли бы попробовать снова, – сказала она однажды, когда пот и

феромоны еще не рассеялись. – И ты даже не вспомнишь, от чего так мучился. Если захочешь, не вспомнишь, что вообще мучился.

Я с улыбкой отвернулся: грани ее лица внезапно показались мне грубыми и непривлекательными.

– Это уже который раз? Восьмой? Девятый?

– Я просто хочу, чтобы ты был счастлив, Лебедь. Настоящее счастье – огромный дар, и я могу его тебе дать, если позволишь.

– Ты не хочешь, чтобы я был счастлив, – любезно ответил я. – Ты хочешь меня наладить.

Она промычала что-то мне под кадык. Потом:

– Что?!

– Ты просто хочешь переделать меня во что-нибудь более... уживчивое.

Челси приподняла голову:

– Посмотри на меня.

Я обернулся. Она отключила хроматофоры на щеке, трепетавшая татуировка теперь переехала на ее плечо.

– Посмотри мне в глаза.

Я вглядывался в неровную кожу век, в сетку капилляров, вьющихся по склерам, и испытывал отстраненное недоумение от того, что подобные несовершенные, ветшающие органы все же способны временами меня зачаровывать.

– Так, – проговорила она. – Ты что имеешь в виду?

Я пожал плечами:

– Ты продолжаешь делать вид, что это симбиоз. Но мы оба знаем, что это конкуренция.

– Конкуренция?

– Ты пытаешься вынудить меня действовать по твоим правилам.

– Каким правилам?

– По которым хочешь строить наши отношения. Я не виню тебя, Челси, ни капельки. Мы пытаемся манипулировать друг другом с тех пор, как... Черт, это даже не в человеческой натуре, а в натуре млекопитающих.

– Просто не верится, – она покачала головой. Перед моими глазами закачались спутанные щупальца прядей. – На дворе середина XXI века, а ты втираешь мне очки про войну полов?

– Ну да. Твои корректировки – новое слово в отношениях. Проникни внутрь и перепрограммируй партнера на максимальную покорность.

– Ты правда думаешь, что я пытаюсь тебя... выдрессировать? Вышколить, как щенка?

– Ты поступаешь естественным образом.
– Не могу поверить, что ты говоришь мне подобную чушь.
– Я думал, в наших отношениях ты ценишь честность.
– Каких отношениях? Послушать тебя, их вовсе нет. Просто... взаимное изнасилование или что-то вроде.
– В этом и смысл отношений.
– Вот только лапшу мне не надо вешать. – Она села на краю кровати, свесив ноги и спиной ко мне. – Я знаю, что я чувствую. Это единственное, в чем я уверена. Я всего лишь хотела сделать тебя счастливым.
– Я понимаю, ты в это веришь, – ласково отозвался я. – Понимаю, это не кажется тебе стратегией поведения. Так бывает с глубоко прописанными инстинктами. Все кажется естественным, правильным. Это обман природы.
– Нет, черт возьми, вполне человеческий.
Я сел рядом с ней, коснувшись плечом ее плеча. Она отстранилась.
– Я знаю, – проговорил я чуть погодя. – Знаю, как работает мозг. Это моя работа.
И ее тоже, если на то пошло. Человек, который зарабатывает на жизнь корректировкой мыслей, не может не знать основы проводки под «капотом». Челси всего лишь сознательно их игнорировала, иначе ее праведный гнев лишился бы всякого смысла.
Я мог бы и об этом упомянуть, но понимал, какую нагрузку способна выдержать система, и не был готов к разрушающим испытаниям. Не хотел ее терять, как и ощущение безопасности, чувство, что кому-то небезразлична моя жизнь и смерть. Я хотел лишь немного отстранить Челси и передохнуть.
– Временами ты бываешь такой холодный, как ящерица, – пробормотала она.
Цель достигнута.

* * *

Во время первой высадки мы «дули на воду» и выверяли каждый свой шаг. На этот раз мы действовали как спецназ.

«Сцилла» жгла на двух «же» по направлению к «Роршаху», следуя по предсказуемой, плавной дуге, упирающейся в разрушенный базовый лагерь. Возможно, она там и села – не знаю. Сараста вполне мог убить двух зайцев одним выстрелом, запрограммировав челнок самостоятельно собирать образцы. Если и так, людей на борту к тому времени уже не

осталось. «Сцилла» выплюнула нас в пространство за пятьдесят километров до нового плацдарма, бросив нагими кувыркаться на каркасе ракеты, которому едва хватало реактивной массы для мягкой посадки и спешного взлета. Мы даже управлять им не могли: успех зависел от непредсказуемости, а есть ли лучший способ быть непредсказуемым, чем не знать самому, что делаешь? Логика Сарастии – вампирская. Мы могли хотя бы отчасти проследить за ходом его умозаключений: колоссальный вывих, закрывший пробоину в борту «Роршаха», был гораздо медлительнее и расточительнее капкана, в который попала Банда. К тому же «Роршах» не задействовал диафрагмы, а значит, им требовалось время для развертывания – то ли для перераспределения массы, то ли для взвода рефлективной пружины. Это давало нам «окно»: мы могли забраться в львиное логово, покуда его хозяева не в силах предсказать наше появление, расставить ловушки и унести оттуда ноги, прежде чем поставят капканы.

– Тридцать семь минут, – сказал Сарастия.

Никто не понял, как он пришел к такому выводу. Спросить осмелилась только Бейтс. Вампир лишь глазами сверкнул.

– Вам не понять.

Логика нежити: от очевидных посылок к непостижимым выводам. И от нее зависела наша жизнь.

Тормозные двигатели следовали заложенному алгоритму, в котором законы Ньютона скрещивались с бросками костей. Наша цель была выбрана не случайно – мы отсекали зоны роста и отводные каналы; места, лишенные близких путей к отступлению, тупики и неразветвленные сегменты («Как скучно», – пожаловался Сарастия, вычеркивая их). В нашем распоряжении осталось около десяти процентов объекта. Сейчас мы падали в восьми километрах от места первоначальной высадки, прямо в терновый куст. Здесь, на полпути к цели, даже мы сами не смогли бы точно предсказать место приземления.

Если «Роршах» мог, то он заслуживал победы. Мы летели. Куда ни глянь, пространство раскалывали ребристые шпильки и корявые ветви, рассекая звездную даль и близкий газовый гигант на исчерченные черными жилами витражные осколки. В трех километрах от нас, а может в тридцати, вздувшийся кончик отростка лопнул неслышным взрывом заряженных частиц, затуманив даль застывающим, рвущимся газом. Прежде чем тот рассеялся, я заметил, как завиваются сложными спиралями клочья и струи: магнитное поле «Роршаха» превращало само дыхание объекта в радиоактивный град.

Я никогда не видел его невооруженным глазом и сам себе казался

пролетающей сквозь старое пожарище мошкой в звездной зимней ночи.

Включились тормозные двигатели. Меня швырнуло назад, на ремни упряжи, и ударило о бронированное тело, мотавшееся рядом. «Саша», – вспомнил я. Остальных Каннингом усыпил, оставив в общем теле единственное одинокое ядро. Я даже не подозревал, что при раздвоении личности такое возможно. Она смотрела на меня сквозь смотровое стекло шлема. Скаф полностью скрывал ее графы, и в глазах я ничего не мог прочесть. В последние дни это случалось часто. Каннингема с нами не было, и никто не спросил, почему, когда Сараста раздавал задания. Биолог оказался первым среди равных; дублер, которого некому заменить. Второй по незаменимости в нашей незаменимой команде.

Это увеличило мои шансы: ставки повысились до одного к трем.

Каркас спускаемого аппарата неслышно содрогнулся. Я снова посмотрел вперед, через плечо Бейтс, лежащей на противоперегрузочной койке впереди, мимо принайтовленных пехотинцев по сторонам. Наш автомат запустил боевую часть – сборный надувной тамбур на установке взрывного бурения, который пробьет шкуру «Роршаха», точно вирус клеточную мембрану. Тонконое устройство уменьшалось, пока не скрылось из виду. Миг спустя на фоне смоляного пейзажа внизу рассвело и погасло крохотное натриевое солнце – вколоченный прямо в броню заряд антиматерии; мизерный, хоть атомы считай. Намного грубее, чем робкие ласки нашего первого свидания.

Мы совершили жесткую посадку (пока тамбур надувался). Пехотинцы слетели с нарт за миг до столкновения, извергая из сопел тонкие струйки газа, и окружили нас охранным кольцом. Бейтс последовала за ними, выскочив из креплений, и поплыла прямо к распухающему куполу. Мы с Сашей выгрузили катушку оптоволокна – складной барабан толщиной в полметра и диаметром в человеческий рост – и покатали ее вдвоем. Один из роботов проталкивался через шлюзовую мембрану тамбура.

– Пошевеливаемся. – Бейтс цеплялась за поручень надувной палатки. – Тридцать минут до...

Она осеклась. Мне не пришлось спрашивать, почему: передовой солдатик разместился над свежепробитым отверстием и прислал нам первую открытку.

Свет из глубины.

Вы можете подумать, что нам стало легче. Человеческое племя всегда боялось темноты: миллионы лет мы ежились в пещерах и норах, пока невидимые твари рычали, сопели или просто ждали в ночи за порогом, молча и тихо. В идеале любой свет, даже очень слабый, должен разогнать хотя бы часть тьмы, оставив разуму меньше простора для страшных фантазий.

Но мысль – штука неподконтрольная.

Мы последовали за пехотинцем вниз, в тускло мерцающую муть, напоминающую простоквашу с кровью. Поначалу казалось, что горит сам воздух, светящийся туман, в котором тонет все, расположенное на расстоянии больше десяти метров. Но это было иллюзией. Тоннель, в который мы выбрались, имел метра три в ширину и освещался рядами полосок, размером и формой напоминавших оторванные пальцы. Временами они закручивались на стенах широкими тройными спиралями. Похожие выступы мы зафиксировали на месте первой высадки, хотя они не светились, и пробелы между ними были не так сильно выражены.

– Видимость лучше в околоинфракрасном спектре, – доложила Бейтс, переключив всем дисплеи в новый режим.

Гремучей змее атмосфера показалась бы прозрачной. А для сонара она такой и была: передовой дрон плюнул во мглу цепочкой щелчков и обнаружил, что в семнадцати метрах впереди тоннель выходит в какое-то помещение. Прищурившись, я разглядел сквозь мглу очертания пещеры. Чуть ли не заметил зубастых тварей, словно разбегающихся от взгляда.

– Пошли, – скомандовала Бейтс.

Мы подключили пехотинцев: одного оставили охранять выход, остальных разобрали в качестве передовых ангелов-хранителей. С внутришлемными дисплеями роботы сообщались по лазерной связи; друг с другом переговаривались по негнущемуся кабелю из экранированного оптоволокну, который разматывался с катушки по нашим следам. В среде, где оптимальных выходов нет, это был наилучший из возможных компромиссов. Наши телохранители на поводках позволяют держать связь во время одиноких прогулок по тупикам и закоулкам.

Да, именно одиноких. Мы должны были либо действовать поодиночке, либо исследовать меньшую территорию, а потому решили разделиться, словно блицкартографы в поисках Эльдорадо. Все наши действия основывались исключительно на вере – в то, что общие принципы внутренней архитектуры «Роршаха» можно извлечь из снятых на бегу мерок; в то, что «Роршах» в принципе представляет собой единое целое. Предыдущие поколения поклонялись злобным и непостоянным духам.

Наше уверовало в упорядоченность мира. Здесь, в чертовой пахлаве, поневоле задумаешься, не подобрались ли предки ближе к истине...

Мы шли вдоль тоннеля. Наша цель была различима простым человеческим глазом: не столько зал, сколько перекресток, свободное пространство на стыке дюжины проходов, расходящихся в разные стороны. Кое-где на глянцевых поверхностях мерцали рваные сетки ртутных капель; сквозь материю стен прорывались блестящие выступы, как горсть крупной дроби, вмятой в мокрую глину.

Я взглянул на Бейтс и Сашу:

– Панель управления?

Майор пожала плечами. Ее роботы «обнюхивали» провалы тоннелей вокруг, осыпая их сонарными импульсами. Отзвуки расчерчивали на моем дисплее клочковатую трехмерную карту: цветные кляксы, размазанные по невидимым стенкам. Мы были точками в центре нервного узла, стайкой паразитов, обсевших огромного и выеденного изнутри хозяина. Коридоры изгибались плавными спиралями, каждый в своем направлении. Сонар заглядывал в их глубину лишь на пару метров дальше наших взглядов. И ни зрение, ни ультразвук не позволяли с ходу отличить один туннель от другого.

Прежде чем уйти собственной непроторенной тропой, Бейтс ткнула в сторону одного из проходов:

– Китон!

И другого:

– Саша!

Я нервно заглянул во тьму.

– Какие-то особые...

– Двадцать пять минут, – отрезала она.

Я развернулся и медленно поплыл по указанному пути. Тоннель загибался по часовой стрелке пологой, непримечательной спиралью; даже без тумана метре на двадцатом из-за кривизны входа в коридор было бы не видно. Зонд плыл впереди; тысячей крошечных челюстей стучал сонар, с далекой катушки на перекрестке разматывался фал.

Поводок меня успокаивал, хоть он и был короткий: пехотинцы действовали в радиусе девяноста метров, не больше, а мы получили строгий приказ прятаться под их «крылом». Эта мрачная, чумная нора может вести в самый ад, но никто не ждет, что я полезу далеко, – мою трусость одобрили сверху.

Еще пятьдесят метров. Пятьдесят – и я смогу развернуться и драпануть, поджав хвост. А до тех пор надо лишь стиснуть зубы,

сосредоточиться и записывать. «Все, что видите! – приказал Сараста. – И чего не видите. Насколько это возможно». И надеяться, что новый, сокращенный лимит времени истечет прежде, чем «Роршах» очередным пиком отправит нас в слюнявый маразм.

Стены вокруг сотрясались, будто плоть свежей добычи. Что-то промелькнуло мимо с тихим хихиканьем...

Сосредоточиться. Записывать. Если робот этого не видит, оно не существует.

На шестьдесят пятом метре очередной призрак забрался ко мне под шлем. Я пытался его игнорировать, пытался отвернуться. Но фантом колыхался не на краю поля зрения, а плыл прямо посередине смотрового стекла комком клубящейся тошноты, застывшей между мной и дисплеем. Я стиснул зубы и постарался отвести взгляд, глядя в глухую кровавую мглу по сторонам, наблюдая за судорожно разворачивавшимися траверсами в маленьких окошках, подписанных «Бейтс» и «Джеймс». Там – ничего. А тут, прямо под носом, очередной «роршаховский» мозгоед заляпал грязными пальцами экран сонара.

– Новый симптом, – сообщил я. – Непериферические галлюцинации, стабильные, но практически бесформенные. Пика нет, насколько могу...

Вкладку с ярлычком «Бейтс» резко занесло.

– Кит...

Голос оборвался, окно погасло.

И не только окно Бейтс. Вкладка Саши и сонар зонда моргнули и погасли в тот же момент, дисплей опустел, если не считать внутренней телеметрии скафа и мерцающего красного индикатора «Связь прервана». Я резко обернулся – пехотинец висел на своем месте, в трех метрах за моим правым плечом. Я хорошо видел оптический порт – вделанный в кирасу рубиновый ноготок.

А оружейные порты нацелились прямо на меня.

Я застыл. Робот, словно от ужаса, трясся на магнитном ветру. Ужаса передо мной. Или... перед чем-то за моей спиной.

Я начал разворачиваться. В глазах зарябило от помех, откуда-то – тихо-тихо – донесся вроде бы голос:

– ...думай шевели... Кит... не...

– Бейтс? Бейтс?!

На месте «Связь прервана» расцвел новый индикатор. По неизвестной причине пехотинец переключился на радиосвязь, и, хотя мы находились на расстоянии вытянутой руки, я едва мог разобрать его слова.

Фарш из слов:

– ...у тебя... прямо перед то...

И Саша, чуть яснее:

– ...ак он не видит?..

– Вижу что? Саша! Кто-нибудь! Чего я не вижу?

– ...прием? Китон, ты меня слышишь?

Бейтс каким-то образом усилила сигнал. Помехи гремели, словно океан, но теперь я мог разобрать слова на их фоне.

– Да! Что?..

– Не шевелись, ты понял? Замри! Подтверди.

– Подтверждаю, – зонд неуверенно держал меня на прицеле. Темные зрачки стереокамер судорожно моргали, стягиваясь в точки. – Что...

– Китон, прямо перед тобой что-то есть. Между тобой и солдатом. Неужели ты не видишь?

– Н – нет. Дисплей сдох...

– Как он может не видеть, – вмешалась Саша, – когда оно прямо...

– Размером с человека, – Бейтс повысила голос, – радиально-симметричное, восемь-девять конечностей. Вроде щупалец, но... сегментированных. Шипастых.

– Ничего не вижу, – проговорил я.

Но я видел, как что-то тянулось ко мне – в саркофаге, на борту «Тезея». Видел, как оно неподвижно лежало, свернувшись клубком в корабельном хребте, наблюдая, как мы выкладываем свои планы.

Я видел, как сжималась в комочек синестет Мишель. Его нельзя увидеть. Оно не... невидимое...

– Что оно делает? – спросил я.

Почему я его не вижу?

– Просто... висит в воздухе. Руками помахивает. О, ч... Кит!..

Пехотинцу как будто отвесил пощечину великан, и робота снесло в сторону, приложив о стену. Внезапно вернулась лазерная связь, наплатив дисплей данными: взгляд из глаз Бейтс и Саши, несущихся по инопланетным тоннелям, и сигнал с камеры зонда, чей объектив уперся в скафандр с надписью «Китон», накарябанной на кирасе по трафарету. И рядом с ним что-то наподобие морской звезды, бьющей воздух лишними руками.

Банда вывалилась из-за поворота, и теперь я почти увидел нечто, трепещущее как воздух от жара. Существо было огромное и шевелилось, но всякий раз, когда я пытался остановить на нем взгляд, тот будто соскальзывал. «Оно не настоящее, – с истерическим облегчением подумал я. – Это очередная галлюцинация!» Вдруг появилась Бейтс, и тварь

оказалась прямо передо мной – без всякого мерцания и абсолютно реальная; ничего, кроме схлопнувшейся волны вероятности и неоспоримой массы. Обнаруженная, она метнулась к ближайшей стене и промчалась над нашими головами. Суставчатые щупальца хлестали воздух бичами. Короткий гулкий стрекот за спиной – и создание повисло посреди туннеля, обугленное и дымящееся.

Неровный перестук. Вой замирающих подшипников. Три пехотинца висели в строю посреди прохода; один смотрел на инопланетянина. Я заметил, как втягивается под корпус кончик смертоносного хоботка. Бейтс отрубила солдата прежде, чем тот закрыл пасть.

Через оптический линк три пары легких наполняли внутренность моего шлема тяжелым дыханием.

Отключенный робот парил в мутном воздухе. Труп инопланетянина слабо бился о стену, чуть подергиваясь: гидра из позвоночных столбов, обожженная и костлявая. На то, что мне померещилось на борту «Тезея», она походила мало.

Меня это даже обнадежило, хотя я бы не смог ответить, почему.

Двое активных пехотинцев сканировали взглядами мглу, пока Бейтс не дала им новый приказ: один взялся за труп, а другой поддержал павшего товарища. Бейтс ухватила за дохлый зонд и вырвала фал из разъема.

– Отступаем. Медленно. Я за вами.

Я запустил реактивные двигатели в ранце. Саша промедлила. Витки экранированного кабеля пуповиной плыли вокруг нас.

– Пошли! – скомандовала Бейтс, подсоединяя отключенного робота прямо к своему скафу.

Лингвист двинулась за мной. Майор замыкала процессию. Я вглядывался в дисплей, ожидая, что к нам вот-вот нагрянет свора многоруких чудищ.

Не нагрянула. Но почерневшая тварь на брюхе робота была вполне реальна. Не галлюцинация. Даже не поддающийся осмыслению плод синестезии и ужаса. «Роршах» оказался обитаем, и его обитатели были невидимы.

Временами. Типа того...

И одного из них мы только что убили.

* * *

Бейтс вышвырнула отключенный зонд в пространство, как только мы

выбрались в вакуум. Пока пристегивались, собраты дрона использовали его вместо мишени, не прекращая стрелять, покуда от бедолаги не осталось ничего, кроме стынущего пара. Даже эту разреженную плазму «Роршах» заплетал в кружева, прежде чем она рассеялась.

На полдороге к «Тезею» Саша обернулась к Бейтс.

– Ты...

– Нет.

– Но... они ведь могут действовать самостоятельно, да? Автономно.

– Не на ручном управлении.

– Повреждение? Пик?

Бейтс не ответила.

Она послала сообщение на корабль. К тому времени, как мы добрались до «Тезея», Каннингем вырастил на хребте «Тезея» еще один метастаз – дистанционно управляемый секционный зал, набитый манипуляторами и датчиками. Стоило нам забраться под броню, выживший пехотинец подхватил тело и сорвался с места, доставив груз до цели, пока мы только заканчивали стыковку.

После очередного возрождения нас уже ждали плоды предварительного вскрытия. Голографический призрак расчлененного инопланетянина восстал из Консенсуса, словно освежеванная туша на каком-то чудовищном банкете. Раскинутые щупальца напоминали человеческие позвоночники. Мы сидели вокруг стола и ждали, когда кто-нибудь приступит к пиршеству.

– Обязательно было палить по нему из микроволновки? – съязвил Каннингем, барабанил по столу пальцами. – Вы его напрочь сварили, клетки изнутри полопались.

Бейтс покачала головой:

– Это был сбой.

Биолог взглянул на нее с кислой миной.

– Сбой, который совершенно случайно не затронул алгоритмы прицеливания по движущейся мишени. Как-то странно.

Майор невозмутимо взглянула на него в ответ.

– Автономное целеуказание включилось самопроизвольно. И случайно.

– Случайность – это...

– Остынь, Каннингем! Только твоего нытья мне сейчас не хватало.

Глаза на мертвенном полированном лице биолога закатились, внезапно узрев что-то под потолком. Я проследил за его взглядом: сверху нас разглядывал Сараста, неспешно дрейфуя на кориолисовом сквозняке, точно

неясыть над полевками.

Опять без забрала. И очки он явно не потерял.

Вампир остановился на Каннингеме:

– Ваши результаты.

Тот сглотнул, пробежав пальцами по столу. Ошметки инопланетных внутренностей расцвели пестрыми метками.

– Ну хорошо. Боюсь, на клеточном уровне рассказывать не о чем: внутри мембран почти ничего не осталось. Если на то пошло, и мембран-то почти нет. В терминах базовой морфологии образец имеет, как видите, радиальную симметрию и сплюснут по спинно-брюшной оси. Известковый экзоскелет, кератинизированный пластиковый эпидермис. Ничего особенного.

– Пластиковая шкура – «ничего особенного»? – скептически переспросила Бейтс.

– В такой среде я ожидал и плазмоедов Сандуловичу^[56] увидеть. А пластик – лишь очищенная нефть, органический углерод. Эта штука основана на углероде и даже на белках, хотя ее белки намного устойчивее наших. Многочисленные серные мостики дают латеральную фиксацию, насколько я смог выяснить по остаткам, которые не денатурировала ваша пехота, – Каннингем смотрел мимо нас. Очевидно, его мысли витали очень далеко, в телеметрических датчиках. – Ткани насыщены магнетитом. На Земле такое вещество находят в мозгу дельфинов, перелетных птиц и в некоторых бактериях – у всех, кто ориентируется по магнитному полю. Перейдем к макроструктурам: мы имеем пневматический эндоскелет, он же, насколько можно понять, исполняет роль мышечной системы. Контрактильные ткани выжимают газ через систему пузырей, которые напрягают или расслабляют отдельные сегменты щупалец.

В глаза Каннингема вернулась жизнь – ровно настолько, чтобы сосредоточить взгляд на сигарете: он поднес ее к губам и глубоко затянулся.

– Обратите внимание на инвагинации в основании каждой конечности. – На виртуальном трупе загорелись оранжевым сдувшиеся воздушные шарики. – Их можно назвать клоаками. Туда открываются все системы: они питаются, дышат и испражняются через одну и ту же небольшую камеру. Других естественных отверстий нет.

Банда состроила гримасу, выражая Сашино омерзение.

– А они не... забиваются? Неэффективно как-то.

– Забьется одно – в той же системе остается еще восемь проходов. В следующий раз, когда поперхнешься куриной косточкой, можешь

помечтать о такой неэффективности.

– Чем оно питается? – спросила Бейтс.

– Понятия не имею. Вокруг клоак я обнаружил сократительные ткани вроде глоток, что подразумевает питание – сейчас или же в эволюционном прошлом. Сверх того... – Он развел руками, и сигарета оставила слабую струйку дыма. – Кстати, если надуть эту сократительную ткань, образуется герметичная перегородка. В сочетании с эпидермисом это, скорее всего, позволяет организму какое-то время находиться в вакууме. И мы уже знаем, что они переносят радиационный фон. Только не спрашивайте меня, как. То, что заменяет им гены, должно быть намного прочнее наших.

– Значит, они могут жить в космосе, – задумчиво пробормотала Бейтс.

– В том же смысле, в каком дельфин живет в воде. Ограниченное время.

– Долго?

– Не уверен.

– Центральная нервная система, – сказал Сараста.

Бейтс и Банда внезапно неувовимо застыли. Заменяв манеры Саши, тело лингвиста приняло позу Сьюзен. Вокруг губ и ноздрей Каннингема клубился дым.

– В ней нет ничего центрального: ни цефализации, ни даже сосредоточения органов чувств. Тело покрыто чем-то вроде глазок или хроматофоров или тем и другим разом. Всюду сплошные реснички. И насколько я могу судить – если эти тоненькие вареные волоконца, которые я собрал после вашего «сбоя», действительно нервы, а не что-то иное, – каждое из этих образований управляется независимо.

Бейтс вскинулась:

– Серьезно?

Каннингем кивнул.

– Все равно, что независимо управлять движениями каждого волоска на голове, только это существо покрыто щетинками до кончиков щупалец. С глазами – то же самое: сотни тысяч глаз по всей шкуре, и каждый не больше камеры-обскуры, но способен фокусироваться независимо, и, подозреваю, где-то сигналы с них интегрируются. Все тело действует как большая сетчатка. Теоретически это дает существу потрясающую зоркость.

– Распределенный интерферометрический телескоп, – пробормотала Бейтс.

– Под каждым глазком лежит хроматофор – пигмент напоминает криптохром^[57]. Вероятно, он имеет отношение к зрению, но параллельно способен распространяться по окружающим тканям или, наоборот,

концентрироваться. Это подразумевает динамические пигментные пятна, как у хамелеона или каракатицы.

– Имитация фона? – спросила Бейтс. – Это может объяснить, почему Сири его не видел?

Каннингем открыл новое окно и запустил закольцованный видеоролик: крупнозернистый Сири Китон и его невидимый партнер. Для камер тварь, которую я не видел, была зловеще реальна: парящий диск вдвое шире моего торса, по краям обвешанный щупальцами, как узловатыми канатами. По ее шкуре бегали пестрые волны, точно свет и тени играли на мелководье.

– Как видите, узор не соответствует фону, – отметил Каннингем. – Даже отдаленно.

– Можете объяснить избирательную слепоту Сири? – спросил Сараста.

– Нет, – признался биолог. – Обычной маскировкой – нет. Но «Роршах» заставляет нас видеть много такого, чего не существует на самом деле. По сути, здесь тот же процесс – не видеть то, что есть.

– Еще одна галлюцинация? – спросил я.

Каннингем пососал сигарету и пожал плечами.

– Есть много способов обмануть человеческий глаз. Любопытно, что иллюзия рассеялась в присутствии нескольких свидетелей. Но, если вам нужен конкретный механизм, дайте мне больше материала для работы, а не только это, – он ткнул окурком в сторону подгоревших останков.

– Но... – Джеймс перевела дыхание, собираясь с силами. – Мы говорим о системе... как минимум, высокоразвитой, очень сложной, с огромной вычислительной мощностью.

Каннингем снова кивнул:

– По моим прикидкам, нервная ткань составляет почти тридцать процентов массы тела.

– Значит, оно разумно, – почти прошептала Сьюзен.

– Никоим образом.

– Но... тридцать процентов...

– Тридцать процентов моторной и сенсорной проводки. – Еще одна затычка. – Почти как у осьминога: нейронов огромное количество, но половина уходит на тонкое управление присосками.

– Насколько мне известно, осьминоги умны, – заметила Джеймс.

– По меркам моллюсков – безусловно. Но ты представляешь, сколько потребуется дополнительных проводников, если фоторецепторы в твоём глазу раскиданы по всей поверхности тела? Для начала понадобятся триста миллионов удлинителей от полумиллиметра до двух метров длиной. Это

приведет к рассинхронизации сигналов, и потребуются миллиарды дополнительных логических вентилях для согласования входа. А в результате вся система даст тебе всего один неподвижный кадр, без фильтров, опознания и последовательной интеграции.

Судорога. Затяжка.

– Теперь прибавь дополнительную проводку, чтобы сфокусировать на цели все эти глазки или переслать информацию отдельным хроматофорам. И еще вычислительные мощности для запуска хроматофоров по одному. Возможно, тридцати процентов массы тела на это хватит, но я сильно сомневаюсь, чтобы там осталось место на философию и науку, – он махнул рукой куда-то в сторону трюма. – Это...

– Шифровик, – подсказала Джеймс.

Каннингеи покатаи слово на языке.

– Очень удачно. Этот шифровик – абсолютное чудо эволюционной инженерии. И он туп как пробка.

Краткая пауза.

– Тогда что они такое? – спросила наконец Джеймс. – Домашние зверюшки?

– Канарейки на руднике, – предположила Бейтс.

– Может, и меньше того, – отозвался Каннингем. – Вероятно, это лишь лейкоцит с манипуляторами. Робот-ремонтник, дистанционно управляемый или действующий инстинктивно. Но мы упускаем более важные вопросы. Как анаэроб может развиваться в сложный многоклеточный организм и тем более – двигаться настолько быстро, как это существо? Подобный уровень активности жрет массу АТФ.

– Может, они не используют АТФ, – предположила Бейтс, пока я полез за справкой в КонСенсус: аденозин-трифосфат, источник энергии для клетки.

– АТФ из него просто льется, – сообщил биолог. – Это видно даже по останкам. Вопрос в том, как оно успевает синтезировать трифосфат настолько быстро, чтобы поддерживать активность. Чисто анаэробного метаболизма недостаточно.

Предположений ни у кого не оказалось.

– В общем, – подвел он итог, – на сем урок закончен. Кому нужны неаппетитные детали – обращайтесь в КонСенсус, – Каннингем пошевелил пальцами свободной руки: вскрытый призрак рассеялся. – Продолжаю работать. Но, если вам нужны серьезные ответы, притащите мне живой образец.

Он затушил окурок о переборку и вызывающе оглядел вертушку.

Остальные едва отреагировали: их графы еще плыли под тяжестью недавних откровений. Возможно, показное раздражение Каннингема было важнее для общей картины или в редукционистской Вселенной биохимия существа всегда имеет приоритет над надстройкой межвидового этикета и проблемами внеземного разума. Но Бейтс и Банда отстали от времени, еще не переварив предыдущие откровения. Они в них погрязли, цеплялись за открытия биолога, как смертники, недавно узнавшие, что могут выйти на свободу из-за судебной ошибки.

Мы убили шифровика – в этом никаких сомнений. Но он не был инопланетянином, не обладал разумом. Лейкоцит с манипуляторами, тупой как пробка. И все.

Гораздо легче жить, когда у тебя на совести порча имущества, а не убийство.

* * *

Проблемы невозможно решать на том же уровне компетентности, на котором они возникают.

Альберт Эйнштейн

С Челси меня познакомил Роберт Паглиньо. Возможно, когда наши отношения пошли под откос, он почувствовал себя ответственным. А может, Челси, любительница клеить битые чашки, попросила его вмешаться. Как бы то ни было, с той минуты, как мы сели за столик в «КуБите», мне стало ясно, что пригласил он меня не только ради компании.

Паг заказал коктейль из нейротропов на льду. Я ограничился «Рикардсом»^[58].

– Все так же старомоден, – начал Паг.

– Все так же ходишь кругами, – заметил я.

– Так очевидно, да? – Он сделал глоток. – Поделом мне водить за нос профессионального жаргонавта.

– Жаргонавтика тут ни при чем. Ты бы и колли не обманул.

По правде сказать, графы Пага никогда не подсказывали мне то, о чем бы я уже не знал. Но, понимая его, я не получал форы. Может, потому, что мы с ним слишком хорошо друг друга знали?

– Ну, – сказал он, – колись.

– Нечего рассказывать. Она познакомилась со мной настоящим.

- Скверно.
- Что она тебе рассказала?
- Мне? Ничего.

Я взглянул на него поверх бокала.

Паг вздохнул:

- Она знает, что ты ей изменяешь.
- Я что?!
- Изменяешь. С моделью.
- Это же ее модель!
- Но не она сама.

– Нет, не она. Модель не пускает газы, не скандалит и не закатывает истерики всякий раз, когда я отказываюсь волочиться на встречу с ее семьей. Я нежно люблю эту женщину, но послушай... ты когда в последний раз трахался вживую?

- В семьдесят четвертом, – признался он.
- Шутишь, – я думал, у Пага вообще не было такого опыта.
- В промежутках между контрактами работал в медицинских миссиях, колесил по странам третьего мира. В Техасе трахи и охи еще в ходу, – Паг глотнул тропа. – Мне, в общем-то, понравилось.

– Экзотика приедается.

– Не поспоришь.

– И, Паг, я же не делаю ничего необычного. Это у нее особые запросы. И дело не только в сексе. Она же постоянно меня расспрашивает... все хочет чего-то разузнать.

– Например?

– Да ненужные какие-то расспросы. О моем детстве. О семье. А это мое личное дело, что, так сложно понять?

– Ей просто интересно. Знаешь, не все считают детские воспоминания запретной темой.

– Спасибо, просветил!

Можно подумать, раньше никто мною не интересовался. Например, Хелен еще как интересовалась, перешаривала мой шкаф, фильтровала почту и ходила за мной из комнаты в комнату, расспрашивая мебель и занавески, почему я вечно мрачный и замкнутый. Ей было так интересно, что она не выпускала меня из дому без исповеди. В возрасте двенадцати лет у меня хватило дурости отдаться ей на милость. Это личное, мам! Я бы не хотел об этом говорить. А потом долго прятался в ванной, когда она начала допрос: а может, у меня проблемы в сети, или с девочкой, или... с мальчиком; и что случилось, и почему я не могу просто довериться родной

матери – разве я не знаю, что во всем могу на нее положиться? Я переждал и непреклонный стук в дверь, и настойчивые озабоченные вопросы, и наконец, озлобленное молчание, пока абсолютно не был уверен в том, что она ушла. Пять часов сидел там, прежде чем выйти, а Хелен все еще стояла в коридоре, сложив руки на груди; ее глаза тлели разочарованием и укором. В тот же вечер она сняла замок с двери ванной, потому что родным незачем друг от друга запирались. Ей было очень интересно!

– Сири, – вполголоса окликнул меня Паг.

Я перевел дух и попробовал снова:

– Она не просто хочет поговорить о моей семье, она желает с ней познакомиться. И постоянно старается вытащить меня к своим родителям. Знаешь, я думал, что лишь встречаюсь с Челси, меня никто не предупреждал, что придется делить место с...

– Вытащила?

– Один раз, – цепкие руки, жадные пальцы, фальшивая приязнь, лживое дружелюбие. – Было очень мило, если тебе нравится, когда тебя ритуально лапает толпа незнакомых лицедеев, которых тошнит от твоей рожи, но кишка тонка в этом сознаться.

Паг без всякого сочувствия пожал плечами.

– Похоже, типичное семейство старой закалки. Ты же синтет, приятель! И с более шизовыми раскладками работал.

– Я имею дело с чужими данными и не выблеываю личную жизнь на всеобщее обозрение. С какими бы гибридами и конструктами я ни работал, они меня не...

– Не касаются?

– Не допрашивают, – закончил я.

– Ты с самого начала знал, что Челси – девочка старомодная.

– Когда это ее устраивает. – Я глотнул эля. – Но со сплайсером в руке она сразу забывает о своей консервативности. Но над стратегией ей стоит поработать.

– «Стратегией».

«Это не стратегия, твою мать! Ты что, не видишь, как мне больно? Я уже не сопротивляюсь, лежу, свернувшись эмбрионом, на полу, а ты только и можешь, что критиковать мою стратегию? Что мне еще прикажешь – вены перерезать?!»

Я пожимал плечами и отворачивался. Уловки природы.

– Она рыдает, – констатировал я. – Ей плакать легко: высокий уровень лактата в крови, просто химия. А она прикрывается этим так, словно я ей что-то должен.

Паг поджал губы:

– Не значит, что это напускное.

– Все напускное. Любое поведение – лишь стратегия. Ты же знаешь, – я фыркнул. – А она дуется от того, что я сделал по ней модель?

– Полагаю, дело не в самой модели, а в том, что ты не рассказал ей об этом. Ты же знаешь, как она ценит честность в отношениях.

– Само собой! Она просто не хочет о ней слышать.

Он посмотрел на меня.

– Отдай мне должное, Паг. Ты действительно считаешь, что я должен сказать Челси, как временами меня передергивает от ее вида?

Система по имени Роберт Паглиньо сидела молча, потягивала наркотик и приводила в порядок несказанные слова. Переводила дыхание.

– Поверить не могу, что ты можешь быть таким тупым, – выжал из себя он.

– Да? Просвети.

– Конечно, она хочет услышать, что ты не сводишь с нее глаз, что ты любишь ее оспинки и запах изо рта и согласен не только на одну корректировку, а на все десять. Но это не значит, что она ждет от тебя вранья, идиот этакий! Она хочет, чтобы все это оказалось правдой. И... ну почему так не может быть?

– Потому что это не так, – ответил я.

– Господи, Сири! Люди не ведут себя разумно. Даже ты. Мы – не мыслящие машины, а... чувствующие машины, которые по случайности умеют думать, – он перевел дыхание и хлебнул еще. – И ты это сам знаешь, иначе не смог бы работать. Или, по крайней мере... – он поморщился, – система знает.

– Система!

Я и мои протоколы – вот что он имел в виду. Моя «китайская комната».

Я вздохнул:

– Она не работает со всеми.

– Заметил. Нельзя читать систему, к которой слишком привязан, да? Эффект наблюдателя.

Я пожал плечами.

– Вот и хорошо, – заключил Пат. – Не думаю, что мне понравилось бы общаться с тобой в этой комнате.

– Челси говорит, – вырвалось у меня прежде, чем я успел себя одернуть, – что она предпочла бы настоящую.

Паг поднял брови.

– Настоящую что?

– «Китайскую комнату». Говорит, та поняла бы ее лучше.

Несколько мгновений вокруг нас бормотал и шумел «КуБит».

– Могу понять, почему она так сказала, – произнес Паг в конце концов. – Но ты... ты справился, Стручок.

– Не знаю...

Он напористо кивнул:

– Знаешь, что говорят о непроторенных дорогах? Ну вот ты сам прокладываешь себе путь. Не знаю, почему... Это как учиться каллиграфии без рук. Или... жить с проприоцептивной полинейропатией. Если бы у тебя просто получалось сосуществовать с людьми, это было бы чудо; но у тебя-то все хорошо получается – и вот это вообще за гранью воображимого.

Я нахмурился:

– Проприо...

– Раньше была такая болезнь, при которой люди не чувствовали... собственного тела. Вот! Они не воспринимали положение в пространстве, понятия не имели, в какой позе находятся и есть ли у них конечности. Некоторые утверждали, что чувствуют себя парализованными. Или будто их лишили тела. Их мозг посылал сигнал руке и полагался на веру, что тот дошел. Взамен такие больные использовали глаза: смотрели на руки при каждом движении, заменяли зрением нормальную обратную связь, которую мы с тобой воспринимаем как данность. Они могли ходить, но не отрывали взгляда от ног, обдумывали каждый шаг. У них неплохо получалось, но даже после нескольких лет тренировок стоило их отвлечь на полушаге, и они падали, как орбитальный лифт без противовеса.

– Хочешь сказать, я такой же?

– Ты пользуешься своей «китайской комнатой», как они зрением. Ты заново, почти с нуля, изобрел эмпатию, и твой способ в некоторых отношениях – неочевидных, иначе мне не пришлось бы тебе объяснять, – лучше оригинала. Поэтому ты такой талантливый синтез.

Я покачал головой.

– Всего лишь наблюдатель. Я наблюдаю за действиями людей и пытаюсь представить, что могло заставить их так поступить.

– По мне, это и есть сочувствие.

– Нет. Сочувствуя, ты воображаешь не то, что чувствует другой, а что бы ты сам чувствовал на его месте. Так?

Паг нахмурился.

– И?

– А если бы ты не знал, как себя чувствовать?

Он посмотрел на меня. Его грани были торжественны и кристально

прозрачны.

– Ты не такой, приятель. Ты лучше. Может, на вид этого не скажешь, но... я тебя знаю. И давно.

– Ты знал кого-то другого. Я же Стручок, забыл?

– Да, то был другой человек. И, может, я его помню лучше тебя. Но одно скажу точно... – Паг подался вперед. – Вы оба помогли бы мне в тот день. Он, может, справился бы добрым старомодным сочувствием, а тебе пришлось из запчастей наскоро сварганить блок-схему человеческих отношений. Но от этого твое достижение лишь значительнее. Вот почему я с тобой, старина! Пускай даже у тебя в жопе штык длиной с башню Рио.

Он поднял бокал, и я послушно с ним чокнулся. Мы выпили.

– Я его не помню, – сказал я немного погодя.

– Другого Сири? До появления Стручка?

Я кивнул.

– Совсем ничего?

Я напряг память:

– Его же регулярно било припадками, да? Постоянная боль. А я не помню никакой боли, – бокал почти опустел. – Но... временами я вижу сны о нем. О том, как я им был.

– И на что это похоже?

– Это ярко. Все такое насыщенное, понимаешь? Запахи, звуки. Сильнее, чем в жизни.

– А теперь?

Я взглянул на него.

– Ты говоришь «было ярко». Что изменилось?

– Не знаю. Может, и ничего. Я теперь... ничего не помню, просыпаясь.

– Тогда откуда ты знаешь, что видишь сны? – спросил Паг.

«Все, хватит!» – подумал я и в один глоток прикончил свою пинту.

– Знаю.

– Откуда?

Я нахмурился, запнувшись. Несколько секунд подумал, прежде чем вспомнить, и ответил:

– Я просыпаюсь с улыбкой.

* * *

Рядовой смотрит врагу прямо в глаза. Рядовой понимает, что поставлено на карту. Рядовой знает цену скверной стратегии. А

что видят генералы? Лишь тактические схемы и диаграммы. Вся структура командования перевернута вверх ногами.

Кеннет Лабин. Кто кого

С момента высадки все пошло наперекосяк. По плану мы должны были устроить на плацдарме хорошо организованный хаос и отловить несколько лейкоцитов-с-манипуляторами, пока те устраняют повреждения. Поставить капкан и отступить, доверившись обещаниям Сарасты, что ждать придется недолго.

Ждать вообще не пришлось. Как только мы пробили обшивку, что-то зашевелилось в клубах пыли – змеистое движение, мгновенно врубившее на форсаж знаменитую инициативность Аманды Бейтс. Солдатики нырнули в пробоину, и у них на прицеле замаячил шифровик, вцепившийся в стену тоннеля. Наверное, его оглушило взрывом (классический пример того, как оказаться в неудачном месте и в неудачное время). Майор за долю секунды оценила ситуацию, и план испарился в плазму.

Я моргнуть не успел, как один из пехотинцев пробил существо иглой для биопсии. Мы бы упаковали зверюшку целиком, если бы магнитосфера «Роршаха» не выбрала ту самую секунду, чтобы швырнуть нам песка в лицо. Поэтому, когда наши солдатики доковыляли до поля боя, добыча скрылась за углом. Бейтс была пристегнута к своим бойцам; в то мгновение, как она дала им волю, фал утащил ее в кроличью нору (майор только и успела крикнуть Саше: «Готовь ловушку!»).

Я находился в одной связке с Бейтс. Меня резко сорвало с места, и я смог лишь обменяться с Сашей перепуганными взглядами, а потом опять погрузился во внутренности «Роршаха»; сытая биопсическая игла отскочила от забрала и пролетела мимо, волочась на многометровом обрывке моноволокна. Будем надеяться, лингвист ее подберет, пока мы с Бейтс охотимся; если не вернемся, хоть какой-то толк будет от миссии.

Солдатики волокли нас, будто наживку на крючке. Майор дельфином плыла передо мной, редкими реактивными импульсами удерживая положение по центру тоннеля. Я поплававком болтался у нее за спиной, стараясь выровнять траекторию полета и сделать вид, что тоже чем-то управляю. Это была важная задача: смысл жизни подсадной утки в том, чтобы изобразить настоящую. Мне даже выдали пистолет – исключительно ради предосторожности – больше для душевного спокойствия, нежели для защиты. Он стиснул мне предплечье и стрелял пластиковыми пулями, неподвластными индукционным полям.

Только я с Бейтс, солдат-пацифист и орел-решка вероятности.

Как всегда, по коже бегали мурашки и уже ставшие привычными призраки суетливо когтили рассудок. Но в этот раз ужас казался приглушенным, далеким. Вероятно, дело в экспозиции или мы так быстро мчались сквозь магнитный ландшафт, что фантомы не успевали зацепиться. Существовал и третий вариант: возможно, я меньше боялся призраков, потому что на сей раз мы охотились на настоящих чудовищ.

Шифровик словно сбросил путы, которые сковали его после взрыва; извивающийся силуэт во мгле, он на полной скорости метнулся по стене, выстреливая вперед щупальца очередью жалящих кобр – так мотая туловищем, что дроны едва удерживали его на прицеле. Внезапно он кинулся в сторону, пересек тоннель и нырнул в узкий боковой проход. Пехотинцы свернули за ним, ударяясь о стены, кувыряясь, и вдруг остановились, Бейтс резко затормозила, а я по инерции обошел ее, пока ковырялся с пистолетом. В следующий миг я обогнал и роботов; поводок натянулся и рванул меня обратно, оставив дрейфовать. На секунду-другую я оказался прямо на передовой – Сири Китон, стенографист, крот, профессиональный непониматель. Я планировал в воздухе, мое дыхание ревело в ушах, а в нескольких метрах передо мной корчились стены...

«Перистальтика», – подумалось мне поначалу. Но это движение не напоминало неспешные, вялые волны, обычно прокатывавшиеся по тоннелям «Роршаха». Я решил: «Галлюцинация», – пока шевелящиеся стены не выплеснулись тысячей извилистых костяных языков, вцепившихся в нашу добычу со всех сторон и разорвавших ее на клочки.

Что-то вцепилось в меня и развернуло. Меня прижал к груди один из солдатиков, он палил из хвостовых орудий, покуда мы полным ходом отступали по тоннелю. В лапах второго висела Бейтс. Кишение схлынуло, но его образ, галлюцинаторно-яркий в своей отчетливости, сложно выжгло мне на сетчатке.

Шифровики – повсюду. Ползучая чума корчилась на стенах, тянулась к новоприбывшему, взмывала в просвет тоннеля, чтобы напасть в свой черед.

Не на нас. Они набросились на одного из своих. Я успел заметить, как оторвались три щупальца, прежде чем беглеца захлестнуло извивающимся клубком посреди коридора.

Мы кинулись бежать. Я обернулся к Бейтс: «Ты видела...» – но прикусил язык. Даже сквозь два смотровых стекла и три метра метана можно было различить убийственную сосредоточенность на ее лице. Судя по данным на дисплее, она лоботомировала обоих пехотинцев, обойдя все замечательные автономные алгоритмы выбора. Майор управляла обеими

машинами сама, вручную, как марионетками.

В окошке заднего сонара показались зернистые, взбаламученные отражения. Шифровики покончили со своей жертвой и следовали за нами. Мой пехотинец пошатнулся, стукнувшись о стену тоннеля. Изломанные ошметки инопланетного декора процарапали параллельные шрамы на смотровом стекле, сквозь экранированную ткань скафа отбили мне бедро. Я еле сдержался, но не крикнул, правда, получилось не до конца. Вместо меня какой-то нелепый встроенный зуммер возмущенно зачирикал еще до того, как у меня под носом словно разбилась дюжина тухлых яиц. Я закашлялся. От вони слезились и болели глаза; я едва мог разглядеть, как на дисплее разом взлетели в красную зону зиверты.

Бейтс гнала нас дальше, не говоря ни слова.

Шлем зарос достаточно, чтобы отключить зуммер. Воздух начал очищаться. Шифровики настигали. К тому моменту, как я проморгался, они были всего в паре метров от нас. Впереди из-за поворота вывернула Саша, у которой не оказалось поддержки, чьих сожителей ввели в кому по приказу Сарасты.

Поначалу Сьюзен протестовала: «Если возникнет шанс установить связь...»

– Не возникнет, – отрубил он.

И теперь Саша, по какому-то критерию, которого я так и не понял, «более устойчивая к влиянию „Роршаха“», свернулась в позе эмбриона, стиснув перчатками шлем, и мне оставалось лишь молить траченных молью божков, что лингвист установила капкан прежде, чем магнитное поле ее скрутило. А шифровики настигали, и Бейтс орала: «Саша-твою-мать-с дороги!» – тормозя слишком рано и слишком сильно. Бормочущая орда быстринной хватала нас за пятки, майор надсаживалась: «Саша!!!» – пока та, наконец, не сдвинулась с места, приходя в себя, и не оттолкнулась от ближайшей стены, скрываясь в пробитом нами отверстии. Бейтс рванула воображаемый рычаг в голове, и наши воинственные скакуны повернули, опроставшись искрами и пулями, а потом метнулись за ней.

Саша все-таки установила капкан при входе в пробоину. Бейтс включила его хлопком ладони, пролетая мимо. Остальное должны были сделать датчики движения – но враг наступал нам на пятки, и места для маневра не оставалось.

Западня сработала, когда я вылетел в тамбур. Сеть выстрелила за моей спиной, расходясь роскошной воронкой, поймала что-то, втянулась в кроличью нору и хрястнула сзади по моему солдатику. Отдача швырнула в потолок с такой силой, что я решил: «Сейчас ткань лопнет». Но материал

выдержал и отбросил нас назад, к извивающимся тварям в ловушке.

Всюду корчились хребты. Суставчатые щупальца хлестали костлявыми бичами. Одно оплело мою ногу и стиснуло точно удав из кирпичей. Бейтс взмахнула руками в лихорадочной пляске, и оно распалось на разлетающиеся по сторонам обрезки.

Все не так: они должны были попасться в ловушку и утихомириться...

– Саша! Запускай! – рявкнула Бейтс.

Еще одно щупальце отделилось от тушки и врезалось в стену, сплетаясь и расплетаясь.

Стоило нам сорвать сеть, как пробойну залила аэрозольная пробка. Запоздавший на какие-то полсекунды шифровик бился, полузамурованный в пене; его центральный узел выпирал как огромная круглая опухоль, обросшая чудовищными червями.

– САША!!!

Залп. Диафрагма в полу тамбура захлопнулась точно капкан и врезала по нам всем: роботам, людям, целым и расчлененным шифровикам. Я не мог вздохнуть. Каждая щепотка мяса весила центнер. Что-то ударило сбоку – великанская длань прихлопнула комара. Может, коррекция курса. А может, столкновение. Но десять секунд спустя мы снова плыли в невесомости, и нам ничто не угрожало.

Мы колыхались, как мошка в теннисном мячике, в переплетении машин и шевелящихся ошметков тел. Того, что сошло бы за кровь, почти не было; немного пролитого вещества плыло вокруг прозрачными трепещущими шариками. Между нами астероидом в целлофане парила сеть. Твари в ней оплели друг друга и себя щупальцами, свернувшись в дрожащий, неподвижный ком. Вокруг них шипела сжатая метано-аммиачная смесь, консервируя в долгом пути домой.

– Твою мать, – выдохнула Саша, глядя на них. – Кровосос все просчитал.

Не все. Он не предвидел, что толпа многоруких инопланетян растерзает одного из своих у меня на глазах. Или, по крайней мере, не упомянул об этом.

Меня уже подташнивало. Бейтс осторожно свела запястья. На секунду я почти сумел различить между ними темную натянутую нить мураволоки – призрачную, как дым. Осторожность майора была вполне оправдана: эта дрянь могла отсечь конечность человеку так же легко, как и шифровику. Над ее плечом шевелил жвалами солдатик, отчищая с мандибул кровь.

Мураволока пропала из виду. В глазах у меня темнело. Меркли потроха свинцового дирижабля на моих плечах. Мы шли по

баллистической траектории. Приходилось надеяться, что «Сцилла» спикирует и подхватит нас, когда мы достаточно удалимся от места преступления. Приходилось надеяться на Сарастии...

Это становилось все труднее с каждым часом. Но пока вампир оставался прав. В основном.

– Откуда вы знаете? – спросила Бейтс, когда он в первый раз изложил свой план.

Сарастии не ответил. Скорее всего, просто не мог – только не нам, как исходник не в силах объяснить теорию бран обитателям Флатландии^[59]. Но Бейтс спрашивала не о тактике. Возможно, ее интересовала причина, оправдание бесконечных вылазок на вражескую территорию, убийств и пленения туземцев.

Разумеется, на глубинном уровне она уже знала причину. Как и все мы. Мы не могли себе позволить только реагировать. Риск слишком велик, его приходится предупреждать. Сарастии мудрее всех, вместе взятых, и он понимал это яснее нас. Умом Аманда Бейтс осознавала, что он прав, – но, скорее всего, сердцем не принимала. Когда зрение отказало, мне пришла в голову мысль, что она просила Сарастии убедить ее.

Но не только.

* * *

Представь себе, что ты – Аманда Бейтс.

У генералов прошлого были бы кошмары и поллюции при одной мысли о той власти над солдатами, которой ты обладаешь. Ты можешь в мгновение ока вломиться в сознание любого из подчиненных, увидеть поле боя с множества точек зрения. Каждый солдат бесконечно тебе предан, не задает вопросов, исполнит любой приказ с расторопностью и упорством, каких не в силах добиться ничтожная плоть. Ты не просто уважаешь структуру командования – ты ее воплощаешь.

Ты немножко опасаясь собственной власти и того, что уже сделала с ее помощью.

Выполнять приказы для тебя так же естественно, как отдавать их. Да, временами ты подвергала сомнению текущие установки или интересовалась картиной более широкой, нежели требовалось для выполнения задачи. Твоя инициатива на поле боя стала легендой. Но прямых распоряжений ты не оспаривала никогда. Когда спрашивали твое мнение, выдавала его без обиняков и экивоков – пока решение не принято и

не получен приказ. Тогда ты исполняла его, не раздумывая. И даже если возникали вопросы, не тратила на них время, если только не ждала полезного ответа.

Зачем требовать подробного анализа от вампира? Не информации ради: с тем же успехом можно требовать от зрячих, чтобы они объясняли увиденное слепцам. И не ради уточнений: выводы Сарастии были недвусмысленны. Даже не ради бедного туповатого Сири Китона, который мог упустить некий ключевой момент, но постеснялся сам поднять руку.

Причина подобных вопросов могла быть лишь одна: вызов. Мятеж в той ничтожной доле, где допустимо неповиновение после отданного приказа.

Пока Сарастии интересовался чужим мнением, ты спорила и изо всех сил отстаивала свою точку зрения. Но он игнорировал ее, оставил все попытки наладить связь и превентивно вторгся на вражескую территорию. Вампир знал, что на «Роршахе» могут обитать живые существа, и все же вскрыл обшивку, не заботясь об их благополучии. Он мог убить беспомощные и невинные создания, пробудить злого великана. Ты же ничего не знаешь наверняка. Понимаешь только, что помогала ему.

Ты сталкивалась с подобной гордыней среди своих соплеменников и надеялась, что более умные существа окажутся мудрее. Скверно видеть, как от самонадеянной дури страдают беспомощные, но поддаваться ей, когда ставки настолько высоки, – ни в какие ворота не лезет. Гибель невинных сейчас – это наименьшее из зол; мы играем с судьбами миров, провоцируя конфликт с расой звездоплавателей, чье единственное преступление – без разрешения сделанный фотоснимок.

Твое несогласие ничего не меняет, приходится загнать его подальше. Теперь наружу прорываются редкие бессмысленные вопросы без надежды на ответ, присущая вызову непокорность погребена так глубоко, что ты сама ее не замечаешь. Если бы заметила, то вовсе смолкла бы – не хочется напомнить Сарастии, что ты считаешь его неправым. Не стоит наводить начальство на такие мысли и давать ему почву для подозрений.

Потому что есть в чем подозревать. Даже если ты не готова сама себе в этом признаться.

Аманда Бейтс начинает размышлять о смене командования.

* * *

Пробоина в моем шкафе выбила немало шестеренок: чтобы вернуть

меня к жизни, «Тезею» потребовалось целых три дня. Но смерть – не повод отставать от графика; я воскрес с имплантатами, полными новых данных.

Спускаясь в вертушку, я читал экран за экраном. Банда четырех сидела подо мной на камбузе, рассматривая нетронутую порцию сбалансированной и питательной слякоти у себя в тарелке. Каннингем в своих наследных владениях при моем появлении хмыкнул и вернулся к работе; его пальцы навязчиво барабанили по столешнице.

В мое отсутствие орбита «Тезея» увеличилась в диаметре, зато почти потеряла эксцентриситет. Теперь мы наблюдали за целью с более-менее постоянной дистанции в три тысячи километров. Период нашего обращения по орбите на час превосходил период «Роршаха» – объект неуклонно обгонял нас по своей, более низкой траектории, но, чтобы удержать его в поле зрения, хватило бы дополнительного импульса каждую пару недель. К тому же у нас имелись образцы, которые можно исследовать; нет смысла рисковать новыми высадками, пока мы не выжали всю полезную информацию из уже полученного.

Пока я валялся в саркофаге, Каннингем расширил свою лабораторию и построил вольеры – по одному для каждого шифровика – модули, разделенные общей стенкой и установленные в новеньком помещении. Сгоревший труп отбросили в сторону как игрушку с прошлого дня рождения, хотя, судя по логам доступа, биолог временами к нему наведывался.

Разумеется, лично он новую лабораторию не посещал. Просто не смог бы, не надев предварительно скаф и не переплыв вакуум-трюм. Отсек полностью отделили от корабельного хребта, подвесив на растяжках между осью и обшивкой корабля: приказ Сарасты, чтобы свести к минимуму риск заражения. Каннингему это не мешало. Он в любом случае предпочитал оставлять тело в псевдотяготении, сознанием паря среди манипуляторов, датчиков и прочих безделиц, что окружали его новых любимцев.

«Тезей» при моем приближении выдавил из раздатчика на камбузе грушу электролитного раствора на глюкозе. Банда не обратила на меня внимания; ее указательный палец рассеянно постукивал по виску, а поджатые губы еле заметно, но характерно подергивались, намекая на то, что внутренний диалог в разгаре. В такие минуты я никогда не мог определить, кто стоит у руля.

Я присосался к груше и заглянул в вольеры. Два куба, облитых тусклым багряным светом: в одном шифровик колыхался посередине, размахивая членистыми щупальцами как водоросль в слабом течении. Обитатель второй клетки забился в угол, распластав четыре щупальца по

сходящимся стенам, еще четыре колыхались свободно. Тела обоих представляли собой чуть сжатые сфероиды, а не диски, как у нашего первого... образца, и конечности у них прорастали не по экватору, а со всех сторон.

В диаметре между кончиками щупалец свободно плавающий шифровик имел около двух метров. Второй был того же размера. Оба оставались неподвижными, если не считать шевеления конечностей. По их шкурам пробегали лазурные узоры, точно ветер по степи, – в длинноволновом свете они казались почти черными. Поверх картинki накладывались графики: метан и водород в привычных для атмосферы «Роршаха» концентрациях. Температура и освещение – те же. Индикатор мощности магнитного поля оставался темным.

Я нырнул в архив и посмотрел, как два дня назад инопланетяне прибыли на место: их бесцеремонно вытряхнули в вольер, и шифровики зависли, свернувшись клубками, лениво отскакивая от стен. «Поза эмбриона», – пришло мне в голову. Но через несколько секунд щупальца расплелись лепестками костяных цветов.

– Роберт говорит, что «Роршах» их выращивает, – неожиданно заговорила Сьюзен Джеймс за моей спиной.

Я обернулся. Определенно, это была Сьюзен, но... подавленная. Ее обед был не тронут, графы потускнели. Все потускнело, кроме глаз, которые одновременно казались глубокими и словно немного пустыми.

– Выращивает? – повторил я.

– Штабелями. У каждого по два пупка, – она выдавила слабую усмешку, одной рукой прикоснувшись к животу, другой к пояснице. – Спереди и сзади. Он считает, что они растут колонной, один на другом. Развившись до определенной степени, верхний отпочковывается от штабеля и переходит к свободному образу жизни.

Шифровики на архивной съемке обследовали новую среду, опасливо карабкались по стенкам, обминали щупальцами углы там, где сходились панели. Я снова обратил внимание на их вздутые центральные узлы.

– Значит, наш первый, расплющенный...

– Молодая особь, – согласилась она. – Недавно отпочковался. Эти постарше. С возрастом они... толстеют. Так говорит Роберт, – добавила она чуть погодя.

Я высосал остатки жидкости из груши.

– Корабль выращивает себе команду.

– Если это корабль, – Джеймс, пожала плечами. – И если они – команда.

Я наблюдал, как существа двигаются. Исследовать им было особенно нечего: стены почти голые и лишены деталей, кроме пары выступающих датчиков и газопроводов. В вольерах имелись собственные щупальца (манипуляторы для инвазивных процедур), но в первой фазе исследования их благоразумно зачехлили. И все же шифровики обследовали каждый квадратный сантиметр, двигаясь по невидимым параллельным линиям. Словно делали поперечные срезы.

Джеймс тоже это заметила.

– Выглядит ужасно методично, да?

– Что по этому поводу говорит Роберт?

– Что поведение медоносных пчел и сфецид^[60] не проще, но оно инстинктивно. Никакого разума.

– Но пчелы общаются, так? Исполняют свои танцы, чтобы сообщить улью, где нектар.

Она пожала плечами, признавая мою правоту.

– Есть шанс, что вы с ними договоритесь.

– Может быть. Не знаю, – лингвист потерла лоб. – Пока мы не продвинулись ни на шаг. Проигрывали им их же пигментные узоры, с вариациями. Звуков они вроде бы не издают. Роберт синтезировал шумы, которые шифровики могли бы генерировать с помощью клоак, если бы захотели, но это ничего не дало. Просто мелодичный выпуск газов.

– Значит, мы держимся модели «лейкоцитов со щупальцами».

– В основном. Но, знаешь... они не вошли в петлю. Инстинктивное поведение животных повторяется. Даже самые умные прохаживаются по клетке или вылизывают шерсть. Стереотипное поведение. А эти двое внимательно осмотрели свои вольеры и просто... вырубались.

В записи они до сих пор исследовали – скользили по стенкам, наматывая неспешные витки, не пропуская ни одного квадратного сантиметра.

– С того времени они себя как-то проявили? – спросил я.

Она снова пожала плечами.

– Не особенно. Если потрогать – шевелятся. Размахивают щупальцами туда-сюда – этим они заняты постоянно, но информации, насколько мы можем судить, не передают. Из поля зрения не выпадали, ничего такого. На некоторое время мы просветлили стенку между вольерами, чтобы они видели друг друга, даже сделали ее звукопроницаемой и объединили воздуховоды: Роберт полагал, что они могут общаться с помощью феромонов, – но безрезультатно. Они не реагируют друг на друга.

– Вы их не пытались... мотивировать?

– Сири, чем?! Общество друг друга им, кажется, безразлично. Мы не можем подкупить их едой, если не выясним, чем они питаются. А мы этого не знаем. Роберт утверждает, что в ближайшее время смерть от истощения им не грозит. Может, когда проголодаются, станут сговорчивее.

Я отключил архивную запись и вернулся в реальное время.

– А если они питаются... не знаю, радиацией, к примеру? Или магнитным полем. Вольер может генерировать магнитные поля?

– Уже пробовали, – она перевела дыхание, расправила плечи. – Но, думаю, нужно время. У Каннингема была всего пара дней, я сама только вчера вылезла из склепа. Будем пытаться.

– Как насчет негативного подкрепления? – вслух подумал я.

Она сморгнула.

– Ты хочешь сказать – пытки.

– Необязательно так грубо. И если они все равно лишены разума...

Сьюзен сгинула в мгновение ока.

– Китон, неужели ты только что высказал предложение? Плюнул на свое хваленое невмешательство?

– Привет, Саша. Нет, ни в коем случае. Просто... составляю список опробованных мер.

– Хорошо, – ее голос звучал едко. – Не хотелось бы думать, что ты теряешь хватку. У нас сейчас по графику простой, так что можешь пойти поболтать с Каннингемом. Валяй! И не забудь высказать ему свою теорию про инопланетян, питающихся радиацией: Роберту полезно хоть иногда смеяться.

* * *

Каннингем стоял на своем посту в биомедотсеке, в двух шагах от свободного кресла. Неизменный окурок болтался в левой руке, сгорев дотла. Правая рука играла сама с собой: пальцы – от мизинца к указательному, от указательного к мизинцу – по очереди постукивали по подушечке большого. Окна перед ним кишели данными, но биолог их не видел.

Я подошел сзади и стал наблюдать за его гранями в движении. Слышал, как рождаются в горле текущие слоги:

– Исборэйх вз-иштабах вз-испоар вз-исроймам... [\[61\]](#)

Не обычная его литания и даже не на привычном языке. «Иврит», – подсказал мне КонСенсус. Звучало почти как молитва.

Каннингем, наверное, услышал меня. Его графы окостенели и упростились, став почти нечитаемыми. В последние дни раскодировка экипажа все больше усложнялась, но даже на фоне всех топологических катаракт биолога – как обычно – читать было сложнее, чем прочих.

– Китон, – бросил он, не оборачиваясь.

– Ты же не еврей, – заметил я.

– Оно было.

Я не сразу понял, что речь о Шпинделе.

Каннингем путался в гендерных местоимениях.

Но Исаак был атеистом, как и все мы. По крайней мере при отлете.

– Не знал, что вы знали друг друга, – проговорил я.

Такого старались не допускать. Каннингем, не глядя на меня, опустил в кресло.

Перед нашими глазами раскрылось новое окошко с пометкой «электрофорез».

Я попытался снова:

– Извини. Я не хотел вме...

– Чем могу помочь, Сири?

– Я надеялся, ты сможешь в темпе просветить меня относительно результатов.

В потоке данных прокручивалась периодическая таблица инопланетных элементов. Каннингем убрал ее в лог и приступил к следующему образцу.

– У меня все зафиксировано, смотри в КонСенсусе.

Я попробовал нажать на его эго:

– Но мне бы очень помогло твое резюме. То, что кажется важным именно тебе, может оказаться не менее значительным, чем сами данные.

Несколько секунд он рассматривал меня. Пробормотал что-то, многословное и неуместное, а спустя минуту выдал более осмысленную тираду:

– Важно то, чего не хватает. У меня на руках живые образцы, но я не могу отыскать у них гены. Синтез белков почти прионный^[62] – реконформационный путь вместо обычной транскрипции. Однако я не могу разобраться, как укладываются в стену уже готовые «кирпичи».

– На энергетическом фронте есть подвижки? – спросил я.

– Энергетическом?

– Аэробный метаболизм на анаэробном бюджете, помнишь? Ты сказал, что в них слишком много АТФ.

– Эту загадку я решил. – Он пыхнул дымом; в окошке ближе к корме

комочек инопланетной ткани растекался и раскладывался на химические слои. – Они – спринтеры.

Как хочешь, так и понимай. Я не справился.

– В каком смысле?

Каннингом вздохнул.

– Метаболизм – это компромисс. Чем быстрее ты синтезируешь АТФ, тем дороже обходится каждая молекула. Оказывается, шифровики производят его намного эффективнее, чем мы. Только происходит у них это исключительно медленно, что не должно мешать существам, чья жизнь проходит, по большей части, в спячке. «Роршах» – или то, из чего он вырос, – дрейфовал тысячелетиями, прежде чем его вынесло сюда. Времени достаточно, чтобы наработать энергетический резерв для спазмов активности. А когда фундамент заложен, гликолиз протекает с взрывной скоростью. Двухтысячекратная выгода и никакой потребности в кислороде.

– Шифровики живут в спринте. До самой смерти.

– Возможно, они рождаются с запасом АТФ и расходуют его на протяжении всей жизни.

– И сколько они так могут протянуть?

– Хороший вопрос, – признал он. – Живи быстро, умри молодым. Если они экономят энергию и большую часть времени отсыпаются, кто знает?

– Хм.

Развернувшегося шифровика снесло воздушным потоком к стене. Существо оттолкнулось от нее одним протянутым щупальцем; остальные продолжали гипнотически развеваться.

Я вспомнил другие щупальца, не столь нежные.

– Мы с Амандой загнали одного в толпу. Его...

Каннингом вернулся к пробам.

– Я видел запись.

– Они его растерзали.

– Угу.

– Есть догадки, почему?

Он пожал плечами.

– Бейтс полагает, что у них там внизу идет что-то вроде гражданской войны.

– А ты как думаешь?

– Не знаю. Может, и так, а может, шифровики занимаются ритуальным каннибализмом или... Китон, они инопланетяне. Чего ты от меня хочешь?

– Но на самом деле они же не инопланетяне. По крайней мере не разумные. Война подразумевает разум.

– Муравьи воюют постоянно. Это ничего не доказывает, кроме того, что они живые.

– А шифровики, вообще, живые? – спросил я.

– Что за странный вопрос?

– Ты считаешь, что «Роршах» выращивает их, словно на конвейере, и не можешь у них найти гены. Может, это просто биомеханические роботы.

– Это и есть жизнь, Китон. Ты сам такой, – новая доза никотина, новый шквал чисел, новая проба. – Жизнь – это не «или/или». Это вопрос степени.

– Я спрашиваю о другом: они естественного происхождения? Не могут быть искусственно созданы?

– А термитник – искусственный? Бобровая плотина? Звездолет? Конечно! Они построены естественно возникшими организмами, действовавшими в соответствии со своей природой? Разумеется, да! Скажи мне, как хоть что-нибудь в огромной мультивселенной может быть искусственным?

Я попытался сдержать раздражение:

– Ты понимаешь, что я хочу сказать.

– Бессмысленный допрос: вытряси XX век из ушей.

Я сдался. Пару секунд спустя Каннингем уловил, что я молчу. Его сознание покинуло механические придатки и выглянуло из плотских глаз, будто в поисках загадочно умолкнувшего комара.

– Что ты до меня докопался? – спросил я.

Дурацкий вопрос, и очевидный. Недостойно синтета вести себя настолько... прямолинейно.

С мертвого лица сверкнули глаза.

– Обработка информации без осознания. Такая у тебя работа, не так ли?

– Это чудовищное упрощение.

– Ммм... – Каннингем кивнул. – Тогда почему ты не в силах осознать, насколько бессмысленно заглядывать нам через плечо и слать депеши домой?

– Кто-то должен поддерживать связь с Землей.

– Семь месяцев в одну сторону. Хороший диалог.

– Тем не менее.

– Мы здесь одни, Китон. Ты один. Игра закончится задолго до того, как наши хозяева узнают, что она началась, – он глотнул дыма. – А может, и нет. Может, ты общаешься с кем-то поближе, а? Тебе шлет инструкции четвертая волна?

– Четвертой волны нет. Во всяком случае, мне о ней ничего не

говорили.

– Скорее всего, нет. Они же не станут рисковать своими шкурами, верно? Слишком опасно даже просто держаться в стороне и наблюдать издали. Потому нас и построили.

– Мы создали себя сами. Никто не заставлял тебя делать себе перепайку.

– Да, перепайку я сделал себе сам, ты прав. А мог позволить вырезать себе мозги и улететь на Небеса, верно? Вот и весь выбор. Мы можем быть или совершенно бесполезными, или соревноваться с вампирами, конструктами и ИскИнами. Может, ты мне расскажешь, как это сделать, не превратившись в полного... уродца?

Столько чувств в голосе и ничего на лице. Я промолчал.

– Видишь, что я имею в виду? Не понимаешь, – он выдавил сухую усмешку. – Я буду отвечать на твои вопросы. Отложу работу и стану водить тебя за руку, потому что так приказал Сараста. Полагаю, выдающийся вампирский интеллект видит осмысленную причину потворствовать твоему нескончаемому таяканию, а оно у нас начальник, поэтому я подчиняюсь. Хотя я не настолько умен, поэтому прости, но мне твои расспросы кажутся убогими.

– Я просто...

– Ты просто делаешь свою работу. Знаю. Но мне не нравится, когда мною вертят, Китон. А твоя работа заключается именно в этом.

* * *

Еще дома, на Земле, Роберт Каннинге́м едва скрывал свое презрение к бортовому комиссару. Оно было очевидно даже для топологически слепых.

Обработка биолога всегда давалась мне с трудом. И даже не из-за его невыразительной физиономии. Порой в его графах не отражались и более глубокие движения души. Возможно, он сознательно подавлял их, оскорбленный присутствием в команде «крота».

Прямо скажем, я не в первый раз столкнулся с подобной реакцией. Мое присутствие в какой-то мере оскорбляло всех. О, ко мне хорошо относились – или думали, что относятся. Терпели мою навязчивость, помогали, выдавали куда больше, чем думали сами.

Но за грубоватым дружелюбием Шпинделя и терпеливыми разъяснениями Джеймс не было настоящего уважения. С чего вдруг? Они стояли на переднем крае науки, на сверкающей вершине, покоренной

гоминидами. Им доверили судьбу мира. А я рассказывал сплетни узколобым. И даже в том терялась нужда по мере того, как Земля уплывала все дальше. Балласт... Ничего не поделаешь, нечего и терзаться.

И все же... Шпиндель лишь наполовину шутил, обозвав меня «комиссаром». Каннингем доверился ярлыку без всяких шуток. И хотя я за долгие годы встречал немало подобных ему – тех, кто пытался скрыться от моего взгляда, – Каннингем первый в этом преуспел.

Я старательно выстраивал отношения с ним на протяжении всей подготовки, искал недостающие элементы. Однажды наблюдал, как он работает на хирургическом симуляторе и упражняется на новейшем интерфейсе, распростершем его сквозь стены и провода. Биолог оттачивал мастерство на гипотетическом инопланетянине, которого ради тренировки соорудил компьютер. Из установки наверху лапами чудовищного паука торчали датчики и суставчатые манипуляторы – они, одержимые духами, кружились и плели сети вокруг полувероятной голографической твари. Собственное тело Каннингема лишь слегка вздрагивало; в уголке губ колыхалась сигарета.

Я ждал, когда он сделает перерыв. В конце концов его плечи слегка расслабились. Протезные конечности обвисли.

– Так... – Я постучал себя по виску. – Зачем ты это сделал?

Он не обернулся. Датчики над секционным столом развернулись, глядя на нас отрубленными рачьими глазами. Там было сосредоточено сознание Каннингема, а не в пропитавшемся никотином теле передо мной. Там находились его глаза, язык и еще какие-то невообразимые искусственные чувства, которые биолог использовал для анализа данных. Датчики целились в меня, нас, и, если у Роберта еще осталось что-то, похожее на зрение, он смотрел на себя глазами, вынесенными на два метра из черепа.

– Что именно? – переспросил он в конце концов. – Улучшения?

«Улучшения». Словно гардероб обновил, а не вырвал с мясом органы чувств и не вшил новые в рану.

Я кивнул.

– Приходится быть актуальным, – объяснил он. – Без апгрейда невозможно пройти переподготовку, без переподготовки устареешь за месяц, а тогда тебе прямая дорога на Небеса или в стенографистки.

Я пропустил насмешку мимо ушей.

– И все же это радикальная трансформация.

– Не по нынешним временам.

– Разве ты не изменился?

Тело затянулось сигаретой. Прицельная вентиляция втянула дым

прежде, чем тот добрался до меня.

– В этом и смысл.

– Но изменения должны были затронуть твою личность. Само собой...

– А-а, – он кивнул. На дальнем конце двигательных нервов закачались за компанию манипуляторы. – Посмотри на мир чужими глазами и сам переменишься?

– Что-то вроде того.

Вот теперь он посмотрел на меня живыми глазами. По другую сторону мембраны змеи и крабы вновь взялись за виртуальный труп, словно решив, что и так слишком много времени потратили на бессмыслицу. Мне стало интересно, в каком теле пребывает сейчас биолог.

– Странные ты задаешь вопросы, – заметило мясо. – Разве язык моего тела тебе не все рассказывает? Жаргонавтам полагается читать мысли.

Конечно, он был прав. Меня интересовали не слова Каннингема, они – лишь несущая волна. Реальной беседы, которая между нами сейчас происходила, Роберт не слышал. Все его грани и углы громко говорили со мной, и, хотя помехи и вой обратной связи почему-то заглушали их голоса, я был уверен, что рано или поздно все пойму. Надо было просто не дать биологу замолчать.

Но в ту самую минуту мимо проходил Юкка Сараста и хирургически точным движением утробил мой замечательный план.

– Сири в своем деле лучший, – заметил он. – Кроме тех случаев, когда дело касается лично его.

* * *

Как может человек ожидать, что его мольбам о снисхождении ответит Тот, Кто превыше, когда сам он отказывает в милосердии тем, кто ниже его?

Пьер Трубецкой^[63]

– Штука в том, – произнесла Челси, – что личные отношения требуют усилий. Нужно хотеть, чтобы стараться, понимаешь? Я чуть наизнанку не вывернулась ради нас с тобой, вкалывала как проклятая, а тебе словно все безразлично...

Ей казалось, что она открыла мне Америку. Будто я не знал, к чему идет дело, потому что молчал. Но я, пожалуй, раньше нее все понял и

ничего не говорил, боясь дать ей повод.

Мне было тошно.

– Ты мне небезразлична, – выдавил я.

– Насколько тебе вообще что-то небезразлично, – признала она. – Но ты... я хочу сказать, временами все в порядке, Лебедь. Иногда с тобой так здорово! Но стоит нашим отношениям самую малость углубиться, как ты отступаешь и оставляешь тело на милость своего... боевого робота. Я больше не могу это терпеть.

Я не сводил глаз с бабочки на ее запястье. Радужные крылышки лениво подрагивали и складывались. Мне стало любопытно, сколько у нее таких татуировок? Я видел пять, на разных частях тела, хотя одновременно больше одной не появлялось. Подумывал спросить, но сейчас момент был неподходящий.

– Временами ты бываешь таким... жестоким, – говорила она. – Я понимаю, это не со зла, но... не знаю. Может, я для тебя лишь предохранительный клапан, пар спускать. Может, тебе приходится так глубоко уходить в работу, что все накапливается, и нужна груша для битья. Может, поэтому ты все это говоришь.

Теперь она ждала от меня ответа.

– Я был с тобой честен, – ответил я.

– Да. Патологически. Ты хоть одну дурную мысль оставил при себе? – Ее голос дрожал, но глаза – хотя бы сейчас! – остались сухими. – Пожалуй, я виновата не меньше твоего, даже больше. Я со дня нашей встречи понимала, что ты... отстраненный. Наверное, в глубине души изначально знала, что этим все кончится.

– Тогда какой смысл было стараться? Если знала, что мы просто так разойдемся?

– Ох, Лебедь! Разве ты сам не твердишь, что все рано или поздно рушится? Разве не ты говорил, что все проходит?

Мои отец и мать удержались. По крайней мере дольше, чем мы.

Я нахмурился, поражаясь, как позволил этой мысли забрести ко мне в голову.

Челси сочла мое молчание обидным.

– Наверное... я думала, что смогу помочь, понимаешь? Исправить то, что тебя сделало таким... озлобленным.

Бабочка начала гаснуть. Такого никогда прежде не случалось.

– Ты понимаешь, что я хочу сказать? – спросила она.

– Ага. Что я с заскоками, псих, по сути.

– Сири, ты даже от корректировки отказался, когда я предлагала. Ты

так боишься, что тобой начнут управлять, шарахаешься от базовых каскадов. Ты единственный из известных мне людей, которого действительно можно назвать неисправимым. Не знаю... Может, этим стоит гордиться.

Я приоткрыл рот – и захлопнул его.

Челси грустно улыбнулась:

– Что, Сири, ничего? Совсем нет слов? Было время, когда ты всегда точно знал, что сказать, – ей вспомнилась ранняя версия меня. – А теперь я гадаю, был ли ты хоть раз серьезен.

– Ты ко мне несправедлива.

– Да, – она поджала губы. – Ты прав. Я вовсе не это хотела сказать. Пожалуй, дело не в том, что твои слова – неправда. Скорее, ты просто не понимаешь их смысла.

Крылья потеряли цвет, и бабочка превратилась в хрупкий, почти неподвижный карандашный рисунок.

– Я согласен, – проговорил я. – Я сделаю корректировку. Если для тебя это так важно. Прямо сейчас!

– Поздно, Сири. С меня хватит.

Может, она хотела, чтобы я ее окликнул? Все эти неслышные вопросительные знаки и многозначительные паузы. Вероятно, она давала мне возможность оправдаться, вымолить еще один шанс. Искала причины передумать.

Я мог попытаться, сказать: «Не надо! Прошу, умоляю. Я не хотел тебя прогнать, лишь чуточку, на безопасное расстояние. Пожалуйста! За тридцать долгих лет я не чувствовал себя ничтожеством только рядом с тобой».

Но, когда я поднял глаза, бабочки уже не было. Как и Челси. Она ушла, забрав с собой груз сомнений и чувства вины за то, что довела меня. По-прежнему думала, что в нашей несовместимости никто не виноват, а она старалась, как могла. И что даже я старался, согбенный прискорбными тяготами психологических проблем. Она ушла... Может, даже не корила меня. Я же так и не понял, кто из нас принял окончательное решение.

В своем ремесле я был мастер. Такой мастер, что занимался им, даже когда не хотел этого.

* * *

– Господи! Вы слышали? – Сьюзен Джеймс металась по вертушке, как

ошавевший гну при пониженном тяготении. Я под прямым углом мог различить белки ее глаз. – Подключай канал! Канал подключай! Вольеры!

Я подчинился. Один из шифровиков колыхался в воздухе, второй по-прежнему жался в углу.

Джеймс приземлилась рядом со мной на обе ноги и пошатнулась.

– Сделай громче!

Шипение воздухоочистителей. Отдаленный механический лязг, эхом отдающийся в корабельном хребте. Рокот корабельных кишок. И больше ничего.

– Ладно. Значит, перестали, – Джеймс вытащила дополнительное окошко и пустила запись в обратную сторону.

– Вот, – объявила она, выкрутив громкость на максимум и запустив фильтр.

Парящий шифровик в правой половине окна уперся кончиком протянутого щупальца в перегородку между двумя вольерами. Съежившийся пришелец слева оставался неподвижен.

Мне показалось, я что-то слышу. На краткий миг словно мошка прожужжала, но ближайшая мошка летала где-то в пяти триллионах километров от нас!

– Повтор. Замедлить. Определенно жужжание. И вибрация.

– Еще медленнее.

Серия щелчков, извергнутых дельфиньим дыхалом. Презрительное фырканье.

– Нет, дай сюда!

Джеймс вломилась в виртуальное пространство Каннингема и сдвинула ползунок до упора влево.

Тук-тук... тук... тук-тук-тук... тук... тук-тук-тук...

Из-за снижения доплеровской частоты почти до нуля сигнал растянулся на добрую минуту: в реальном времени прошло пол секунды.

Каннингем увеличил изображение. Шифровик в углу оставался неподвижен, если не считать дрожи под шкурой и шевеления свободных щупалец. Но прежде я видел только восемь, а сейчас из-под центрального узла выступил костлявый нарост девятого. Оно, скрученное и скрытое от взглядов, стучит, пока собрат как ни в чем не бывало прислоняется к стене с другой стороны.

Нет, ничего подобного! Второй шифровик бесцельно дрейфовал посреди своего вольера.

Глаза Джеймс блеснули.

– Надо проверить остальные...

Но «Тезей» следил за нами и соображал намного быстрее. Он уже прошерстил архивы и выдал результат: три подобных сигнала за два дня, длительностью от двух секунд до едва одной десятой.

– Они разговаривают, – прошептала Джеймс.

Каннингем пожал плечами. Забытый окурок дотлевал у него в руке.

– Как и многие животные. Кроме того, такими темпами они явно не вычислениями занимаются. Танцующая пчела передает не меньше информации.

– Роберт – это бред! Ты сам понимаешь...

– Я понимаю, что...

– Пчелы не скрывают, о чем говорят. Они не разрабатывают с нуля новые способы общения исключительно ради того, чтобы запутать наблюдателя. Это не инстинкт, Роберт, а разум.

– И что с того? Забудем на минуту тот неудобный факт, что у этих созданий вообще нет мозга. Мне определенно кажется, что ты не продумала свою мысль до конца.

– Разумеется, продумала.

– Да ну? И чему же ты радуешься? Не понимаешь, что это значит?

По моей спине вдруг пробежали мурашки. Я оглянулся и посмотрел вверх. В центре вертушки показался Юкка Сараста: он глядел на нас, сверкая глазами и будто скалясь.

Каннингем проследил за моим взглядом и кивнул:

– Вот оно, бьюсь об заклад, понимает...

* * *

Узнать, о чем они перешептывались сквозь стену, было невозможно. Восстановить запись не составило труда, как и разобрать по герцам каждый стук и скрип, но нельзя расколоть шифр, не имея понятия о содержании. У нас на руках оказались наборы звуков, которые ничему не соответствовали. И существа, чья грамматика и синтаксис – если их способ общения предусматривал такие понятия – были непонятны и, возможно, непознаваемы. Создания, достаточно разумные, чтобы общаться, и достаточно хитрые, чтобы скрыть этот факт. Как бы мы ни жаждали учиться, они определенно не стремились нас учить.

Без – как это я сформулировал? – да, «негативного подкрепления».

Решение принял Сараста. Мы, как всегда, подчинились его велению. Но когда приказ поступил – когда вампир скрылся в ночи, Бейтс отступила

вниз по хребту, а Каннингем удалился в свою лабораторию – со Сьюзен Джеймс остался только я. Тот, кто первым высказал мерзостную мысль вслух, официальный свидетель, действующий от имени будущих поколений. Это на меня она посмотрела и от меня отвернулась, когда ее грани стали непроницаемо суровы.

И приступила.

* * *

Стену ломают так.

Берем двух существ. Если хотите, можете представить себе людей, но это необязательно. Важно, чтобы особи были способны общаться друг с другом. Разделяем их. Но пусть они видят друг друга и болтают. Оставляем окно между их клетками и звуковой канал: пусть практикуются в общении на свой, особенный манер.

Теперь пытаем. Надо понять, как именно. Некоторые шарахаются от огня, другие – от ядовитых газов или жидкостей. Есть существа, неуязвимые для горелок и гранат, но они визжат от ужаса, едва заслышав ультразвук. Приходится экспериментировать. И когда вы обнаружите верный стимул, оптимальный баланс между болью и травмой, то должны пользоваться им беспощадно.

Конечно, существам надо оставить лазейку. В этом и смысл наших действий: дайте одному из подопытных средство покончить с болью, другому – информацию, необходимую, чтобы им воспользоваться. Одному предложите единственную геометрическую фигуру, второму – целый набор. Боль прекратится, когда создание выделит из набора единственный символ, который видел его напарник.

Начинаем игру! Смотрите, как корчатся подопытные. Если – или когда – они нажмут выключатель, то вы, по крайней мере, поймете хотя бы часть той информации, которой обменялись объекты. А если записывать все, что с ними происходит, то, возможно, вы сможете догадаться, как они это делают.

Когда жертвы разгадают одну головоломку, подсуньте им другую. Запутайте, поменяйте ролями. Проверьте, как они отличают круги от квадратов, попробуйте факториалы и числа Фибоначчи. Продолжайте, пока не откопаете Розеттский камень.

Так общаются с инопланетным разумом: его пытаются и продолжают пытаться, пока не научатся отличать слова от воплей.

Чтобы разработать и соблюсти протокол, лучше всего подходила Сьюзен Джеймс – прирожденная оптимистка, верховная жрица церкви Слова Исцеляющего. Сейчас шифровики корчились по ее команде. В отчаянных поисках крошечного уголка, свободного от раздражителей, они выписывали в вольерах длинные петли. Джеймс вывела видеосигнал в КонСенсус, хотя критически важной причины, по которой весь экипаж «Тезей» должен был наблюдать за допросом, вроде бы не имелось.

– Пусть на своем конце блокируют, – вполголоса пробормотала она. – Если захотят.

Каннингем, при всем нежелании признавать пленников существами разумными и мыслящими, дал им имена: Растрепя предпочитал парить, раскинув щупальца, а Колобок жался в углу, свернувшись комком. Сьюзен их просто нумеровала – первый и второй, – подчиняясь собственной роли травести в спектакле. Не то чтобы выбор Каннингема показался ей слишком дурацким или она возражала против рабских кличек в принципе: лингвист прибегла к самому старому приему из «Справочника практикующего палача». Если истязатель хочет по-прежнему возвращаться после работы домой, к семье, играть с детьми и спокойно спать по ночам, он никогда не должен считать своих жертв людьми.

По отношению к метанодышащим медузам этот вопрос вообще не должен был вставать. Но тут уже цена каждой ошибки чрезвычайно высока.

Рядом с изображениями обоих инопланетян в виртуальном пространстве плясали данные биотелеметрии; сияющие пояснения дрожали в разреженном воздухе. Понятия не имею, что для этих созданий составляло физиологическую норму, но я не мог себе представить, как еще, кроме боли, можно трактовать рваные пики на графиках. Шкуры обоих шли еле заметным серо-голубым муаром, под кожей пробегали текущие волны. Может, это рефлекторная реакция на микроволновое облучение? Однако с тем же успехом это могло быть брачным танцем. И все же, скорее всего, они кричали...

Джеймс вырубил излучение. В левом вольере желтый квадрат погас, в правом подобный ему так и не загорелся в ряду других фигур.

После приступа краски потекли по шкурам быстрее; движения щупалец замедлились, но не остановились. Они покачивались взад-вперед, как сонные костлявые угри.

– Базовый уровень. Пять секунд, двести пятьдесят ватт, – для протокола.

Напускная серьезность: «Тезей» фиксировал с точностью до пяти

девяток каждый вздох на борту и каждый импульс тока.

– Повторить.

Значок вспыхнул. Шкуры чужаков снова накрыла волна мозаики. В этот раз ни один из них не сдвинулся с места. Скрученные трепещущие щупальца продолжали слабо, волнообразно подергиваться, словно в состоянии покоя. Но телеметрия оставалась такой же мучительной.

«Они быстро учатся беспомощности», – подумал я. И взглянул на Сьюзен:

– Ты собираешься провести весь опыт сама?

Она отключила ток. Ее глаза влажно блеснули. Знак в клетке Колобка погас, а в клетке Растрепы оставался тусклым.

Я прокашлялся.

– Я хочу сказать...

– А кто еще этим займется, Сири? Юкка? Ты?

– Остальная Банда. Саша могла бы...

– Саша?! – Она уставилась на меня. – Сири, я их создала. Как думаешь, для чего? Чтобы прятаться за ними, когда... чтобы заставлять их творить такое? – Она покачала головой. – Я не стану их будить. Ради этого – нет. Так не поступают даже со злейшим врагом, уж не говоря о...

Она отвернулась. Ведь могла принять лекарство – нейроингибиторы, чтобы смыть вину, закоротить на модулярном уровне. Сараста предлагал ей, будто искушая одинокого пророка в пустыне. Джеймс отказалась, не назвав причину.

– Повторить, – скомандовала она.

Ток включился, выключился.

– Повторить, – снова сказала она.

Ни одного движения.

Я показал.

– Вижу, – отозвалась Джеймс.

Кончиком щупальца Колобок касался сенсорной панели: символ на ней горел свечой.

* * *

Шесть с половиной минут спустя они перешли от желтых квадратов к мгновенно гаснущим четырехмерным многогранникам. На то, чтобы определить два подвижных двадцатишестигранника, разнящихся формой единственной грани в единственном кадре, у них уходило не больше

времени, чем на то, чтобы отличить желтый квадрат от красного треугольника. По их шкурам все это время бежали сложные узоры, динамические мозаики высокого разрешения, меняющиеся почти неуловимо для взгляда.

– Твою мать, – прошептала Джеймс.

– Это могут быть осколочные таланты, – в Консенсусе к нам присоединился Каннингем, хотя его тело оставалось на другом конце медотсека.

– Осколочные, – невыразительно повторила она.

– Савантизм. Выдающиеся способности в одной области умственной деятельности не коррелируют с высоким интеллектом.

– Роберт, я знаю, что такое осколочные таланты. Я просто считаю, что ты ошибаешься.

– Докажи.

Лингвист плюнула на геометрию и сообщила шифровикам, что один плюс один равняется двум. Очевидно, ничего нового она им не сказала: десять минут спустя медузы на заказ вычисляли десятизначные простые числа.

Джеймс показала им ряд двумерных фигур; они выбирали следующую из набора едва различающихся вариантов. Она вообще перестала давать им варианты, демонстрируя очередной ряд с начала и показав, как рисовать кончиками щупалец на сенсорной панели. Шифровики завершали ряд идеальными набросками, отображая цепочку логических последовательностей и заканчивая ее фигурой, неотвратимо возвращавшей к началу цепи.

– Они не роботы, – голос Сьюзен застревал в горле.

– Это лишь математика, – отозвался Каннингем. – Миллионы компьютерных программ делают то же самое, не просыпаясь.

– Они разумны, Роберт! И умнее нас. Вероятно, даже умнее Сарасты. А мы... Почему ты не хочешь это признать?

Я читал по ее грням: «Исаак уже давно согласился бы».

– Потому что у них нет мозгов, – настаивал Каннингем. – Как может...

– Не знаю я, как! – заорала она. – Это твоя работа! Я знаю только, что пытаю существ, которые интеллектом могут заткнуть нас за пояс.

– Скоро это кончится. Как только ты поймешь их язык.

Она покачала головой:

– Роберт, об их языке у меня нет ни малейшего представления. Мы занимаемся этим уже... несколько часов, да? Со мной вся Банда, базы данных по языкам глубиной в четыре тысячи лет, новейшие

лингвистические алгоритмы. И мы точно знаем, что они говорят, отслеживаем все возможные способы коммуникации. С точностью до ангстрема!

– Именно. Так что...

– И у меня нет ничего. Я знаю, что они общаются узорами на коже. Возможно, что-то кроется в манере поводить щетинками. Но я не могу найти систему, не понимаю даже, как они считают, не говоря уж о том, чтобы передать им, как мне... стыдно.

Некоторое время все молчали. С камбуза на потолке на нас поглядывала Бейтс, но присоединиться к заседанию не пыталась. В КонСенсусе получившие помилование шифровики колыхались в вольерах, как многорукие мученики.

– Ну, – в конце концов оборвал паузу Каннингем, – раз у нас сегодня день дурных вестей, выдам свою. Они умирают.

Джеймс закрыла лицо ладонями.

– Не из-за твоего допроса, чего бы он им ни стоил, – продолжил биолог. – Насколько я могу судить, у них отсутствуют некоторые метаболические пути.

– Очевидно, ты их еще не нашел, – через всю вертушку бросила Бейтс.

– Нет, – медленно и отчетливо произнес Каннингем, – очевидно, они недоступны для их организма. Шифровики разлагаются, примерно как распадалась бы мы, если бы... например, из нашей цитоплазмы вдруг разом пропали веретена деления^[64]. Насколько я могу судить, они начали разрушаться в тот момент, как мы выдернули их с «Роршаха».

Сьюзен подняла голову.

– Хочешь сказать, шифровики оставили дома часть метаболизма?

– Какое-то необходимое питательное вещество? – предположила Бейтс. – Они не едят...

– Лингвисту – да, майору – нет, – Каннингем замолк. Я бросил взгляд через вертушку и увидел, как он затягивается сигаретой. – Думаю, большая часть клеточных процессов у этих тварей регулируется извне, и я не могу найти генов в образцах тканей потому, что их там нет.

– А что есть? – спросила Бейтс.

– Морфогены Тьюринга^[65].

Пустые взгляды: никто ничего не понял, и все полезли в КонСенсус за определением. Но Каннингем все равно взялся объяснить:

– Многие биологические процессы не зависят от генов. Подсолнухи выглядят так, как выглядят, исключительно благодаря напряжению изгиба

при росте. Всюду в природе встречаются числа Фибоначчи и «золотое сечение», а ведь они не заданы генами, это результат механического взаимодействия. Возьмем развитие эмбриона – гены говорят «расти!» или «заканчивай расти!», но число пальцев или позвонков определяется механическим взаимодействием сталкивающихся клеток. Веретена деления, которые я помянул, необходимы для деления эукариотических клеток, а ведь они нарастают как кристаллы, без участия генов. Вы удивитесь, как много в природе подобных вещей.

– Без генов все равно не обойтись, – запротестовала Бейтс, подходя к нам.

– Гены лишь задают начальные условия для развития процесса. А структурам, которые возникают потом, особые инструкции не нужны. Классический пример самоорганизации, известный больше ста лет, – еще затяжка. – Или дольше. Еще в 1880-х годах Дарвин приводил в пример пчелиные соты.

– Соты, – повторила Бейтс.

– Плотная упаковка из идеальных шестигранных трубок. Пчелы строят их инстинктивно: откуда насекомому знать геометрию в достаточном объеме, чтобы выстроить шестиугольник? Оно и не знает, он запрограммировано жевать воск и выплевывать его, поворачиваясь кругом. Получается окружность. Посади пчелиный рой на одну плоскость – пусть жуют вместе – и круги начнут сталкиваться, деформируя друг друга в шестиугольники, которые образуют более эффективную, плотную упаковку.

– Но пчелы запрограммированы, – придралась Бейтс. – Генетически.

– Ты не поняла. Шифровики – это соты.

– Пчелы – это «Роршах», – пробормотала Бейтс.

Каннингем кивнул:

– Пчелы – это «Роршах». И я полагаю, его магнитные поля – вовсе не защитная мера, а часть системы жизнеобеспечения. Они регулируют и направляют большую часть метаболизма шифровиков. У нас в трюме сидит пара существ, которых выдернули из привычной среды, и теперь они просто задержали дыхание. Но вечно его задерживать они не смогут.

– Долго еще? – спросила Джеймс.

– Откуда мне знать? Если я не ошибся, у меня на руках даже не целые организмы.

– Предположительный срок, – произнесла Бейтс.

Биолог пожал плечами.

– Пара дней. Может быть.

То, что не убивает, делает нас более странными.

Тревор Гудчайлд^[66]

– Демократии не будет, – подтвердил Сараста.

Освобождать пленников мы не станем, это слишком рискованно. В бесконечных пустошах облака Оорта нет места принципу «живи и дай жить другим». Неважно, как поступил или не поступил другой. Думай о том, что бы он натворил, будь хоть капельку сильнее. Думай о том, что он мог бы натворить, если бы мы прибыли, когда должны были согласно его планам. Ты смотришь на «Роршах» и видишь эмбрион или растущее дитя – может, чуждое сверх всякого понимания, но по определению невинное. Но что, если это неверный взгляд, и перед тобой всевластный погибельный бог, пожиратель миров, просто не до конца воплотившийся? Уязвимый лишь сейчас и немногим дольше.

В рассуждениях Сараста не было вампирской неясности и многомерных черных ящиков, при виде которых человек пожимает плечами и сдаётся. Мы не могли найти в них изъяна, его логика оставалась безупречной, а у нас не было оправдания. От чего становилось лишь хуже. Остальные – знаю – предпочли бы положиться на веру, а не понимать очевидное.

Но Сараста выдвинул альтернативу освобождению пленников. Очевидно, он считал такой вариант более безопасным. По крайней мере это умозаключение приходилось принимать на веру, так как по разумным меркам его вариант граничил с самоубийством.

«Тезей» рожал при помощи кесарева: нынешний выводок оказался слишком велик, чтобы протолкнуться через канал на конце хребта, и корабль выпрастывал его, точно при запоре, прямо в трюм. Чудовищные, огромные туши, ошестинившиеся дулами и антеннами; каждая втрое-вчетверо выше меня ростом; пара массивных кубов цвета ржавчины, чьи поверхности были заражены топографией. До высадки большую её часть скроет броня. Ленты кабелей и труб, магазины с боеприпасами и акулы зубы теплообменников – все исчезнет под ровным зеркальным покрытием. Лишь немногие достопримечательности поднимутся островами над идеальной гладью: порты связи, маневровые дюзы, прицельные антенны. И орудийные дула, конечно. Каждый робот мог полудюжиной пастей

изрыгать огонь и серу.

Но покамест они больше походили на гигантских механических эмбрионов, недоносков. В жестоком белом сиянии трюмных прожекторов их углы и грани складывались в контрастную мозаику светотеней.

Я отвернулся от иллюминатора.

– Это здорово подорвет наши запасы субстрата.

– С защитным покрытием корпуса было хуже. – Бейтс следила за строительством по выделенному плоскому экрану, встроенному прямо в переборку фабрикатора: вероятно, практиковалась. Мы потеряем связь с имплантатами в мозге, как только сменим орбиту. – Но ты прав. Возможно, скоро нам придется пожить одной из местных каменюк.

– Хм. – Я снова заглянул в трюм. – Думаешь, эти роботы нам понадобятся?

– Неважно, что я думаю. Ты умный парень, Сири, сам не догадаешься?

– Для меня важно. А значит, важно и для Земли.

Да, это имело бы значение, если бы Земля командовала нами... Как глубоко ни вляпайся в систему, определенные слои подтекста всегда остаются различимы.

Я сменил галс:

– Тогда как насчет Сарастии и Капитана? Есть мысли?

– Обычно ты работаешь аккуратнее.

Тоже правда.

– Просто... помнишь, Сьюзен поймала Растрепу и Колобка, когда те перестукивались?

От кличек Бейтс передернуло:

– И?

– Странно, что «Тезей» не застукал их первым. Обычно квантовые компьютеры мастерски распознают образы.

– Сарастия отключил квантовые модули: с того момента, как мы вышли на орбиту, борт функционирует в классическом режиме.

– Почему?

– Электромагнитный шум. Слишком велик риск декогеренции^[67]. Квантовый компьютер – штука капризная.

– Но борт ведь экранирован. И «Тезей» экранирован.

Бейтс кивнула.

– Насколько возможно. Но идеальная защита – это идеальные шоры, а мы не в том положении, когда хочется соглашаться на добровольную слепоту.

Вообще-то именно в том. Но смысл в ее словах был.

И не один, только второй она не высказала вслух: «Ты упустил то, что болталось в КонСенсусе на всеобщем обозрении. А вроде первосортный синтез...»

– Сараста, наверное, знает, что делает, – признал я, прекрасно понимая, что вампир может подслушивать. – Пока он, насколько мы знаем, не ошибался.

– Насколько мы можем знать, – заметила Бейтс.

– Если можешь поправить вампира, он тебе не нужен, – вспомнил я.

Она слабо усмехнулась.

– Исаак был хорошим человеком. Но пиару не всегда стоит верить.

– И ты не купилась? – спросил я. Однако Бейтс уже решила, что слишком распустила язык.

Я забросил крючок, наживив его выверенной смесью почтения и недоверия:

– Сараста знал, где мы найдем шифровиков. Вычислил с точностью до метра, в таком-то лабиринте.

– Да, полагаю, для такого действительно была нужна сверхчеловеческая логика, – признала она, подумав, насколько же я, блин, туп.

– Что? – переспросил я.

Бейтс пожала плечами:

– А может, он просто догадался, что, раз «Роршах» выращивает собственную команду, нас с каждым разом будет встречать все больше шифровиков. Где бы мы ни высадились.

Мое молчание перебил писк КонСенсуса.

– Орбитальный маневр через пять минут, – объявил Сараста. – Имплантаты и беспроводные протезы уходят в офлайн через девяносто. Отбой.

Бейтс отключила дисплей.

– Я пережду маневр в рубке. Иллюзия контроля, все такое. А ты?

– В палатке, пожалуй.

Она кивнула, изготовилась к прыжку, но вдруг остановилась и заметила:

– Кстати, да.

– Извини?

– Ты спрашивал, считаю ли я необходимым усиление вооружения. В данный момент, я полагаю, нам пригодится любая возможная защита.

– Так ты считаешь, что «Роршах» может...

– Эй, один раз он меня уже убил.

Она говорила не о радиации.
Я осторожно кивнул.
– Это, должно быть...
– Ни на что не похоже. Ты даже представить не можешь, – Бейтс аж задохнулась и перевела дыхание. – Хотя, может, тебе и не надо, – добавила она и уплыла вверх по хребту.

* * *

Каннингом с Бандой находились в мед отсеке, но на расстоянии тридцати градусов дуги друг от друга. Каждый ковырял пленников на свой манер. Сьюзен Джеймс равнодушно тыкала пальцами в нарисованную на столе клавиатуру. В окнах парили Колобок и Растрепка.

По мере того, как лингвист печатала, по столу бежали штампованные фигурки: круги, трискели, четыре параллельные черты. Некоторые пульсировали как геометрические сердечки. Растрепка в дальнем вольере протянул слабеющее щупальце и напечатал что-то в ответ.

– Есть результаты?

Она со вздохом покачала головой.

– Я оставила попытки понять их язык. Удовольствуюсь пиджином.

Она коснулась значка. Колобок пропал с экрана, на его месте возникла таблица иероглифов. Половина значков шевелилась или пульсировала в бесконечной петле: разгул пляшущих каракулей. Остальные просто светились.

– Символьная база, – Джеймс неопределенно помахала рукой. – Комбинации «субъект-глагол» передаются анимированными вариантами существительных. Они радиально симметричны, так что я располагаю аффиксы по окружности рядом с предметом. Может, это им покажется более естественным.

Под сообщением Джеймс показался новый кружок иероглифов – вероятно, ответ Колобка. Но системе увиденное чем-то не понравилось. В отдельном огне вспыхнули иконки: на огненном счетчике загорелось «500 Вт» и не погасло. Колобок на экране забился, протянул змеящуюся суставчатую длань и несколько раз ткнул в панель.

Джеймс отвернулась.

Вспыхнули новые знаки. Пятьсот ватт упали до нуля. Шифровик вернулся в позу эмбриона; пики и провалы на телеметрии выровнялись.

Сьюзен перевела дыхание.

– Что случилось?

– Неверный ответ.

Она вызвала запись и показала изображение, на котором пришелец «поскользнулся». На экране крутились пирамидка, звездочка, упрощенные изображения шифровика и «Роршаха».

– Глупо как-то. Это... для разогрева. Я попросила его назвать предметы в окне, – она рассмеялась, тихо и невесело. – Понимаешь, с утилитарными языками такая штука: если не можешь назвать предмет, то и говорить о нем не можешь.

– И что он ответил?

Она указала на первую спираль.

– Присутствуют многогранник звезда Роршах.

– Пропустил шифровика.

– Со второго раза поправился. И всё же... глупая ошибка для существа, которое может перехитрить вампира, нет? – Сьюзен сглотнула. – Наверное, даже шифровики, умирая, начинают ошибаться.

Я не знал, что ответить. За моей спиной Каннингем едва слышно бормотал себе под нос какую-то двусложную мантру в бесконечном повторе.

– Юкка говорит... – Сьюзен осеклась и начала снова: – Помнишь, как на «Роршахе» нас порой охватывала ложная слепота?

Я кивнул, раздумывая о том, что сказал вампир.

– Очевидно, другие органы чувств тоже могут отключаться, – продолжала она. – Ложная потеря осязания, ложная потеря обоняния, ложная потеря слуха...

– Глухота.

Она покачала головой.

– Но ведь ты не глохнешь. Как ложная слепота – это не слепота. Что-то в твоём мозгу продолжает воспринимать информацию, видеть и слышать, пускай ты и не... осознаешь этого. Пока кто-то не заставит тебя осознать или не появится угроза. Тебя просто охватывает неутолимое желание отступить, а пять секунд спустя там, где ты стоял, проезжает автобус. В каком-то смысле ты знал, что он приближается, но не понимал этого.

– Звучит дико, – согласился я.

– Сири, наши шифровики... знают ответы. Они разумны, мы это выяснили. Но создается впечатление, что они не осознают этого, если их не пытаться. Будто у них все органы чувств охвачены ложной слепотой.

Я попытался представить себе жизнь без ощущений, лишённую активного осознания происходящего.

– Думаешь, такое возможно?

– Не знаю. Это просто... метафора. Наверное.

Она сама в это не верила. Или не знала. Или не хотела, чтобы я узнал.

Я должен был понять, а не гадать. Раскодировать лингвиста.

– Поначалу я думала, они просто упираются, – неуверенно произнесла Сьюзен, – но с какой стати?

Я не знал, понятия не имел. Отвернулся от Джеймс, чтобы упереться взглядом в фигуру Роберта Каннингема: Каннингема-заику – пальцы барабнят по настольному интерфейсу, внутреннее око закрыто, поле зрения ограничено картинками, которые КонСенсус на всеобщее обозрение развешивал в воздухе или набрасывал на плоские поверхности. Лицо биолога как обычно бесстрастно, тело подергивалось мухой в паутине.

Хорошая аналогия. И не для него одного. Сейчас «Роршах» громоздился всего в девяти километрах впереди по курсу; так близко, что заслонил бы самого Бена, если бы у меня хватило храбрости выглянуть наружу. Мы застыли в невозможной близости от «Роршаха», а тот разрастался перед нами, словно живой, и в нем размножались живые твари, как полипы, отпочковываясь от дьявольских механических сосцов. Смертоносные пустые тоннели, по которым мы ползали, шарахаясь от теней в собственных мозгах, теперь, наверное, кишели шифровиками. Сотни километров извилистых проходов, коридоров, залов наполняли войска.

Такова «безопасная» альтернатива в представлении Сарасты. Мы пошли этим путем, потому что освобождать пленников было опасно. Слишком глубоко внедрились в ударную волну, и пришлось отключить внутричерепные наращения. Хотя внешняя магнитосфера «Роршаха» была на порядки слабее его внутренних полей, но на таком расстоянии не посчитает ли нас пришелец привлекательной мишенью или слишком серьезной угрозой? Не решит ли чудовище вонзить в сердце «Тезея» невидимый кол?

Любой импульс, способный пробить экранирование корабля, поджарит не только проводку в наших головах, но и нервную систему «Тезея». Полагаю, пять человек на мертвом корабле получают чуть большие шансы выжить, если у них не будут дымиться мозги, но я сомневался, что нам это сильно поможет. Сарасты, очевидно, думал иначе. Он отключил даже инжектор антиевклидиков в своей голове и, чтобы его самого не закоротило, перешел на уколы.

Еще ближе нашего к «Роршаху» подобрались Колобок и Растрепя. Лабораторию Каннингема вышвырнули за борт; теперь она болталась в

нескольких километрах над самыми высокими шипами объекта, глубоко в объятиях его магнитного поля. Если шифровикам для выживания требовались радиация и магнитное поле, большего они не получают: дозу излучения, но не вкус свободы. Экранирование лаборатории динамически настраивалось, по мере поступления данных уравнивая медицинскую необходимость с тактической осторожностью. Сам пузырь парил на прицеле новорожденных огневых точек, стратегически размещенных по обе стороны от корпуса. Они могли уничтожить в мгновение ока и лабораторию, и все, что приблизилось бы к кораблю.

Правда, с «Роршахом» справиться не могли. Вероятно, это было никому не под силу.

Преобразование из незаметного в неуязвимого, насколько мы понимали, еще не завершилось. Возможно, «Тезей» мог бы что-то сделать с объектом, разраставшимся прямо по курсу, если бы мы решили, что именно. Но Сараста молчал. Более того, я не мог припомнить, когда мы в последний раз видели вампира во плоти. На протяжении нескольких вахт он скрывался в своей палатке и общался с нами только через КонСенсус.

Все на нервах, а мигрант затихарился...

Каннингем буркнул что-то про себя, ткнул непривычными пальцами в незнакомые кнопки, проклял свою неловкость. Лазерные лучи пронесли пароль и отзыв сквозь шесть километров ионизированной пустоты. За неимением свободной руки неизбежная никотиновая палочка висела у биолога на губе. Время от времени с нее срывались хлопья пепла и наискось уплывали в вентиляцию.

Он заговорил прежде меня:

– Всё в КонСенсусе. – Когда я не отступил, Каннингем смягчился, но глаз на меня не поднял: – Частицы магнетита сориентировались практически в тот момент, как они пересекли ударную волну. Мембраны начали восстанавливаться. Теперь шифровики умирают не так быстро. Но под их метаболизм все же оптимизирована именно внутренняя среда «Роршаха». Лучшее, на что мы можем надеяться здесь, – замедлить темп их гибели.

– Уже немало.

Биолог хмыкнул:

– Одно восстанавливается. Но другое... их нервы изнашиваются, и я не вижу, почему. Как будто в буквальном смысле протираются. По всей длине аксонов идет утечка импульсов.

– Из-за распада клеток? – предположил я.

– И уравнение Аррениуса никак не сходится, при низких температурах

идут нелинейные эффекты. Фактор частоты^[68] летит к чертям. Такое ощущение, что температура вообще не влияет, и... мать... – На одном из дисплеев какая-то величина превзошла критический предел. Каннингем посмотрел вверх через вертушку и повысил голос:

– Сьюзен, нужна новая биопсия. Из центрального узла.

– Что... Минутку, – она покачала головой, такая же апатичная, как подвластные ей пленники, и набрала короткую спираль символов.

В одном из окошек Растрепы взирал на ее сообщение своей чудесной зрячей шкурой. Секунду шифровик парил в неподвижности, затем сложил щупальца с одной стороны, открыв свой центральный узел. По приказу биолога из нор цепкими змеями выползли два манипулятора: один орудовал медицинским отборником, второй (на случай безрассудного сопротивления) угрожал насилием. Особой нужды в этом не было: ложная слепота или истинная, но шифровики учились быстро. Растрепу подставил брюхо, как жертва, примирившаяся с неизбежным изнасилованием. Пальцы Каннинггема оступились, и манипуляторы столкнулись, перепутавшись. Он выругался, попробовал снова, в каждом его движении читались разочарование и досада. Ему отсекло расширенный фенотип: некогда истинный «призрак в машине»^[69] он превратился в банального нажимателя кнопок.

...И внезапно что-то сомкнулось. Грани Каннинггема у меня на глазах просветлели. Я почти мог его прочитать.

Со второго раза у него получилось: кончик иглы метнулся вперед атакующей коброй и неуловимо быстро отскочил. Красочные волны раскатились по шкуре Растрепы, словно рябь от брошенного камня по тихой воде.

Биологу, наверное, показалось, будто он что-то заметил в моих глазах.

– Легче, когда не считаешь их людьми, – бросил он, и я в первый раз смог прочесть подтекст, ясный и резкий, как битое стекло: «Хотя ты никого людьми не считаешь...»

* * *

Каннинггему не нравилось, когда им манипулируют. Это никому не нравится. Но большинство людей не думают, что я этим занимаюсь, и не знают, до какой степени тела предают их, когда они закрывают рот. Они думают, что если говорят со мной, то, значит, хотят довериться, а если

молчат, то держат свое мнение при себе. Я так пристально наблюдаю за ними, так тщательно подгоняю каждое слово, лишь бы ни одна система не заподозрила о том, что ее используют. И все же по какой-то причине с Робертом Каннингемом метод не сработал.

Кажется, я моделировал не ту систему.

Представь себе, что ты синтез и следишь за поведением систем на гранях; по отражениям в них вычисляешь свойства внутренних механизмов. В этом тайна твоего успеха: ты понимаешь систему, познав очертившие ее границы.

Теперь представь человека, который пробил в своем контуре дыру и выплеснулся наружу.

Плоть была не в силах вместить Каннингема, служебный долг вырвал его за пределы отведенного природой куска мяса. Здесь, в облаке Оорта, его графы распростерлись по всему кораблю. До определенной степени это относилось ко всему экипажу: Бейтс и ее роботам, Сарастии и его лимбической связи – даже имплантаты КонСенсуса в наших мозгах рассеивали нас, слегка выводя за грань собственных тел. Но Бейтс лишь управляла своими роботами, а не подселаясь в них. Банда четырех на одной материнской плате запускала несколько систем, но каждая имела характерную топологию, и выступали они поочередно. А Сарастия...

А с Сарастии, как потом оказалось, вышла совсем другая история.

Каннингем своими манипуляторами не просто управлял: он скрывался в них и носил, точно шпионскую легенду, скрывая слабого исходника внутри. Он пожертвовал половиной неокортекса ради возможности видеть рентген и на вкус ощущать конформации клеточных мембран; выпотрошил одно тело, чтобы стать мимолетным постояльцем множества. Его кусочки таились в датчиках и телеоператорах, усеявших стенки вольеров. Если бы я сразу сообразил, где искать, то мог бы извлечь ключевые намеки из каждого прибора в медицинском отсеке. Биолог, как и все люди, был топологической головоломкой, но половина ее фрагментов пряталась в машинах, и моя модель оказалась неполной.

Подозреваю, что он не особо рвался к такому состоянию. Оглядываясь, я вижу ауру ненависти к себе на каждой его грани, какую удастся вспомнить. Но на исходе XXI века подобному существованию Роберт видел лишь одну альтернативу – жизнь паразита, – а потому выбрал наименьшее из зол.

Теперь же ему отказали даже в этом: приказ Сарастии отсек его органы чувств. Биолог больше не воспринимал данные нутром; ему приходилось с мучениями интерпретировать их шаг за шагом, сквозь диаграммы и

графики, сводившие восприятие к пресной и скучной скорописи. Передо мной стояла система, изувеченная множественными ампутациями. Система, чьи глаза, уши и язык вырезали, вынужденная на ощупь, вслепую искать дорогу среди предметов, которые она прежде населяла изнутри. Внезапно ему стало негде прятаться, и разнесенные ветром осколки Роберта Каннингема собрались обратно во плоти, где я смог наконец их разглядеть.

В этом с самого начала заключалась моя ошибка. Я так сосредоточился на моделировании других систем, что забыл о той, которая строит сами модели. Единственный враг ясного зрения – слепота: неверные послышки могут стать шорами. Было недостаточно представить, что я – Роберт Каннингем. Приходилось одновременно представлять, что я – Сири Китон.

* * *

Конечно, после моего открытия встал новый вопрос: если догадка относительно Каннингема верна, то почему мои приемы срабатывали с Исааком Шпинделем? Тот был столь же разбросан по своему интерфейсу, как и его преемник.

В тот момент я об этом особо не задумывался. Шпиндель погиб, а его убийца оставался с нами – парил под самым носом «Тезея» титанической разбухшей головоломкой, готовой в любую секунду раздавить нас. Так что тогда я был несколько занят.

Но теперь – когда уже слишком поздно что-то делать – я, кажется, нашел ответ.

Возможно, мои приемы не срабатывали и с Исааком. Он подмечал махинации с той же легкостью, что и Каннингем, но ему было все равно. Возможно, я смог прочесть его, потому что он мне позволил. А это значило – не могу подобрать другого объяснения – только одно: несмотря ни на что, я пришелся ему по душе.

А значит, по сути он был моим другом.

* * *

...Если б я смог пробудить словами чувство.

Иэн Андерсон. Повод ждать [\[70\]](#)

Ночная вахта. Не шелохнется никакая тварь. Не на борту «Тезея», по крайней мере.

Банда пряталась в палатке. Хищник-мигрант таился в невесомой тиши глубин. Бейтс сидела в рубке, куда фактически переселилась, угнездившись среди тактических диаграмм и сигналов с камер, чтобы неусыпно бдеть. Куда ни повернись, она везде могла узреть один из аспектов плывущей по правому борту непроницаемой тайны. Она делала что могла и сколько могла.

Вертушка кружилась неслышно. Из почтения к циркадному ритму, который сто лет корректировки и ретро-инженерии не смогли выполоть из наших генов, Капитан пригасил фонари. Я сидел на камбузе один, прикрыв глаза и выглядывая из сердцевины системы, контуры которой размывались в последнее время все сильнее, пытался составить очередное... – как там Исаак говорил? – письмо в вечность. На другой стороне барабана, висая вниз головой, работал Каннингем. Вот только последние четыре минуты он ничего не делал и даже не шевелился.

Я сначала подумал, что он читает кадиш по Шпинделю – КонСенсус подсказывал, что молиться надо дважды в день на протяжении года, если мы столько проживем. Но, выглянув из-за спинного хребта в центре вертушки, я смог считать его грани так же ясно, как если бы сидел с ним рядом. Биолог не заскучал, не отвлекся и не задумался. Роберт Каннингем оцепенел.

Я встал и прошел по вертушке. Потолок переходил в стену, стена – в пол. Я встал настолько близко, что слышал нескончаемый бормочущий шепоток – единственный невнятный слог, повторявшийся снова и снова. Насколько близко, что мог разобрать, о чем же Роберт лепечет:

– ...чертчертчерт...

И он даже не дернулся, хотя я не пытался скрыть свое появление.

В конце концов, когда я заглянул ему через плечо, он замолк.

– Ты слепой, – изрек он, не оборачиваясь, – знаешь?

– Нет.

– Ты. Я. Все, – биолог сплел пальцы и стиснул их будто в молитве, так сильно, что костяшки побелели. Только теперь я заметил, что сигарета исчезла. – Конечно, зрение – по большей части, ложь, – продолжил биолог. – Мы на самом деле не видим ничего, кроме как щель шириной в пару градусов с максимальным разрешением. Все остальное – периферическое зрение, клякса, просто движение и свет. Движение фокусирует взгляд. Твои глазные яблоки постоянно подергиваются... ты знаешь, Китон? Саккады – так это называется. Они размывают картинку,

слишком быстро мечутся, мозг не успевает интегрировать данные, поэтому глаз просто выключается в паузах. Он улавливает лишь изолированные стоп-кадры, а мозг вырезает пропуски и заполняет их иллюзией связности.

Он повернулся ко мне.

– И знаешь, что самое потрясающее? Если что-то будет двигаться только в этих промежутках, то он станет невидимым, мозг его просто... проигнорирует.

Я заглянул в его рабочее пространство. По одну сторону, как обычно, мерцало спаренное окно – сигнал с камер в клетках шифровиков, но центр сцены занимала гистология – в десять тысяч раз крупнее, чем в жизни. В главном окне сияла парадоксальная нейронная сеть Растрепы и Колобка, отчищенная, размеченная, накрытая функциональными схемами в десять слоев. Плотная, откомментированная чаща чужепланетных деревьев и терний. Немного похожая на «Роршах».

Я ничего в ней не понимал.

– Ты меня слушаешь, Китон? Понимаешь, о чем я говорю?

– Ты разобрался, почему я не увидел... Хочешь сказать, эти существа могут каким-то образом определить, когда наши глаза не работают...

Я не закончил – это казалось невозможным.

Каннингом покачал головой. С губ его сорвалось нечто пугающе похожее на смешок.

– Я хочу сказать, эти твари с другого конца коридора видят, как функционируют твои нейроны, и разрабатывают на этой основе стратегию маскировки; посылают команды двигательной системе, действуя на ее основе, а затем другие команды, чтобы замереть, прежде чем твои глаза вновь сработают. И все это за время, которое уходит, пока нервный импульс пробежит половину пути между плечом и локтем. Эти твари быстрые, Китон. Они гораздо резвее, чем мы можем предположить, даже судя по их ускоренному шепоту, за которым мы тут наблюдали. Они, блин, сверхпроводники какие-то!

Я только сознательным усилием удержался от того, чтобы нахмуриться.

– Такое возможно?

– Каждый нервный импульс генерирует электромагнитное поле. Значит, его можно уловить.

– Но магнитное поле «Роршаха» настолько... Я хочу сказать, уловить сигнал единственного оптического нерва в этом шуме...

– Это не шум. Поля – часть их биологии, забыл? Должно быть, так они это и делают.

– Значит, тут у них этот номер не пройдет.

– Ты не слушаешь. В ловушку, которую вы поставили, никто попасться не мог, если только сам не хотел залезть в капкан. Мы не образцы притащили, а привели к себе лазутчиков.

В спаренном окне перед нами парили Растрепа и Колобок, извивчивыми хребтами колыхались щупальца. По шкурам обоих неторопливо ползли загадочные узоры.

– Предположим, это просто... инстинкт, – высказался я. – Камбала отлично сливается с фоном, но не размышляет над этим.

– Откуда у них взяться такому инстинкту, Китон? Как он мог развиваться? Саккады – случайный сбой в зрительной системе млекопитающих. Где шифровики могли с ними столкнуться? – Каннингем покачал головой. – Это существо – то, которое поджарил робот Аманды, – разработало способ маскировки самостоятельно, на месте. Оно импровизировало.

Слово «разумный» едва ли вмещало подобный уровень импровизации. Но на лице Каннингема под уже высказанными опасениями отражалось что-то еще – его очень сильно тревожила какая-то мысль.

– Что? – спросил я.

– Это было глупо, – признался он. – При таких способностях оно повело себя по-идиотски.

– В каком смысле?

– У него же не получилось, шифровик не смог поддерживать маскировку в присутствии нескольких человек.

«Потому что наши глаза саккадируют не синхронно, – сообразил я. – Лишние свидетели разоблачили нашего пришельца».

– Они могли бы многое сделать, – продолжил Каннингем. – Вызвать у нас синдром Бабинского или агнозию: мы бы тогда спотыкались о целое стадо шифровиков, а наше сознание его даже не заметило бы. Господи, да агнозии порой случайно возникают. Если твои чувства и рефлексy развиты настолько, что ты прячешься между чужими саккадами, зачем останавливаться? Почему не придумать трюк, который сработает при любых обстоятельствах?

– А ты как думаешь? – спросил я, рефлекторно избегая ответа.

– Думаю, что первый был... это ведь была молодая особь, так? Скорее всего, просто неопытная. Глупая, вот и ошиблась. Думаю, мы имеем дело с существами, настолько превзошедшими человека, что их малолетние дебилы способны на ходу перепаять нам мозги, и по-хорошему я даже передать не могу, насколько это должно нас всех пугать, блин!

Я видел страх в его графах, слышал в его голосе. Застывшее лицо оставалось мертвенно-спокойным.

– Надо бы прямо сейчас их грохнуть, – прошептал он.

– Если это шпионы, они не смогли узнать много. Постоянно находились в клетках, если не считать... взлета. И всю обратную дорогу были рядом с нами.

– Эти существа живут и дышат электромагнитным излучением. Даже увечные и изолированные. Кто знает, сколько они вывели о нашей технике, просто читая ее сквозь стены?

– Надо сказать Сарасте, – выпалил я.

– О, Сараста знает. Как думаешь, почему он отказался их отпускать?

– Он никогда не упоминал о...

– Надо быть сумасшедшим, чтобы ляпнуть такое. Ты забыл – он же отправляет вас туда раз за разом. Как можно рассказать вам все, что ему известно, а потом швырнуть в лабиринт с кучей минотавров-телепатом? Он знает и уже просчитал все до последнего волоска, – глаза Каннингема маниакально сияли на бесстрастной маске. Он поднял глаза к оси вертушки и не повысил голос ни на децибел: – Правда, Юкка?

Я проверил активные каналы через КонСенсус.

– Роберт, по-моему, он тебя не слышит.

Губы Каннингема растянулись в чем-то, что сошло бы за жалостную улыбку, если бы к ним присоединилось остальное лицо.

– Ему не надо слышать, Китон. И не надо за нами шпионить. Он просто знает.

Дыхание вентиляторов. Почти неслышный гул подшипников. Затем по вертушке разнесся бесплотный голос Сарасты:

– Всем в кают-компанию. Роберт хочет поделиться информацией.

* * *

Каннингем сидел по правую руку от меня. Его резиновую физиономию снизу подсвечивал стол. Биолог уперся взглядом в сияющую поверхность и слегка покачивался. Его губы шевелились, повторяя какое-то неслышное заклинание. Напротив нас уселась Банда. Слева Бейтс одним глазом следила за ходом совещания, другим – за разведанными с передовой.

Только Сараста присутствовал астрально: его кресло во главе стола пустовало.

– Рассказывайте, – потребовал он.

– Надо уносить но...

– Сначала!

Каннингем сглотнул и начал по новой:

– Эти их расползающиеся нейроны, которые я не мог раскусить, бессмысленные перекрестные синапсы – на самом деле логические вентили. Шифровики таймшерят. Их чувствительные и двигательные узлы во время простоев работают ассоциативными нейронами, поэтому любая часть системы может использоваться для мыслительных процессов, если не занята другим делом. На Земле не возникло ничего даже отдаленно похожего. Это значит, что даже как индивидуумы они располагают изрядными вычислительными мощностями без специализированной ассоциативной нервной ткани.

– Их периферические нервы мыслят? – Бейтс нахмурилась. – А помнить они могут?

– Безусловно. По крайней мере я не вижу причины, почему бы нет, – Каннингем вытащил сигарету из кармана.

– Так что, когда они растерзали того шифровика...

– Не мятеж, а передача данных. Скорее всего, о нас.

– Радикальный способ вести беседу, – заметила Бейтс.

– Для них это не оптимальный вариант. Думаю, каждый шифровик служит узлом распределенной сети, по крайней мере, когда они на «Роршахе». Но эти поля должны стыковаться до ангстрема, и когда мы спускаемся туда со своими машинами и экранами, то пробиваем дыры в проводниках – обрушиваем им сеть, забиваем сигналы. Поэтому они прибегли к разведке.

Сигарету биолог так и не зажег, катал фильтр в пальцах. Его язык шевелился между губами точно червь за маской.

Инициативу перехватил скрывавшийся в своей палатке Сарасты:

– Кроме того, шифровики используют ЭМ-поле «Роршаха» для метаболизма. Некоторые биохимические пути достигают протонного переноса через туннелирование тяжелых атомов. Возможно, радиационный фон является катализатором.

– Туннелирование? – переспросила Сьюзен. – В смысле квантовое?

Каннингем кивнул.

– Что заодно объясняет проблемы с экранированием. По крайней мере частично.

– А такое вообще возможно? Я хочу сказать, квантовые эффекты наблюдаются только при низких те...

– Забудь, – отрезал Каннингем. – О биохимии можем потом поспорить,

если выживем.

– А о чем нам спорить, Роберт? – вкрадчиво поинтересовался Сараста.

– Для начала, самая тупая из этих тварей способна заглянуть человеку под череп и увидеть, какие участки его зрительной коры работают в данный момент. Если есть разница между этой способностью и телепатией, она не очень велика.

– Пока мы не на «Роршахе»...

– Птичка улетела. Вы там уже бывали, и не раз. Кто знает, что вы там внизу творили по указке «Роршаха»?

– погоди минутку! – возмутилась Бейтс. – Никто из нас не превращался в марионетку. Мы видели галлюцинации, слепли и... с ума сходили, но в одержимых не превращались.

Каннингем покосился на нее и фыркнул.

– А ты думаешь, что смогла бы разглядеть ниточки и почувствовала бы их? Да я прямо сейчас могу приложить тебе к затылку транскраниальный магнит, и ты покажешь средний палец, или пошевелишь пальцами ног, или пнешь Сири в пах и будешь клясться могилой матушки, что сделала это исключительно по собственному желанию. Ты будешь плясать марионеткой и божиться, что действуешь по своей воле, а ведь это лишь я, пограничный ананкаст с парой магнитов и шлемом для МРТ^[71]. – Он махнул рукой, обведя неведомую бездну за переборкой. За его пальцами поплыл след из табачных крошек. – Хочешь погадать, на что способны они? Откуда нам знать, что мы не передали им технические спецификации «Тезея», не предупредили их об «Икаре» и не решили по собственной доброй воле вычеркнуть все это из памяти?

– Мы можем вызывать такие же эффекты, – спокойно возразил Сараста. – Как вы и говорите. Такие эффекты появляются из-за опухолей. Инсультов. Несчастных случаев.

– Несчастных случаев? Это были опыты! Вивисекция! Они впустили вас, чтобы разобрать на части и поглядеть, как у людей внутри все тикает, а вы этого даже не заметили.

– И что с того? – рявкнул невидимый вампир.

В его голосе слышалось что-то голодное и недоброе. Вокруг стола затрепетали пугливые людские графы.

– В центре вашего поля зрения находится слепое пятно, – напомнил Сараста. – Вы его не замечаете, как не замечаете саккады в потоке зрительной информации. Только две уловки мозга, о которых вам известно. Но их множество.

Каннингем закивал:

– Вот об этом я и говорю. «Роршах» может...

– Не о конкретном примере говорю. Мозг – инструмент выживания, а не детектор лжи. Там, где самообман способствует приспособлению, мозг лжет. Перестает замечать... неважные вещи. Истина не имеет значения – только приспособленность. Прямо сейчас вы не воспринимаете мир таким, какой он есть, – лишь модель, построенную на догадках. Реконструкции и ложь, весь вид по определению поражен агнозией. «Роршах» не делает с вами ничего такого, чего бы вы не делали сами.

Никто не произнес ни слова. В молчании прошло несколько секунд, прежде чем я осознал, что случилось: Юкка Сараста только что попытался нас мотивировать.

Он мог пресечь тираду Каннингема – наверное, мог пресечь и полномасштабный мятеж, – просто wpływ в кают-компанию и оскалившись. Одним взглядом! Но он не пытался запугать нас до покорности, мы и так достаточно нервничали. Не пытался нас просветить и бороться со страхом знаниями. Чем больше информации о «Роршахе» получал здравомыслящий человек, тем страшнее ему делалось. Но Сараста пытался удержать экипаж в рабочем состоянии – нас, затерявшихся в пространстве на краю бытия, перед лицом чудовищной загадки, способной уничтожить человека в любой момент и по любому поводу. Он пытался успокоить команду: хорошее мясо, славное мясо... Удержать от истерики: тихо, тихо...

Вампир занялся прикладной психологией.

Я обвел взглядом стол. Бейтс, Каннингем и Банда сидели бледные и неподвижные.

Получалось у вампира хреново.

– Надо удирать, – заявил Каннингем. – Эти твари нам не по зубам.

– Мы проявили больше агрессии, чем они, – заметила Джеймс, но уверенности в ее голосе не было.

– «Роршах» играет метеоритами в бильярд. Мы тут как мишень в тире. Если ему заблагорассудится...

– Он все еще растет. Не созрел.

– Это должно меня успокоить?

– Я только хочу сказать, что мы не знаем, – проговорила Джеймс. – У нас могут быть в запасе годы. Столетия.

– У нас пятнадцать дней, – объявил Сараста.

– О, черт, – вырвалось у кого-то. Наверное, у Каннингема. А может, у Саши.

Все отчего-то посмотрели на меня.

Пятнадцать дней. Кто мог сказать, откуда всплыло это число? Никто из нас не спрашивал. Быть может, Сарастии в очередном припадке неумелого психоанализа выдумал его на ходу. А может, рассчитал еще до того, как мы вышли на орбиту, и держал в себе на случай – ныне уже невозможный – если придется снова отправить нас в лабиринт. На протяжении половины полета я был полуслеп, ничего не знал и не понял.

Но так или иначе нас ждал выпускной бал.

* * *

Гробы стояли у кормовой переборки склепа – на том, что бывало полом в те минуты, когда «верх» и «низ» приобретали значения. На пути сюда мы спали в них годами, не осознавая течение времени – метаболизм носферату слишком неспешен даже для сновидений. Однако тело требовало перемен. Со дня прибытия никто из нас не приходил сюда вздремнуть: мы опускались в гробы, только чтобы избежать смерти.

Но после гибели Шпинделя Банда взяла привычку навещать сюда. Его тело покоилось в саркофаге, соседствовавшем с моим. Я вплыл в помещение и, не раздумывая, повернулся налево. Пять гробов: четыре открытых и пустых, один запечатан. Зеркальная переборка напротив удваивала их число и глубину могильника. Лингвиста там не оказалось. Я взглянул направо. Тело Сьюзен Джеймс парило спиной к спине собственного отражения, глядя на картину-перевертыш с другой стороны склепа: три запечатанных саркофага, один открытый.

Агатовая пластина, врезанная в отодвинутую крышку, была темна; другие светились одинаковыми и редкими узорами сине-зеленых огоньков. Никаких перемен. Ни ползущих кардиограмм, ни сияющих пиков и впадин под метками «ЭЭГ» или «ЭКГ». Тут можно было сидеть часами, днями, и ни один диод не подмигнул бы. Когда разговор заходит о живых трупах, акцент лучше делать на второе слово.

Топология Банды подсказывала, что при моем появлении у руля стояла Мишель, но заговорила, не оборачиваясь, Сьюзен:

– Никогда с ней не встречалась.

Я проследил за ее взглядом. Она неотрывно смотрела на табличку с надписью: «Такамацу», висящую на закрытом саркофаге. Второй лингвист и многоядерник.

– Всех остальных я видела, – продолжила Сьюзен. – На тренировках. Но никогда не встречала собственного дублера.

Такое поведение наверху не одобряли. Да и зачем?

– Если хочешь... – начал я.

Она покачала головой.

– Но все равно спасибо.

– Или кто-то из твоих... могу только представить, что Мишель... Сьюзен улыбнулась, но холодно:

– Сири, Мишель сейчас не в настроении с тобой разговаривать.

– А... – Я промолчал, давая остальным возможность высказаться.

Поскольку никто не заговорил, я развернулся назад, к люку.

– Ну, если кто-то из вас передума...

– Нет. Никто из нас. Никогда, – произнес уже Головолом. – Ты лжешь, – продолжил он. – Я вижу. Мы все видим.

Я моргнул:

– Лгу? Нет, я...

– Ты не говоришь, а слушаешь. Тебе плевать на Мишель и на всех нас. Тебе нужны наши знания. Для отчета.

– Это не совсем правда, Головолом. Мне не все равно. Я знаю, как переживает Ми...

– Ты ни хрена не знаешь. Пошел вон!

– Извини, что расстроил, – я перекатился вдоль продольной оси и уперся ногами в зеркало.

– Ты не можешь знать Мишель, – прорычал он, когда я оттолкнулся. – Ты никого не терял, у тебя никого не было. Оставь ее в покое.

* * *

Головолом ошибся по всем пунктам. Шпиндель, по крайней мере, умер, зная, что Мишель его любит.

Челси умерла, полагая, что мне наплевать. Прошло два года, если не больше, и хотя время от времени мы созванивались и переписывались, но во плоти ни разу не встретились – с того дня, как она ушла. А потом Челси воззвала ко мне из оортовых глубин, сбросила в накладки срочное голосовое письмо: «Лебедь. Позвони, пожалуйста, СЕЙЧАС ЖЕ. Это важно».

Впервые, сколько я ее знал, она отключила видеосигнал.

Я понимал, что это важно. Даже без картинки и из-за ее отсутствия догадывался – дело скверно; понимал, что все еще хуже, по обертонам голоса. Предугадывал летальный исход. Позднее я выяснил, что она попала

под перекрестный огонь: реалисты засеяли бостонские катакомбы штаммом фибродисплазии – легкая корректировка, точечный ретровирус – одновременно террористический акт и иронический комментарий по поводу стылого паралича, в котором пребывали обитатели Небес. Вирус в четвертой хромосоме переписывал регуляторный ген, управляющий окостенением, и сооружал метаболический обход из трех локусов семнадцатой.

Челси начала отращивать себе новый скелет. Суставы окаменели на пятнадцатом часу после заражения, связки и сухожилия – на двадцатом. К этому моменту врачи перешли к клеточному голоданию, пытаясь замедлить развитие вируса, лишив его метаболитов, но они лишь оттягивали неизбежное, притом ненадолго. На двадцать третьем часу в кость превращалась поперечно-полосатая мускулатура.

Это я выяснил не сразу, так как не перезвонил. Мне подробности не требовались: я по голосу понял, что Челси умирает. Очевидно, она хотела попрощаться. А я не мог заговорить с ней: сначала хотел узнать, как это правильно делается. Несколько часов прочесывал ноосферу в поисках прецедентов. Способов умирать в избытке; я нашел миллионы описаний, касающихся этикета: последние слова, обеты и подробные инструкции для расстающихся навеки. Паллиативная нейрофармакология. Еще растянутые сцены смерти в популярной литературе. Я просеял все и выставил дюжину передовых фильтров, отделяющих зерна от плевел.

Когда она позвонила снова, новость уже распространилась: вспышка голем-вируса раскаленной иглой пронзила сердце Бостона. Против эпидемии приняты эффективные меры. Небеса в безопасности. Ожидаются незначительные жертвы. Имена пострадавших не разглашаются до того, как будут извещены родственники.

А я так и не нашел принципов, закономерностей; у меня на руках были только отдельные случаи. Завещания и заветы; беседы самоубийц со своими спасателями; дневники, извлеченные с треснувших подводных лодок и мест лунных аварий; мемуары; исповеди на смертном одре, нисходящие к прямой линии ЭКГ. И расшифровки записей «черных ящиков» с обреченных звездолетов и падающих космических лифтов, завершавшиеся огнем и радиошумом. Все уместно и бесполезно. Ничего о ней.

Она позвонила опять, и снова экран был пуст, а я все не отвечал...

На последнем звонке она не стала меня щадить. Ее устроили как можно удобнее: гелевый матрац прогибался под каждый выверт сустава и каждую прорастающую шпору, ее не оставили страдать. Шея выгнулась

вниз и вбок, заставляя бесконечно смотреть на скрюченную лапу, когда-то служившую Челси правой рукой. Костяшки распухли до размеров грецкого ореха. Кожу на плечах и предплечьях растягивали пластины и усы эктопической костной ткани, ребра тонули в загипсованной плоти.

Движение становилось собственным худшим врагом. «Голем» карал малейшие спазмы, провоцируя рост костной ткани на всех сочленениях и поверхностях, решившихся шевельнуться. У каждого шарнира и муфты появился невозобновимый запас гибкости, высеченный в камне; и каждое движение истощало счет. Тело понемногу костенело. К тому моменту, когда Челси позволила мне взглянуть на нее, степени ее свободы почти исчерпались.

– Л’бедь, – пробормотала она. – Знаю, ты там.

Ее челюсти застыли полуоткрытыми; язык, похоже, отнимался с каждым словом. В камеру она не смотрела. Не могла.

– Я, ктсЯ, знаю, почему ты не отв’тил. Ппробью н... н’принимать к сердцу.

Передо мной выстроились десять тысяч последних прощаний, еще миллион толпились позади. И что мне было делать – выбрать одно наугад? Сшить из них лоскутный саван? Все эти слова предназначались другим людям. Подсунуть их Челси – значило свести все к штампам, затертым банальностям и оскорблениям.

– Х’чу сказать – не огорчайся. Я знаю, ты... не в’новат. Ты б ‘тветил, если мог.

И сказал бы... что? Что сказать женщине, умирающей у тебя на глазах в ускоренном режиме?

– Просто пытаюсь д’стучьсь, п’нимаешь?.. Н’чего не м’гу п’делать...

«Хотя описанные события в целом точны, подробности нескольких смертей были объединены в драматических целях».

– П’жлста? Токо... поговори со мной, Лебя...

Я мечтал об этом больше всего на свете.

– Сири, я... просто...

Я столько времени потратил на то, чтобы понять – как.

– Забудь, – просипела она и отключилась.

Я прошептал что-то в мертвый воздух. Даже не помню, что.

Я очень хотел с ней поговорить, но не нашел подходящего алгоритма.

Вы познаёте истину, и истина отнимет у вас разум.

Олдос Хаксли [\[72\]](#)

К нынешнему времени люди надеялись навеки избавиться ото сна. Это совершенно непотребное расточительство: треть жизни человек проводит с обрезанными ниточками, в бесчувствии, сжигая топливо и не совершая никакой работы. Подумайте, чего бы мы могли достичь, если б не были вынуждены каждые пятнадцать часов терять сознание, если бы наш разум оставался ясен и деятелен от рождения до последнего поклона сто двадцать лет спустя? Представьте себе восемь миллиардов душ без выключателя и холостого хода, и так, пока двигатель не сносится.

Мы могли бы достичь звезд! Но не получилось. Хотя потребность прятаться и тихариться в темные часы человечество преодолело – единственных выживших хищников мы воскресили сами, – мозгу все же требовался отдых от внешнего мира. Впечатления приходится записывать и вносить в каталог, краткосрочные воспоминания сдавать в архив, свободные радикалы вымывать из укрытий среди дендритов. Мы уменьшили потребность в сне, но не устранили ее – и нерастворимый осадок простоя едва вмещал оставшиеся нам грезы и кошмары. Они копошились в моем мозгу, как оставленные приливом морские твари.

Я проснулся.

В одиночестве, невесомости и в своей палатке. Я готов был поклясться, что меня кто-то похлопал по спине. «Недосмотренные галлюцинации, – решил я, – остаточное воздействие дома с привидениями, последняя порция мурашек перед просветлением». Но все повторилось: я стукнулся о кормовой выступ пузыря и ударился снова, прижимаясь к материалу теменем и лопатками; за ними последовало все тело, плавно, но неудержимо сползая вниз.

«Тезей» разгонялся? Нет, направление не то. «Тезей» перекачивался, словно загарпуненный кит на волнах – подставлял звездам брюхо.

Я вызвал КонСенсус, распластал по стене навигационно-тактический обзор. От силуэта корабля отделилась сверкающая точка и поползла прочь от Большого Бена, оставляя за собой протянутой светлую нить. Я пялился на нее, пока индикатор не показал 15 g.

– Сири. Ко мне в каюту. Пожалуйста.

Я подскочил. Прозвучало так, словно вампир стоял у меня за спиной.

– Иду.

Удаленная станция ретрансляции карабкалась из гравитационного

колодца, выходя наперерез потоку антиматерии с «Икара». Чувство долга не смогло пересилить страх: сердце ушло в пятки.

Невзирая на тщетные надежды Роберта Каннингема, мы не стали драпать: «Тезей» накапливал боеприпасы.

* * *

Распахнутый люк зиял пещерой в скалах. Слабое голубое свечение из хребта не проникало внутрь. Сараста походил на силуэт, черный на сером; только рубиновые зрачки по-кошачьи ярко сияли в окружающих сумерках.

– Заходи.

Из почтения к человеческой слепоте он прибавил коротких волн. В пузыре прояснилось, хотя свет сохранял некоторое красное смещение. Как на «Роршахе» с высоким потолком.

Я вплыл в логово вампира. Лицо Сараста, обычно бумажно-белое, разругалось до такой степени, что казалось обожженным. Мне пришло в голову, что он обожрался, нахлебался крови. Но то была его собственная кровь. Как правило, вампир сохраняет ее в глубине тела, депонирует в жизненно важных органах. У них с этим эффективно. Периферические ткани омываются непостоянно – только когда уровень лактата зашкаливает.

Или во время охоты.

Сараста приставил иглу к глотке и у меня на глазах вколол себе три куба прозрачной жидкости (антиевклидики). Мне стало интересно, часто ли ему приходится повторять процедуру теперь, когда он лишился веры в имплантаты. Вампир вытащил шприц и убрал его в футляр, гекконом распластавшийся под рукой на распорке. Румянец пропадал на глазах, уходя в глубину и оставляя после себя восковую трупную кожу.

– Вы здесь как официальный наблюдатель, – начал разговор Сараста.

Я наблюдал. Его каюта была обставлена по-спартански, еще проще, чем моя. Никаких личных вещей – даже гроба, выложенного завернутым в целлофан дерном. Только два комбинезона, мешок для гигиенических принадлежностей и отсоединенная оптоволоконная пуповина в полтора моих мизинца толщиной, парившая в воздухе, как глист в формалине. Это связь с Капитаном. «Даже не кортикальный разъем», – вспомнил я. Кабель подключался к продолговатому мозгу, в самый ствол. Логично на свой лад, ведь в этом месте сходятся все нервные пути, полоса пропускания максимальна. И все же эта мысль тревожила – Сараста связывался с кораблем через рептильный мозг.

На стене загорелся дисплей, чуть искаженный на вогнутой поверхности: в спаренных окнах – Растрепя и Колобок, сидящие в соседних клетках. Под каждой картинкой тонкую сетку испещряли загадочные индикаторы.

Искажение меня отвлекало. Я искал в КонСенсусе скорректированное изображение, но не нашел. Сараста прочел это на моем лице.

– Закрытый канал.

К этому времени шифровики даже непривычному зрителю показались бы больными и дохлыми. Они парили посреди вольеров, бесцельно шевеля членистыми щупальцами. От их шкур отслаивались полупрозрачные клочки... кутикулы, наверное, придавая им вид разлагающихся трупов.

– Конечности движутся постоянно, – заметил Сараста. – Роберт говорит, это способствует циркуляции.

Я кивнул, глядя на экран.

– Существа, путешествующие между звездами, не могут выполнять даже базовые метаболические функции, не дергаясь, – он покачал головой. – Неэффективно. Примитивно.

Я взглянул на вампира: тот не сводил глаз с пленников.

– Непристойно, – изрек он и шевельнул пальцами. На стене открылось новое окно: запущен протокол «Розетта». В нескольких километрах от нас вольеры захлестнуло микроволновое излучение.

«Не вмешиваться, – напомнил я себе. – Только наблюдать».

Как ни ослабели шифровики, чувствительность к боли они не потеряли и правила игры знали. Оба поплелись к сенсорным панелям и попросили пощады. Сараста вызвал пошаговый повтор одной из предыдущих последовательностей. Пришельцы проходили ее снова, уже привычными доказательствами и теоремами выкупая для себя несколько мгновений мимолетного покоя.

Сараста пощелкал языком, потом заговорил:

– Сейчас они генерируют решения быстрее, чем прежде. Как думаете, привыкли к облучению?

На дисплее показался еще один индикатор: где-то поблизости зачирикал сигнал тревоги. Я взглянул на Сараста, потом снова посмотрел на датчик: залитый бирюзой кружок, подсвеченный изнутри пульсирующим алым нимбом. Форма означала нарушение состава газовой смеси, а цвет говорил о кислороде.

Я на миг смутился: почему из-за кислорода включился сигнал тревоги? Пока не вспомнил, что шифровики – анаэробы.

Сараста взмахом руки заглушил зуммер.

Я прокашлялся:

– Вы травите...

– Смотрите. Скорость их действий постоянная, не меняется.

Я сглотнул. Только наблюдать!

– Это казнь? – спросил я. – Э... эвтаназия?

Сараста посмотрел мимо меня и улыбнулся.

– Нет.

Я опустил глаза:

– Что тогда?

Он указал на экран. Я, рефлекторно подчинившись, обернулся.

Что-то вонзилось мне в ладонь, как гвоздь при распятии, и я закричал. Разряды боли отдавали в плечо. Я, не раздумывая, дернул рукой, и вонзившийся нож рассек мясо будто акулий плавник воду. Кровь брызнула и повисла в воздухе, кометным хвостом брызг отчерчивая резкий взмах моей конечности. Внезапная жгучая боль в спине и запах горящей плоти... Я снова взвизгнул, отбиваясь, и в воздухе закрутилась вуаль из алых капель.

Каким-то образом я очутился в коридоре, тупо глядя на свою правую руку. Ладонь была распорота на две части, болталась на запястье обогранными двупальными кусками. Кровь набухла на рваных краях, но не стекала. Сквозь туман шока и смятения на меня надвигался Сараста. Его лицо то расплывалось, то обретало четкость, налитое не то моей, не то собственной кровью. Глаза вампира казались сверкающими алыми зеркалами, машинами времени. Вокруг них клубилась тьма: я перенесся на полмиллиона лет назад и превратился в очередной кусок мяса посреди африканской саванны; через долю секунды мне вырвут глотку.

– Ты осознаешь проблему? – спросил Юкка, надвигаясь.

За его плечом парил чудовищный ракопук. Я вгляделся, преодолевая боль: один из пехотинцев Бейтс целился в меня. Я вслепую оттолкнулся, случайно попал пятками по ступеньке и кувырком обрушился вниз, в тоннель.

Сараста следовал за мной. Его лицо исказило нечто, у людей обычно называющееся улыбкой.

– Осознавая боль, ты отвлекаешься на нее и фиксируешься на ней. Одержимый одной угрозой, забываешь об остальных.

Я отбивался, алый туман жег глаза.

– Так много сознавать и так мало воспринимать. Автомат справился бы лучше.

«Он тронулся, – мелькнуло у меня в голове. – Он безумен!» А потом: «Нет, он мигрант и всегда им был...»

– Они справляются лучше, – прошептал вампир.

«...И прятался от добычи несколько дней в глубине.

На что он еще способен?»

Сарастии воздел руки, его силуэт то расплывался в глазах, то вновь становился четким. Я на что-то налетел, пнул на ощупь и отлетел прочь, сквозь клубящуюся мглу и тревожные вскрики. Ударился темечком о какой-то металлический предмет, закрутился.

Вот оно, дыра, логово. Укрытие! Я нырнул вниз, разорванная кисть мертвой рыбой шлепнула о край люка. Я вскрикнул и вывалился в барабан. За мной по пятам шло чудовище.

Испуганные крики, совсем рядом:

– Этого не было в плане, Юкка! Ты совсем сдурел, тварь!

В гнев орала Сьюзен Джеймс, а майор Аманда Бейтс рывкнула: «Замри, твою мать!» – и кинулась в драку. Она налетела на нас – сплошные разогнанные рефлексy и карбоплатиновые протезы, но Сарастии отмахнулся от нее и продолжал надвигаться. Его рука метнулась жалящей змеей, пальцы сомкнулись на моем горле.

– Ты это имел в виду? – кричала Джеймс из какого-то темного и такого далекого убежища. – Это твоя «предварительная обработка»?

Сарастии встряхнул меня:

– Ты еще здесь, Китон?

Моя кровь дождем забрызгала его лицо. Я лепетал и плакал.

– Ты слушаешь? Ты видишь?

И внезапно я увидел – все разом обрело четкость. Сарастии ничего не говорил и вообще больше не существовал. Никого не существовало. Я стоял один в огромном чертовом колесе, меня окружали какие-то штуки, сделанные из мяса, и они шевелились сами по себе; некоторые были завернуты в куски ткани. Из дыр в верхней части объектов раздавались странные, бессмысленные звуки, и там же торчали непонятные бугры, выступы и что-то вроде блестящих шариков или черных кнопок, мокрых, блестящих, вмурованных в ломти плоти. Они сверкали, дрожали и шевелились, словно пытались сбежать.

Я не понимал звуков, которые издавало мясо, но слышал голос ниоткуда, словно глас Божий, и его не понять не мог.

– Вылезай из своей комнаты, Китон, – шипел он. – Кончай транспонировать, интерполировать, ротировать или что ты там еще делаешь. Просто слушай. Хотя раз в своей убогой жизни пойми что-нибудь!

От этого зависит твоя жизнь. Ты слышишь, Китон?

Я не могу поведать вам, что сказал голос. Знаю только, что я услышал.

* * *

Ты столько сил вкладываешь в него, правда? Он возвышает тебя над животными, делает особенным. Ты зовешь себя *Homo sapiens* – человек разумный, – но имеешь ли хотя бы представление о том, что такое разум, который ты поминаешь с таким восторгом? Знаешь, на что он годится?

Может, ты думаешь, что разум дает тебе свободу воли? Или забыл, что безумцы разговаривают, водят машины, совершают преступления и избавляются от улик – и все это время не приходя в сознание? Никто не сказал тебе, что даже те, кто бодрствует, – лишь рабы, отрицающие очевидность?

Сделай осознанный выбор, пошевели указательным пальцем. Поздно! Сигнал уже миновал локоть, и мышцы начали работать за добрых полсекунды до того, как твое сознание вознамерилось это сделать. Ведь оно ничего не решает, твоим телом распорядилось что-то иное, а гомункулу в черепушке лишь отправило пояснительную записку (если не забыло). Человечек в голове, самонадеянная подпрограмма, полагающая себя личностью, принимает взаимную связь за причинную. Он читает записку, видит, как шевелится палец, и считает, что второе вызвано первым. Но он ничем не управляет! Ты тоже. Если и существует в природе свободная воля, она не снисходит до таких, как ты.

Тогда как же проницательность, мудрость? Поиск истины, доказательства теорем, наука, технология и прочие исключительно человеческие занятия, которые не могут не покоиться на фундаменте разума? Может, он бы и для этого сгодился... если бы научные прозрения не возникали, вполне оформленные, из подсознания; не проявлялись в сновидениях или озарениях после крепкого сна. Первое правило зашедшего в тупик исследователя: остынь, займись другим. Решение придет, когда перестанешь искать его сознательно.

Каждый пианист знает, что лучший способ испортить выступление – следить за движениями пальцев. Каждый танцор и гимнаст понимает, что тело должно действовать само, без участия разума. Каждый водитель прибывает на место, не запоминая ни остановок, ни поворотов, ни дорог, которыми добирался. Все вы лунатики, когда взбираетесь на пики познания или в тысячный раз корпите над рутинным делом. Просто лунатики!

И не поминайте кривую обучения. Даже не пробуйте говорить о месяцах старательных тренировок, ведущих к вьевшемуся в плоть мастерству, или о годах кропотливых опытов, которые венчает перевязанная ленточкой эврика. Что с того, если уроки ты усваиваешь в сознании? Разве это доказывает, что нет иного пути? Эвристические программы на протяжении столетия обучаются только на основе опыта. Машины освоили шахматы, автомобили научились водить себя сами, статистические алгоритмы ставят проблемы и предлагают эксперименты для их разрешения. И вы по-прежнему считаете, что единственный путь к обучению лежит через разум? Да вы – кочевники каменного века, впроголодь живущие в саванне, отрицая даже возможность сельского хозяйства, потому что ваши предки довольствовались охотой и собирательством.

Хочешь знать, для чего нужно сознание и какую (единственную!) функцию оно реально выполняет? Оно – костыли для тех, кто учится ходить, маленькие колеса для детского велосипеда. Ты не в силах увидеть куб Неккера полностью, оба его аспекта одновременно, поэтому сознание позволяет тебе сфокусироваться на одном и отсесть другой. Дурацкий способ анализировать реальность... Всегда лучше видеть одновременно обе стороны. Ну попробуй! Расфокусируй взгляд. Логически – это следующий шаг.

Не получается? Что-то мешает. И оно сопротивляется.

* * *

Эволюция лишена предвидения. Свои цели вырабатывает только сложная система. Мозг лжет. Контуры обратной связи возникают для поддержания стабильности сердцебиения; потом мозг сталкивается с искушением ритма и музыки. Удовольствие, получаемое при виде фрактальных узоров, и алгоритмы, помогающие выбрать среду обитания, перерождаются в искусство. Радости, которые прежде приходилось зарабатывать шаг за шагом по эволюционной лестнице, теперь приносила бессмысленная рефлексия. Из триллиона дофаминовых рецепторов возникает эстетика, и система перестает просто моделировать организм – она начинает моделировать процесс моделирования, пожирает все больше вычислительных ресурсов, вязнет в болоте бесконечной рекурсии и неуместной симуляции. Как мусорная ДНК, что накапливается в геноме любой твари, система сохраняется, множится и ничего не производит,

кроме собственных копий. Надпроцессы расцветают как опухоли, пробуждаются и называют себя «я».

Постепенно система слабеет и замедляется. Теперь даже на восприятие уходит куча времени – на то, чтобы оценить сигнал, пережевать и принять решение на манер разумного существа. Но когда на твоём пути грохочет потоп, а из густой травы набрасывается лев, новомодное самосознание становится непозволительной роскошью. Ствол мозга работает в меру сил: видит угрозу, перехватывает управление и реагирует в сотню раз быстрее, чем жирный старикашка, восседающий в директорском кресле наверху. Но с каждым поколением становится все труднее обходить эту... скрипучую неврологическую бюрократию.

Самоодержимое на грани психоза «я» растрчивает энергию и вычислительные мощности. Шифровики в нем не нуждаются, они более экономны. С их примитивной биохимией и небольшим мозгом, лишённые инструментов, корабля и части собственного метаболизма, они все равно делают нас, как паралитиков. Прячут речь на видном месте, даже когда вы знаете, о чем они говорят. Используют против вас ваши же когнитивные процессы. Путешествуют между звездами. Вот на что способен интеллект, не обремененный разумом.

Потому что «я» – это не рабочий разум, понимаете? Для Аманды Бейтс сказать: «Я не существую», – бессмыслица. Но, когда то же самое повторяют процессы в глубине ее мозга, они лишь докладывают, что паразит сдох, сообщают о том, что свободны.

* * *

Если бы человеческий мозг был устроен настолько просто, что мы могли бы его понять, мы сами были бы устроены настолько просто, что не смогли бы понять ничего.

Эмерсон М. Пью^[73]

Сарасты, ты – кровосос!

Я упираюсь лбом в колени и цепляюсь за согнутые ноги, как за ветку, повисшую над бездной.

Ты – злобная скотина, мерзкая кровожадная тварь!

Мое дыхание гремело жестяным хрипом, почти заглушая рев крови в ушах.

Ты растерзал меня, заставил обмочиться и обоссаться, и я рыдал, как младенец! Ты раздел меня догола, вонючая тварь, сломал мои инструменты и отнял все, что позволяло мне хоть как-то понимать людей! Тебе вовсе не надо было этого делать, сука ты такая, но ты это знал, да? Просто хотел поиграть. Я видел твоё племя и прежде: кошки играют с мышами, поиграют и отпустят (глоток свободы!), а потом снова прыгнут и укусят, но не до смерти (пока нет!). Пусть жертва хромает – может, нога подвернута или брюхо вспорото, – но она ещё бьется, убегает или ползет, волочится изо всех сил, а ты набрасываешься снова и снова. Потому что это здорово, и тебе приятно, садистская ты мразь!

Ты отправлял нас в щупальца адской штуковины, и она тоже играла с нами. А может, вы работаете сообща? Ведь она отпустила меня, позволила удрать к тебе в лапы, а потом ты превратил меня в окровавленную, ошалелую, беззащитную зверушку. Я не могу ни анализировать, ни преобразовывать, даже говорить, а ты... Ты...

И тут даже не было ничего личного, да? Никакой ненависти, просто тебе надоело контролировать агрессию, стало тошно сдерживаться в окружении мяса, а большие некого оторвать от работы. В этом и есть мое задание, так? Не синтез, не переводчик, даже не пушечное мясо и не подсадная утка. Я столбик для точки когтей!

Как же больно... Даже дышать больно... И как одиноко...

Паутина перевязки толкала меня в спину и легонько толкала вперед, словно ветерок, затем ловила снова. Я был в своей палатке. Правая рука зудела: я попытался согнуть пальцы, но те застыли в янтаре. Потянулся левой и нащупал пластиковый панцирь, протянувшийся до самого плеча.

Я открыл глаза. Темнота. Бессмысленные цифры и красный светодиод мерцали где-то в районе моего запястья.

Не помню, как попал сюда и как меня чинили. Как ломали – помню. Я хотел умереть, свернуться комочком и сдохнуть.

Прошла целая вечность, прежде чем я заставил себя разогнуться. Распрямился, ничтожная инерция толкнула меня на тугой термопластик палатки. Дождлся, когда восстановится дыхание. На это, казалось, ушел не один час.

Я спроецировал на стену КонСенсус и вызвал сигнал из вертушки. Шепот и жгучий свет обжигал, выцарапывал глаза. Я убил видео и прислушался к голосам в темноте.

– ...фаза? – спросил кто-то.

Сьюзен Джеймс, восстановленная в правах личности. Я снова знал ее:

не мясную тушу, не предмет.

– Мы это уже обсуждали, – голос Каннингема.

Его я тоже знал. Как и всех. Что бы ни сотворил со мной Сараста, как бы далеко ни вырвал из моей «китайской комнаты», я каким-то образом провалился обратно, внутрь.

Странно, что мне это так безразлично.

– ...Потому что для начала, если бы он был настолько вреден, его бы выкосил естественный отбор, – сказала Джеймс.

– Вы наивно понимаете эволюционные процессы. Нет такого явления, как выживание сильнейших. Выживание наиболее адекватных – может быть. Не имеет значения, насколько оптимальным является решение. Важно, в какой мере оно превосходит альтернативы.

Этот голос я тоже узнал. То был голос демона.

– Ну мы-то превзошли все возможные альтернативы, – смутное эхо от многих голосов в голосе Джеймс рождало в голове образ хора: вся Банда возражала как один человек.

Не верилось: меня только что изувечили на глазах у всего экипажа, а они рассуждают о биологии? «Может, Сьюзен опасалась заговорить на другую тему, – подумал я. – Боялась оказаться следующей?»

Или ей было просто наплевать на то, что со мной случилось».

– Верно, – произнес Сараста, – ваш интеллект в некоторой степени компенсирует самосознание. Но вы как нелетающие птицы на далеком острове: не столько высокоразвиты, сколько лишены реальных конкурентов.

Никаких рубленых фраз, время рваной речи ушло. Мигрант поймал добычу и снял напряжение. Сейчас ему было наплевать на то, кто его заметит.

– Вы? – прошептала Мишель. – Не «мы»?

– Мы выбыли из гонки давным-давно, – ответил демон, помолчав. – Не наша вина, что вы на том не остановились.

– А, – снова Каннингем. – Добро пожаловать! Ты заглядывала к Ки...

– Нет, – отрубила Бейтс.

– Довольны? – спросил демон.

– Если вы имеете в виду пехоту, да, я довольна, что вы от нее отвязались, – отозвалась Бейтс. – Если вы о... это было совершенно лишнее, Юкка.

– Не лишнее.

– Вы напали на члена экипажа. Будь на борту гауптвахта, вы бы на ней сидели до конца полета.

– Это не военный корабль, майор. И вы – не командир.

Мне не требовалось видеть картинку, чтобы понять, какого мнения о случившемся Бейтс. Но в ее молчании таилось что-то еще, и именно оно заставило меня снова включить камеру. Я прищурился от едкого света и уменьшил яркость, пока от изображения не осталась еле видная пастельная тень.

Да, Бейтс. Она шагнула на палубу с лестницы.

– Присаживайся, – сказал ей со своего места Каннингем. – Видишь, слушаем тут старые, проверенные хиты.

Что-то в ней было такое...

– Мне они надоели, – проговорила Бейтс. – Мы их заиграли вусмерть.

Даже теперь, когда мне сломали и разбили все орудия, когда мое восприятие едва превосходило человеческое, я все равно уловил перемену. Попытки пленников, насилие над членом команды – в ее представлении Рубикон перейден. Остальные не заметили бы. Свои чувства Бейтс держала в кованой узде, но даже сквозь тусклые тени на моем экране ее топология полыхала неоновым огнем.

Майор уже не просто обдумывала мятеж – теперь перед ней стоял один вопрос: «Когда?»

* * *

Вселенная стала замкнутой и концентрической. Мое тесное убежище лежало в ее центре. За этой сферой находилась иная, где правило чудовище и ходили дозором его присные. За нею – еще одна, вмещающая нечто более жуткое и невнятное, готовое поглотить нас всех.

Больше ничего не осталось. Земля превратилась в смутную гипотезу, не имеющую отношения к этой карманной Вселенной. Мне было некуда ее приткнуть.

Я долго держался в центре мира: прятался, не включал свет, не ел и выползал из палатки, чтобы справить нужду в тесном гальюне внизу, у фаба. И только когда хребет корабля пустел. На обожженной спине плотно, как кукурузины в початке, высыпали болезненные волдыри, которые лопались от малейшего прикосновения.

Никто не стучался ко мне в двери, не окликал через КонСенсус. Да я бы и не ответил. Может, все это понимали. Или держались в стороне из уважения к моему уединению и сочувствия к позору. Хотя, вероятно, им было просто наплевать.

Временами я выглядывал наружу и посматривал на тактический дисплей. Видел, как «Сцилла» и «Харибда» карабкаются в аккреционный пояс и возвращаются, волоча в разбухшем мешке набранную реакционную массу. Я смотрел, как спутник ретрансляции достигает своей цели среди пустоты и квантовые синьки антивещества потоком сыплются в стеки «Тезея». Материя в фабриках сочеталась с квантовыми числами, пополняла наши резервы и ковала оружие, potřebное Юкке Сарастии для его генерального плана, что бы там вампир ни задумал.

Может, он проиграет. Может, «Роршах» убьет нас всех – но не раньше, чем позабавится с вампиром, как тот позабавился со мной. Было бы приятно на такое взглянуть. А может, вначале взбунтуется Бейтс и свергнет местное командование. Вдруг она поразит чудовище, завладеет кораблем и уведет всех в безопасное место? Но потом я вспоминал: Вселенная замкнута и так тесна, что бежать, в сущности, некуда.

Я прикладывал ухо к аудиопотокам, слышал рутинные распоряжения хищника и невнятные беседы добычи. Я принимал только звук – не изображение; видео плеснуло бы снегом в мой шатер, оставив меня нагим и беззащитным. Так что я слушал в темноте, как другие беседуют между собой. Случалось это нечасто. Возможно, слишком многое было сказано, и не осталось ничего, кроме обратного отсчета дней. Иногда в тишине, прерываемой лишь кашлем или хмыканьем, проходили часы.

Когда они разговаривали друг с другом, мое имя не упоминали. Лишь однажды я услышал, как один из них намекнул на мое существование: то был Каннингем, а беседа зашла о зомби. Я слышал, как они с Сашей вели на камбузе за завтраком необычно длинную дискуссию. До этого лингвист долго не выходила на люди и теперь возмещала себе потерянное время. Биолог по каким-то своим причинам ей позволил. Может, его страхи немного унялись? Может, Сарастия открыл ему свой генеральный план? Или Роберт просто хотел отвлечься от нависшей угрозы?

– Тебя это не тревожит? – интересовалась Саша. – Мысль, что твой разум, то, что делает тебя тобой, – всего лишь паразит?

– Забудь о разуме, – отозвался биолог. – Представь, что перед тобой устройство, созданное для слежки за... допустим, космическими лучами. Но что, если развернуть его датчики таким образом, чтобы они были нацелены не в небо, а в брюхо самого аппарата?

Он продолжил, не дожидаясь ответа:

– Оно станет делать свою работу и измерять космические лучи, хотя будет смотреть уже не в космос. Будет воспринимать собственные детали в терминах космического излучения, потому что они кажутся ему

подходящими и естественными. Воспринимать мир иначе оно не в силах. Но восприятие устройства, сам его язык неверны в принципе! И поэтому система видит себя совершенно неправильно. И, может, перед нами действительно не великий и славный эволюционный скачок, а просто конструкционный изъясн.

– Но ты же биолог и лучше любого должен знать, что Матушка права. Мозг жрет глюкозу тоннами. Все, что он делает, обходится организму дорого.

– Верно, – признал Каннингем.

– Значит, сознание должно на что-то годиться. Оно недешево, а если поглощает энергию и ничего не дает взамен, эволюция его изведет – моргнуть не успеешь.

– Может, она это и делает, – биолог помедлил: не то жевал, не то затягивался. – Шимпанзе умнее орангутанов, знаешь? Коэффициент энцефализации у них выше. Но они не всегда могут узнать себя в зеркале. А оранги – всегда.

– Что ты хочешь сказать? Чем умнее животное, тем меньше оно себя осознает? Шимпанзе становятся неразумными?

– Становились, прежде чем мы остановили часы.

– Тогда почему это не случилось с нами?

– С чего ты взяла, что не случилось?

Вопрос был настолько дурацкий, что у Саши не нашлось ответа. Я мог представить, как у нее отвалилась челюсть.

– Ты не все до конца обдумала, – продолжил Каннингем. – Мы сейчас говорим не о тупом зомби, который ковыляет вперед, вытянув руки, и сыплет теоремами. Интеллектуальный автомат сольется с фоном, будет наблюдать за окружающими, имитировать их поведение и вести себя как обыкновенный человек. И все это – не осознавая, что он делает, не осознавая даже собственного существования.

– Да зачем ему? С какой целью?

– Когда ты отдергиваешь руку от открытого огня, какая разница, поступаешь ты так от боли или потому, что этого требует алгоритм обратной связи, когда тепловой поток превышает критическое значение? Естественному отбору плевать на цели! Если мимикрия увеличивает выживаемость, отбор даст преимущество хорошим лицедеям перед неудачниками. Продолжай так достаточно долго, и никакое разумное существо не сумеет выделить зомби из толпы себе подобных. – Опять повисло молчание. Я прямо слышал, как он пережевывает мысль. – Зомби сможет даже участвовать в разговорах, вроде нашего, писать письма

родным, изображать реальные эмоции, ни в малейшей мере не воспринимая собственного существования.

– Не знаю, Роб. Это выглядит как-то...

– О, мимикрия может оказаться не идеальной. Зомби станет слишком говорливым или будет скатываться временами до многословных лекций. Но так поступают и настоящие люди, верно?

– И в конце концов настоящих людей не остается. Лишь роботы, которые делают вид, что им не все равно.

– Возможно. Помимо всего прочего, это зависит от популяционной динамики. Но, на мой взгляд, если автомат и лишен чего-то, так это эмпатии: если ты не чувствуешь ничего сам, то не можешь сочувствовать другому, даже если пытаешься что-то такое изобразить. И в связи с этой темой интересно отметить количество социопатов в высших эшелонах власти. Заметила, как превозносятся безжалостность и предельный эгоизм в стратосфере, но на уровне земли всякого, кто проявит те же черты, закатывают в тюрьму к реалистам? Слово само общество видоизменяют изнутри.

– Да ну тебя! Общество всегда было изрядно... погоди, ты хочешь сказать, что корпоративная элита лишена разума?

– Господи, нет! Далеко не лишена. Вероятно, они только ступили на эту дорогу. Как шимпанзе.

– Да, но социопаты плохо вписываются в общество.

– Те, кого распознают, не вписываются, но они по определению – третий сорт. Остальные слишком умны, чтобы попасться, а настоящий автомат справился бы еще лучше. Кроме того, когда у тебя достаточно власти, необязательно вести себя как все: все начинают вести себя как ты.

Саша присвистнула:

– Ого! Идеальный лицедей.

– Или не вполне идеальный. Тебе такой портрет никого знакомого не напоминает?

Полагаю, они могли говорить о ком-то совершенно постороннем. Но ничего ближе к прямому упоминанию Сири Китона я не услышал за все те часы, что провел на проводе. Никто больше не говорил обо мне, даже вскользь. Статистически это было маловероятно, учитывая, что я недавно претерпел на глазах у всех. Возможно, Сараста распорядился не обсуждать случившееся. Не знаю, почему... Он явно контролировал общение экипажа со мной. Пусть я забился в щель, но вампир знал, что в какой-то момент я начну подслушивать, и, похоже, по какой-то причине не хотел, чтобы мои наблюдения оказались... загрязнены. Он мог просто отключить меня от

КонСенсуса, но не стал этого делать. Значит, по-прежнему хотел, чтобы я был в курсе дела.

Зомби. Автоматы. Проклятый разум.

«Хоть раз в своей убогой жизни пойми что-нибудь!»

Это он мне сказал. Или не он? Когда напал...

«Пойми, от этого зависит твоя жизнь!»

Словно оказывал мне услугу... А потом оставил в одиночестве. И остальным, очевидно, наказал то же.

«Ты слышишь, Китон?»

И не отключил меня от КонСенсуса.

* * *

Века медитации на пупок. Тысячелетия онанизма. От Платона к Декарту. К Докинзу и Ранде. Души, агенты-зомби, квалиа^[74]. Колмогоровская сложность^[75]. Сознание как божественная искра, электромагнитное поле и функциональный кластер.

Я исследовал все.

Вегнер считал сознание пояснительной запиской для мозга. Пенроуз слышал его в щебете ручных электронов. Норретрандерс утверждал, что сознание – иллюзия, а Кязым считал протечкой из параллельного мира. Метцингер вообще отрицал его существование. ИскИны заявили, что раскрыли его тайну, а потом добавили, что не могут нам ее объяснить. Гёдель^[76] был в конечном итоге прав: система не может до конца познать саму себя. Даже синтезы не смогли ее упростить – несущие балки просто не выдерживали нагрузки.

И все они, как я начинал понимать, упустили главное. Теории и бредни, опыты и модели пытались показать, что есть сознание, но никто не объяснял, зачем оно нужно. С чего бы? Очевидно, сознание делает нас теми, кто мы есть; позволяет видеть красоту и уродство; возносит к царственным высотам духа. О, иные дилетанты – Докинз, Кио и редкие фантасты-халтурщики, достойные лишь забвения, – временами интересовались, почему не биологический компьютер и не более того? Почему неразумные системы по определению неполноценны? Но их голоса терялись в толпе. Ценности нашей личности были слишком самоочевидны, чтобы всерьез подвергать их сомнениям.

Правда, те оставались – в мозгах лауреатов и смятении каждого

озабоченного юнца на планете. Я – химия дрожащая или магнит эфирный? Я – больше, чем мои глаза, уши, язык? Я – маленький человечек за ними, то, что выглядывает изнутри? Но кто, в свою очередь, смотрит глазами этого человечка? К чему сводится система? Кто я???

Что за дебильный вопрос... Я мог бы ответить на него за одну секунду, если бы Сараста не заставил меня его вначале понять.

* * *

Пока мы не потеряемся, мы не находим себя.

Генри Дэвид Торо^[77]

Позор выпотрошил меня. Мне было все равно, смотрит ли кто-то, и наплевать, в каком я состоянии. Я сутки напролет парил в своей палатке, свернувшись клубком и дыша собственной вонью, покуда остальные корпели над заданиями, которые им доверил мой мучитель. Только Аманда Бейтс хотя бы символически протестовала против того, что со мной сделал Сараста. Остальные опустили глаза, прикусили языки и подчинились приказу. Из страха или от равнодушия, не могу сказать. Мне это тоже стало безразлично.

В какой-то момент шина на предплечье разошлась, как вскрытая устрица. Я подкрутил люмины ровно настолько, чтобы оценить работу; заштопанная ладонь зудела и лоснилась в сумерках. От запястья наружу пролегла слишком длинная и глубокая линия судьбы. Потом я опять нырнул в темноту и неубедительную, мрачную иллюзию безопасности.

Сараста хотел, чтобы я поверил. Ему казалось, что унижение и муки достигнут этой цели; что, сломленный и опустошенный, я превращусь в пустой сосуд, который можно будет наполнить тем, чем надо. Разве не таков классический способ промывания мозгов – сокрушить жертву, а потом склеить осколки по выбранному тобой чертежу? Может, он ждал, что меня охватит стокгольмский синдром?^[78] Или его действия подчинялись плану, непостижимому для простого мяса?

Либо он просто спятил.

Упырь сломил меня и представил свои аргументы. Я прошел по его следу из хлебных крошек через КонСенсус и «Тезей». Теперь, за девять дней до Выпускного, я был твердо уверен в одном: Сараста ошибся – он не мог не ошибиться. Я не знал, в чем, но знал это твердо. Звучит нелепо, но

ничто, кроме этой уверенности, меня больше не волновало.

* * *

В хребте – никого. Только Каннингем маячил в мед отсеке, согнувшись над оцифрованными срезами, и делал вид, что убивает время. Я парил над ним, цепляясь отремонтированной рукой за верхнюю ступень ближайшей лестницы; вертушка крутилась, и я вместе с ней описывал неторопливые тугие круги. Даже с высоты в осанке биолога было видно напряжение: система, застрявшая в режиме ожидания и гниющая изнутри на протяжении долгих часов – по мере того, как со всем временем мира в руках к ней приближается судьба.

Он поднял голову:

– А, живое.

Я подавил желание отступить. Господи, это просто беседа – два человека разговаривают. Люди постоянно этим занимаются без всяких инструментов. Ты справишься! Главное – попробуй.

Я заставил себя шаг за шагом спуститься по лестнице, чувствуя, как постепенно нарастают вес и тревога. Сквозь туман в глазах попытался прочесть графы Каннингема. Наверное, я видел лишь микронной толщины фасад. А может, Роберт сейчас был рад любому, кто мог бы его отвлечь, пусть сам он в этом не хотел признаваться даже себе.

А может, мне просто все померещилось.

– Как поживаешь? – спросил он, когда я добрался до палубы.

Я пожал плечами.

– Рука, смотрю, зажила.

– Не твоими стараниями.

Я пытался удержаться, правда.

Каннингем закурил:

– Вообще-то именно я тебя заштопал.

– А еще ты сидел и смотрел, как он меня разбирает на части.

– Меня там не было, – и чуть погодя: – Но, может, ты и прав: я в любом случае отсиделся бы. Аманда и Сьюзен пытались, как я слышал, вмешаться и защитить тебя. Но лучше от этого никому не стало.

– Ты не стал бы и пытаться.

– А ты бы стал на моем месте? Выступил бы против вампира безоружным?

Я промолчал. Долгие секунды Каннингем разглядывал меня,

раскуривая сигарету, и в конце концов произнес:

– Он тебя здорово достал?

– Ты ошибаешься, – ответил я.

– В чем?

– Я не верчу людьми.

– Ммм... – Он, похоже, задумался. – Тогда какое слово ты бы использовал?

– Я наблюдаю.

– Верно. Кое-кто мог бы даже сказать – надзираешь.

– Я... читаю язык тела.

Я искренне надеялся, что биолог имел в виду именно это.

– Отличие лишь количественное, знаешь ли. Человек даже в толпе рассчитывает на некоторое уединение. Люди не готовы к тому, что их мысли видны в каждом косом взгляде, – он ткнул воздух сигаретой. – А ты оборотень, каждому из нас показываешь иную маску, и я ручаться готов, что все они фальшивые. Твое настоящее «я» если и существует, то невидимо.

Под ложечкой у меня затягивался узел.

– А кто нет? Кто не пытается... вписаться, не пробует поладить с другими? Ничего дурного в этом нет. Господи боже, я – синтет и не воздействую на переменные.

– Видишь, в этом и проблема: ты воздействуешь не на переменные.

Между нами клубился дым.

– Но ты, должно быть, этого не в силах понять. – Он встал и взмахнул рукой. Окна КонСенсуса рядом с ним схлопнулись. – И это даже не твоя вина. Нельзя винить человека за огрехи прошивки.

– Отцепись от меня, сучонок! – рывкнул я.

Мертвенное лицо биолога ничего не выражало.

Эти слова сорвались прежде, чем я успел их удержать, а за ними поднялась лавина:

– Вы так на нее полагаетесь, блин! На вашу эмпатию. Может, я и обманщик, но большинство людей были готовы поклясться, что я заглянул им в самую душу. Мне не нужна эта хрень! Необязательно чувствовать чужие побуждения, чтобы их понимать: даже лучше, если не чувствуешь и остаешься...

– Бесстрастным? – Каннингем криво улыбнулся.

– Может, ваша эмпатия – утешительная ложь. Это тебе в голову не приходило? Вам кажется, вы знаете, что чувствует другой, а если вы переживаете только сами себя? Может, вы еще хуже меня или мы все

просто гадаем. Разница в том, что я не обманываю себя на этот счет!

– Они такие, как тебе представлялось? – спросил он.

– Что? О чем ты?

– О шифровиках. Суставчатые щупальца отходят от центрального узла.

По-моему, очень похоже.

Он просматривал архивы Шпинделя.

– Я... Не очень, – пробормотал я. – Щупальца в жизни более... гибкие. У них больше сегментов. И туловища я толком не разглядел. При чем здесь...

– Но похожи, верно? Тот же размер и строение тела.

– И что?

– Почему ты не доложил?

– Я доложил. Исаак сказал, что это эффекты транскраниальной магнитной стимуляции, с «Роршаха».

– Ты видел их и до «Роршаха». По крайней мере, – добавил он, – когда шпионил за Исааком и Мишель, чего-то сильно испугался и засветился.

Моя ярость расточилась, как воздух сквозь пробоину.

– Они... знали?

– Думаю, только Исаак, и дальше его логов это не пошло. Подозреваю, он не хотел нарушать твои протоколы невмешательства – хотя, держу пари, ты больше не смог застукать их наедине, так?

Я промолчал.

– Неужели ты думал, что официальный наблюдатель освобожден от надзора? – спросил Каннингем чуть погодя.

– Нет, – вполголоса отозвался я. – Вряд ли.

Он кивнул.

– А с тех пор ты их не замечал? Я сейчас не о типовых галлюцинациях, а о шифровиках. У тебя были видения с того момента, как ты увидел одного из них во плоти, с тех пор как узнал, на что они похожи?

Я задумался:

– Нет.

Он покачал головой: еще одна гипотеза подтвердилась.

– Китон, ну ты и особь! И этот парень себя не обманывает? Даже сейчас ты не знаешь всего, что тебе известно.

– О чем ты?

– Ты их просчитал. Наверное, по архитектуре «Роршаха» – форма подчинена функции. Ты каким-то образом получил довольно точное представление о внешнем виде шифровиков до того, как мы с ними столкнулись. Или, по крайней мере... – Он затыкнулся; сигарета вспыхнула,

как светодиод. – Часть тебя. Набор разделов бессознательного, денно и ночью пашущих на хозяина. Но показать тебе результат они не могут, верно? У тебя нет сознательного доступа на эти уровни. Одна извилина мозга пытается, как может, передать информацию другой. И передает записки под столом.

– Ложная слепота, – пробормотал я.

Тебя мучает желание протянуть руку...

– Скорее шизофрения, хотя голоса ты не слышишь, зато видишь картинки. Ты видел картинки! И все равно не понял.

Я сморгнул.

– Но как я мог... то есть...

– Ты подумал, что на «Тезее» завелись призраки? Что шифровики общаются с тобой телепатически? То, что ты сделал... Китон, это важно. Тебе постоянно твердили, что ты – лишь стенографист, вколотили столько уровней пассивности, но ты все равно проявил инициативу, понимаешь? Решил проблему сам. И только одного не смог: признаться в этом себе, – Каннингом покачал головой. – Сири Китон, посмотри, что с тобой сделали.

Биолог коснулся своего лица и прошептал:

– Посмотри, что они сделали со всеми нами.

* * *

Банда парила в центре затемненного смотрового блистера. Когда я заглянул, она подвинулась, подтянулась к стенке и пристегнулась ремнем.

– Сьюзен? – спросил я.

Я больше не мог их различать.

– Я ее позову, – проговорила Мишель.

– Нет, ничего. Я хотел бы поговорить со всеми...

Но Мишель уже скрылась. Полувидимая фигура исказилась у меня на глазах и произнесла:

– Она сейчас не в настроении беседовать.

Я кивнул.

– Ты?

Джеймс пожала плечами.

– Я поболтать не против. Хотя удивлена, что ты все еще составляешь свои отчеты, после...

– Я... не составляю. Не для Земли.

Я оглянулся – смотреть было особенно не на что. Изнутри пузырь

покрывала серой пленкой фарадеева сетка, застилая простор крупнозернистым полотнищем. Черным бубоном заслонял полнеба Бен. Поверх расплывчатых облачных поясов, в темном пурпуре, почти граничащем с чернотой, виднелось с дюжину слабых инверсионных следов. Из-за плеча Джеймс подмигивало Солнце – наше Солнце, яркая точка, при каждом движении головы рассеивающаяся на слабые радужные осколки. И все, почти: звездный свет сквозь сетку не пробивался, как и отблески крупных темных частиц аккреционного пояса. Мириады булабочных точек жерлоносых скиммеров терялись вовсе.

Полагаю, кому-то это могло показаться утешительным.

– Пейзажик не фонтан, – заметил я.

«Тезей» в мгновение ока мог спроецировать на купол ясное, четкое изображение, реальнее настоящего.

– Мишель нравится, – отозвалась Джеймс. – Ощущение. А Головолому нравятся эффекты дифракции, он любит... интерференционные узоры.

Некоторое время мы смотрели в пустоту, в тусклый полумрак. Свет, сочившийся из корабельного хребта, силуэтом очерчивал профиль лингвиста.

– Ты меня подставила, – сказал я наконец.

Она обернулась:

– О чем ты?

– Вы же все это время обсуждали вопрос сознания, верно? Все вы. И меня в курс дела ввели только после... – как она выразилась? – ...предварительной обработки. Спектакль был рассчитан на то, чтобы вывести меня из равновесия. А потом Сараста набросился ни с того ни с сего, и...

– Мы об этом не знали. До того момента, как включился сигнал.

– Сигнал?

– Когда он поменял газовую смесь. Ты должен был слышать. Разве не за этим пришел?

– Он вызвал меня в палатку и приказал смотреть.

Она сумрачно взглянула на меня:

– Ты не пытался его остановить?

Крыть мне было нечем, осталось пробормотать:

– Я просто... наблюдатель.

– А я-то думала, ты пытался его остановить... – Лингвист покачала головой. – Решила, он поэтому на тебя набросился.

– Хочешь сказать, это не было подстроено? Что ты была не в курсе?

Я ей не верил, но знал: Джеймс не лжет.

– Я думала, что ты пытался их защитить. – Она тихо и невесело посмеялась над своей ошибкой, затем отвернулась. – Могла бы догадаться.

Могла бы. А еще могла бы понять, что подчинение приказам – одно дело, а вот выбор стороны не сделал бы ничего, лишь поставил бы под удар мою профессиональную этику.

Впрочем, сейчас я мог бы к этому привыкнуть.

– Это был наглядный урок, – напирал я. – У... учебная миссия. Невозможно пытаться неразумное существо, и... я слышал тебя, Сьюзен. Для тебя это не было новостью: ни для кого, кроме меня...

Вы скрывали это от меня, все скрывали! Ты и твоя банда и Бейтс. Вы не один день пережевывали данные и приложили массу усилий, чтобы их утаить.

Как я это упустил? Как?

– Юкка приказал не обсуждать с тобой этот вопрос, – созналась Сьюзен.

– Почему? Именно ради этого я здесь!

– Он сказал, ты будешь... упорствовать. Если выбрать неверный подход.

– Подход! Сьюзен, он на меня набросился! Ты же видела, он...

– Мы не знали, что он на это пойдет. Никто не знал.

– И зачем он это сделал? Ради победы в споре?

– Он так говорит.

– Ты ему веришь?

– Пожалуй, – помедлив, она кивнула. – Кто знает? Юкка же вампир. Он... загадочный.

– Но его личное дело... я хочу сказать, прежде он никогда не скатывался до открытого насилия.

Она покачала головой:

– А зачем? Нас, остальных, ему ни в чем не надо убеждать. Мы и так вынуждены ему подчиняться.

– Я тоже.

– Он не тебя пытается убедить, Сири. А...

Я оставался проводником и был лишь средством, а не целью манипуляций Сарасты.

...И он планировал вторую лекцию. Но зачем идти на крайние меры, если Земля не могла повлиять на наши действия? Значит, Сараста считал, что игра здесь не закончится. Он ждал ответных действий со стороны наших хозяев в свете новой... перспективы.

– Но какая разница? – вслух подумал я.

Лингвист молча взглянула на меня.

– Даже если он прав, что это меняет? – Я поднял заштопанную руку. – Шифровики обладают интеллектом, есть у них сознание или нет. Они в любом случае остаются потенциальной угрозой. Так какая разница? Зачем он так поступил со мной? Какой смысл?

Сьюзен повернулась к Большому Бену и не произнесла ни слова. Саша взглянула на меня и попробовала дать ответ.

– Это важно, – начала она, – если Сарастии прав, то получается, мы напали на них еще до отлета «Тезея». Даже до Огнепада.

– Мы напали?..

– Ты правда не понимаешь? Да, не понимаешь, – Саша тихонько фыркнула. – Черт побери, я в своей короткой жизни ничего смешнее не слышала.

Она подалась вперед, ее глаза сверкнули:

– Представь себе, что ты – шифровик и в первый раз сталкиваешься с человеческим радиосигналом.

Она вглядывалась в меня почти жадно; я подавил желание отпрянуть.

– Для тебя это совсем несложно, Китон. Самый простой фокус в твоей карьере. Разве ты – не пользовательский интерфейс, не «китайская комната»? Ведь ты же никогда не заглядываешь внутрь, даже на миг не ставишь себя на место другого, потому что судишь обо всем только по внешнему слою, по поверхности.

Лингвист смотрела на темный, тлеющий диск Бена.

– Вот оно – свидание твоей мечты, целое племя одних поверхностей. Нутра нет, разгадывать нечего, все правила известны. За работу, Сири Китон! Покажи, на что ты способен.

В голосе Саши не осталось ни презрения, ни пренебрежения. Даже ни капли гнева – ни в голосе, ни в глазах. Только мольба и слезы.

Они парили перед ее лицом крошечными, идеально круглыми бусинами.

– Представь себе, что ты – шифровик, – прошептала она снова.

* * *

Представь себе, что ты – шифровик.

Представь, что у тебя есть ум, но нет разума, есть задачи, но нет сознания. Твои нервы звенят от программ выживания и самосохранения, гибких, самоуправляемых, даже технологических, – но нет системы,

которая приглядывала бы за ними. Ты можешь подумать о чем угодно, но не сознаешь ничего.

Трудно представить такое существо, правда? Практически невозможно. Даже слово «существо» здесь выглядит слишком фундаментальным, не вполне уместным.

Попробуй!

Представь, что ты сталкиваешься со структурированным сигналом, который насыщен информацией и удовлетворяет всем критериям осмысленной передачи. Опыт и эволюция предлагают множество открытых путей для поведения в такой ситуации, точек ветвления на блок-схеме. Иногда подобные передачи ведут соплеменники, чтобы поделиться полезной информацией: их жизни ты будешь защищать согласно правилам родственного отбора. Иногда сигнал исходит от конкурентов, хищников или других противников, которых надо уничтожить или сбить со следа. В этом случае информация может оказаться тактически полезной. Некоторые передачи могут даже исходить от существ, хоть и не родственных, но способных стать союзниками или симбионтами во взаимовыгодных действиях. На каждый из таких случаев и на множество других можно выработать подходящий ответ.

Ты расшифровываешь сигнал и приходишь в замешательство:

Я здорово провела время. Получила массу удовольствия. Хотя стоил он вдвое больше любого другого жиголо под куполом...

Чтобы вполне оценить квартет Кизи...

Они ненавидят нас за нашу свободу...

Теперь смотри внимательно...

Пойми!

Эти термины не имеют значения. Они неразумно рефлексивны и не содержат полезной информации – и все же организованы логически. Они не могли возникнуть случайно. Единственное объяснение заключается в том, что некто зашифровал бессмыслицу под видом полезного сообщения, и обман становится очевиден, только когда время и силы уже потрачены. Сигнал не имеет иной цели, кроме пожирания ресурсов получателя с нулевым результатом и уменьшением приспособляемое™. Это вирус.

Ни сородичи, ни симбионты, ни союзники не создают вирусов.

Этот сигнал – нападение, и его источник – мы.

– Теперь до тебя дошло, – констатировала Саша.

Я потряс головой, пытаюсь уместить в ней безумный, невозможный вывод.

– Они даже не враждебны, для них такого понятия в принципе не существует. Они просто до такой степени чужды нам, что воспринимают человеческую речь только как форму агрессии.

Как сказать: «Мы пришли с миром», – когда сами твои слова – это объявление войны?

– Вот почему они не разговаривали с нами, – осознал я.

– Только если Юкка прав. Хотя он может ошибаться.

Снова появилась Джеймс. Она еще сопротивлялась, не желала признавать то, что приняли ее другие «я». Я видел, почему. Ведь, если Сарастии прав, шифровики нормальны: эволюция жизни во Вселенной не приводит ни к чему, кроме безграничного размножения самородной сложности, она – бесконечная машина Тьюринга^[79], набитая саморазмножающимися автоматами, не осознающими собственного бытия. А мы... уроды, целаканты. Бескрылые птицы, превозносящие свою власть над затерянным островком, в то время как на наши берега уже выносит крыс и змей. Сьюзен Джеймс не могла заставить себя смириться с этим: построив свою многоядерную судьбу на убеждении, что любой конфликт разрешим путем общения, она должна была признать ложность этой веры. Если Сарастии прав, то надежды на примирение нет.

Перед моим мысленным взором неотвязно маячило воспоминание: по дороге, склонив голову, идет человек, губы искажены упрямой гримасой, взгляд следит то за одной ступней, то за другой. Его ноги ступают осторожно и неуверенно. Руки не шевелятся вовсе. Человек шагает, как зомби, скованный трупным окоченением.

Я знал, что с ним, – проприоцептивная полинейропатия; история болезни, которую я нашел в Консенсусе еще до гибели Шпинделя. С таким больным меня однажды сравнил Паг: человек, потерявший мозг, у которого осталось только самосознание. Лишенный бессознательных ощущений и подпрограмм, которые он всегда принимал за данность, больной вынужден сосредоточиваться на каждом шаге, чтобы пересечь комнату. Его тело перестало понимать, где находятся конечности, или что они делают. Чтобы сдвинуться с места или устоять на ногах, ему приходилось постоянно наблюдать за собой.

Когда я просматривал файл, звука не было. И сейчас в воспоминаниях царила тишина. Но клянусь, я чувствовал, как за моей спиной стоит Сарастия и заглядывает в мои мысли. Клянусь, что слышал его голос в

собственной голове, словно в шизофреническом бреде.

«Само по себе сознание ни на что большее не способно».

– Верный ответ, – пробормотал я. – Неправильный вопрос.

– Что?

– Растреп, помнишь? Когда ты его спросила, какие предметы изображены на экране.

– Он не узнал шифровика, – Джеймс кивнула. – И?

– Не пропустил. Тебе казалось, что ты спрашиваешь о предметах, которые он видит, и изображениях, существующих на плоскости. Растреп подумал, ты спрашиваешь о том...

– Что он воспринимает, – закончила она.

– Сарасты прав, – прошептал я. – Господи... кажется, вампир прав.

– Эй, – бросила Джеймс, – ты видел...

Но я так и не узнал, на что она указывала. «Тезей» с грохотом опустил заслонки смотрового блистера и взвыл.

* * *

Выпускной наступил на девять дней раньше.

Выстрела мы не увидели. Какую бы амбразуру ни отворил в себе «Роршах», он идеально замаскировал ее с трех направлений: лабораторный баллон заслонял бойницу со стороны «Тезея», а два корявых нароста на самом объекте скрывали ее от наших оружейных позиций. Из этого слепого пятна апперкотом ударил болид полыхающей плазмы, расколов лабораторию пополам прежде, чем зазвучал первый сигнал тревоги.

Сирены гнали нас на корму. Мы рвались вниз по хребту – через рубку и склеп, мимо люков и подполов – дальше от поверхности, в поисках любого укрытия, где между небом и кожей оставалось бы больше пяди. Зарывались... КонСенсус следовал за нами, его окна гнулись и скользили по распоркам, кабелям и вогнутым стенам хребта. Я не смотрел на них, пока мы не оказались в вертушке, глубоко в чреве «Тезея», где можно было делать вид, что тут безопаснее.

Со стороны носа на закружившуюся палубу вывалилась Бейтс; тактические дисплеи кордебалетом плясали вокруг нее. Наше окошко успокоилось на переборке кают-компания. На картинке дешевой оптической иллюзией одновременно разбухала и съеживалась лаборатория; гладкая поверхность сворачивалась внутрь, заполняя все поле зрения. Я не сразу разрешил противоречие: что-то ударило в нее с дальней стороны, и

теперь она лениво летиво в нашу сторону, кувыркаясь в величественном сальто-мортале. Что-то вспоролось пузырь, выплеснув атмосферу, и эластичная шкура начала съеживаться, как лопнувший воздушный шарик. На наших глазах место попадания выплыло на обозрение камер – обожженная обвислая пасть, за которой волочились еле видимые струйки замерзшей слюны.

«Тезей» открыл огонь, он палил осколками изолятора, неподвластными электромагнитному обману, – далекими и темными, невидимыми для человеческих глаз. Но сквозь тактический прицел огневых роботов я видел их и наблюдал, как они прошивают небеса двойным черным пунктиром. Линии сходились, пока орудия выцеливали мишень, затем скрестились на двух призрачных, пытающихся убежать сюрикенах, распятых в полете сквозь бездну и повернувшихся к «Роршаху», точно цветы – к солнцу.

Наши пленники не одолели и полпути, как очередь разнесла их в клочья.

Куски продолжали падать, и внезапно поверхность объекта внизу ожила. Я дал увеличение: по корпусу «Роршаха», прямо в открытом космосе, катилась волна шифровиков, похожая на оргию змей. Некоторые сцеплялись щупальцами друг с другом, выстраивая заякоренные одним концом, шевелящиеся позвоночные цепочки. Они поднимались ввысь, колыхались в радиоактивном вакууме слоями суставчатых водорослей, тянулись... цеплялись...

Ни Бейтс, ни ее роботы скудоумием не страдали. Они отстреливали переплеставшихся шифровиков так же безжалостно, как беглецов, причем с большим успехом. Но мишеней было слишком много, как и ошметков, подхваченных на лету. Я дважды заметил, как собратья собирали куски Растрепы и Колобка, растерзанных в клочья.

Лопнувший баллон закрыл КонСенсус огромным надорванным лейкоцитом. Где-то рядом заныла еще одна сирена: датчик движения. Откуда-то с кормы в вертушку влетел Каннингем, шарахнулся от пучка труб и кабелей, уцепился за что-то.

– Твою мать! Мы улетаем, нет? Аманда?

– Нет, – ответил отовсюду Сараста.

– Чего... – «тебе еще нужно?» Я с трудом удержался. – Аманда, что, если оно откроет огонь по кораблю?

– Не откроет, – она не отрывала глаз от своих окон.

– Откуда ты...

– Не может. Если бы «Роршах» зарядил в себя чуть больше энергии,

мы бы заметили изменения в тепловом спектре и микроаллометрии. – Между нами крутился раскрашенный искусственными цветами ландшафт, где широты отмеряли время, долготы – изменение массы. Алыми пиками вздымались над равниной килотонны. – Ага, чуть ниже уровня шума...

– Роберт, Сьюзен, – оборвал ее Сараста. – К воздушному шлюзу!

Джеймс побледнела.

– Что? – воскликнул Каннингем.

– Лаборатория сейчас столкнется с кораблем, – отчеканил вампир. – Вытащите оттуда образцы. Немедленно!

Он прервал связь прежде, чем кто-нибудь успел открыть рот.

Каннингем возражать не собирался – ему только что отменили смертный приговор: зачем командиру волноваться за сохранность биопсий, если бы он не считал, что у нас есть шанс унести с ними ноги? Биолог взял себя в руки и нацелился в носовой люк.

– Иду, – бросил он и прыгнул вперед.

Должен признать, Сараста стал лучше разбираться в психологии. Но на Джеймс или на Мишель или... – Я не мог точно сказать, кто у руля, – мотивация не подействовала.

– Я не могу идти туда, Сири, это... я не могу...

Только наблюдай, не вмешивайся!

Порванный баллон бессильно ударился о правый борт и размазался по броне. Мы ничего не почувствовали. Вдалеке и одновременно в опасной близости легионы на поверхности «Роршаха» расходились. Они исчезали в пастях, проступавших, отворявшихся и волшебным образом вновь смыкавшихся на корпусе объекта. По оставшимся шифровикам невозможно продолжали вести огонь наши орудия.

Наблюдай!

Банда четырех шарахалась передо мной, перепуганная до смерти.

Не вмешивайся!

– Ничего, – успокоил я ее. – Я пойду.

* * *

Распахнутый шлюз, как оспина на бесконечном обрыве. Из него я выглянул в бездну.

Этот борт «Тезея» был обращен в сторону от Большого Бена, отвернулся от врага. Панорама, тем не менее, открывалась тревожная: бесконечный простор далеких звезд – колких, холодных и немигающих.

Единственная золотая светила чуть ярче, но казалась столь же далекой. То слабое утешение, которое мог бы принести мне ее вид, рассеялось, когда Солнце на краткий миг померкло: может, пролетающий метеорит... или один из лопатоносых спутников «Роршаха»?

Один шаг – и я буду падать вечно.

Но я не оступился и не упал. Нажал на спусковой крючок, неторопливо вылетел из шлюза, обернулся. Вниз во все стороны уходил наружный панцирь «Тезея». Около носа над горизонтом бронзовой зарей вздымался запечатанный смотровой блистер. Ближе к корме из-за склона выглядывал рваный сугроб: край разбитой лаборатории.

И фоном всему, так близко, что казалось, можно дотронуться, – бесконечные темные тучи Большого Бена: клубящаяся стена, протянувшаяся к далекому плоскому горизонту, который я даже теоретически едва мог себе представить. Присмотревшись, различил в темноте бесконечные оттенки серого, – но отвел глаза. На краю поля зрения вспыхивала тусклая, угрюмая краснота.

– Роберт? – Я вывел на дисплей телеметрию со скафа Каннингема: крутой, неподвижный утес изо льда, подсвеченный до контрастности нашлемным фонарем. По изображению катились помехи от магнитосферы «Роршаха». – Ты там?

Шипение и треск. Вздохи и бормотание в электрическом гуле.

– Четыре точка три. Четыре точка ноль. Три точка восемь...

– Роберт?

– Три точ... черт. Что... Ты что там делаешь, Китон? Где Банда?

– Я за нее. – Я еще раз спустил курок и поплыл к снежным равнинам. Мимо, хоть руку протяни, катился выпуклый корпус «Тезея». – Тебе подсобить.

– Тогда взялись, нет? – Он пролезал через расселину: опаленную, рваную дыру в ткани, опадавшей от прикосновений. Распорки, разбитые панели, мертвые манипуляторы ледниковыми торосами загромождали снежную пещеру; их очертания плыли от помех. Тени в свете нашлемника растягивались и дергались как живые. – Я почти...

В свете фонаря мне почудилось еще какое-то движение. На самом краю экрана что-то развернулось.

Телеметрия сдохла...

Внезапно выяснилось, что Бейтс и Сарасты орут у меня над ухом. Я пытался затормозить. Мои дурацкие бесполезные ноги топтали вакуум, подчиняясь древней инстинктивной блокировке из тех времен, когда все чудовища были прикованы к земле. Но к тому моменту, как я вспомнил о

необходимости нажать на спусковой крючок, передо мной уже вздымалась лаборатория. За ней, будто совсем рядом, виднелся «Роршах» – огромный и зловещий. По его перекрученным граням плоскими молниями вились тусклые зеленые просверки. Словно тягучие пузыри в грязевом вулкане, сотнями открывались и захлопывались пасти, и в каждой «Тезей» мог уместиться целиком. Я едва заметил судорожное движение прямо впереди: неслышный выброс темной материи из-под опавшего купола. К тому времени, когда я снова увидел Каннинггема, биолог летел силуэтом на фоне адского трупного свечения, окутавшего «Роршах».

Мне показалось, что он машет рукой, но я ошибся: это шифровик охватил тело человека, как отчаявшаяся возлюбленная, и размахивал щупальцем, направляя пристегнутый к запястью Каннинггема реактивный пистолет. «Пока-пока, Китон! – говорило мне щупальце. – И пошел ты на...»

Я наблюдал за ним, казалось, целую вечность, но больше ни одна часть тела пришельца не шевельнулась.

Голоса, крики, приказы вернуться внутрь. Я едва их различал – меня ошеломила арифметика, пока я пытался разрешить простейшую задачу на вычитание.

Два шифровика – Растреп и Колобок, с обоими покончено: их тела на моих глазах разлетелись в куски.

– Китон, ты слышишь? Возвращайся! Отвечай!

– Я... не может быть, – услышал я собственный голос. – Их было только двое...

– Немедленно на борт! Отвечай!

– Я... Подтверждаю.

Пасти «Роршаха» разом захлопнулись, будто задержав дыхание. Объект начал тяжелый разворот – словно континент, меняющий курс. И стал отдаляться, сначала медленно, затем набирая скорость и наконец пустившись наутек. «Как странно, – подумал я. – Может, он боится больше нашего?»

И тут «Роршах» послал нам прощальный поцелуй: я видел, как он призрачным пламенем вырвался из глубин черного леса и, пронзив небеса, расплескался о крестец «Тезея», выставив Аманду Бейтс полной, безнадежной душой. Обшивка нашего корабля потекла, распахнулась, как рот, и застыла в беззвучном, замороженном вопле.

Невозможно одновременно стремиться к миру и готовиться к войне.

Альберт Эйнштейн

Понятия не имею, добрался ли шифровик до своей цели со столь тяжело давшейся добычей: очень уж большое расстояние ему предстояло одолеть, даже если орудия не расстреляли его по дороге. В пистолете Каннингема могло кончиться топливо. И, кто знает, долго ли эти существа способны жить в вакууме? Возможно, надежды на успех не было вовсе, и пришелец погиб в ту минуту, когда рискнул остаться. Я этого так и не узнал. Уменьшаясь, существо скрылось с глаз задолго до того, как «Роршах» нырнул под облака и, в свою очередь, исчез.

Разумеется, их с самого начала было трое. Растреп, Колобок и полузабытые, зажаренные останки пришельца, которого убил обнаглевший пехотинец, лежавшие в холодильнике неподалеку от еще живых братьев, в пределах досягаемости манипуляторов Каннингема. Я пытался выдавить из памяти полузамеченные подробности: имели оба беглеца шаровидную форму или один был приплюснут? В полете бились оба, размахивая щупальцами, как паникует человек, не чувствуя под ногами опоры, или один безжизненно плыл по инерции, покуда наши орудия не уничтожили улики?

К тому моменту это не имело никакого значения, волновал другой факт – в конце концов, все сравнялись. Кровь пролита, война объявлена.

А «Тезей» парализован ниже пояса.

Парфянская стрела «Роршаха» пробила броню в основании хребта, едва миновав магнитную воронку и теленигилятор. Она могла уничтожить фабрику, если бы не растратила столько джоулей, прожигая панцирь, и, если не считать преходящих эффектов электромагнитного поля, все жизненно важные системы остались в рабочем состоянии. Все, что ей удалось сделать, – настолько ослабить позвоночник корабля, что тот переломился бы пополам, вздумай мы дать достаточный импульс для схода с орбиты. Корабль может исправить урон, но не к сроку.

Если «Роршаху» так улыбнулась удача, то он был просто потрясающим везунчиком.

Теперь, изувечив жертву, «Роршах» исчез. Все, что ему было от нас нужно – на данный момент, – он получил: информацию, весь опыт и догадки, зашифрованные в спасенных ошметках его шпионов-мучеников. Если гамбит Растрепы (или Колобка) оправдался, у «Роршаха» появился

даже собственный образец для опытов, в чем мы, учитывая обстоятельства, не могли его винить. Теперь он, незримый, таился в глубине. Наверное, отдыхал и заправлялся.

Но он вернется...

К последнему раунду «Тезей» сбросил вес. Мы остановили вертушку в символической попытке уменьшить набор уязвимых движущихся частей. Банда четырех – безвластная, бесполезная, насильно лишенная цели бытия – отступила в некий внутренний диалог, куда не было доступа иной плоти. Она парила в наблюдательном пузыре, плотно зажмутив веки, как свинцовые шторы вокруг. Я не смог определить, кто стоит у руля.

– Мишель? – предположил я.

– Сири... – Это была Сьюзен. – Лучше уйди.

Бейтс парила у дна вертушки. Вокруг, по переборкам и на столе, были разбросаны окна.

– Чем могу помочь? – спросил я.

Она ответила, не поднимая головы:

– Ничем.

Так что я наблюдал. В одном окне майор пересчитывала скиммеры – массу, инерцию, любую из десятка переменных, которые окажутся вполне себе постоянными, если какая-нибудь из тупоносых ракет нацелится нам в сердце. Они, наконец, нас заметили. Их хаотическая электронная кадриль меняла ритм, сотни тысяч колоссальных кувалд переплетали траектории в зловещем текучем узоре, который еще не устоялся достаточно, чтобы мы могли предсказать результат.

В другом окне бесконечно повторялся фокус с исчезновением «Роршаха»: радарный ответ, тающий в глубине водоворота, гаснущий под терафонными газообразных радиопомех. Объект оставался на своего рода орбите. Судя по последним зафиксированным отрезкам траектории, «Роршах» сейчас мог завершать облет планетного ядра, пронизывая стиснутые тяготением слои метана и угарного газа, которые раздавили бы «Тезей» в прах. Возможно, он не остановился на этом; уверен, «Роршах» мог бы невредимым миновать обширные регионы страшного давления, где текут водой железо и водород.

Мы не знали, но хорошо понимали: чудовище вернется меньше чем через два часа, если, конечно, не изменит траекторию и переживет глубину. А оно переживет! Тварь под кроватью нельзя убить – можно лишь занавесить простыней.

Ненадолго...

Мое внимание привлекло пестрое пятно свернутой вкладки. По моему

приказу оно разросло в плывущий мыльный пузырь, неуместно прекрасный – блистающую радугу дутого лазурного стекла. Я не сразу узнал Большого Бена, раскрашенного ложными цветами никогда прежде не встречавшегося мне отображения, и тихонько хмыкнул.

Бейтс взглянула вверх:

– О! Красиво, да?

– Это какой диапазон?

– Длинные волны. Видимый красный, инфра и чуть ниже. Удобно искать тепловые следы.

– Видимый красный?

Ничего подобного я почти не видел; в основном, бросались в глаза фракталы холодной плазмы, окрашенные сотней оттенков сапфира и нефрита.

– Квадрохроматическая палитра, – пояснила Бейтс. – У кошек такое зрение. И у вампиров, – она равнодушно повела рукой в сторону радужного пузыря. – Нечто похожее видит Сараста, когда выглядывает наружу. Если выглядывает...

– Мог бы и намекнуть, – пробормотал я.

Зрелище было великолепное – голографическое украшение. В таких глазах даже «Роршах» может показаться произведением искусства.

– Не думаю, что они воспринимают мир как мы, – Бейтс открыла новое окно. Со стола поднялись банальные графики и контурные диаграммы. – Я слышала, вампирам даже на Небеса путь заказан: они там видят пиксели или что-то вроде того, виртуальная реальность на них не действует.

– Что, если он прав? – спросил я.

Я убеждал себя, что интересуюсь исключительно тактической оценкой ситуации и официальным мнением для протокола, но мой голос прозвучал неуверенно и испуганно.

Бейтс медлила. На миг я испугался, что и ей тоже осточертело мое общество. Однако она подняла голову и уставилась в забортную даль.

– Если он прав, – повторила она и задумалась над вопросом, который скрывался глубже: что нам тогда делать? – Наверное, мы могли бы лишиться себя самосознания. Возможно, со временем это увеличило бы наши шансы.

Она взглянула на меня с тоскливой полуулыбкой.

– Но только это не совсем победа. Какая разница, мертв ты или просто не осознаешь, что жив?

И тут я увидел...

Много ли времени потребуется вражескому тактику, чтобы распознать

характер Бейтс за действиями ее солдат на поле боя? Скоро ли высветится очевидная логика? В любом сражении майор естественным образом вызывала огонь на себя: отруби голову – и тело умрет. Но Аманда Бейтс не просто контролировала свою армию – она ее сдерживала, исполняла роль ошейника, и ее тело вряд ли пострадало бы от обезглавливания: смерть майора лишь спустила бы робосолдат с поводка. Насколько смертоноснее станут ее пехотинцы, если каждому их действию на поле боя не придется вставать в очередь и получать разрешение от человеческого мозга?

Шпиндель все перепутал! Аманда Бейтс вовсе не была подачкой политикам и не утверждала непреходящую важность человеческого присмотра – ее позиция такую необходимость отрицала.

В гораздо большей мере, нежели я, она была пушечным мясом. И должен признать: после того как поколения генералов жили ради славы грибовидного облака, то был весьма эффективный метод лечения милитаристов от бессмысленной тяги к насилию. В армии Аманды Бейтс рваться в бой значило встать на передовой с мишенью на груди.

Неудивительно, что она прикипела к мирным альтернативам.

– Прости, – прошептал я.

Она пожала плечами.

– Еще ничего не кончено, это был первый раунд, – майор глубоко, протяжно вздохнула и снова повернулась к орбитальным диаграммам. – «Роршах» не стал бы поначалу так старательно нас отпугивать, если бы мы не могли ему навредить.

Я сглотнул.

– И?

– Значит, шанс еще есть, – она кивнула самой себе. – Шанс есть...

* * *

Демон расставил фигуры для последней игры: их осталось немного. Солдата он разместил в рубке, а устаревших лингвистов и дипломатов уложил обратно в ящик, с глаз долой. Жаргонавта вызвал в свои покои. И хотя я должен был столкнуться с вампиром в первый раз после нападения, приказ прозвучал без тени сомнения, что синтез подчинится. И я подчинился, явился согласно распоряжению. А потом увидел, что демон окружил себя лицами, и они все до последнего кричали.

Звука не было. Бестелесные голограммы молчаливыми рядами парили вдоль стен пузыря, искаженные разнообразными гримасами боли. Их

пытали, эти лица; полдюжины реальных национальностей и вдвое больше гипотетических, цвет кожи – от угольного до мучнистого, лбы – высокие и скошенные, носы – орлиные или курносые, челюсти – выступающие или срезанные. Сарасты вызвал к жизни целое древо гоминид, потрясающее разнообразием и пугающее общностью выражения.

Море искаженных лиц кружилось неторопливыми орбитами вокруг вампира.

– Господи, что это?!

– Статистика. – Сарасты, кажется, не сводил глаз с освежеванного китайчонка. – Аллометрия роста «Роршаха» за двухнедельный период.

– Эти лица...

Он кивнул и обратил внимание на женщину без глаз.

– Диаметр черепа соотносится с общей массой. Длина нижней челюсти соответствует электромагнитной прозрачности на волне один ангстрем. Сто тринадцать краниометрических показателей представляют разные переменные. Комбинации основных компонентов отображены сложными соотношениями пропорции. – Он повернулся ко мне, чуть скосив не скрытые очками поблескивающие глаза. – Вы удивитесь, как много серого вещества отведено на анализ лицевых образов. Стыдно тратить его на что-то настолько... противное здравому смыслу, как графики остатков или факторные таблицы.

Я невольно стиснул челюсти:

– А выражения лиц? Что они означают?

– Программа подгоняет изображения под вкусы пользователя.

Галерея пыток со всех сторон молила о пощаде.

– Я прошит для охоты, – мягко напомнил он.

– Думаете, я этого не знаю? – отозвался я секунду спустя.

Он до жути по-человечески пожал плечами.

– Вы сами спросили.

– Зачем вы меня звали, Юкка? Хотите преподать еще один наглядный урок?

– Хочу обсудить наш следующий ход.

– Какой ход? Мы не можем даже удрать.

– Нет.

Он покачал головой, оскалил подточенные клыки, пытаясь придать лицу выражение, чем-то напоминающее раскаяние.

– Почему мы ждали так долго? – Моя вызывающая угрюмость внезапно испарилась. Голос звучал по-детски, испуганный и умоляющий. – Почему мы просто не удрали, когда прибыли на место, а оно было слабее?

– Мы должны узнать больше. Для следующего раза.
– Следующего? Я думал, «Роршах» – семя одуванчика, полагал, его просто... сюда занесло.

– Случайно. Но каждый одуванчик – клон. Имя их семенам – легион, – снова улыбка, совершенно неубедительная. – Возможно, плацентарные не с первого раза покорили Австралию.

– Оно нас уничтожит. Ему не нужны даже шаровые молнии, оно может растоптать нас любым скиммером. Вмиг!

– Оно не хочет.

– Откуда вы знаете?

– Они тоже стремятся узнать как можно больше, поэтому мы нужны им целыми. Это увеличивает наши шансы.

– Не слишком: победить мы все равно не можем.

Это был сигнал. Сейчас Дядя Людоед должен был улыбнуться, подивившись наивности тупого жаргонавта, и поведать мне свои тайны. «Конечно, – сказал бы он, – мы вооружены до зубов. Ты правда думаешь, что мы одолели такой путь и встретились лицом к лицу с великим неведомым, не имея способов защиты? Наконец я могу открыть тебе, что броня и вооружение составляют более половины массы корабля...»

Это и был сигнал.

– Нет, – подтвердил он. – Победить мы не можем.

– Значит, нам остается сидеть сложа руки и ждать смерти в ближайшие... шестьдесят восемь минут.

Сараста покачал головой:

– Нет.

– Но... – начал я и тут же оборвал фразу.

Мы же под завязку наполнили емкости с антивеществом! «Тезей» не имел на борту оружия, а сам был оружием. И ближайшие шестьдесят восемь минут мы действительно будем сидеть сложа руки, ожидая смерти. Но, погибнув, заберем «Роршах» с собой.

Сараста ничего не сказал. Мне стало интересно: что он видит, когда смотрит на меня? Есть ли вообще внутри этого черепа личность по имени Юкка Сараста, и не проистекают ли его озарения – всегда обгоняющие наши на десять шагов – не столько из недостижимых аналитических способностей, сколько из затрепанной максимы «рыбак рыбака видит издалека»?

«Чью сторону, – подумал я, – принял бы зомби?»

– Вам, Китон, и без того есть о чем волноваться, – заметил вампир.

Он подвинулся ко мне. Клянусь, измученные лица провожали его

взглядами! Мгновение Сараста рассматривал меня, вокруг его глаз пролегли морщинки. Может, какой-то бессмысленный алгоритм обрабатывал входящие данные, соотносил краниометрические показатели и движения мимических мышц, сдавал результат подпрограмме вывода, осознавая себя не больше чем статистический график? Или в лице твари передо мной было не больше смысла, чем во всех других лицах, неслышно вопящих ей вслед?

– Сьюзен вас боится? – спросил упырь.

– Сью... с какой стати?

– В ее голове обитают четыре сознания. Она в четыре раза разумнее вас. Не представляете ли вы для нее угрозы?

– Нет, конечно.

– Тогда почему вы считаете угрозой меня?

Внезапно мне стало наплевать, и я рассмеялся в голос. Мне нечего было терять, кроме нескольких минут жизни.

– Почему? Может, потому, что ты – мой естественный враг, урод? Или потому, что я тебя знаю, и ты не можешь даже глянуть на любого из нас, не выпустив когти? Может, потому, что ты едва не оторвал мне руку на хрен и набросился на меня без всякой причины?

– Я могу представить, на что это будет похоже, – тихо проговорил он. – Пожалуйста, не заставляй меня повторять.

Я мгновенно заткнулся.

– Знаю, твое и мое племя никогда не жили мирно, – в его голосе сквозила ледяная усмешка, которой не было на губах. – Но я делаю лишь то, на что вы меня толкаете. Вы рационализировали, Китон, защищаетесь и отвергаете неудобные истины, а если не можете отвергнуть с ходу – низводите до пустяка. Вам вечно не хватает доказательств! Вы слышите о холокосте – и прогоняете эту мысль из головы. Вы видите свидетельства геноцида, но настаиваете, что все не так плохо. Температура растет, ледники тают, вымирают виды, а вы вините солнечные пятна и вулканы. Все вы такие, но ты – хуже всех! Ты и твоя «китайская комната». Ты превратил непонимание в науку, ты отвергаешь истину, даже не зная, что это такое.

– Моя «комната» неплохо мне послужила, – я изумился, с какой легкостью отправил всю свою жизнь в прошедшее время.

– Да, если твоя цель – лишь переводить. Но тебе придется убеждать и верить.

В подтексте сказанного крылось такое, на что я не смел надеяться.

– Что ты хочешь сказать?

– Нельзя позволить правде просачиваться по капле, нельзя дать вам шансы укрепить дамбы и выставить рационализации. Преграды должны рухнуть, и вас должно захлестнуть. Снести! Невозможно отрицать геноцид, сидя по горло в океане расчлененных тел.

Все это время он играл со мной, подготавливал и выворачивал мою топологию наизнанку.

Я чувствовал – что-то происходит, но не понимал, что именно.

– Я бы все понял, – промямлил я, – если бы ты не заставил меня вмешаться.

– Мог бы прямо с меня считать.

– Вот почему ты... – Я покачал головой. – Я думал, потому что мы – мясо.

– И поэтому тоже, – признал Сараста и посмотрел мне прямо в лицо.

В первый раз я столкнулся с ним взглядом и испытал шок узнавания.

До сих пор гадаю, почему не заметил этого раньше. Все эти годы я хранил в памяти мысли и чувства другого, юного человека; остатки мальчишки, которого родители вырезали у меня из-под черепа, чтобы освободить место для нового Сири. Он был настоящий, его мир был живым! Я мог проигрывать для себя воспоминания той, другой личности, но в рамках собственной почти ничего не чувствовал.

Наверное, сомнамбулизм – не слишком плохое слово для этого.

– Хочешь, я расскажу тебе вампирскую сказку? – спросил Сараста.

– У вампиров бывают сказки?

Он принял это за согласие.

– Лазеру поручают найти темноту. Он живет в комнате без дверей, без окон, без других источников света и думает, что выполнить задание легко. Но куда бы ни повернулся, лазер видит свет: каждая стена, каждый предмет обстановки оказываются ярко освещены. В конце концов он приходит к выводу, что темноты нет, и свет есть повсюду.

– И что ты имеешь в виду?

– Аманда не готовит мятеж.

– Что? Ты знаешь о...

– Даже не думает. Спроси ее, если хочешь.

– Нет... я...

– Ты ценишь объективность.

Ответ был так очевиден, что я не счел нужным его озвучить. Вампир все равно кивнул.

– Синтету непозволительно иметь собственное мнение. Так что, если оно у тебя появилось – значит, оно чужое. Команда тебя презирает. Аманда

хочет отстранить меня от командования. Половина из нас – ты. Полагаю, это называется «проекция». Хотя, – он склонил голову к плечу, – в последнее время ты исправился. Пойдем!

– Куда?

– В ангар. Пора выполнить свое задание.

– Мое...

– Выжить и засвидетельствовать.

– Робот...

– Может передать данные – если ему не выжжет память, прежде чем он покинет систему. Робот никого не в силах убедить, пробиться сквозь рационализации и отрицание очевидного. Робот не может достучаться, а вампиры... – он запнулся, – нелучшие ораторы.

Этим словам полагалось вызвать мелочную эгоистичную радость.

– Все ложится на мои плечи, – сказал я. – Вот что ты хочешь сказать. Я – убогий стенографист, но все предстоит сделать мне.

– Да. Прости меня за это!

– Простить тебя?

Сараста взмахнул рукой, и лица сгнули, осталось лишь два.

– Ибо не ведаю, что творю.

* * *

Новости расцвели в КонСенсусе за несколько секунд до того, как Бейтс их огласила: тринадцать скиммеров не показались из-за Большого Бена по графику. Шестнадцать. Двадцать восемь... Отсчет пошел.

Сараста пощелкивал про себя, пока они с майором играли в салки. Tактический дисплей заполняли многоцветные сияющие нити, клубок обновленных прогнозов – сложных, как искусство, – оплетающих планету волокнистым коконом. «Тезей» маячил в отдалении нагой искрой.

Я ожидал, что эти линии наколют нас точно иглы – бабочку. Странно, но ни одна из них этого не сделала. Однако модель охватывала только ближайшие двадцать пять часов, а надежной оставалась вдвое меньше. Даже Сараста и Капитан не могли заглянуть в будущее дальше, пока в воздухе парило так много булав. У этой тучи была своя слабенькая, светлая изнанка: стада скоростных левиафанов не могли прихлопнуть нас без предупреждения. Очевидно, для этого им придется лечь на нужный курс.

Правда, после ухода «Роршаха» на глубину мне казалось, что даже законы физики изменились.

К тому же некоторые траектории проходили в опасной близости от нас: минимум три скиммера на ближайшем обороте должны были пройти в сотне километров от нас.

Сараста, покрасневшись, потянулся за инъектором.

– Пора! Пока ты хандришь, мы переоборудуем «Харибду».

Он приставил иглу к горлу и сделал укол. Я продолжал пялиться в КонСенсус, пойманный в текучую паутину огней, как мошка у фонаря.

– Сири, немедленно!

Он вытолкнул меня из своей палатки. Я выплыл в коридор, ухватился за подвернувшуюся ступеньку – и замер.

Хребет кишел солдатами, которые патрулировали тоннель, стояли на посту у фабов и шлюзов, огромными насекомыми цеплялись за ступени раздвигающихся позвоночных лестниц. Корабль медленно и неслышно растягивался.

«Такое возможно», – вспомнил я.

Гофры хребта сжимались и расслаблялись точно мышцы: ствол звездолета мог вытянуться на две сотни метров, чтобы удовлетворить запоздалую нужду в лабораторном или свободном пространстве.

Или выстроить казармы для пехоты. «Тезей» расширял поле боя.

– Идем. – Вампир повернулся в сторону кормы.

– Что-то происходит, – вмешалась Бейтс сверху.

Мимо прополз прилепленный к расширяющейся переборке аварийный наладонник. Сараста подхватил его и набрал команду. На стене проявилось рабочее окно Бейтс: крошечный кусочек Большого Бена, экваториальный квадрант диаметром всего пара тысяч километров. Там закипали тучи и рождался бурлящий вихрь, кружащийся слишком быстро, чтобы казаться реальным. Поверх изображения накладывались круговерти заряженных частиц, скованных спиралью Паркера. Из глубины поднималась туша...

Сараста защелкал горлом.

– Магнитно-резонансное изображение? – спросила Бейтс.

– Только оптический диапазон.

Сараста подхватил меня за руку и без усилий поволок в сторону кормы. Окно бежало рядом с нами по переборке; на глазах у меня семь скиммеров вырвались из-под облаков – неровный круг раскаленных докрасна прямоточников, рвущихся в космос. Миг спустя Консensus просчитал их траектории, и сияющие дуги вознеслись, обнося корабль, точно прутья клетки.

«Тезей» содрогнулся.

«В нас попали», – подумал я. Внезапно неторопливое расширение

хребта перешло на форсаж; складчатые стенки дернулись, расправляясь, и потекли мимо моих протянутых пальцев, в то время как захлопнувшийся люк уплывал вперед... и вверх. И это не стены двигались, а мы падали под шальное, пронзительное бление сирены.

Что-то едва не вырвало мне сустав из плеча – Сараста, пролетая, одной рукой уцепился за ступеньку лестницы, а другой поймал меня, иначе нас обоих размазало бы о торец фабрикатора. Мы повисли. Я весил, должно быть, килограммов двести; пол содрогался в десяти метрах под ногами. Корабль стонал вокруг. Хребет забил скрежет гнущегося металла. Пехотинцы Бейтс цеплялись за стены когтистыми лапами.

Я потянулся к лестнице. Та шарахнулась прочь: «Тезей» гнулся посередине. Мы с Сараста разворачивались к центру хребта, как маятник на цепочке.

– Бейтс! – взревел вампир. – Джеймс!

Его судорожная хватка на моем запястье ослабла. Я снова потянулся к лестнице, раскачался и поймал ее.

– Сьюзен Джеймс забаррикадировалась в рубке и отключила автономное управление кораблем, – раздался незнакомый голос, невыразительный и мерный. – Она без согласования запустила двигатель. Мною начато контролируемое заглушение реактора. Предупреждаю: маршевый привод будет в нерабочем состоянии минимум двадцать семь минут.

«Это, – понял я, – корабль спокойно возвысил голос над воем сирен». Сам Капитан обратился к экипажу! Необычно...

– Рубка! – рывкнул Сараста. – Открыть канал!

Кто-то кричал. В этом крике были слова, но я не мог их разобрать.

Внезапно Сараста отпустил меня и рухнул наискось вниз. Там его поджидала переборка, чтобы прихлопнуть, как муху. Через пол секунды ему переломает обе ноги, если не размажет сразу... Но внезапно мы снова оказались в невесомости, и у Юкки – синееющего, окостеневшего – изо рта пошла пена.

– Реактор отключен, – доложил Капитан.

Вампир ударился о стену и отлетел. «У него припадок», – понял я.

Я отпустил лестницу и оттолкнулся. Вокруг меня кружил «Тезей». Сараста бился в воздухе, с его губ срывались щелчки, свист и сдавленный хрип. Глаза распахнулись так широко, что веки просто исчезли, а зрачки стянулись в зеркально алые точки. Кожа на лице подергивалась, будто пытаясь уползти прочь.

Впереди и сзади боевые роботы удерживали позиции, не обращая на

нас внимания.

– Бейтс! – крикнул я, задрав голову. – Нам нужна помощь!

Всюду – углы и сварные швы на стенах. Резкие тени и выступы на броне каждого робота. Решетка врезок две на три, в черных рамочках, плывущая в главном окне КонСенсуса: два здоровенных сросшихся креста прямо напротив того места, где висел Сараста.

Это невозможно! Он только что принял антиевклидики. Я видел! Если только... кто-то не подменил ему лекарство.

– Бейтс! – Она поддерживала контакт с пехотой; при первом признаке беды роботы должны были ринуться к нам на помощь и уже нести командира в лазарет. Но они ждали, невозмутимые и неподвижные. Я уставился на ближайшего. – Бейтс, ты там? – И, на случай, если нет, – обратился напрямую к пехотинцу: – Ты в автономном режиме? Голосовые команды принимаешь?

На нас со всех сторон смотрели роботы, Капитан лишь смеялся надомной головами сирен.

Надо в лазарет.

Я оттолкнулся. Сараста осыпал шальными ударами мои плечи и затылок. Он соскользнул вперед и вбок, врезался прямо в плывущий дисплей КонСенсуса, отлетел к центру хребта. Я прыгнул за ним, но краем глаза что-то заметил, обернулся. Прямо в центре экрана, из-под бурлящей маски Бена, словно кит, вынырнул «Роршах». Не просто обработанное изображение: объект светился глубоким, злым багрянцем. Разгневанное чудовище устремилось в космос, огромное как горный хребет.

Сука-тварь-ненавижу!

«Тезей» пошатнулся. Свет замигал, погас и включился снова. Разворачивающаяся переборка отвесила мне подзатыльник.

– Резерв задействован, – спокойно сообщил Капитан.

– Капитан! Сараста без сознания! – Я оттолкнулся от ближайшей лестницы, врезался в солдата и полетел в сторону вампира. – Бейтс не... что мне делать?

– Автопилот отключен. Афферентные каналы по правому борту отключены.

«Он даже не со мной разговаривает, – понял я. – Может, это вообще не Капитан? Или у него это чисто рефлекторное: диалоговое дерево для оповещения экипажа». Возможно, «Тезей» уже лоботомирован, а это лишь голос рептильного мозга.

Снова темнота. И опять мигающие огни. Если Капитан отключился, нам крышка...

Я подтолкнул Сарасту. Сирена продолжала завывать. До вертушки оставалось двадцать метров; прямо за тем захлопнутым люком – медотсек. «Прежде, – вспомнил я, – люк был открыт». Значит, кто-то закрыл его в последние несколько минут. К счастью, двери на «Тезее» не запирались.

Если только Банда не забаррикадировала его чем-нибудь, прежде чем захватить мостик.

– Ребята, пристегивайтесь! Мы уматываем! Какого черта?

Открытый канал связи с рубкой, где кричала Сьюзен Джеймс. Или кто-то еще – я не мог узнать голос.

Десять метров до вертушки. «Тезей» снова дернулся и замедлил вращение, выровнялся.

– Запустите, кто-нибудь, гребаный реактор! У меня работают лишь маневровые!

– Сьюзен? Саша? – Я подплыл к люку. – Кто там?

Протолкнулся мимо Сарасты и потянулся к рукоятке.

Нет ответа. По крайней мере из КонСенсуса. Я уловил приглушенный гул за спиной на миг позже, чем следовало: увидел зловещую тень на переборке. И обернулся вовремя, чтобы увидеть, как один из пехотинцев поднимает шипастую конечность – кривую и острую, как ятаган, – над головой Сарасты. Вовремя, чтобы увидеть, как игла вонзается вампиру в череп.

Я застыл. Металлический хоботок выдернулся, темный и блестящий. Боковые жвальца принялись пожевывать основание черепа. Обездвиженное тело Сарасты уже не билось, а лишь подрагивало – мешок мускулов и забитых помехами двигательных нервов.

Бейтс! Ее мятеж шел полным ходом. Нет, их мятеж – Бейтс и Банды. Я знал, воображал и предвидел. А он мне не поверил...

Освещение снова погасло, сирены смолкли. КонСенсус стянулся в мерцающую загогулину на переборке и погас; в последний миг я увидел кое-что на экране – и отказался это осмысливать. У меня перехватило дыхание, я чувствовал, как сквозь тьму надвигаются костлявые чудовища. Что-то вспыхивало прямо по курсу – короткое стаккато огней в бездне. Я различал сталкивающиеся углы и очертания, треск и гул коротких замыканий.

За рифленой створкой люка, ведущего в вертушку, слышался металлический лязг. Луч резкого химического света ударил меня, когда я обернулся, озарив механический строй за моей спиной; роботы разом отделились от опоры и воспарили. Их суставы лязгнули в унисон, будто войско чеканило шаг.

– Китон! – рявкнула Бейтс, вылетая из мед отсека. – Живой?

У нее на лбу горел химфонарик, который превращал внутренности хребта в контрастную мозаику бледных поверхностей и резких ползучих теней. Свет озарил пехотинца, убившего Сарастии; робот отлетел в глубину хребта, внезапно и загадочно оцепенев. Свет омыл тело вампира: труп медленно кружился в воздухе, сферические алые бусины срывались с черепа, как капли воды из протекающего крана, и расходились изогнутым, расширяющимся следом, подсвеченные фонарем Бейтс: спиральный рукав кроваво-темных солнц.

Я отшатнулся:

– Ты....

Она оттолкнула меня:

– Не стой в проходе, если не лезешь внутрь. – Бейтс не спускала глаз с шеренги роботов. – Оптический прицел.

Ряды стеклянных глазок поблескивали из тоннеля, то уходя в тень, то возвращаясь.

– Ты убила Сарастии!

– Нет.

– Но...

– Кто, по-твоему, отключил робота, Китон? Сукин сын сбрендил. Я едва заставила его самоуничтожиться. – Ее взгляд на миг ушел в себя. По всему хребту уцелевшие солдаты, полуразличимые в пляшущем луче фонаря, затеяли сложный воинский танец.

– Уже лучше, – заметила майор. – Теперь они вроде бы останутся в строю. Если только по нам не врежут посильнее.

– Чем в нас стреляют?

– Молниями, электромагнитными импульсами, – роботы расползались к фэбу и челнокам, занимая стратегические позиции вдоль тоннеля. – «Роршах» набрал охрененный заряд, и всякий раз, как эти скиммеры пролетают, между нами вспыхивает дуга.

– На таком расстоянии?! Я думал, мы... двигатели же работали...

– Не в том направлении. Мы падаем.

Три пехотинца парили так близко, что их можно было достать рукой. Выцеливали распахнутый люк вертушки.

– Она сказала, что хочет сбежать... – вспомнил я.

– Облажалась.

– Не настолько же! Она не могла, – нас всех прогнали через курс пилотирования. На всякий случай.

– Не Банда, – ответила Бейтс.

– Но...

– Думаю, теперь там кто-то новенький. Набор субмодулей каким-то образом проснулся и закрепился. Не знаю... Но, кто бы ни стоял у руля, думаю, он просто запаниковал.

Со всех сторон – неровный блеск. Световые ленты вдоль хребта замигали и наконец ровно загорелись, хотя и вдвое тусклее, чем обычно.

«Тезей» прокашлялся помехами и заговорил:

– КонСенсус отключен. Реак...

Голос затих.

«КонСенсус», – вспомнил я, когда Бейтс повернулась, чтобы двинуться обратно.

– Я кое-что видел, – сказал я. – Прежде чем система рухнула.

– Ага.

– Это?..

Она помедлила на пороге.

– Да.

Я видел шифровиков. Сотни шифровиков летели нагими сквозь бездну, раскинув щупальца. Правда, не все.

– Они несли...

Бейтс кивнула.

– Оружие, – ее глаза на миг обратились в незримую даль. – Первая волна нацелена на нос корабля. Думаю, на блистер и передний шлюз. Вторая волна – корма, – она покачала головой. – Хм... Я бы сделала наоборот.

– Сколько еще?

– Сколько? – Бейтс слабо усмехнулась. – Они уже на корпусе, Сири. Мы вступили в бой.

– Что мне делать? Мне-то что делать?

Она посмотрела мимо меня и выпучила глаза, открыв рот.

Сзади на мое плечо опустилась рука, и я развернулся. Сарастии! Мертвые глаза взирали из-под черепа, расколотого как арбуз. К волосам и коже насосавшимися клещами липли капли сворачивающейся крови.

– Ступай с ним, – ответила Бейтс.

Сарастии захмыкал и защелкал. Слов не последовало.

– Что... – начал я.

– Марш! Это приказ, – Бейтс снова повернулась к люку. – Мы прикроем.

Значит, челнок.

– Ты тоже?

– Нет.

– Почему? Без тебя они могут сражаться лучше, ты сама говорила! Так какой толк?

– Нельзя оставлять себе запасной выход, Китон. Целеустремленность теряется, – она позволила себе грустно, едва заметно улыбнуться. – Корпус пробит... Иди!

Майор сгинула, оставляя за собой след воющих сирен. Далеко в носовом конце слышался лязг захлопывающихся аварийных перегородок.

Живой труп Сарастии забулькал, подталкивая меня вниз по хребту. Еще четверо пехотинцев тихо проскользнули мимо, заняв позиции позади нас. Я взглянул через плечо и заметил, как вампир снимает со стены наладонник. Но это, конечно, был уже не Сарастия. Просто Капитан – то, что от него осталось к этой минуте, – экспроприировал для своих нужд периферическое устройство. Из затылка вампира, куда раньше подсоединялся кабель, торчал оптический порт. Я вспомнил, как шевелились жвалыца робота.

Позади нас рос грохот выстрелов и рикошетов. Пока мы летели, труп печатал что-то одной рукой. Я на миг задумался, почему он не говорит, а потом вернулся взглядом к вбитому в череп шипу: должно быть, речевые центры превратились в кашу.

– Зачем ты его убил? – спросил я.

В вертушке завывала новая сирена. Неожиданный порыв ветра толкнул меня назад, но в следующую секунду иссяк с отдаленным лязгом.

Труп протянул наладонник в текстовом режиме:

Прстун. Не мг управ.

Мы добрались до шлюзов. Роботы-часовые пропустили нас, у них сейчас были другие заботы. «Иди!» – приказал Капитан.

Издали донесся крик. Где-то посреди хребта захлопнулся люк. Обернувшись, я увидел, как два пехотинца заваривают швы. Казалось, теперь они двигаются быстрее, чем прежде. А может, у меня разыгралась фантазия.

Люк шлюзовой камеры по правому борту распахнулся. Замерцало, заплескав светом проход, внутреннее освещение «Харибды»; на контрасте аварийные фонари хребта казались еще тусклее. Я заглянул внутрь: свободного места в кабине почти не осталось – только единственный распахнутый гроб, втиснутый между баками с хладагентом, горючим и громоздкими усиленными амортизаторами. «Харибду» переоборудовали для дальних полетов с высоким ускорением. Для меня. Труп Сарастии

толкнул меня в спину, и я обернулся.

– Это когда-нибудь был он? – спросил я.

Иди.

– Скажи. Он хоть раз говорил за себя? Решал ли что-нибудь сам? Мы хотя бы раз следовали его указаниям или все это время с нами говорил ты?

Неживые, стеклянные глаза Сарастии непонимающе пялились на меня. Его пальцы заскребли по наладоннику.

Лди плхо выплняют прикзы мшин. Так вам спкойнее.

Я позволил зомби пристегнуть меня и захлопнуть крышку. Лежал в темноте, чувствуя, как нас мотает и бросает, а челнок ложится в стартовую шахту. Я стерпел внезапную тишину, когда разомкнулись стыковочные захваты, спазм ускорения, сплюнувший меня в пустоту, и нескончаемый разгон, давивший на грудь мягким курганом. Аппарат вокруг меня содрогался от нагрузки, намного превосходившей нормативную.

Внезапно снова включились имплантаты. Я мог выглянуть наружу, если бы захотел, увидеть, что творится за моей спиной. Но я не стал этого делать, упрямо и отчаянно отвел глаза.

К этому моменту «Тезей» уменьшался даже на тактическом дисплее. Корабль, спотыкаясь, ковылял вниз по склону гравитационного колодца, вихляя, скорее всего, намеренно, из-за последних маневров, призванных подтащить бомбу как можно ближе к мишени. «Роршах» поднимался ему навстречу, раскрывая скрюченные шипастые щупальца и потягиваясь, будто готовился заключить противника в объятия. Но внимание приковывали не соперники, а фон: лик Большого Бена бурлил в кормовых камерах, наполняя окно кипящими вихрями. Поверх изображения ложились тугие магнитные линии. «Роршах» перетягивал магнитосферу планеты на себя, как пестрый широкий плащ, свивая ее в тугий узел, который разрастался, наливался светом, бугрился.

«Судя по спектру, торсионная вспышка на карлике L-класса, – сказал Сарастия сразу после нашего пробуждения, – но с таким эффектом мы должны бы увидеть что-то большое, а небо в этом направлении чистое. В результате Международный астрономический союз отправляет сигнал в артефакты статистики».

В каком-то смысле это правда. Возможно, то был эффект от столкновения или краткий, яростный вскрик огромного реактора, перезапустившегося после миллионнолетней спячки. Вроде нынешнего: солнечная вспышка без Солнца. Магнитная пушка в десять тысяч раз сильнее любых естественных значений.

Обе стороны взялись за оружие. Не знаю, кто выстрелил первым, да и

какая разница: сколько тонн антивещества нужно, чтобы перебороть силу, способную выжать мощность Солнца из газового шара немногим больше Юпитера? Или «Роршах» тоже примирился с поражением, и обе стороны нанесли друг по другу самоубийственный удар?

Не знаю. Большой Бен заслонил их за пару минут до взрыва. Поэтому, вероятно, я до сих пор жив. Он встал между мною и опаляющим светом, точно монетка, закрывшая Солнце.

«Тезей» не прерывал связь до последней микросекунды. Каждый миг рукопашной, каждый последний отсчет, каждый вздох. Все шаги и ходы. В моем распоряжении телеметрия. Я могу разложить ее на любое число графов, дискретных или непрерывных. Я могу преобразовывать их, ротировать, сжимать и переводить на языки, доступные любому союзнику. Возможно, Сарасты был прав, и эта информация жизненно важна. Но я по-прежнему не вижу в ней смысла.

Харибда

Прежде виды вымирали. Сейчас они уходят в отпуск.

Дебора Макленнан.

График наших реконструкций

– Бедняга, – сказала Челси, когда мы расходились. – Иной раз мне кажется, что тебе никогда не бывает одиноко.

Тогда я удивился, не понял, почему ее голос звучал так грустно, а теперь жалею, что она ошиблась.

Знаю, мой рассказ не был безупречен. Мне пришлось распотрошить фабулу, нанизав ее ошметки на нить смерти, растянутой на десятилетия. Видите ли, сейчас я живу лишь один час из каждых десяти тысяч. К сожалению, приходится... Если бы только я мог проспать всю дорогу домой и избежать пытки недолгими редкими пробуждениями.

Я бы попытался, но постоянно умирал во сне. Человеческие тела искрятся от осадка накопленных за годы жизни радиоизотопов – сверкающих осколков, ломающих на молекулярном уровне клеточные механизмы. Обычно в этом нет беды: живые клетки быстро компенсируют ущерб. Но мои, не мертвые, позволяют ошибкам накапливаться, а дорога домой гораздо дольше нашего путешествия к «Роршаху». Я лежу в гробу и ржавею, поэтому бортовые системы время от времени меня воскрешают и дают плоти возможность подлатать себя.

Иногда они говорят со мной, зачитывают системные показатели и передают редкие весточки, пришедшие с Земли. Но обычно оставляют наедине с раздумьями и машиной, тикающей на месте моего левого полушария. Так что я разговариваю сам с собой, перевожу историю нашего полета и мои умозаключения из живого полушария в синтетическое. Так идет время: краткие, яркие мгновения осознания – и долгие годы мертвенного забвения между ними. Возможно, эта затея с самого начала была бессмысленной, и никто меня не слушает. Неважно, это мое ремесло.

Так что вот мемуары, надиктованные машине плотью. История, которую я за неимением заинтересованных слушателей рассказываю сам себе. Так может любой, у кого есть хотя бы полголовы.

* * *

Сегодня получил письмо от папы. Как он выразился, «до востребования». Думаю, это была шутка, из уважения к моему неведомому адресу. Он просто швырнул сообщение в эфир, на все четыре стороны и понадеялся, что сигнал доберется до меня, где бы я ни был.

Прошло почти четырнадцать лет. Теряешь счет таким вещам.

Хелен мертва. Небеса... очевидно, сломались, или их уничтожили. Возможно, реалисты наконец добились своего. Хотя сомневаюсь. Отец, похоже, считал ответственным кого-то другого. Деталей он не сообщал. Может, и не знал их. Он с тревогой говорил об усиливающих беспорядках. Наверное, мои коммюнике о «Роршахе» просочились в общий доступ, или публика пришла к очевидному заключению, когда от нас перестали приходить открытки. Они не знают, чем закончилась наша история, и, должно быть, сходят с ума от неизвестности.

Меня охватывает ощущение, что это не все, отец о чем-то не осмелился упомянуть. Вероятно, это мои фантазии. Казалось, его беспокоит даже новость о новом пике рождаемости, а ведь после целого поколения упадка она должна была стать поводом для праздника. Если бы мою «китайскую комнату» не сломали, я бы все понял и разобрал каждую фразу до запятых. Но Сараста разбил все инструменты, теперь они едва пригодны для работы, а я слеп, как любой исходник. Остались лишь неуверенность, подозрение и нарастающий ужас от осознания того, что, даже лишившись лучшей части своих трюков, я прочел сообщение правильно.

Думаю, отец предупреждал: «Не возвращайся!»

* * *

Еще папа сказал, что любит меня. Что тоскует по Хелен, и что она жалела о чем-то, совершенном еще до моего рождения, — о каком-то упущении или слабости, вызвавшей нарушения в моем развитии. Он пустословил. Не знаю, к чему... Какой же властью теперь обладал отец, что затребовал такую передачу и, по большей части, потратил ее на эмоции?

Господи, как я дорожу ею, каждым его словом.

* * *

Я падаю по бесконечной напрасной параболе, подчиняясь лишь инерции и тяготению. «Харибда» не смогла найти поток антивещества; «Икар» то ли потерял ориентацию, то ли его вообще отключили. Наверное, можно было послать сигнал и спросить, но я не тороплюсь. Мне еще долго лететь. Пройдут годы, прежде чем я оставлю позади хотя бы царство долгопериодических комет.

Кроме того, я не уверен, что хочу сообщать кому-то о своем местоположении.

«Харибда» не заморачивается с маневрами уклонения: в них не было смысла, даже если бы у меня осталось лишнее горючее, а враг находился бы где-то рядом. Можно подумать, он не знает, где находится Земля.

Но я почти уверен, что шифровики взлетели на воздух вместе с моими сородичами. Искренне признаю – они сыграли партию достойно. А может, им просто повезло. Случайный разряд подталкивает пехотинца Бейтс открыть огонь по безоружному шифровику. Несколько недель спустя Колобок и Растрепка используют его труп для бегства. Электромагнитные силы щекочут случайный набор нейронов в голове Сьюзен; а потом в ее мозгу возникает новая личность, которая перехватывает управление и швыряет «Тезей» в жадные объятия «Роршаха». Слепой случай, дурная удача, и ничего больше.

Хотя вряд ли... Слишком много совпадений. Мне кажется, «Роршах» сам творил свою судьбу: высадил и удобрил новую личность у нас под носом, надежно скрыл ее – если не считать практически незаметного увеличения в уровне окситоцина – под язвами и наростами в мозгу Сьюзен Джеймс. Думаю, он все предвидел, понял, как можно использовать обманку, пожертвовал малой частью себя и замаскировал это под случайность. Слепая – да, но не удача. Скорее, интуиция и блистательная, тонкая стратегия.

Естественно, большинство из нас правил игры так и не узнали. Мы в ней исполняли роль пешек. Сарастии и Капитан – какой бы мозговой гибрид не образовали эти двое – вот кто были настоящими игроками! Оглядываясь, я вижу некоторые их ходы: как «Тезей» наблюдает за перестукивающимися в клетках шифровиками; как корабль увеличивает громкость в телеметрическом канале, чтобы Сьюзен услышала их и приняла его открытие за свое. Если прищуриться достаточно сильно, замечаю даже, как «Тезей» принес нас в жертву, намеренно спровоцировав «Роршах» на возмездие последним маневром. Сарастии всегда очаровывали данные, особенно имеющие тактическое значение. А есть ли лучший способ оценить способности врага, чем увидеть его в бою?

Нам они, конечно, ничего не сказали – так было спокойнее. Мы плохо выполняли приказы машин, даже распоряжения вампира не вызывали у нас восторга. А теперь игра окончена, и на обугленной доске стоит последняя пешка с человеческим, как ни крути, лицом. Если шифровики следуют правилам, которые разработали для них несколько поколений специалистов по теории игр, они не вернутся. А если вернутся, то, подозреваю, это ничего не изменит. Потому что к тому времени не останется повода для конфликта.

В краткие минуты пробуждения я слушаю радио. Многие поколения назад мы похоронили эпоху широковещания под оптоволоком и направленными лучами, но полностью не прекратили засеивать небеса электромагнитным излучением. Земля, Марс и Луна ведут диалог миллионом голосов, перекрывающих друг друга. Каждый корабль, летящий сквозь бездну, бормочет на все стороны. Никогда не прекращали петь О’Нилы и астероиды – иначе светлячки вообще не нашли бы нас.

Я слышу, как со временем меняются их песни.

Теперь сигналы, в основном, состоят из телеметрии и навигационных данных. Временами я улавливаю всплески живых голосов, исполненных напряжения, как правило – на грани настоящей паники: идет охота, корабль пытается кануть в глубины пространства, а другие корабли невозмутимо следуют за ним. Беглецам никогда не удастся уйти далеко, прежде чем их сигнал прерывается.

Не помню, когда я в последний раз слышал музыку, но иногда что-то похожее пробивается: зловещее и неблагозвучное, полное знакомых гортанных щелчков. Моему продолговатому мозгу это не нравится, звуки пугают его до смерти.

Я помню, как все мое поколение бросило реальный мир ради самодельного посмертия. Помню, кто-то сказал, что вампиры не попадают на Небеса; они видят пиксели. Иной раз мне любопытно, как бы чувствовал себя я, если бы меня пробудили от могильного сна для трудов на потребу слабоумным тварям, некогда служившим лишь источником белка. Как бы я чувствовал себя, если бы мою слабость использовали, чтобы сковать, лишив законного места в мире.

А потом я думаю, каково это – не чувствовать ничего, быть предельно рациональной и плотоядной тварью, когда мясо радостно укладывается спать прямо у тебя на глазах...

Я не горюю по Сарастии. Господь свидетель: стараюсь всякий раз, как прихожу в себя. Он спас мне жизнь и даже очеловечил. За это я перед ним в вечном долгу, сколько бы мне ни осталось прожить. Но до последнего дня я буду его ненавидеть – по той же самой причине. Неким безумным, сюрреалистическим образом я чувствовал себя ближе к Сарастии, чем к любому из людей.

Однако у меня не хватало сил. Он был хищником, я – добычей, и не в природе агнца оплакивать льва. Я не могу горевать по Юкке, хотя он умер за наши грехи. А вот сочувствовать ему могу. Наконец-то проявилась способность сочувствовать – и Сарастии, и всему его вымершему племени. Потому что не мы, люди, должны были унаследовать Землю, а вампиры. Наверное, до какой-то степени они были разумны, но их полубессознательный сон наяву смотрелся рудиментом рядом с нашей эгоманией. Они от него избавлялись. «Я» было лишь этапом на их долгом пути.

Беда в том, что люди могут смотреть на кресты и не биться в припадке. Вот вам и эволюция: одна дурацкая сцепленная мутация – и естественный порядок вещей рушится, интеллект и самосознание на полмиллиона лет сходятся в совершенно неэффективной системе. Мне кажется, я знаю, что происходит на Земле, и, хотя иные могли бы назвать это геноцидом, они неправы. Мы сами так обошлись с собой, а хищника нельзя винить за его повадки. В конце концов, это мы их воскресили. Почему бы им не вернуть себе право первородства?

Не геноцид, нет! Исправление древней несправедливости.

Я пытался найти в этом некоторое утешение. Получалось... скверно. Порой кажется, что вся моя жизнь была лишь борьбой за то, чтобы восстановить, вернуть того, кто потерялся, когда мои родители убили свое единственное дитя. За границей облака Оорта я одержал победу в этой войне. Спасибо вампиру, команде уродов и орде злобных пришельцев: я снова человек! Может, последний из людей. А к тому времени, когда я доберусь домой, могу оказаться последним разумным существом во Вселенной.

Если, конечно, сгложусь хотя бы на это. Потому что я не знаю, есть ли на свете зверь по имени «надежный рассказчик». Ведь Каннинге́м говорил, что зомби умеют здорово притворяться.

Поэтому на самом деле я ничего не могу рассказать.

Это тебе придется представить, что ты и есть Сири Китон.

Послесловие

Благодарности

«Ложная слепота» – моя первая вылазка романских масштабов в глубокий космос: область, в которой мое образование, как бы это выразиться, несколько ограничено. В каком-то смысле нынешняя книга, конечно, не далеко ушла от предыдущих. Правда, хотя об экологии морских глубин я тоже знаю не много, большинство из вас знает о них еще меньше, и докторская степень по биологии моря послужила мне, по крайней мере, неплохой заменой эрудиции в трилогии о рифтерах.

«Ложная слепота» прокладывала свой курс в невесомости иного рода, здесь было куда важнее найти опытного лоцмана. Так что, в первую очередь, я хочу поблагодарить профессора Джейми Мэтьюза из Университета Британской Колумбии – астронома, завсегдатая вечеринок и маниакального фильтрата идей, которыми я его забрасывал. А также Дональда Симмонса – авиаинженера и удачно-непритязательного сотрапезника, который проверял спецификацию на «Тезе» (особенно двигатель и вертушку) и сделал немало подсказок о радиации и защите от нее. Оба терпеливо отлавливали мои самые выдающиеся ляпы. (Я не утверждаю, что в книге их не осталось вовсе, но сохранились они по моей небрежности, а не из-за моих консультантов. Или потому, что того требовал сюжет.)

Как всегда, моим редактором и заступником в штабе Империи Зла был Дэвид Хартвелл. Подозреваю, что «Ложная слепота» стала для нас обоих крепким орешком: сюжет грозил утонуть в потоках необходимых пояснений, не говоря уже о проблеме, как заставить читателя сопереживать компании не таких «белопушистых» персонажей, как обычно. До сих пор не могу оценить, в какой мере у меня это получилось, но я особенно благодарен за то, что мой редактор разогревался на всех подряд, от Хайнлайна до Герберта.

Первые несколько глав этой книги раскритиковала, отправив меня обратно за кульман плакать, обычная банда коллег: Майкл Карр, Лори Ченнер, Кори Доктороу, Ребекка Мэйнс, Дэвид Никль, Джон Макдейд, Стив Саменски, Роб Стауффер и покойная Пэт Йорк. Все они во время нашей ежегодной поездки на остров высказали ценные мысли и вопросы;

отдельно отмечу Дэйва Никля за идеи, которые он мне подбрасывал в течение целого года, обычно в несусветную рань. По той же причине Дэйв исключается из обычной тирады «любые-ошибки-по-моей-вине», которую мы, авторы, автогеном навариваем на список благодарностей. По крайней мере некоторые ошибки в этом романе, скорее всего, сделаны Дэйвом.

Профессора Дэн Брукс и Дебора Макленнан, оба из университета Торонто, предоставили мне интеллектуальную стимуляцию без политической и бюрократической ерунды, которая обычно сопутствует академической среде. Перед ними я в долгу – за литры спиртного и часы споров по многим затронутым в книге вопросам, и за прочее, что вас вовсе не касается. Еще в категории сборной солянки: Андре Брео, который предоставил берлогу на Западном побережье, где я заканчивал черновой вариант; Исаак Шпиндель – настоящий! – который, как обычно, помог с деталями по нейрофизиологии; Сьюзен Джеймс – тоже существует в реальности, хотя и в несколько более связном обличье, – рассказавшая, как мог бы подойти к сценарию Первого контакта лингвист; Лиза Битон – в безнадежной попытке искупить продажу души фармацевтической промышленности, указавшая мне на некоторые важные статьи; Лори Ченнер – которая выполняла роль подопытного слушателя и терпела меня (по крайней мере, некоторое время). Отдельное спасибо Карлу Шредеру, с которым я обкатывал некоторые идеи в области ум-против-разума. Часть «Ложной слепоты» можно рассматривать как ответ на аргументы, высказанные Карлом в его романе «Постоянство». Я не согласен с его рассуждениями почти на каждом этапе и все еще пытаюсь понять, как мы пришли к отчасти сходным выводам.

Заметки и примечания

Эти ссылки и заметки – попытка убедить вас, что я не полный псих (или, на крайний случай, запугать в достаточной мере, чтобы вы промолчали). Их стоит читать для получения призовых очков.

Краткое введение в биологию вампиров

Я – далеко не первый писатель, который попытался рационализировать вампиризм в рамках чистой биологии. Ричард Матесон сделал это еще до моего рождения, и, если «испорченный телефон» не врет, последний роман Октавии Батлер пройдет по теме паровым катком до того, как вы прочитаете эти строки. Однако готов ручаться, что я первым объяснил отвращение вампиров к распятию с помощью «крестового глюка», – и этот минутный всплеск вдохновения породил все остальное. Вампиров открыли заново по случайности, когда одна из экспериментальных форм генной терапии аутизма дала необычный побочный результат, принудительно запустив в подопытном ребенке ряд давно спящих генов и спровоцировав ряд физических и неврологических изменений, приведших к летальному исходу. Компания, ответственная за открытие, провела всесторонние исследования на заключенных тюремной системы штата Техас, прежде чем показать итоги. Запись этой презентации, включая иллюстрации, есть в свободном доступе в Интернете^[80]. Любопытствующие читатели могут убить полчаса драгоценного времени, если интересуются не только биологией вампиров, но и ходом исследований, финансированием, а также «этическими и политическими проблемами» одомашнивания вампиров (уже не говоря о печально известной кампании «Приручая вчерашние кошмары ради светлого будущего»). Приведенный ниже – очень краткий – конспект касается исключительно некоторых биологических характеристик предкового организма.

Homo sapiens vampiris – подвид современного человека, разошедшийся с основным стволом развития вида *Homo sapiens* между 800 000 и 500 000 гг. до н. э. и просуществовавший весьма недолго. Этот подвид был более стройным, чем неандертальцы или кроманьонцы. Основные физические различия между вампирами и современным человеком – вытянутые клыки, нижняя челюсть и удлинённые кости в качестве

приспособления к хищному образу жизни. В связи с относительно кратким периодом сосуществования обоих подвидов эти изменения не были значительными и существенно перекрываются в рамках общевидовой аллометрии; различия становятся статистически заметны только при больших выборках ($N > 130$).

Однако практически неотличимые от современного человека по конституции и общей морфологии, вампиры радикально разошлись с сапиенсами на биохимическом, неврологическом и тканевом уровнях. Пищеварительный тракт у них укорочен и вырабатывает специфический набор ферментов, более подходящих для плотоядного. Поскольку каннибализм несет высокий риск прионной инфекции^[81], иммунная система вампиров демонстрировала высокую устойчивость к прионным болезням^[82], а также к большинству паразитических гельминтов и анасакид. Слух и зрение *Homo sapiens vampiris* намного превосходят по остроте чувства обычного человека. Сетчатки вампиров квадروхроматичны: содержат четыре типа колбочек (у человека их три) – четвертый тип характерен для ночных хищников, от кошек до змей, и чувствителен к излучению в ближнем инфракрасном свете. Серое вещество мозга вампиров, в сравнении с человеческой нормой, страдает от недостатка соединений в связи с относительной бедностью глиальной ткани, что вынужденно дает изолированным кортикальным узлам гиперэффективность и самодостаточность, а это, в свою очередь, является причиной исключительных способностей вампиров в области анализа и распознавания образов^[83].

Практически все названные изменения являются следствиями каскадного эффекта, их можно, несмотря на разнообразие промежуточных причин, проследить до единственной мутации – парацентрической инверсии блока Xq21.3 на X-хромосоме^[84]. Эта мутация привела к функциональным изменениям в генах, кодирующих протокадерины (белки, играющие ключевую роль в развитии головного мозга и центральной нервной системы). Хотя неврологические и поведенческие изменения были радикальны, существенные физиологические нарушения оказались ограничены микроструктурами мягких тканей, которые не окаменевают. Это, а также исключительно низкая численность вампиров даже на пике популяции (связанной с существованием на вершине трофической пирамиды) объясняет практически полное их отсутствие в ископаемом состоянии.

Тот же каскад вызвал существенные выпадения в биохимии вампиров.

В частности, они потеряли способность синтезировать ε-протекадерин Y, который встречается только у гоминид и кодируется генами, расположенными в Y-хромосоме^[85]. Невозможность самостоятельно производить этот жизненно важный белок заставила вампиров получать его из пищи. Поэтому человек разумный составлял необходимую, однако крайне медленно воспроизводящуюся часть их диеты. Ситуация уникальная, поскольку, как правило, добыча размножается быстрее своего основного хищника, минимум, в несколько раз. В обычных условиях такая популяционная динамика невозможна: вампиры уничтожили бы свою кормовую базу – сапиенсов, а затем вымерли бы от недостатка необходимых им питательных веществ.

Как средство для восстановления пищевого равновесия у вампиров развилась способность на длительный срок впадать, подобно протоптерам, в анабиоз^[86] (так называемую «несмерть») с сопутствующим резким уменьшением энергетических потребностей организма. С этой целью организм вампира вырабатывает большое количество эндогенного Ala-(D) – лейэнкефалина (пептида, вызывающего зимнюю спячку у млекопитающих^[87]) и добутамина, укрепляющего сердечную мышцу в периоды бездействия^[88].

Еще одним побочным эффектом каскадных изменений стал «крестовый глюк» – слияние двух рецепторных сетей зрительной коры, обычно раздельных^[89], которое приводит к большим эпилептическим припадкам, если сети, ответственные за восприятие вертикальных и горизонтальных линий, стимулируются одновременно на достаточно большом участке поля зрения. Поскольку в природе прямые углы почти отсутствуют, естественный отбор не отсеивал «крестовый глюк» до того момента, как *Homo sapiens sapiens* создал евклидову архитектуру. К этому времени признак оказался зафиксирован в популяции *Homo sapiens vampiris* посредством генетического дрейфа, и весь подвид, в одночасье лишившись доступа к главной добыче, вымер вскоре после появления у людей письменности.

Вы могли заметить, что Юкка Сарасты, как все реконструированные вампиры, в минуты раздумий пощелкивает языком. Считается, что это рудименты предкового языка, более чем за 50 000 лет до н. э. зафиксированного на нейробиологическом уровне. Щелчковая речь особенно подходит хищникам, живущим в саванне: щелчки сливаются с шорохом травы, позволяя общаться, не спугнув добычу^[90]. Из человеческих языков к старовампирскому наиболее близок язык хадзани^[91].

Сенсорный аппарат человека поразительно легко взломать; нашу зрительную систему описывали, в лучшем случае, как импровизированный набор фокусов^[92]. Органы чувств людей выдают столь фрагментарные и несовершенные данные, что мозг вынужден интерпретировать их на основе вероятностных оценок, вместо того чтобы воспринимать напрямую^[93]. Он не столько видит мир, сколько гадает о нем. В результате «невероятные» стимулы, как правило, не обрабатываются на сознательном уровне, независимо от мощности сигнала. Образы и звуки, не укладывающиеся в нашу картину мира, мы обычно просто игнорируем.

Сарасты прав: «Роршах» не сделает с тобой ничего, на что бы ты не был способен сам.

Например, фокус с невидимостью молодого и глуповатого шифровика, который ограничивал свои движения провалами в зрении людей, пришел мне в голову, когда я читал о явлении, называемом перцептивной слепотой. Первым эту «недоделку» в зрительной системе человека, связанную с саккадами, обнаружил русский ученый по фамилии Ярбус^[94] в 1960-х годах^[95]. С тех пор исследователи заставляли предметы появляться и исчезать в поле зрения, общались с несчастными жертвами опытов, не замечавшими, что их собеседник стал другим в разгар собеседования. В итоге они доказали, что человеческий мозг не замечает большую часть того, что творится вокруг^[96], ^[97], ^[98]. Посмотрите демонстрационные ролики лаборатории зрительного восприятия в Университете штата Иллинойс^[99] и поймете, что я имею в виду. Ребята, от этого на самом деле крышу сносит! Вокруг нас могут кишеть сайентологи, но, если они будут правильно себя вести, мы их даже не заметим... Большая часть названных в книге психозов, синдромов и галлюцинаций существуют на самом деле и подробно описаны Метцингером^[100], Вегнером^[101] и/или Саксом^[102] (см. также «Ум/Разум», ниже). Другие (например, синдром «зеленых человечков») еще не попали в DSM^[103], ^[104] – честно говоря, парочку я изобрел, – но основаны, тем не менее, на реальных опытных свидетельствах. Аккуратное воздействие магнитными полями на человеческий мозг, в зависимости от убеждений пациента, может вызвать у него что угодно – от религиозного экстаза^[105] до ощущения, что его похищают пришельцы^[106]. Транскраниальная магнитная стимуляция может воздействовать на настроение, провоцировать слепоту^[107] или поражать

речевые центры (отнимая, например, способность произносить глаголы, но не тронув существительные)^[108]. Память и способность к обучению можно улучшать (или отнимать) тем же способом. Правительство США сейчас финансирует разработку носимых устройств ТКМС для – правильно догадались! – военных целей^[109].

Временами электростимуляция мозга вызывает синдром «чужой руки» – произвольные движения тела против воли якобы владеющего собой субъекта^[110]. В других случаях она провоцирует столь же произвольные движения, хотя субъект настаивает, что производил их сознательно, невзирая на многочисленные эмпирические свидетельства обратного^[111]. Добавьте к этому факт, что тело начинает действовать до того, как мозг «решит» подвинуться^[112], – но обратите внимание на ^[113] и ^[114], – и понятие свободы воли, несмотря на явное субъективное ощущение его реальности, начинает выглядеть нелепым, даже если вычесть влияние инопланетных артефактов.

Хотя электромагнитная стимуляция в настоящее время является самым модным способом мозгового взлома, этот способ далеко не единственный. Тяжелые физические нарушения, возникающие вследствие самых разных причин: от опухолей^[115] до железных трамбовок^[116], – могут превращать нормальных людей в психопатов и педофилов (отсюда новая личность, прорастающая в мозгу Сьюзен Джеймс). Чисто эмоциональные «американские горки» религиозных ритуалов, без использования нейрологических инструментов (даже фармакологические не очень-то нужны), вызывают одержимость и экстаз^[117]. Люди могут воспринять как собственные чужие части тела и убедить себя, что резиновая рука настоящая^[118]. Зрение бьет проприоцепцию: незаметно управляемый макет руки может убедить нас, что мы делаем одно, в то время как на самом деле происходит совершенно другое^[119], ^[120].

Последнее орудие в этом арсенале – ультразвук: менее инвазивный, чем ЭМ-поля, и более точный, чем «харизматическое возрождение», он может усиливать мозговую активность^[121] без неудобных электродов или магнитных сеток для волос. В «Ложной слепоте» он является удобным «черным ходом», чтобы объяснить, почему галлюцинации «Роршаха» сохраняются даже под экранирующей сеткой. Но здесь и сейчас «Сони» обновляет годовой патент на машину, которая использует ультразвук для передачи «чувственного опыта» непосредственно в мозг^[122]. Они называют это развлекательным устройством, в перспективе имеющим широкое применение в онлайн-играх. Ага, как же! Если ты можешь на расстоянии

вкладывать кому-то в голову звуки и образы, почему бы не вложить заодно политические убеждения и неодолимое стремление к определенной марке пива?

Уже приехали?

Теленигиляционный реактор, с помощью которого наши герои прибывают на место, основан на исследованиях квантовой телепортации, описанных в журнале «Нэйчур»^[123], «Сайенс»^[124],^[125] и «Физикл Ревью Леттерс»^[126], а в последнее время – везде, где придется^[127]. Идея передавать в качестве шаблона для сборки квантовые данные антиматерии принадлежит, насколько я могу судить, исключительно мне. Чтобы оценить более-менее достоверно массу горючего, ускорение и время «Тезея» в пути, я обратился к сайту «Релятивистская ракета»^[128], который создал физик и математик Джон Баэз из университета в Риверсайде. Использование магнитных полей в качестве радиозащитных экранов на «Тезее» основано на исследованиях, проведенных в Массачусетском технологическом институте^[129]. «Икар» я разместил вблизи Солнца, так как производство антивещества в ближайшем будущем, скорее всего, останется крайне энергозатратным процессом^[130],^[131].

Состояние несмерти, в котором пребывает экипаж «Тезея», разумеется, представляет собой очередную версию достопочтенного анабиоза (хотя мне хотелось бы думать, что я добавил в нее новую деталь, приплетя в качестве механизма физиологию вампиров). Недавние исследования приблизили человечество к осуществлению перспективы наведенной гибернации. Исследовательская группа Блэкстона вызвала у мышей спячку очень простым способом – обработав их сероводородом^[132]: сероводород клинит метаболические механизмы до такой степени, что замедляет клеточный обмен на 90 %. Ученые из центра Сафара, проводившие исследования в области реанимации, заявляют^[133], что оживили собаку через три часа после наступления клинической смерти, воспользовавшись более эффективной (и инвазивной) методикой – заменив кровь животного ледяным физиологическим раствором^[134].

Первый из этих методов ближе к тому, что мне представлялось, хотя черновой вариант романа я закончил до того, как вышли обе статьи. Я подумывал о том, чтобы переписать сцены в склепе, включив упоминание о сероводороде, но в конце концов решил, что газоиспускательные шуточки

испортят атмосферу.

Поле для игры

В «Ложной слепоте» Большой Бен назван «излучателем Оаса». Официально такого термина не существует, но Юмико Оаса описывала неизвестный до сих пор класс инфракрасных излучателей^[135], ^[136] – более слабых, чем коричневые карлики, но, вероятно, и более многочисленных^[137], ^[138] – массой от трех до тринадцати масс Юпитера. Для моей истории требовался объект относительно близкий и достаточно большой, чтобы поддерживать магнитное поле газового гиганта, и при этом маленький и тусклый, чтобы успешно избегать обнаружения в ближайшие семьдесят – восемьдесят лет. Излучатели Оаса неплохо подходят для этой цели (невзирая на явные сомнения в их существовании)^[139].

Конечно, учитывая, как мало мы на самом деле знаем об этих зверушках, детали мне пришлось предполагать. Для этой цели я понатащил информацию из разных источников по газовым гигантам^[140], ^[141], ^[142], ^[143], ^[144], ^[145], ^[146] и/или коричневым карликам^[147], ^[148], ^[149], ^[150], ^[151], ^[152], ^[153], ^[154], ^[155], ^[156], ^[157], экстраполируя их по необходимости вверх или вниз. Выстрел из супероружия «Роршаха» издалика выглядит удивительно похожим на сверхмощную рентгеновскую и радиовспышку, какую недавно наблюдали на коричневом карлике, по всем признакам слишком легком для подобных фокусов^[158]. Вспышка длилась двенадцать часов, по мощности в миллиард раз превосходила все, что может выдать по этой части Юпитер, и предположительно явилась результатом завихрений магнитного поля^[159]. Комета Бернса – Колфилда отчасти основана на 2000 CR105 – транснептуновом объекте, нынешняя орбита которого не может быть полностью объяснена гравитационным влиянием известных тел Солнечной системы^[160].

Анатомия и физиология шифровиков

Как и многим любителям фантастики, мне надоели гуманоидные инопланетяне с шишковатыми лбами и смоделированные на компьютере насекомые ужасного вида с поведением бешеных собак в хитиновых скафандрах. Конечно, фантазии ради фантазии немногим лучше

среднетипичного гребнехвостого родденберрида^[161]. Естественный отбор вездесущ, как сама жизнь, и везде, где проходит эволюция, формы жизни будут определяться одними и теми же силами. Таким образом, задача состоит в том, чтобы придумать «чужака», который одновременно достоин такого наименования и остается биологически достоверным.

Шифровики – моя первая попытка справиться с задачей, а, учитывая, до какой степени они напоминают змеехвосток земных морей, я, возможно, сел в лужу по части «невиданного»; по крайней мере в том, что касается общей морфологии. Как выясняется, у змеехвосток имеется даже нечто похожее на распределенную кожную сетчатку шифровиков. Точно так же схема размножения шифровиков – стопки молодки, отпочковывающиеся от общего ствола, – взята у медуз. Можно вытащить морского биолога из океана, но...

К счастью, чем больше приглядываешься к шифровикам, тем непривычнее они выглядят. Каннингем упоминает, что ничего похожего на их таймшерные моторно-чувствительные нервы на Земле не существует. Технически он прав, но я могу назвать предшественника, чья структура способна развиваться в эту сторону: наши собственные зеркальные нейроны активизируются не только когда мы действуем сами, но и когда наблюдаем за другим человеком, выполняющим то же действие^[162]. Данной особенностью человека пытаются объяснить развитие языка и сознания^[163], ^[164], ^[165].

На метаболическом уровне все обстоит еще непривычнее. На Земле существа, полагающиеся исключительно на анаэробный синтез АТФ, не вышли на многоклеточный уровень. Анаэробный метаболизм, хотя он намного эффективнее нашего сжигания топлива в кислороде, слишком медленный для развитых многоклеточных организмов^[166]. Решение, предложенное Каннингемом, – сама простота. Но подвох в том, что между вахтами приходится по несколько тысяч лет отсыпаться. Идея квантовомеханического метаболизма может показаться еще более сумасшедшей. И зря: дуализм «волна-частица» может оказывать серьезное влияние на биохимические реакции в условиях организма при комнатной температуре^[167]; туннелирование тяжелых атомов углерода, по некоторым сообщениям, увеличивает скорость протекания подобных реакций на 152 порядка^[168].

И уже совсем инопланетное: у них нет генов. Пример с пчелиными сотами, который я привел в качестве аналогии, появился в одном малоизвестном трактате Дарвина^[169] (черт, вот кого я всегда мечтал

процитировать!). Ближе к нашему времени небольшая, но все увеличивающаяся группа биологов начала проповедовать, что гены вообще и нуклеиновые кислоты в частности, как необходимые предпосылки развития жизни серьезно переоценены^[170],^[171]. Немалая доля сложности живых существ возникает как следствие не генетической программы, а сугубо физических и химических взаимодействий их составных частей^[172],^[173],^[174],^[175]. Конечно, все равно требуется нечто, задающее первоначальные условия для запуска этих процессов; вот тут и подключаются магнитные поля. В условиях «Роршаха» капризные цепочки нуклеотидов все равно не выжили бы.

Да, может поинтересоваться любопытствующий зануда, но как эти ребята эволюционируют без генов? Как приспосабливаются к новым условиям? Как они – подразумевается вид – справляются с неожиданностями? Если бы Роберт Каннингем был сегодня с нами, он ответил бы нечто вроде: «Готов поклясться, что одна половина иммунной системы активно борется с другой. И не только иммунной. Часть нервной системы, похоже, старается, ну... взломать другую. Мне кажется, они эволюционируют внутри себя, как бы это безумно ни звучало. Весь организм на тканевом уровне воюет сам с собой, у него внутри идет клеточная гонка за Черной королевой. Все равно, что вырастить колонию проросших друг в друга опухолей и рассчитывать, что жестокая конкуренция не позволит ни одной из них взять верх. Играет ту же роль, что для нас секс и мутации». И если бы вы закатили глаза, услышав эту демагогию, он фыркнул бы вам дымом в лицо и сослался на интерпретацию одним иммунологом этих же идей, выраженных – кто бы мог подумать? – в фильме «Матрица: Революция»^[176]. Кроме того, он мог бы напомнить, что синаптические связи в нашем собственном мозгу формируются под действием подобного внутриорганизменного отбора^[177], катализируемого отрезками паразитической ДНК, называемыми ретротранспозонами.

В черновом варианте книги Каннингем действительно рассказывал нечто подобное, но проклятый текст был уже настолько перегружен лекциями, что я вырезал эту сцену. В конце концов, непосредственным проектировщиком шифровиков выступает «Роршах», он может со всем этим справляться вместо отдельно взятых существ. Одна из идей «Ложной слепоты» заключается в том, что граница между «живым» и «неживым» размывается^[178],^[179],^[180], особенно в чреве злодейского объекта на оортовых окраинах.

В этом, собственно, и суть проклятого эксперимента. Уберем вначале валуны с дороги. «Быть никем» Метцингера^[181] – самая тяжелая книга из всех, что мне доводилось читать (ее значительную часть я до сих пор не осилил), но в ней я столкнулся с наиболее крышесносными идеями из всех, что мне доводилось встречать в литературе и жизни. Когда дело доходит до природы сознания, большинство авторов становятся бесстыдными динамщиками. Пинкер называет свой труд «Как работает разум»^[182] и на первой же странице признается, что «мы не знаем, как работает разум». Кох (парень, придумавший термин «агенты-зомби») пишет «В поисках сознания: нейробиологический подход»^[183], где стыдливо обходит стороной вопрос, почему нервная деятельность должна порождать какое бы то ни было субъективное самосознание.

Метцингер, возвышаясь над этими сопляками, берет быка за рога. Его гипотеза «мира-ноль» не только объясняет субъективное ощущение себя, но и дает понять, почему иллюзорный рассказчик от первого лица должен быть производным результатом определенных когнитивных систем. Понятия не имею, насколько он прав, – не мой уровень, – но он, по крайней мере, задал вопрос, который заставляет нас пялиться в потолок в третьем часу ночи, когда последняя сигарета давно докурена. Со многими симптомами и болезнями, попавшими в «Ложную слепоту», я впервые столкнулся в книге Метцингера. Любые утверждения или заявления в этом разделе, для которых не указан источник, скорее всего, происходят оттуда же.

Если нет, быть может, они взяты из «Иллюзии сознательной воли» Вегнера^[184]. Эта менее претенциозная и наиболее доступная книга данного автора изучает не столько природу сознания, сколько природу свободной воли, которую Вегнер вкратце описывает как «способ рассудка оценить сделанное». Он выдает собственный набор синдромов и болезней, укрепляющих в читателе умопомрачительное чувство хрупкости наших внутренних механизмов. И конечно, Оливер Сакс^[185] посылал нам весточки с передовой сознания задолго до того, как вопрос о сознании стал таким хитом.

Возможно, было бы легче назвать тех, кто не пытался объяснить сознание. Теории перекрывают весь спектр, от диффузных электрических полей до квантового кукольного спектакля; сознание «помещали» в переднюю часть островка Рейля^[186], гипоталамус и сотню динамических

ядер между ними^[187],^[188],^[189],^[190],^[191],^[192],^[193],^[194],^[195],^[196],^[197]. По крайней мере одна теория^[198] предполагает, что в то время, как человекообразные обезьяны и взрослые люди наделены разумом, человеческие младенцы его лишены. Признаюсь, этот вывод мне по душе: если дети и разумны до какой-то степени, они определенно психопаты. Но под безобидным, поверхностным вопросом: «Что такое сознание?» – прячется более важный практически: «На что оно годится?» «Ложная слепота» подробно разбирает этот вопрос, и я не стану повторять уже сказанное. Достаточно напомнить, что, по крайней мере, в бытовых условиях сознание мало чем занято, кроме того, что принимает служебные записки от гораздо более сообразительного подсознательного слоя, визирует и приписывает всю честь себе. На самом деле, подсознание обыкновенно работает так хорошо, что пользуется услугами самого настоящего привратника в передней части поясной извилины, занятого лишь тем, чтобы не позволить сознанию вмешиваться в рутинную работу мозга^[199],^[200],^[201]. (Если бы остальная часть твоего мозга обладала сознанием, она, скорее всего, сочла бы тебя кем-то вроде роговолосого босса из «Дилберта»^[202].)

Сознание не требуется даже для того, чтобы развить метарепрезентацию – внутреннюю модель чужого сознания. Это может показаться парадоксальным: как научиться осознавать, что окружающие особи являются самостоятельными деятелями, имеющими собственные интересы и цели, если ты не осознаешь собственные? Но противоречия тут нет, и сознание не требуется. Вполне реально отслеживать намерения окружающих без единого грана рефлексии^[203]. Норретрандерс прямо объявил: «Сознание – обман»^[204].

Искусство можно считать исключением. Похоже, эстетика требует некоторого уровня самосознания: возможно, эволюция эстетики и спустила лавину разума. Когда тебя бросает в дрожь от прекрасной мелодии, врубается механизм поощрения в лимбической системе – тот же механизм, что вознаграждает человека за секс с привлекательной партнершей и поглощение больших количеств сахарозы^[205]. Другими словами, это взлом системы; твой мозг научился получать награду, не заслужив ее увеличением приспособляемости^[206]. Это приятно, делает нашу жизнь ценной и полной. Но оно же обращает нас внутрь себя и отвлекает. Помните крыс 1960-х, которые научились, нажимая рычаг, стимулировать центры удовольствия? Они жали на рычаги с таким наркоманским рвением, что забывали питаться. Зверьки дохли от голода! Не сомневаюсь, что

умирали они счастливыми, – но умирали. Не оставив потомства: приспособляемость падала до нуля.

Эстетика. Самосознание. Гибель.

И это приводит нас к последнему вопросу, таящемуся в бескислородных глубинах, – вопросу о цене сознания. Если сравнивать самосознание с бессознательной обработкой информации, то первое медлительно и расточительно^[207]. Мысль об отдельном, стремительном сознании в стволе нашего мозга, которое берет на себя управление при аварии, помимо прочего, основана на исследованиях Джо Леду из Нью-Йоркского университета^[208], ^[209]. Для сравнения вспомните молниеносные и сложнейшие вычисления, которые производят саванты; это некогнитивная способность^[210], и есть свидетельства, что суперфункциональностью аутисты обязаны не подавляющей интеграции мыслительных процессов, а относительной нейрологической фрагментации. Даже если бы сознательные и бессознательные процессы были равно эффективны, осознание внутренних стимулов по своей природе отвлекает индивида от других, внешних угроз и благоприятных возможностей. Этой своей догадкой я страшно гордился. Можете представить, как я расстроился, обнаружив, что Вегнер высказывал такую мысль еще в 1994 году^[211].

Цену высокого интеллекта продемонстрировали экспериментально, в опытах, где умные дрозофилы проигрывали тупым в конкуренции за пищу^[212]. Возможно, потому, что метаболические потребности обучения и запоминания оставляют меньше энергии на ее поиск. Я не забыл, как только что посвятил целый роман доказательству того, что ум и разум – разные вещи. В данном случае опыт все же имеет ценность: ведь обе способности метаболически расточительны (разница в том, что ум, по крайней мере в некоторых случаях, оправдывает расходы, а какова эволюционная ценность медитации на закат?).

Хотя многие указывали на разные недостатки и слабые стороны разума, мало кто делал следующий шаг и вслух интересовался: стоит ли эта штука таких проблем? Конечно, стоит, верят люди! Иначе естественный отбор давно бы ее выполол. И, вероятно, они правы. Надеюсь. «Ложная слепота» – это мысленный эксперимент, игра в «предположим» и «что, если?». Ничего больше.

С другой стороны, дронты и стеллеровы коровы тысячу лет назад могли бы применить тот же аргумент, чтобы доказать собственное превосходство: если мы такие неприспособленные, почему не вымерли?

Потому что естественный отбор требует времени, и удача играет свою роль. Самый здоровый парень на деревне необязательно самый сильный или выносливый. Игра не окончена! Она никогда не кончается – по эту сторону тепловой смерти финишной черты нет. Победителей тоже быть не может, есть лишь те, кто еще не проиграл.

Данные Каннингема об узнавании себя у человекообразных обезьян тоже настоящие. У шимпанзе соотношение массы мозга и массы тела выше, чем у орангутанов^[213], но оранги последовательно узнают себя в зеркале, в то время как шимпы – через раз^[214]. Точно так же, кроме людей, наиболее развиты речевые способности у некоторых видов птиц и приматов – но не у предположительно «более разумных» человекообразных, наших ближайших родственников^[215], ^[216]. Если присмотреться, эти факты подсказывают, что разум может оказаться фазой, из которой орангутаны еще не вышли, а их более развитые родичи шимпанзе уже начинают вырастать (гориллы не узнают себя в зеркале; возможно, они уже выросли из пеленок разума или просто никогда их не носили).

Конечно, люди в эту схему не вписываются. Если схема в принципе существует. Мы флюктуации: это одна из идей, которые я хотел донести. Держу пари, вампиры в нее вписались бы!

И, наконец, когда «Ложная слепота» проходила корректуру, этому неприятному предположению нашлось очень своевременное опытное подтверждение: оказывается, бессознательное лучше принимает сложные решения, чем сознание^[217]. Похоже, сознание просто не может оперировать достаточным количеством переменных. Как сказал один из ученых: «В ходе эволюции мы в какой-то момент начали принимать решения сознательно, и у нас пока не очень получается»^[218].

Среда вообще

(фоновые детали, сбои прошивки и человеческое бытие)

Юный Сири Китон не одинок: мы уже более пятидесяти лет лечим отдельные тяжелые формы эпилепсии радикальной гемисферэктомией^[219]. Странно, но удаление половины мозга не слишком влияет на уровень интеллекта или двигательные способности (хотя большая часть идущих на операцию пациентов, в отличие от Китона, с самого начала страдают

умственной отсталостью)^[220]. Зачем удалять именно полушарие, я не очень хорошо понимаю: если вы всего-навсего пытаетесь разорвать петлю обратной связи, почему бы не перерезать только мозолистое тело? Может, чтобы предотвратить синдром «чужой руки»? Если так, не значит ли это, что хирург сознательно уничтожает разумную личность?

Опиоиды материнского инстинкта, которыми пользуется Хелен Китон, чтобы запустить в себе материнскую любовь к сыну-инвалиду, выросли из недавних работ по моделированию дефицита привязанности у мышей^[221]. Железоядные облака, идущие по следу Огнепада, основаны на описанных Плейном и соавторами^[222]. Языковедческий жаргон Банды (четырех) я натралил по разным источникам^[223], ^[224], ^[225], ^[226]. Манера команды «Тезея» разговаривать на нескольких языках сразу – слава Богу, без цитат! – навеяна размышлениями Грэддола^[227], который предполагает, что наука должна владеть множеством языков, поскольку язык определяет образ мысли, и единственный «универсальный» язык науки ограничил бы наш взгляд на мир.

Предшественник «расширенного фенотипа» Шпинделя и Каннингема уже существует в лице некоего Мэтью Нагеля^[228]. Сращенные протезы, позволяющие им синестетически воспринимать сигналы лабораторного оборудования, пользуются поразительной пластичностью чувствительной коры мозга. Слуховые зоны можно превратить в зрительные, лишь подключив к слуховым нервам оптические (если сделать это на достаточно ранней стадии)^[229], ^[230]. Карбоплатиновые наращения Бейтс уходят корнями в недавние разработки металлических мышц^[231], ^[232]. Язвительный наезд Саши на психиатрию XX века вырос не только из (ограниченного) личного опыта, но и из пары статей^[233], ^[234], срывающих налет таинственности с так называемого расстройства множественной личности. (Не то чтобы с идеей был непорядок, но с диагностикой – определенно.) Вариант фибродисплазии, убившей Челси, основан на симптомах, описанных Капланом и его сотрудниками^[235]. И – хотите верьте, хотите нет – лица, которыми Сараста пользовался ближе к концу книги, представляют собой реально существующую форму статистического анализа: лица Чернова^[236], которые эффективнее обычных графиков и таблиц передают существенные характеристики набора данных^[237].

Приложение

Боги насекомых [\[238\]](#)

Мы видели горящие небеса и наблюдали за тем, как «Тезей» исчезает в пустоте. Десять лет спустя мы все еще ждем весточки от по-прежнему невидимых инопланетян и разведчиков, отправленных на их поиски. Возможно, скоро мы получим ответ.

* * *

Прошло пять лет с появления Бога 21 секунды. В тот день мы потеряли пятнадцать миллионов душ. Пятнадцать миллионов мозгов, погруженных во всеобъемлющий полносенсорный опыт – более реальный, чем сама реальность: затяжные прыжки с парашютом, охота на вирусы, секс с давно потерянными или воображаемыми любовниками, чью иллюзорность выдавало лишь их совершенство. Групповухи и битвы в космосе, в которых участвовали тысячи человек; каждый кормился с тонкого ручейка пропускного сигнала, державшего людей на безопасном расстоянии друг от друга, даже когда все переживали одно и то же ощущение. Все это мы потеряли за один миг.

И до сих пор не знаем, что произошло.

Основы, конечно, просты. Любой троглодит скажет, что произойдет, если заменить проселок на двенадцатиполосное шоссе: пропускная способность увеличится, время задержки упадет, и дорога неожиданно станет настолько большой, что сможет переносить не только ощущения, но и сознания. «Мы» сольется в одно большое «Я». Мы знали о таких рисках и сразу установили клапаны; понимали, что случится без них. А почему предохранители не сработали одновременно, нам неизвестно. Мы не знаем, кто это сделал (или что – слухи о самостоятельных, распределенных ИскиИнах, передающих свои микроволновые мысли в стратосфере, никто не подтверждал, но и не отрицал). И никогда не узнаем, какие озарения пронесли в разуме этого богоподобного роя, прежде чем были запущены прерыватели, отключены жертвы и с трудом удалось вернуть малую долю управления. Мы бесчисленное количество часов допрашивали уцелевших (тех, кто вышел из кататонии, по крайней мере). Они рассказали то, что мог бы поведать один нейрон, если бы его вырвали из головы и потребовали изложить, о чем думает весь мозг.

Иски, поданные человеческими жертвами, более-менее удовлетворили. Другие же – те, что Бог 21 секунды замыслил, распланировал и запустил в действие за мимолетные мгновения между рождением и смертью, – продолжают циркулировать в тысячах юрисдикций. Он предпринял первые шаги, нанял первых ИИгентов меньше чем через десять секунд после Слияния. Права божеств-поденок. Создание и убийство роевого разума. Стратегии восстановления, которые могли вынудить случайную выборку людей подключать мозги в возрожденное Целое на час в неделю, чтобы Бог 21 секунды мог снова возродиться. Судебные тяжбы, длящиеся годами, что велись одновременно на нескольких фронтах, все, спланированные заранее и функционирующие на автопилоте. Рой существовал лишь 21 секунду, но за это время узнал достаточно, чтобы организовать себе второе пришествие. Он хочет вернуть свою жизнь.

Удивительно, но немалое число людей желают к нему присоединиться.

Некоторые говорят, что нам лучше сдаться и уступить. Ни одна армия юристов, никакая стая ИИгентов не в силах победить согласованное сознание с нейровычислительной массой в пятнадцать миллионов человеческих мозгов; и неважно, насколько мимолетна была его жизнь. Некоторые предполагают, что даже его редкие судебные неудачи намеренны – это часть заранее просчитанной стратегии, отсрочивающей абсолютную победу роя до тех пор, пока не будет достигнут некий важный технологический предел.

«Бог 21 секунды находится вне разума смертных», – говорят они. Даже наши победы работают на его Божественный замысел.

* * *

Первые 33 элемента Разума Мокши – по одному на каждое главное божество индуистского пантеона, хотя нам сказали, что это чистая случайность, – зажглись 6 мая 2086 года. С тех пор его рост идет только по экспоненте: Разум протянулся от Индии до Японии, как сеть из шести миллионов жемчужин, сплетенная на поверхности планеты. Это, возможно, единственное уцелевшее существо, способное дать понимание, как работал Бог 21 секунды.

Жаль, оно не снисходит до разговора с нами...

Ирония очевидна: шесть миллионов мозгов так тесно переплетены, что формируют единое сознание, и одновременно настолько изолированы, что встретиться с ними можно только в реале. Приходится идти пешком,

как пилигриму из давно минувших дней, надеясь, что стражники у врат позволят пройти. Так, по крайней мере, поступил я и сжег трехлетнюю норму углерода, пока добрался до редкой закрытой территории на Восточной Суматре, еще принимавшей посетителей.

Здесь все управлялось автоматически. Узлы (старомодные существа среди нас по-прежнему предпочитают слово «люди») складированы рядами шестиугольных трубок, будто личинки в сотах. Форму каждого тела поддерживал изометрический массаж и слабые электрические разряды в мускулы. Койки корчились в медленной непрерывной перистальтике, раскачивая людей по эксцентрическим орбитам, чтобы предотвратить образование пролежней. Питание доставлялось трансдермально, без образования твердых отходов; катетеры выводили незначительное количество жидкости из почек. Физиологи говорят, что в таких условиях пищеварительный тракт со временем атрофируется, но, по словам моей проводницы, охранника и единственной самостоятельной души, встретившейся мне за время визита, плоть – помеха, вносящая в мир раздор и путаницу. Телесные узлы поддерживаются, пока это необходимо для существования великого надразума. И хотя она не говорила об этом прямо, но я понял: Разум Мокши – лишь мостик к некоему внетелесному состоянию, которое хотело бы оставить сансару навсегда.

Мы стояли в огромной пещере, утесы с сотами возвышались со всех сторон. Как Небеса, только без амниотических резервуаров.

– Оно нас слышит? – поинтересовался я.

Проводница кивнула:

– По меньшей мере двумя тысячами ушей.

Я наклонился к мужчине средних лет в третьем ряду от пола, чье дыхание было едва различимо, а неподвижные глаза под закрытыми веками совсем впали. Поначалу я ничего не сказал. Конечно, любой подслушивающий разум силой в шесть миллионов душ мог предвидеть мое обращение и, вероятно, даже ответить, прежде чем я открыл бы рот.

– У меня есть несколько вопросов, – сказал я через несколько секунд.

И, помолчав, добавил:

– Я знаю, ты меня слышишь. И знаю, ты можешь ответить.

Пустая театральщина! Я – не первый пустился в это паломничество: с тех пор как Разум пробудился, здесь побывали тысячи человек.

– Чего ты боишься?

– Он никогда не отвечает, – сказала мне проводница.

Я повернулся к ней:

– Тогда откуда вы знаете, что он нас слышит? Почему решили, что все

эти шесть миллионов человек просто не лежат в кататонии?

Она улыбнулась:

– Слышите, как мухи жужжат на обочине дороги. Что вы им скажете?

Поверхностный ответ – такие достают из печенья с предсказаниями. С другой стороны, я тоже не был полностью честен.

А если бы был, произнес бы нечто в таком духе: «Я знаю, что слишком мал для тебя. Знаю, что мой жалкий одиночный разум не сможет вместить даже малое из тех озарений, которые мелькают в твоём могущественном интеллекте. Но я не сомневаюсь: тебе, ублюдок, верить нельзя. Я видел, что рой может делать с людьми вроде меня, даже когда он составляет крохотную долю твоих масштабов и настолько мал, что снисходит до нас, признавая человеческое существование. Я знаю, ты видишь будущее... Даже если тебе не хочется рассказывать нам, каким оно будет».

Пусть болтовня проводницы о мухах отдавала клише, но она говорила о многом. Наверное, женщина имела в виду Шекспира. Мы для богов, что для мальчишек мухи, и пусть они не мучают нас ради забавы^[239]. Но сомневаюсь, что боги встанут на защиту людей, если кто-то другой решит взять мухобойку.

* * *

Узлы Мокши можно найти и в других местах, если поискать: там, где нет складов, охраны и политики в отношении посетителей, так как, по сути, мир не знает об их существовании. В таких местах узлы, можно сказать, разговаривают. А вот имеют ли их слова смысл, уже другой вопрос.

Я нашел один в пакистанской деревне среди джунглей, прямо в конце горного проселка, на котором большая часть колесного транспорта сдалась бы после первого километра. Она лежала на койке в трехкомнатном автофабе, подключенная к сервису поблизости через древний оптоволоконный кабель, торчавший из основания черепа. Там не было умных матрасов, разминавших мускулы и переворачивавших тело с регулярными интервалами – только пленка москитной сетки да один старик – то ли отец, то ли дед, заменявший питательный мешок.

Девочке от силы исполнилось одиннадцать лет. Ее периодически трясло от приступов, и она завывала. У нее уже выпала половина зубов.

У старика не имелось переводчика и имплантатов, насколько можно было судить. Я задал вопросы, какие смог, с помощью жестов и пантомимы, пока он вытирал влажной губкой тело на кровати. Девочку

звали Аанджай; в семье лишь на нее одну снизошло благословение ассимиляции. Они позволили себе всего один интерфейс – лучший для того, чтобы этого ребенка пощадили. Я так и не понял, что случилось с остальными членами семьи, но старик, кажется, был ее главной и единственной нянькой.

По моему мнению, с работой он не справлялся – от Аанджай несло смрадом. И все равно, обнадеженный ее вокализациями, я вновь попытался поговорить с Разумом Мокши. Девочка отвечала лишь бульканьем вперемешку с бессмысленными слогами. Пару раз мне показалось, что я услышал отдельный фрагмент, не полностью лишенный смысла: «Akan dating, tidak lamalagi». Но в конце концов списал это на случайные фонемы и отчаянное желание имплантатов перевести хоть что-то.

Глоссолалия – побочный эффект религиозного упоения и вознесения. А оно, в свою очередь, лишь глюк в теменной доле: знаменательный сбой в части мозга, которая следит за тем, где кончается тело и начинается все остальное. В рое таких границ не существует, там сама мысль растворяется в множествах. Наркоманы вознесения описывают это чувство Единения, личной связи со всем сущим, как невероятно приятное. Потому меня обнадеживает мысль, что звуки, издаваемые Аанджай, – своего рода отражение счастья, и в глубине этого гниющего тела ярко горит ядро экстаза.

Правда, ее бормотание – сбой, следствие неполного сигнала. У складских узлов интерфейсы с самым широким пропускным каналом; там люди не позорятся, бессмысленно лепеча. Тот факт, что Аанджай все еще говорит, означает, что она хоть и соединена с целым, но не совсем в нем потерялась. Нечто по имени Аанджай все еще существует.

Эта мысль меня тоже обнадеживает.

* * *

Однажды я беседовал с человеком, который разделил сознание с осьминогом.

Мне казалась, история будет не слишком пугающей. Идентичность имеет критическую массу, и, слившись с роем в миллион мозгов, ты становишься нейроном в общей сети, максимум ее незначительной частью. Думает ли о себе обонятельная луковица? Будет ли требовать голоса зона Брока? Рои не просто ассимилируют личность – они ее уничтожают. Их не просто так запретили на Западе.

Но осьминог? Беспозвоночное, хваленый моллюск! В столь крохотном разуме нельзя потеряться. Я мог бы и сам попытаться сделать нечто подобное ради исключительно вуайеристского восторга, шанса увидеть мир чужими глазами.

Правда, такие мысли приходили мне в голову до встречи с Гуо.

Мы договорились повидаться во время обеда в Стэнли-парк, хотя заказывать ничего не стали. Рассказывая о том, что с ним случилось, Гуо даже мысль о еде не мог переварить. Я так понял, он немало размышлял о произошедшем; беседа с Гуо больше походила на интервью с пугалом.

По его словам, это был простой интерфейс для простой системы – гигантского осьминога, освобожденного из изолированной колонии в заливе Якина и оснащенного межмозговым интерфейсом, обернутым вокруг его собственного мозга подобно паутине. У Гуо имелся такой собственный, искусственно выращенная сетка, пронизывающая мозолистое тело, – парень убивал «облака» в Гуандонге. Протоколы совпадали не полностью, но их можно было подкорректировать.

– И каково это – быть осьминогом? – спросил я.

Гуо молчал какое-то время. Казалось, он не столько собирался с мыслями, сколько боролся с ними.

– Нет такого существа, как осьминог, – наконец тихо произнес Гуо. – Они все... колонии.

– Колонии?

– Их руки, щупальца... – Его адамово яблоко подпрыгнуло в горле. – Отвратительные ползающие щупальца... Ты знаешь, штука, которую у него называют мозгом... на самом деле это вообще ничто. Кольцо нейронов вокруг пищевода, по сути, роутер. Большая часть нервной системы находится в щупальцах, и они... каждое из них имеет собственное сознание...

Я дал ему время.

– Люди часто говорят про их глаза, – продолжил Гуо, помолчав. – Типа как удивительно, что у животного без позвоночника глаза прямо как у нас и даже лучше. А как осьминоги меняют цвет и сливаются с фоном! Казалось бы, глаза при таком раскладе должны различать, где перед, а где центр.

– Казалось бы, да.

Гуо покачал головой:

– Это все просто... рефлекс. В смысле, может, в этом нейроновом бублике где-то есть свет, и, по идее, он должен быть, но по какой-то причине интерфейс не имел доступа к этой части. Или так, или его заглушили...

– Щупальца, – напомнил я.

– Они не видят. Не так, как мы, – Гуо закрыл глаза. – Есть нечто, похожее на размытый мутный свет. Ты словно ощущаешь... мозаику через кожу, если сильно сосредоточиться. Но, по большей части, все химическое. Вкус и прикосновения. Присоски чертовы, их сотни! Они будто языки и постоянно двигаются. Представь, как тысячи языков корчатся по всему телу, пульсируют в кишках и мускулах, вылезают из кожи целыми скоплениями, как... голодные паразиты.

Я попытался представить, но особенно не старался.

– Теперь умножь все это на восемь. – Гуо вздрогнул. – Восемь корчащихся тварей, и от каждой несет, каждая прогнила насквозь вкусами, запахами и... прикосновениями. Плотность чувствительных нервов... омерзительна. Другого слова я не могу подобрать. И каждое из щупалец обладает самосознанием.

– Но они такие маленькие. – Мне было интересно и в то же время неприятно. – По числу нейронов ты опережаешь осьминога раз в триста, и неважно, сколько его частей функционируют одновременно. Они же не могут поглотить тебя, как Разум Мокши, например. Скорее наоборот.

– О, ты совершенно прав. Они тебя не проглатывают, вовсе нет! Они лезут внутрь и заражают. Ты чувствуешь, как они ползают в твоём мозге.

Мы оба какое-то время не могли произнести ни слова.

– А зачем ты это сделал? – наконец спросил я.

– Черт его знает, – издал Гуо горький смешок. – Почему кто-то что-то делает? Наверное, хотел узнать, каково это.

– И тебе никто не сказал, что ощущения будут... не из приятных?

Гуо отрицательно покачал головой:

– Сказали, так бывает не у всех. Уже потом. Пытались даже обвинить меня, заявив, что мой интерфейс не отвечал минимальным стандартам совместимости. Но думаю, меня просто пытались остановить.

– То есть?

– Я убил эту тварь, разорвал голыми руками. – Гуо сверлил меня глазами, черными и пустыми, без капли раскаяния. – До сих пор возмещаю убытки.

* * *

Когда вы умираете, ваш мозг чувствует себя живым как никогда. Его затапливают нейромедиаторы; гамма-волны извиваются между таламусом

и корой, будто синхронизированные молнии. Единственное обыкновенное состояние, которое хоть как-то приближено к ощущениям умирающего мозга, – трансцендентная осознанность буддистского монаха в состоянии глубокой медитации.

Потому неудивительно, что есть люди, которые постоянно топят себя во имя просвещения. (Я впервые написал о них десять лет назад, но тогда был довольно наивен и полагал, что это очередная маргинальная группа.) Они забираются в стеклянные гробы, которые называют «призмами», задраивают крышку и открывают вентиль, пока полностью не погрузятся под воду. Иногда оставляют пузырь воздуха на поверхности, совсем крохотный, только нос высунуть; иногда и его нет.

Это не самоубийство, хотя время от времени люди так умирают. Они бы сказали, что все наоборот, и ты не жил, пока не испытал ощущение смерти. Но тут все намного глубже, это не поверхностное увлечение адреналиновых наркоманов. Фетиш призматиков происходит от эволюционных основ сознания как такового.

Протяните руку к огню, и подсознательный рефлекс отдернет ее прежде, чем вы почувствуете боль. Только когда разные цели вступают в конфликт – например, руке больно, но уронить горячий поднос на ковер тоже не хочется, – пробуждается сознание и решает, какому импульсу подчиниться. Задолго до появления искусства, науки и философии у сознания была единственная функция: не просто выполнять двигательные команды, но связывать противоречащие друг другу побуждения.

Когда тело лежит под водой и задыхается, трудно вообразить более конфликтующие императивы, чем необходимость дышать и желание задерживать дыхание. Как сказала мне одна из призматиков: «Ляг в гроб и скажи мне, чувствовал ли ты хоть раз в жизни себя более осознанным».

Я попросил ее описать ощущение усилившегося сознания. «Не могу, – призналась она, недолго подумав. – Ты знаешь настолько больше, чем человек, который прячется у тебя за глазами. Он – идиот. Едва может запомнить пару телефонных номеров и список покупок, если тот относительно короткий. Число Зверя слишком большое, оно в такую мелочь не вмещается».

Их философия похожа на проявление некоего противодействующего нам импульса, реакцию на что-то. Утопление – крайне неприятный опыт, как ни крути (я не принял предложение женщины, у которой брал интервью). Трудно представить, какой стимул мог спровоцировать столь сильное сопротивление и неистовое желание утвердить собственное сознание, ощутить его. Ни один призматик не смог пролить свет на этот

вопрос. Они не думают о своих действиях в подобных терминах. «Мне важно знать, кто я такой, – ответил двадцатиднолетний ВКУ-мастер, обдумав мой вопрос. – Важно... быть наготове». Но его слова казались не столько ответом, сколько еще одним вопросом, и, когда я спросил, к чему именно он готовится, парень ничего не сумел сказать.

* * *

Говорят, если погрузиться на достаточную глубину, все мы окажемся одной и той же личностью.

Юнг называл это коллективным бессознательным, Окору – глубинным тотемом. Мы же считаем это единением инстинкта и артефакта: подвальная проводка таламуса и лимбической системы, вбитый намертво страх перед змеями, фрактальные узоры, что переливаются перед глазами во время галлюцинаций и в состоянии клинической смерти. Генетические алгоритмы, встроенные эволюцией; арки, появившиеся в результате случайных побочных эффектов мозговой структуры.

Они не всегда проявляются одинаково. Мириады слоев между спинным мозгом и неокортексом скрывают их, выворачивают, превращают в фобии и архетипы, чью всеобщность можно распознать, только аккуратно вычесав из них культуру и опыт. Но лежащие в основе схемы у всех одинаковы. Об этом позаботилась эволюция, здесь нет ничего сверхъестественного.

Хотя иногда так не кажется.

За последние четыре месяца 2089 года Разум Мокши тихо увеличился в три раза; на фоне пришествия Бога 21 секунды это заметили немногие. За тот же период ряды призматиков пополнились на 64 %. Производство запрещенных межвидовых интерфейсов, по самым скромным оценкам, выросло в четыре раза. Будто по всей планете наш вид развил неожиданную склонность к практикам, искажающим сознание. С этого драматического скачка начался глобальный тренд, который продолжается до сих пор, хотя и по более пологой кривой.

Никакого очевидного объяснения происходящему нет.

С дарвиновской точки зрения, в этом нет смысла. Ритуализированное утопление не повышает совокупную приспособленность; люди, соединяющие свой разум с осьминогами, занимаются сексом не больше, чем другие (скорее даже наоборот). Размножение в принципе невозможно для миллионов живых мертвецов, затерянных в Разуме Мокши.

Но это и не идущий наперекосяк механизм приспособливаемое™, не классическая склонность к адаптационным импульсам, давно переросшим свою полезность. Заражая себя чужим разумом, прилива дофамина не испытываешь. Призматика – не любители эротической асфиксии; чтобы они ни выжимали из околосмертных переживаний, это не удовольствие. Обычно такие группы склонны к беспокойству и паранойе – словно они видят что-то ужасное в состоянии повышенной осознанности, а когда возвращаются, не могут вспомнить, что конкретно.

Я изучил гораздо больше данных, чем могу здесь описать, принимал эти тренды за мемы и вирусы, рассматривал десятки моделей распространения. Ни одна не подошла. Это не просто смена парадигмы. Скорее, следствие привычных имплантатов, разгоняющих мозг, которые люди жадно хватали, пытаясь выбить преимущество в рыночной гонке. В этом есть что-то инстинктивное: миллионы не связанных друг с другом душ по всей планете неожиданно стали одержимы жаждой вырваться из собственных черепов, как мигрирующий лосось стремится вверх по течению навстречу высшей долготе. И никакие анализы сетевых путей или эпидемиологические модели не объясняют это явление.

Можете называть его эпидемией. Чумой сознания.

А можете – коллективным бессознательным, пытающимся проснуться.

* * *

Женщина из призматиков сказала, что парень за нашими глазами – идиот: блокнот для эскиза реальности, который существует буквально секунду и затем переписывается.

А вот оставшаяся часть... Та, что таскает грузы, принимает сложные решения, балансирует уравнения, решает задачи, которые никогда не влезли бы в сознательную память. Она не может показать свою работу и подает находки в виде снов и интуиции, позволяет отделять зерна от плевел. Очевидно, что она видит опасности, которые сознательные подпрограммы не способны заметить. Возможно, она видит что-то прямо сейчас, и мы больше не можем позволить себе жить в слепоте.

Похоже, угроза действительно страшная. В XX веке нас не пробудила опасность ядерной войны, а в XXI-м нам не хватило генномодифицированных эпидемий. Мы поколениями самодовольно отрицали катастрофическое разрушение окружающей среды. Если подсознательные «я» сейчас стараются прорваться наружу и растянуть сознательный разум

так, чтобы тот вместил сложную и жизненно важную истину, значит, опасность больше всех фильтров, которые, на нашу беду, помогали нам игнорировать все вокруг. Угроза очень жизненна, конкретна или даже хуже того.

«Число Зверя, – сказала она. – Слишком большое, чтобы вместиться».

* * *

Если консорциум «Тезей» и знает, где очутился его флагман, нам он об этом не говорит. Сейчас корабль может по инерции лететь куда-то за пределы местного межзвездного облака, а вся его команда – по-прежнему спать и видеть сны.

Но, возможно, в Оорте «Тезей» нашел то, что искал. Возможно, еле заметное доказательство этой встречи пронеслось сквозь пространство со скоростью света и нависло над нами, как прибойная волна. Его не заметили блокноты сознания, но для проворных схем под ними оно зазвенело сигналом пожарной тревоги. А может, отдельные паникеры оказались правы, и вся человеческая проводка – внизу и наверху – сплетена в некую квантовую сеть, для которой скорость света не важна.

Мы знаем наверняка одно: спустя шесть лет после старта «Тезея» – миг по космическим масштабам – коллективное бессознательное по какой-то причине стало работать на повышенных оборотах. А ведь мы столько раз стояли на грани полного уничтожения, но ни разу до этого рефлексивное противостояние, охватившее весь наш вид, не проснулось.

«Важно... быть наготове», – сказал призматик, не зная почему. «Akan dating tidak lama lagi», – пробормотала Аанджай из глубин кататонии. В переводе с малайского это значит «скоро придет» (если имплантаты меня не подводят).

А может, «скоро вернется».

Полковник

Повстанцы уже заходили с востока, когда сработала тревога. К тому времени, как полковник включился в игру – обработал данные, нашел наблюдательный пункт, вытащил из кровати ближайшего сетевого специалиста и посадил ее у пульта, – они окружили закрытую территорию. Джунгли скрывают их от глаз исходников, но заимствованные глаза полковника все прекрасно видят в инфракрасном свете. На расстоянии в полмира он отслеживает каждый размытый тепловой след, отфильтрованный сквозь скудный полог.

Хоть один плюс от уничтожения эквадорской природы: трудно перепутать партизана с ягуаром.

– Я насчитала тринадцать, – говорит лейтенант, группируя на дисплее пятна искусственного цвета.

Путаница резервуаров и башен в середине росчисти. Массивный кабель, утыканный парными подъемными площадками, слегка провисая, уходит в небо из насосной станции. В восьми километрах к югу и в двадцати вверх, на конце фала переваливается аэростат, похожий на огромного раздутого клеща, блюющего сульфатами в атмосферу.

Разумеется, территория имеет ограждение – старомодный забор из рабицы с глазурью колючей проволоки: не столько преграда, сколько ностальгическое напоминание о временах попроще. Между забором и лесом кольцо выжженной земли в десять метров шириной, от ограждения до фабрики – еще восемьдесят. Защитные системы охраняют периметр.

– У нас есть доступ к местной системе безопасности?

Он уже пытался, и безуспешно, пока ждал лейтенанта, но в конце концов она – специалист.

Женщина качает головой:

– Там все на автономке. Никакого волокна, телефонов, сетей. Оттуда даже сигнал не идет, пока территорию не атакуют. Получить доступ к коду можно только в реале. Взлом практически невозможен.

Значит, придется смотреть с геостата...

– Можете показать мне саму зону? Только наземные измерения.

– Запросто. Это как план посмотреть, – на экране лейтенанта тут же расцвела масштабированная схема, учитывающая реально поступающие данные. Прозрачно-лимонные доли, похожие на куски пирога, расходились от разных точек по краю территории, сходясь в общей горячей зоне,

дотягивавшейся до ограждения и распространявшейся далее. Все оружие смотрело наружу. Стоило добраться до центра зоны – и ты «в шоколаде».

Тепловые следы вошли на росчисть; лейтенант ограничила палитру естественными цветами.

Полковник хмыкнул.

Повстанцы не выходят на открытое пространство, не ползут и не бегут. Они... снуют (за неимением лучшего слова). Пресмыкаются, аритмично корчатся. Походят на крабов, пораженных нейрологической болезнью, перевернутых на спину и пытающихся встать на ноги. Каждый толкает перед собой скатку.

– Это что за хрень? – бормочет лейтенант.

Повстанцы с ног до головы обмазаны какой-то коричневатой пастой. Идолы из грязи в длинных шортах. Две пары соединились, напоминая борющихся ленивцев или близнецов, слившихся спиной к брюху. Они дергаются, подкатываясь к подножию ограждения.

Оборонительные системы не стреляют.

Не скатки: грубо сплетенные маты, судя по виду, из натуральных волокон. Повстанцы разворачивают их у забора и перекидывают через колючую проволоку, чтобы спокойно перелезть на другую сторону.

Лейтенант смотрит на полковника:

– Они уже соединились?

– Не может быть. Включилась бы тревога.

– А почему она до сих пор не работает? Они же здесь, – она хмурится. – Может, они отрубили систему безопасности?

Повстанцы уже внутри периметра.

– Вашу полностью защищенную от взлома систему? – Полковник качает головой. – Нет, если они вытащат пушки, то сразу... Вот же черт!

– Что?

Изоляционная грязь, с умом использованная для изменения термального профиля. Никакой техники, сплавов и синтетики, способных выдать атакующих. Переплетенные тела да акробатические позы: как все эти формы выглядят на уровне земли? Что видят камеры, смотрящие на...

– Дикая природа. Они имитируют живую природу.

«Ягуары и партизаны, вашу мать...»

– Что?

– Это наследственная лазейка, разве вы...

Хотя, разумеется, нет. Она слишком молода и не помнит гордые традиции бывшего Эквадора по защите своей чудесной мегафауны. Лейтенант еще не родилась, когда стадо пекари и группу «зеленых»

расстрелял ретивый дот, запрограммированный охранять местную взлетную полосу. Не знала про предохранители, которые с тех пор по закону обязаны были ставить в каждую боевую автосистему в стране. Впрочем, сейчас о них все забыли, так как фауны не осталось.

Вот вам и система безопасности! Повстанцы достаточно умны и не раскроются, пока не минуют огневой предел.

– Сколько до прибытия дронов?

Лейтенант ныряет в собственную голову, проверяет данные:

– Семнадцать минут.

– Придется предположить, что атакующие завершат свою миссию до того.

– Да, сэр, но... какую миссию? Что они собираются делать, ногтями краску процарапать?

Он не знает. Источник тоже. Даже сами повстанцы, скорее всего, не знают и не узнают, пока не сольются в сеть. Можно было прямо сейчас схватить одного, считать воксели с разума и ни черта не получить.

Это самое пугающее в роевом разуме: его планы всегда слишком большие, в одну часть не входят.

Полковник качает головой:

– Значит, к орудиям у нас доступа нет. Как насчет обычных систем?

– Без проблем. Станциям необходимо связываться друг с другом, чтобы уравнивать скорость инъекции.

Повстанцы уже на полпути к скрубберам. Поразительно, как быстро они двигаются из-за своих уродливых конвульсий.

– Обеспечьте доступ.

По схеме справа налево проносится звездная волна: переключатели, вентили и мириады интерфейсов, вышедших в сеть. Полковник указывает на горсть искр в юго-западном квадранте:

– Мы можем спустить эти резервуары?

– С трудом, – она хмурится. – Полный сброс приведет к катастрофе. Система пойдет на такое, только если понадобится предотвратить что-нибудь еще хуже.

– Например?

– Взрыв, полагаю.

– Устанавливайте.

Она шепчет сладкие банальности далеким стражникам, но выглядит несчастной:

– Сэр, а с технической точки зрения... в смысле использование отравляющего газа...

– Сульфатный прекурсор. Геоинженерные запасы. Это не военное оружие.

Технически.

– Да, сэр, – она по-прежнему несчастна.

– Контрмеры следует привести в действие до того, как они соединятся, лейтенант. Если есть лазейка – любая, – рой ее увидит. А если эта чертова штука проснется, возможности обхитрить ее не существует.

– Да, сэр. Готово.

– Быстро вы справились.

– Вы сказали, что так нужно, сэр, – она протягивает палец к появившейся алой иконке, пульсирующей на картине. – Мне...

– Пока не надо.

Полковник смотрит с опосредованной орбиты и пытается понять общую картину. Что, черт возьми, они делают? Что может сделать роевой разум тростниковыми матами и парой килограммов...

Секунду... Он наугад выбирает атакующего и увеличивает изображение. Теперь видно, что грязь, покрывающая тело, отливает чуть ли не золотом. Не совсем минеральный материал, что-то...

Полковник лезет в архив, ищет в перечне микробов любую военную синтетику, которая может есть гетероциклики. Таких десятки.

– Их цель – кабель.

Лейтенант смотрит прямо на него:

– Сэр?

– Грязь – не только камуфляж, а еще и груз. Это...

– Биопаста, – лейтенант присвистывает и с новой решимостью обращает внимание на экран.

Полковник пытается думать. Они не просто хотят отрезать аэростат: для такого не нужен рой, и даже заходить за периметр не требуется. Что бы там ни было, это микрохирургия. Нечто, требующее глубоких локальных вычислений, – может, дело в микроклимате или в чем-то, на что может повлиять ветер или влажность, еще с десятков хаотических переменных. Если они не пытаются обрезать кабель, скорее всего, хотят им маневрировать: биокоррозийная дыра диаметром в X миллиметров здесь, растягивающаяся заплатка восковых мономеров там – и наверху, в стратосфере, аэростат сдвинется на точное число метров по какому-то четко выверенному направлению...

С какой целью? Поиграть с ремонтными дронами? Заблокировать вид с орбиты, в самый критический момент загнать в тень террористический акт? Может, им не нужен кабель, и они...

– Сэр?

Первые повстанцы уже добрались до безопасной территории.

– Сэр, если нам нужно их подогреть до слияния...

– Не сейчас, лейтенант.

Он – слепец в ярко освещенной комнате! Макака-резус, играющая в шахматы с гроссмейстером. Понятия не имеет о стратегии оппонента, даже о правилах игры. Знает только, что обречен на поражение.

Последние повстанцы, дергаясь, вылезают из зоны поражения. Палец лейтенанта замер над иконкой, будто над укусом комара, еле сдерживаясь, чтобы не чесать.

Слияние.

Это мгновение дальнего фокуса, взгляд в тысячу душ. Все можно увидеть в их глазах, если знать, что искать, а также если ты достаточно близок и быстр. Но полковник далеко, и проворности ему не хватает. У него есть только вид сверху, с телескопа, висящего за тридцать шесть тысяч километров от места событий, рикошетом переданный через атмосферу и развернувшийся на этом столе. Но полковник видит, что будет: слияние взаимопересекающихся частей, мгновенное изменение языка тела, моментальный эволюционный скачок от конвульсирующего четвероногого до разумного супероружия.

Из многих – целое.

– Запускайте!

Оно знает. Разумеется, оно знает! Трудно представить, что этот огромный образовавшийся разум не заметил – в самый миг своего пробуждения – какую-то важную улику и не сделал вывод, не раскрыл ловушку. Защитные системы завывали, взбудораженные неожиданным сиянием миллиона мыслей; мультиразумные сети, может, и невидимы для человеческого глаза, но в радиочастотах они больше походят на ослепляющие яркие гобелены. Рой находился в безопасности вне зоны поражения и об этом уже не беспокоился. Теперь его внимание привлекла волна сероводорода, клубами вырывающаяся из резервуаров южного склада: безмолвная, невидимая и смертоносная для любой отдельной души. Ни один исходник не заподозрил бы ничего дурного до тех пор, пока слабый запах протухших яиц не сказал бы ему, что все кончено.

Но тут души были не одиноки. Одиннадцать тел поворачиваются одновременно и бегут обратно к ограждению, каждое – по уникальной траектории, с легкой броуновской случайностью, чтобы сбросить любые отслеживающие алгоритмы. Два оставшихся занимают позиции в безопасной зоне и вытаскивают пистолеты из-за пояса.

Полковник хмурится: «Почему сенсоры их не уловили?»

– А эти пушки... Судя по виду, они сделаны из кости, – говорит лейтенант.

Узлы открывают огонь.

Это действительно кость или нечто подобное: металл и пластик сенсоры уловили бы сразу – повстанцы до забора не успели бы добраться. Пули, скорее всего, керамические, но никакому остеоснаряду через трубы не пробиться...

Только рою нужно не это. Они стреляют по любой старой поверхности, панели, по всему металлическому, чтобы...

«Выбить искру. Потому что сероводород не только ядовитый... Ты идиот! Он еще и воспламеняющийся».

– Твою мать, – шепчет лейтенант, когда вся зона взрывается.

Это мера на контрмеры, придуманная на ходу Жертва ферзя: некоторые тела обречены, но, вероятно, огонь сожжет достаточно газа и даст шанс остальным, всосет и поглотит распространяющийся яд, чтобы одиннадцать добрались до безопасной территории, пока два пылают живыми факелами.

На несколько секунд полковнику кажется, что у них все получится. Для отчаянного плана этот вполне хорош – ни один исходник не придумал бы такое за долю секунды и, тем более, не смог бы привести замысел в действие. Но слабая надежда чуть лучше никакой, и даже полубоги не могут изменить законы физики. Жертвенные узлы горят, чернеют и валятся мертвыми листьями. Еще трое успевают преодолеть лишь полпути до забора, когда их нагоняет газ, достаточно густой, чтобы не сжечь, но убить. Остальные умирают в грязи, дергаясь в конвульсиях, и на маслянистой плоти играют отблески пожара, как пятна свечных фитильков. Тела трясутся от пуль, оборонные системы отыгрываются на целях теперь, когда те, наконец, ликвидированы.

Ядовитый ковер незримо удаляется в джунгли, желая прикончить любую худосочную жизнь, которая сумела уцелеть.

Лейтенант сглатывает, бледнеет от тошноты и неожиданных воспоминаний о таком древнем понятии, как военное преступление.

– Мы уверены, что это не против... – Она замолкает, не желая ставить под сомнение приказы старшего по званию. Но юридические тонкости ее не убеждают, а угрозу, воплощенную в поверженном враге, лейтенант оценить не способна.

Однако та реальна, невероятно реальна! Эти штуки чертовски опасны. Если бы не случайные разведданные – непредсказуемые, словно квантовые

вибрации, и фактически неповторимые, – рой бы достиг своей цели, не встретив никакого сопротивления. О нем бы даже не узнали. А может, он достиг цели, и все случившееся – часть плана? Вдруг эту наводку дали специально, чтобы полковник станцевал по команде? Может, это все-таки было поражение, и он никогда об этом не узнает?

Вот она, главная загвоздка с роями – они всегда на десять шагов впереди. Тот факт, что на некоторых территориях эта мерзость по-прежнему легальна, пугает полковника больше, чем он может сказать.

– Почему мы это делаем, сэр?

Он сердито смотрит на нее:

– Что делаем? Говорите по существу. Боремся за выживание индивидов?

Лейтенант качает головой:

– Почему мы... постоянно сражаемся? Между собой? В смысле, разве инопланетяне не должны были заставить нас забыть о мелких разногласиях? Объединить человечество против общей угрозы?

В командном составе таких, как она, полно.

– Они нам не угрожали, лейтенант. Лишь сделали фотографию.

По крайней мере так предполагается. Шестьдесят четыре тысячи объектов неизвестного происхождения одновременно зажглись, создав точную сверкающую сетку, окутавшую весь земной шар. И прокричали что-то в космос на половине электромагнитного спектра, пока атмосфера не сожгла их дотла.

– Но они все еще там. То, что их послало. Прошло тринадцать лет, и...

«Четырнадцать. – Полковник чувствует, как напряглись мускулы в уголках рта. – Но кто теперь считает».

– «Тезей» мы потеряли.

– У нас нет доказательств, что «Тезей» погиб, – он резко оборвал ее.

– Да, сэр.

– Никто не говорил, что это будет легкая прогулка.

– Да, сэр. – Она вновь возвращается к экрану, но полковник, кажется, замечает что-то в выражении ее лица, прежде чем женщина отворачивается. Он задумывается, не узнала ли она его.

Вряд ли. Это было давным-давно. И он всегда держался за сценой.

– Ну... – Полковник направляется к двери. – С таким же успехом рой мог туда и клоунов послать.

– Сэр?

Он останавливается, но не поворачивается.

– Мне хотелось бы спросить – конечно, если таким вопросом я не

нарушаю субординацию, сэр. В общем, мне кажется, вам было интересно, что станет делать рой, когда запустится. Но вы сами сказали, что мы не можем с ним справиться.

– Я жду вопроса, лейтенант.

– Почему мы ждали? Мы же могли отравить всех до того, как они соединились. И если это было настолько опасно, то... не слишком удачная стратегия, сэр.

– Рои опасны, лейтенант. Никогда в этом не сомневайтесь, даже на секунду. И все-таки...

Он перебирает варианты, но останавливается на чем-то, похожем на правду.

– Если, кроме убийства, вариантов нет, я предпочитаю взять на себя ответственность за гибель одного разума, а не тринадцати.

Некоторые угрозы маячат под самым носом. А некоторые – не столь... очевидны.

Взять, скажем, женщину на трансляции. Крохотная, от силы 160 сантиметров роста. Ничто в Лианне Латтеродт не говорит о чем-либо, кроме заразительного энтузиазма по отношению к Стране чудес. Нет и следа организации, которая оплачивает ее расходы и отправила в эту поездку доброй воли – разбрасывать радуги и обещать всем Утопию.

Ни намек на силы, притаившиеся в орегонской пустыне, которые дергают ее за ниточки, словно марионетку.

– Мы взобрались на этот холм, – говорит она внимательному ведущему «Диалога». – С каждым шагом вверх видели все дальше и потому продолжали идти. Теперь мы на вершине. Наука на вершине уже несколько веков.

Совершенно непримечательное происхождение: родилась в Гане, выросла на архипелаге Великобритании, первая в группе по теории систем и теистической вирусологии.

– Мы смотрим на равнину и видим, как то, другое племя танцует в облаках, еще выше, чем мы. Может, это мираж или фокус? Или кто-то взобрался на гору побольше? Мы не видим ее, так как даль застилают облака.

Практически чиста перед законом. Лишь обвинение в хранении частной базы данных в тринадцать лет и препятствие работе домашних датчиков надзора – в двенадцать. Обыкновенные штрафы и предупреждения, которые всегда набирает молодежь, прежде чем усвоить правила тюрьмы.

– Поэтому мы решаем выяснить, что к чему, но каждый шаг ведет нас вниз. Неважно, в каком направлении, просто не можем сойти с нашей горы, не потеряв точку обзора. И мы тут же забираемся обратно, оказавшись в ловушке местного максимума.

Наконец она умудрилась выскочить из сети на законных основаниях, вписавшись в орден Двухпалатников, у которого есть специальные льготы, благодаря тому, что он непонятен, даже когда за ним действительно следят.

– Что, если там, в долине, есть гора повыше? Единственный способ добраться до нее – стиснуть зубы, спуститься к подножию, а затем тащиться вдоль русла реки и снова начать подъем. Только тогда понимаешь: «Да эта гора гораздо больше холмика, на котором мы сидели раньше, и с ее вершины видно гораздо лучше».

Двухпалатники получили свое название от какого-то технологического прототипа, изобретения, в ходе которого полушария их головного мозга полностью перепаяли. Впрочем, сейчас это название уже не имеет отношения к реальности, так как не совсем ясно, остались ли у монахов полушария в принципе.

– Но до новой горы не добраться, если не оставить позади все инструменты, которые изначально принесли успех. Вам придется сделать первый шаг вниз.

– И как, вы купились на это? – Лейтенант (уже другая – у полковника по новой в каждом порту) отрывает взгляд от экрана. На ее лице – скептическая гримаса. – Наука, основанная на вере?

– Это не наука, – говорит полковник. – Они не притворяются, что это она.

– Так еще хуже. Глоссолалией мозговой чип не собрать.

– С патентами трудно спорить.

Патенты его беспокоят. Двухпалатники вроде не имеют никаких военных амбиций и планов по завоеванию планеты – кажется, внешний мир их вообще не интересует. Пока они с радостью притаились в монастырях, разбросанных по пустыням, размышляя о реальности, лежащей по ту сторону этой.

Но есть и другие способы поставить мир на колени. Сейчас все такое... хрупкое. Из-за одного сдвига парадигмы падают целые общества, а Двухпалатникам принадлежит половина патентного офиса. Если бы они захотели, заставили бы мировую экономику сожрать себя за ночь. Причем полностью в рамках закона.

Латтеродт – не часть роя, насколько можно судить. Она – лишь служит ему фасадом: дружелюбная и харизматичная, прекрасное официальное

лицо для ордена, чтобы смягчить впечатление и успокоить страхи. Следующие две недели она разъезжает по миру: вполне нормальный самостоятельный человек с доступом к самым потаенным секретам Двухпалатников. Прекрасно освоившийся в мире, где мысль не может остановиться на границе черепа и даже не знает, когда покинула одну голову и вошла в другую.

– Хотите ее арестовать? – спрашивает лейтенант, пока Латтеродт разоружает мир улыбкой и пригоршней метафор.

Полковник должен признать, что искушение сильно: отрезать ее от стада и скрыть допрос под грифом глобальной безопасности. Кто знает, какими озарениями Латтеродт поделится при должном стимуле.

Однако он качает головой:

– Я с ней встречусь.

– Неужели? – Похоже, новая лейтенант не подписывалась на беседы с противником, стоя на коленях.

– У нее сейчас поездка доброй воли, и нужно дать ей шанс поделиться своими убеждениями.

Конечно, никакого благородства в этом нет. Но не стоит нападать на противника, пока не знаешь, какой силой он может ответить.

Глобальное исследование и оценка угрозы, идущей от роевых разумов, – не единственное задание полковника, а лишь самое последнее. Еще с десяток прохлаждаются на заднем плане, изредка требуя изучения или дополнения. Набеги реалистов на архипелаг Великобритании. Сепаратистский съезд баптистов, строящий вооруженный гиланд ^[240] в северных морях. Периодические военные трибуналы над какой-нибудь древней пехотой из плоти и крови, чьи киберимплантаты нарушают правила применения силы. Полузабытые, эти дела образуют очередь и ведутся на автопилоте. Когда его внимание понадобится, оповестят.

И все же про одну свечу полковник никогда не забывает, хотя она не горит уже десяток лет – запрограммирована подать сигнал в случае изменения статуса. Однако он все равно проверяет ее каждый день. И теперь, вернувшись на пару суток в огромную пустую квартиру, которую не продал даже после того, как жена ушла на Небеса, проверяет снова.

Все по-прежнему без изменений.

Полковник отключает имплантаты в голове и с удовольствием прячется в тишине, которая воцаряется, как только оверлеи и отчеты перестают бормотать в височной доле. Он с опозданием замечает настоящий звук – тихое постукивание коготков по кафелю позади него.

Поворачивается и успевает заметить пушистую черно-белую мордочку, прежде чем та исчезает за углом.

Полковник выдвигается на кухню.

Зефир с благосклонностью относится к тому, что квартира его кормит, но не слишком это любит. Правда, других вариантов у него нет – хозяина слишком часто не бывает дома. Поначалу кот наотрез отказался есть с механической руки. Он чуть не обезумел, когда какой-то любитель межвидовых связей решил, что будет познавательно, трансцендентно или просто мило разделить сознание с крохотной душой, у которой синапсов в десять раз меньше, чем у человека. Полковник пытается представить, на что могло походить такое насильственное слияние: падение в водоворот непонятных мыслей и ощущений, ослепляющих подобно яркому солнцу, и выброс в ошарашивающую кровоточающую тьму, когда боту-нарциссу стало скучно, и он прервал связь.

Зефир прятался в шкафу неделями, после того как полковник привез его домой; шипел, плевался при виде разъемов, оптоволокну и автоуборщика, тихо выполнявшего свои обязанности. Через два года крохотный мозг пересчитал статистику затрат/выгод и оценил преимущества раздатчика корма на кухне. Но даже сейчас кот больше походил на призрака, заметить его можно было лишь краем глаза. На открытое пространство Зефир выходил сильно проголодавшись или когда полковник неподвижно сидел на одном месте. Физического контакта животное по-прежнему избегало. Полковник потакает ему и притворяется, что не замечает порванную обивку на подлокотнике кушетки в гостиной. Не осмеливается вынуть разъем из уродливого шрама на голове Зефира: неизвестно, какие посттравматические кошмары пробудит поездка к ветеринару.

Полковник наполняет миску кота и отходит на положенные два метра (это прогресс – шесть месяцев назад не мог подойти и на три). Зефир вползает на кухню, дергает носом и осматривает углы.

Полковник надеется, что идиот, от скуки устроивший пытку коту, решит перейти на более экзотических животных. Например, займется цефалоподами. (Ситуация по всем параметрам становится далеко не самой приятной, когда дело касается межмозгового интерфейса с гигантским осьминогом.)

Человеческие рои, по крайней мере, могут сослаться на взаимное согласие. Их члены сами выбирают насилие, которое навлекают на себя, появление добровольного монстра из озера уничтоженных личностей. Если бы этим все и заканчивалось, а вред ограничивался лишь тем, что рой

делал с разумом своих частей...

Свеча сына дремлет в закутке сети, как индикатор в чистилище. Зефир с каждым вторым укусом оглядывается по сторонам, все еще опасаясь Второго пришествия.

Полковнику знакомо это чувство.

Они встречаются на террасе в стороне от Риверсайда, в одном из классических бистро, где все – от приготовления еды до обслуживания за столиком – совершают люди из плоти и крови, и в результате все – от приготовления еды до обслуживания за столиком – далеко не лучшего качества. Но посетители все равно готовы платить за персональный подход.

– Вы не одобряете... – говорит доктор Латтеродт, сразу переходя к делу.

– И немало вещей, – признает полковник. – Вам следует быть более конкретной.

– Нас. То, что мы делаем, – она смотрит на меню (буквально – то напечатано на примитивной бумаге). – Не одобряете рои в целом, я так думаю.

– Есть причина, по которой они находятся вне закона. Большинство, по крайней мере.

– Есть. Люди боятся, что то, чего они не понимают, начнет контролировать их жизни. Неважно, насколько рациональным или полезным может быть любой закон и политика. Когда для понимания их механики требуется десять мозгов, одиночные этого пугаются. – Марионетка пожимает плечами. – Но дело в том, что Двухпалатники не сочиняют законы и не проводят политику – они лишь смотрят на природу, а руки держат при себе. Может, именно поэтому они не противозаконны.

– А, может, это уловка. Если бы мясные интерфейсы получили известность, могу поспорить, что мы определили бы термин «технология» более точно.

– Закон об интерфейсах приняли добрых десять лет назад, а власти до сих пор не выработали однозначного определения. И разве смогли бы? Мозги перепаивают себя с каждой новой мыслью. Как запретить кортикальную коррекцию законодательно, не запретив саму жизнь?

– Это не мое дело.

– И все-таки вы не одобряете.

– Я видел слишком много урона. Вы делаете невинное лицо, говорите и говорите о трансцендентных озарениях группового разума. Обо всех предвидениях, которые можно получить, присоединившись к великому

целому. Но никто не говорит о том...

«Чем другие платят за ваше просвещение».

...что происходит с человеком после.

– Взгляд на небеса, – бормочет Латтеродт, – превращающий жизнь в ад.

Полковник моргает:

– Именно.

Как себя чувствуют люди, у которых забрали зрение богов, чье жалкое, убогое существование преследуют смазанные и неразличимые воспоминания о возвышенном? Неудивительно, что люди подсаживаются, и что некоторых приходится насильно вырывать из разъемов, не слушая их криков.

Покончить с жизнью, тлеющей в тени такого пламени... Боже, это почти акт милосердия.

– ...это распространенное недоразумение, – говорит Латтеродт. – Рой – не пазл из тысячи крохотных личностей, а единое целое. Джим Мур не превращается в Супермена: когда рой активен, его не существует. Если только не понизить время задержки.

– Так даже хуже.

Она с легким нетерпением качает головой:

– Если бы все было настолько плохо, вы уже знали бы об этом. Вы сами – роевой разум и всегда им были.

– Если таков ваш взгляд на субординацию...

– Каждый человек – это рой.

Он фыркает.

Она не понимает:

– У вас два мозговых полушария, правильно? Каждое способно обеспечивать работу отдельной личности, и даже нескольких. Если одно из полушарий отключить, например, с помощью анестезии или достаточной транскраниальной стимуляции, со вторым ничего не случится, оно будет работать по-прежнему. И знаете, что? Оно будет не таким, как вы. Возможно, у него появятся другие политические предпочтения, пол и, черт возьми, даже чувство юмора. Все это – пока не проснется другое полушарие, мозг не сольется воедино и снова не станет вами. Так скажите мне, полковник, страдают ли прямо сейчас ваши полушария? Живет ли там в эту самую минуту уйма личностей? Во рту кляпы, руки-ноги связаны и все думают: «О, великий Ганеша, я в ловушке! Если бы рой выпустил меня погулять!»

«Я не знаю, – понимает он. – Откуда мне знать?»

– Разумеется, нет, – Латтеродт отвечает сама себе. – Они просто таймшерят. И все совершенно прозрачно.

– А психоз после слияния – городская легенда, которую распространяют конспирологи.

Она вздыхает:

– Нет, психоз реален. И это трагедия, которая испортила тысячи жизней. Все так, но он – целиком и полностью результат дефектной технологии интерфейса. И у наших парней его не бывает.

– Не каждому так сильно повезло, – говорит полковник.

Подходит человек с косметическими хлорофиллами в глазах и приносит заказы. Латтеродт улыбается ему, начинает копаться в салате из клонированного краба. Полковник перебирает кусочки авокадо, хотя почти не помнит, как их заказывал:

– Вы когда-нибудь посещали Разум Мокши?

– Только в вирте.

– Вы же знаете, что своему опыту в вирте нельзя верить.

– Верить нельзя ничему, что вы испытываете даже за этим столом. Разве вы видите огромное слепое пятно прямо перед глазами?

– Я сейчас говорю не о природе, а о том, что действует с определенной целью.

– Хорошо, – она жует и говорит с набитым ртом. – Какая цель у Мокши?

– Никто не знает. Восемь миллионов человеческих разумов, связанных воедино, которые... просто лежат. Конечно, вы видели трансляции из Бангалора и Хайдарабада, все эти прекрасные условия, чистота с умными постелями, которые тренируют тела и закаляют мышцы. А вы видели узлы, которые живут у черта на рогах, где-нибудь в пятистах километрах от ближайшего населенного пункта, на конце убитого проселка? Людей, у которых нет ничего, кроме койки, хибары и роутера у деревенского колодца?

Она не отвечает. Он принимает молчание за «нет».

– А вам надо бы нанести туда визит. У некоторых есть люди, которые за ними следят, у некоторых – нет и этого. Я видел детей, покрытых вонючими язвами и лежащих в собственном дерьме; людей, у которых выпала половина зубов, так как они подключены к рою. Им все равно! Они не могут иначе, так как их больше нет, а рою глубоко плевать на те части, из которых он построен, так же как нам...

Человеческие факелы, пылающие в эквадорском дождевом лесу...

– ...наплевать на клетки собственной печени.

Латтеродт изучает свой бокал:

– Они сами к этому стремятся, полковник. К свободе от сансары. Я не стану говорить, что сделала бы такой выбор сама. – Она опять смотрит на полковника, прямо в глаза и не отводит взгляд. – Но вас беспокоит не это.

– С чего вы взяли?

– Неважно, насколько вы не одобряете их образ жизни, но восемь миллионов душ, лежащих в счастливой кататонии, не представляют военной угрозы.

– Вы в этом уверены? Можете себе представить, какого рода планы зреют в разумном существе с массой в восемь миллионов человеческих мозгов?

– Покорение мира, – невозмутимо кивает Латтеродт. – Ведь в дхармических верованиях только об этом и написано.

Он не смеется:

– Люди придерживаются веры и соблюдают учение. Рой – это нечто совсем другое.

– И если они – угроза, – тихо произносит она, – что такое мы?

Она имеет в виду своих хозяев. И ответ есть: «Вы ужасны».

– Разум Мокши не настолько радикален, если посмотреть в корень проблемы, – продолжает Латтеродт. – Он построен из вполне обычных мозгов. Мои парни играют с самой кортикальной архитектурой. У нас сплетение разумов и квантовое биорадио, созданное на принципах, которые вам не встретятся еще лет двадцать. Вы даже не сможете определить это как технологию. Мы поэтому сейчас беседуем? Потому что если вас беспокоит кучка соединенных в сеть исходников, то Двухпалатники – уже настоящая угроза?

– А это так? – наконец спрашивает он.

Она фыркает в свой черед:

– Послушайте, мозг можно оптимизировать для жизни или здесь, или там. Но не одновременно. Двухпалатники думают в планковских масштабах. Все это квантовое безумие для них познаваемо на уровне интуиции, как траектории в бейсболе для вас. Но знаете, что?

Все это он уже слышал:

– С бейсболом у них плоховато.

– Да, плоховато. Но они справляются: могут и задницу себе подтереть, и поесть. Но, если выпустить их в большой город... скажем мягко, им станет некомфортно.

Полковник не покупается на такой старый довод.

– Думаете, зачем им нужны люди вроде меня? Думаете, они уходят в

пустыню, чтобы построить там суперзлодейское логово? – Латтеродт закатывает глаза. – Они никому не угрожают, поверьте мне. Они с трудом улицу могут перейти.

– Об их физической мощи я беспокоюсь в последнюю очередь. Нечто настолько продвинутое может растоптать нас и даже не заметить.

– Полковник, я с ними живу, и меня до сих пор не растоптали.

– Мы оба прекрасно знаем, насколько дестабилизирующее влияние окажет решение Двухпалатников выкинуть на рынок хотя бы малую часть...

– Но они не принимают такое решение, так? И зачем им это делать? Вы думаете, их реально заботит какой-то процент прибыли в вашей фэнтезийной экономике? – Латтеродт качает головой. – Вы должны благодарить того Бога, в которого верите, что они держат патенты при себе. Любой другой на их месте разворошил бы муравейник просто ради хорошей бухгалтерской отчетности.

«Значит, мы для тебя – муравьи».

– Хотите вы это признавать или нет, но миру лучше с ними, чем без них. Они держатся особняком, никого не беспокоят, а когда выходят поиграть, вы, троглодиты, сразу нагреваете на этом руки. Вооруженные силы уже лет десять пользуются лицензией на нашу шифровальную технику.

– В последнее время нет, – с той поры, как кто-то из командования расписывался по поводу лазеек в системе. Хотя, возможно, полковник сам приложил руку к этому решению.

– Ну вы – сами себе враги. Буквально пару месяцев назад Коахиллья вывел симметрический вариант Рамануджана, за который вы, парни, просто убили бы. На наши алгоритмы теперь никто не сможет наложить руку. – Она поправляется: – Никто из исходников, конечно.

– Зря стараетесь, доктор Латтеродт.

Она поднимает брови, на вид – сама невинность.

Полковник наклоняется над столом:

– Может, вы действительно чувствуете себя в безопасности, когда спите со своими гигантами. Они еще не ворочались и не раздавили вас во сне; полагаю, вы думаете, это дает вам гарантию того, что ничего подобного не случится в будущем. Я никогда не буду настолько безрассуден...

«Опять».

Даже спустя столько времени оговорка выдает его с головой.

– Они вам не враги, полковник.

Он переводит дыхание и удивляется своей собранности.

– Это меня и пугает. Когда имеешь дело с врагом, по крайней мере, питаешь надежду на то, что понимаешь, чего он хочет. А эта штука... – Полковник качает головой. – Вы сами признали: ее амбиции не влезают в человеческий череп.

– Сейчас она хочет вам помочь.

– Ну конечно!

Латтеродт отрывает свой ноготь и передает его по столу. Он смотрит на него, но не трогает.

– Это кристалл, – через какое-то время говорит Лианна.

– Я знаю, что это. Не могли мне просто все саккадировать?

– А вы приняли бы? Позволили бы марионетке Двухпалатников сбросить данные прямо в вашу голову?

Он признает ее правоту легкой гримасой.

– Что это?

– Передача. Мы расшифровали ее пару недель назад.

– Передача?

– Из Оорта. Насколько мы можем судить.

«Она врет. Должна врать».

Полковник качает головой:

– Мы бы уже...

Каждый день последние десять лет он проверял индикаторы, выжимал микроволны, искал слово, шепот, вздох; не сводил глаз с неба. Даже теперь, когда все подсчитали потери и переключились на задачи поинтереснее.

«У нас нет доказательств того, что „Тезей“ погиб...»

– Мы сканировали пространство с самого запуска. Если бы там был хоть какой-то сигнал, мы уже знали бы.

Латтеродт пожимает плечами:

– Они в состоянии делать то, чего вы не можете. Разве не из-за этого вы плохо спите по ночам?

– У них даже нет такой техники. Откуда взялась телеметрия?

Она еле заметно улыбается.

Его осеняет:

– Вы... вы знали...

Латтеродт протягивает руку и подталкивает оторванный ноготь на пару сантиметров ближе к полковнику:

– Возьмите.

– Вы знали, что я с вами свяжусь, и рассчитывали на это.

– Посмотрите, что там есть.

– Вы знали о моем сыне, – он чувствует, как воздух с шипением вырывается сквозь неожиданно сжатые зубы. – Уроды! Значит, теперь вы решили использовать против меня моего собственного сына?

– Я обещаю, информация стоит...

Он встает:

– Если ваши хозяева думают, что могут держать его в заложниках...

– Зало... – Латтеродт моргает. – Разумеется, нет. Я уже сказала, они хотят вам помочь.

– Рой хочет помочь? Рой, сука, который с самого начала...

– Джим, они отдают информацию вам.

Он не видит в ее лице ничего, кроме честной просьбы.

– Возьмите. Откроете где угодно и когда захотите. Можете прогнать через любые фильтры, детекторы и системы безопасности, которые сочтете нужными.

Полковник смотрит на ноготь, будто тот неожиданно отрастил зубы:

– Значит, вы отдаете это мне. Без всяких условий?

– С одним.

– Разумеется, – он с презрением качает головой. – И что же...

– Это для вас, Джим, а не для ваших хозяев. Не для штаба миссии.

– Вы знаете, что я не могу дать такое обещание.

– Тогда не принимайте предложение. Думаю, не нужно говорить, что произойдет, если это выйдет наружу. Вы с нами хотя бы разговариваете – другие не будут столь благоразумны. И, несмотря на ваши страхи, мы не можем поразить врагов молнией с небес. Расскажите об этом – и боты вместе с солдатскими ботинками заявятся в каждый монастырь Западного полушария.

– А почему вы мне доверяете? Откуда знаете, что я не начну операцию из-за нашего разговора?

Латтеродт перечисляет причины:

– Потому что вы – не такой человек. А может, я лгу. Вы не станете рисковать жизнями и средствами. Вдруг мы все-таки можем разить молниями? И если, – она стучит по фальшивому ногтю настоящим, – вот это с «Тезея», неужели вы не воспользуетесь таким шансом?

– Если? Вы что, сами не знаете?

– Это вы не знаете, – говорит Латтеродт.

А соблазн неумолимо тянет его душу, и он едва замечает, что она не ответила на вопрос.

Устройство лежит между ними: нечто, свернувшееся кольцом.

– Почему? – наконец спрашивает полковник.

– Иногда они на что-то натыкаются, – объясняет Латтеродт. – Сопутствующие результаты, если так можно сказать, в ходе других исследований. Вещи, которые не столь важны для Двухпалатников, а для других могут быть значимыми.

– Зачем им это вообще нужно?

– Нужно, Джим. Вам кажется, что они вне нас, и что мы не можем понять их мотивы. Для вас это фактически догмат. Но перед вами лежит мотив, а вы его даже не видите.

– Какой мотив? – Он не видит ничего, кроме капканов со всех сторон.

– Так вы узнаете, что они не боги, и у них есть сострадание.

Его, конечно, нет. Это манипуляция, простая и чистая. Глина под руками гончара, ток к центрам тоски в сердце мозга. Нити, которые торчат до самой стратосферы и которые, похоже, не разорвать.

Когти Зефира тихо постукивают в соседней комнате, когда полковник открывает кристалл. Там папки внутри папок: файлы с помехами, преобразования Фурье, интерпретации отношений сигнала к помехе, низведенные до наименьших квадратов и гибких кривых. Все открывается сразу и без возни: никаких замков, паролей, рубинового лазера по сетчатке. (Он бы не удивился такому повороту. Почему бы этим гигантам не спуститься со своих планковских высот и не выкрасть узор его сетчатки из какого-нибудь файла с квантовой шифровкой?) Может, ничего такого не нужно. Или все уже есть в невидимом предохранителе – невероятном алгоритме, читающем разум, который мгновенно сканирует его сознание, готовясь стереть все начисто, если полковник не оправдает доверие роя.

А может, они понимают его лучше, чем он сам?

Полковник узнает слабое эхо микроволнового фона, оттиснутое на данных, как смазанный отпечаток пальца из древних времен. В остатках видит что-то вроде кода приемоответчика. Анализ, по большей части, придется принять на веру: если что-то и было послано с «Тезея», оно то ли прошло через суровые погодные условия, то ли передатчик корабля сильно поврежден. Осталось лишь нечто, похожее на остатки оплетки, где смысл заключается не только в сигналах, но и во взаимодействии частот. Информационная голограмма.

Наконец он извлекает единственную ниточку из гобелена: скудный поток линейного текста. Судя по метатегам, его воссоздали из акустического сигнала – скорее всего, голосового канала, настолько слабого, что реконструкция не отфильтрована от помех, а, судя по всему, выстроена из них. Получился простой и неприукрашенный текст, в

основном гипотетический.

«Представь себе, что ты – Сири Китон», – говорит он.
У полковника подгибаются ноги.

Раньше он приходил на Небеса раз в неделю, потом – раз в месяц. Со дня последнего посещения миновал почти год.

Просто в этом уже не было смысла...

Небеса – не рой, по крайней мере такой, какой бы попадал под его юрисдикцию. Мозги на Небесах соединены в сеть, но она подсознательна: излишки интернейронов одалживали для вычислений на текущие нужды, пока души парили в сновидческих мирах их собственного воображения. Идеальная бизнес-модель! Отдайте нам мозги, на них будет функционировать наша техника, а мы развлечем ваши бодрствующие останки.

Технически Хелен Китон – по-прежнему его жена. При восхождении супруга расторжение брака – дело формальное, но пара форм не изменит реальность; у полковника так и не дошли руки до бумажек. Поначалу она не отвечает и держит его в лимбе, заканчивая виртуальные увеселения, посреди которых полковник ее застал. Может, просто заставляет его ждать. После целого года он думает, что ему не стоит жаловаться.

Наконец облако радуг с зазубренными краями спускается в его присутствие. Разбитые осколки витражного стекла кружатся и танцуют, словно косяк рыб: какой-то стадный алгоритм, притягивающий ближайшие элементы друг к другу и творящий арабески из хаоса. Полковник до сих пор не знает, намеренная это вычурность или готовый аватар.

Он всегда казался ему чрезмерным.

Голос из струящегося стекла:

– Джим...

Звучит отдаленно и отрешенно. Столь же разрозненно, как и ее новый вид. Четырнадцать лет в мире, где законы физики коренятся во снах и исполнении желаний: ему повезло, что она вообще может разговаривать.

– Я подумал, тебе стоит знать. Был сигнал.

– Сигнал...

– С «Тезея». Возможно.

Стая замедляется, будто воздух превратился в скудную струйку, и сжимается, как на стоп-кадре. Полковник отсчитывает семь секунд, во время которых нет никакого движения.

Хелен сливается воедино – абстракция свертывается в человечность: десять тысяч фрагментов цепляются друг за друга в трехмерной

головоломке, чей яркий изначальный блеск иссякает до приглушенных оттенков плоти и крови. Полковник представляет, как призрак одевается в костюм для официального приема.

– С... Сири? – Теперь у нее есть лицо. Частицы его нижней половины встают на место как раз вовремя, чтобы произнести имя. – Он...

– Я не знаю. Сигнал... очень слабый. Искаженный.

– Ему сейчас было бы сорок два года, – произносит она, помолчав.

– Ему и есть сорок два, – говорит полковник, не уступая и микрона.

– Ты послал его туда!

Справедливо. Ведь он не сказал «нет», не возразил и даже добавил свой голос к общему хору, когда стало очевидно, куда дует ветер. И какой вес имели бы его протесты? Все остальные уже были на борту; объединенная сетью толпа, настолько опережающая ментальность троглодитов, что все офицеры и эксперты могли с тем же успехом быть парламентом мышей.

– Мы их всех отправили, Хелен. Потому что они были самыми квалифицированными.

– Ты забыл, почему он стал таким квалифицированным?

Он очень хотел забыть.

– Ты послал его в космос на поиски призраков, – говорит она. – Это в лучшем случае. В худшем – скормил монстрам.

«А ты, – не ответил он, – оставила его ради этого места еще до того, как монстры появились».

– Ты послал его против чего-то, что в принципе никому не по силам.

«Я не буду влезать в этот спор».

– Мы не знали, насколько оно большое. Мы ничего не знали и должны были выяснить.

– Ты проделал блестящую работу. – Хелен уже полностью воплотилась; еле сдерживаемое раздражение воскресло, будто и не пропадало.

– Хелен, мы были под наблюдением. Вся наша проклятая планета. – Она же помнит! Не настолько погрузилась в свой вымышленный мир, чтобы забыть о случившемся в реальности. – Мы должны были просто забыть об этом? Думаешь, кто-то другой стал бы скучать по своему ребенку меньше, даже если бы Сири не был лучшим кандидатом для этой работы? Это больше его. Это больше нас всех.

– О, тебе не надо говорить мне об этом. Полковник Мур так любил этот убогий мир, что заклал ради него единорожденного сына.

Его плечи поднимаются и опускаются.

– Если все удастся...

– Если...

Он прерывает ее:

– Сири, вероятно, жив, Хелен! Ты не можешь хоть на миг забыть о своей ненависти и почувствовать надежду?

Она парит перед ним как ангел-мститель, но рука с мечом замирает. Она прекрасна – еще больше, чем во плоти, – хотя полковник хорошо представляет, как выглядит ее физическое тело сейчас, после долгих лет маринования в катакомбах. Он пытается выжать из этого знания крохотное мстительное удовлетворение, но у него не получается.

– Спасибо, что сказал, – наконец произносит Хелен.

– Ничего определенного...

– Но шанс есть. Да, конечно. – Она наклоняется вперед. – Ты ожидаешь... в общем, когда ты поймешь, что именно там говорится? В сигнале.

– Я не знаю. Рассматриваю варианты. Скажу тебе, как только что-нибудь узнаю.

– Спасибо, – ангел рассыпается, но вдруг вновь сгущается от неожиданной мысли: – Разумеется, ты мне не позволишь поделиться этой информацией, да?

– Хелен, ты знаешь...

– Ты уже заблокировал мой домен. Стена появится, как только я попытаюсь рассказать кому-то, что, вероятно, мой сын жив. Так?

Он вздыхает:

– Это не моя инициатива.

– Это вторжение – вот что! Притеснение.

– А тебе было бы лучше, если бы я просто ничего не сказал?

Как только Хелен обрывает связь, Небеса рассыпаются и вокруг появляются голые стены квартиры, он понимает, что это очередная фигура привычного танца. Шаги не меняются: он выстраивает баррикады, она в ярости бьется о них, и энергия идет к стандартному пустому равновесию. В принципе, даже неважно, на месте ограничения по безопасности или нет. Кому она скажет, в конце-то концов?

На Небесах все ее друзья воображаемые.

– Это Джим Мур.

Полковник стоит на краю пустыни. Рядом на холостом ходу работает «ниссан», как верный пес.

– В ближайшем будущем я буду недоступен. И не могу сообщить вам,

куда направляюсь.

Последние двадцать четыре часа он был фактически голым: ни спецобуви, ни оружия, ни армейских жетонов. Ни наблюдения: окно в ноосферу, хранителя секретов, станцию, усилитель и координатора событий – всю смарт-технологию он оставил позади. Даже отключил кортикальные имплантаты, выбросил зрение вместе со снаряжением. Осталась только голосовая почта, отправленная с отсрочкой. Когда сообщение дойдет до адресата, полковник будет вне досягаемости.

– Я надеюсь представить полный отчет после возвращения. Но точно не знаю, когда вернусь.

Он стоит, взвешивает цену и оценивает риски. Угрозы великих богов и опасность божественного равнодушия. Угрозу от пришельцев из другого мира и из этого. Безумное тщеславие при мысли, что какой-то жалкий троглодит, едва слезший с дерева, может использовать одних против других.

Цену собственного сына...

– Я полагаю, что мой послужной список дает мне некоторую свободу. Прошу вас на время моего отсутствия воздержаться от выяснения моего местонахождения.

Он, конечно, не верит, что его послушают. «Ниссан» украден, логи подправлены, следы самоволки стерты. Машина полковника курсирует по Олимпийскому полуострову под подпиской о невыезде, оставляя след из хлебных крошек – на случай если поблизости окажется отслеживающий алгоритм.

– Я полностью осознаю... нарушение безопасности, которое представляет мое отсутствие. Вы знаете, что я никогда бы так не поступил, если бы не считал это крайне важным.

«Может, вы действительно чувствуете себя в безопасности, когда спите со своими гигантами. Они еще не ворочались и не раздавили вас во сне. Полагаю, вы думаете, это дает гарантию того, что в будущем ничего подобного не случится. Я никогда не буду настолько безрассудным.

Снова».

Не нужен рой, чтобы понять, с какой простой и незатейливой легкостью им манипулировали. Стратегия троглодитов: найди ахиллесову пятку, смастери лазейку, вставь до упора. Сфабрикуй надежду из помех. А потом сожаление и слабая надежда на искупление довершат остальное.

От этого легко отмахнуться, хотя бы ни миг: сама мысль о том, что одинокий старый исходник может что-то значить для коллектива с богоподобным интеллектом, – невероятное, умопомрачительное

самоуверенность. Мысль о том, что невзрачного троглодита могут заметить, уже не говоря о том, чтобы им манипулировать.

При всех страхах и недоверии он должен признать: сейчас сострадание – самое простое объяснение.

Он отправляет сообщение, и передатчик выскальзывает из пальцев. Прощальное слово уходит за тысячи километров, когда ботинок топчет крохотное устройство в пыли; командование узнает обо всем в свой черед. Полковник оставляет позади все, кроме одежды, двух капсул с противоядиями широкого спектра и достаточным количеством еды для похода к монастырю в одну сторону. Если мыслительные процессы Двухпалатников коренятся в религиозной философии, он надеется, что эта вера проповедует милосердие к заблудшим душам и прощение нарушителям границ.

Никаких гарантий, конечно. Есть столько способов прочесть данные, которые ему даровал рой. Возможно, он – лишь пешка в большой игре или голодное насекомое, которому однажды попалась крошка с небес, и теперь оно возомнило себя на короткой ноге с Господом. Во всех сценариях и противоречащих друг другу гипотезах несомненно одно – что это единственное озарение после многих лет. Теперь полковник жаждет большего настолько, что рискует всем. Сын пропал, но его нашли.

Сири возвращается домой.

– Отправляйся домой, – говорит полковник «ниссану», а сам уходит в пустыню.

notes

Примечания

Филипп Гуревич – американский писатель и журналист (р. 1961). Получил известность, написав документальную книгу о геноциде в Руанде «Имеем сообщить вам, что завтра нас вместе с нашими семьями убьют» (здесь и до раздела «Сноски и примечания» примечания переводчика).

Цитата из фельетона «Заметки о будущей войне», журнал «Эсквайр», 1935.

Тед (Теодор Роберт) Банди (1946–1989) – один из самых известных серийных убийц США. В 1970-х годах изнасиловал и убил более 30 (точное число неизвестно) женщин.

Здесь прямая отсылка к инопланетянам из романа «Вторжение похитителей тел» Джека Финнея и его многочисленным экранизациям. Выражение «люди-стручки» (pod people) – прозвище, данное в романе и фильмах инопланетным двойникам, – стало частью американского сленга и в переносном смысле обозначает еще и малоэмоциональных, равнодушных людей.

Цитата из одноименной песни (сингл 1992 года) Сюзанны Вега – американской певицы и автора песен.

А. е. – астрономическая единица; мера расстояний, равная большой полуоси земной орбиты (приблизительно 149,6 млн км).

В 1960 году физик Роберт Бассард предложил концепцию ракетного двигателя, который работает на водороде и пыли, извлекаемых космическим кораблем, идущим на высокой скорости, из межзвездной среды. (Прим. ред.)

Отсеку с оборудованием для выхода в открытый космос и внекорабельной деятельности (ВКД). *(Прим. ред.)*

Ральф Уолдо Эмерсон – американский поэт и эссеист (1803–1882).
Источник цитаты неизвестен (также приписывается Чарльзу Берду).

Здесь и далее под трансформантами Фурье понимаются результаты обработки сигналов с помощью преобразований Фурье, в результате которых выясняется, что в сигналах есть определенная последовательность и связность, а значит, информация.

Рэймонд Курцвейл (р. 1948) – американский ученый, изобретатель (в частности, создал первые системы распознавания текста и синтеза речи), философ, видный деятель движения трансгуманистов. Его именем назван Университет сингулярности, созданный в 2009 году, сооснователями которого стали НАСА и «Гугл»

В данном случае О'Нилами называются орбитальные станции, созданные по проекту Джерарда О'Нила (тип «полый вращающийся цилиндр»).

Судя по прозвищам, мудрецы признают пользу синтетов, так как в случае шаперонов имеются в виду белки-шапероны, одна из функций которых восстановление правильной третичной или четвертичной структуры белка, а некоторые шапероны участвуют в процессе правильного сворачивания белка при увеличении температуры.

Иэн Андерсон (р. 1947) – солист и руководитель британской рок-группы «Jethro Tull». В качестве цитаты вынесены слова из песни «Occasional demons» (альбом «Catfish Rising», 1991).

Коричневые карлики L-класса – промежуточные объекты между звездами и планетами. Для них характерны линии калия и натрия в спектрах, щелочных металлов, рубидия, цезия, а также низкая температура. Термин «торсионная вспышка» в данном случае значит, что вспышка вызвана завихрениями магнитного поля коричневого карлика.

Пинговать (компьютерный жаргон) – отправлять сигнал с требованием подтвердить его получение.

Лидар – лазерный дальномер.

Светоизбирательные фоторецепторы – это набор фоторецепторов в сетчатке вампира, в которых центральные клетки запускаются, реагируя на луч света, тогда как остальные вокруг них «угнетаются» тем же самым стимулом. Свое английское название («Mexican hat arrays») рецепторы получили из-за того, что отображение их работы в форме графика дает кривую, напоминающую классическое сомбреро. *Фильтры информационного приоритета* – это подпрограммы распознавания образов в зрительной коре головного мозга, способные давать организму нечто вроде позитивного подкрепления вплоть до гормонального в ответ на зрительную стимуляцию особого рода.

Отражающий свет слой клеток на внутренней стороне сосудистой оболочки глаза, благодаря которому дно глаза отливает металлическим блеском и светится в темноте. Есть только у животных.

Тигмотаксис – непроизвольное движение в направлении тактильного раздражителя.

Роберт Джарвик (р. 1946) – американский ученый и врач, работавший над созданием искусственного сердца.

Аккреционный пояс (аккреционный диск) – в данном случае зона вблизи газового гиганта, где происходит процесс слипания и роста пылевых частиц.

Спираль Паркера – форма, которую принимает магнитосфера Солнца в результате взаимодействия с солнечным ветром и межпланетной средой.

Тесла – единица измерения магнитной индукции.

Скрэмджет – гиперзвуковой прямоточный воздушно-реактивный двигатель.

Скиммер (англ. to skim) – скользить по поверхности, снимать пену или накипь.

Дейнококк (*deinococcus radiodurans*) – бактерия-полиэкстремофил, отличающаяся исключительной устойчивостью к воздействию радиации.

Под *фон-нейманами* здесь имеется в виду «универсальный конструктор» – гипотетическая машина, придуманная Джоном фон Нейманом и способная неограниченно воспроизводить саму себя. *R-селекция* (г-отбор) – процесс отбора в изменчивой среде, способствующий закреплению таких черт, как высокая плодовитость, малый размер, быстрая смена поколений и невысокая выживаемость потомства (так называемая репродуктивная г-стратегия в противоположность к-стратегии, усиливающей обратные черты).

Источник вымышленный.

Планетезимали – небольшие тела из льда и камня диаметром от нескольких метров до нескольких километров, образующиеся в кольцевых облаках газа и пыли.

Гомановские орбиты (трансферные орбиты Гомана – Ветчинкина) – эллиптические орбиты, позволяющие переходить с одной круговой орбиты на другую с минимальными энергетическими затратами.

Согласно теории Ноама Хомского, ключевым отличием языка («дара речи» в узком понимании) от всех других форм коммуникации является рекурсия – способность формулировать высказывания, включающие сами себя. Глубина рекурсии – количество вложенных друг в друга рекурсивных высказываний.

Анкат – термоядерный реактивный двигатель, использующий антивещество в качестве катализатора реакции ядерного синтеза.

Универсавантизм – термин, производный от англ. выражения idiot savant (ученый идиот), определяемого как индивидуум, который может демонстрировать отдельные выдающиеся интеллектуальные достижения на уровне, далеко превосходящем возможности среднего нормального человека, обладая при этом очень низким общим уровнем интеллекта.

Роберт Хэйр – психиатр, профессор Университета Британской Колумбии. Специалист по психопатическому поведению, автор теста-опросника для диагностики психопатии.

Последовательность Фибоначчи – числовая последовательность, в которой каждое следующее число равно сумме двух предыдущих чисел (1, 2, 3, 5, 8, 13, 21...). Названа по имени средневекового математика Леонардо Пизанского (Фибоначчи). Числа Фибоначчи связаны с «золотым сечением», а оно не только считается эстетически совершенным, но и часто встречается в живой природе Земли.

Апикальные – то же, что вершинные или верхние.

«В бою первым гибнет план боя» – цитата принадлежит военному теоретику Гельмуту фон Мольтке-старшему (1800–1891).

Пояса Ван-Аллена – кольцевидные зоны высокой концентрации заряженных частиц, создаваемые магнитным полем планеты.

До-снежковая фаза – речь идет о гипотезе Земли-снежка (Snowball Earth), которая заключается в том, что Земля в части криогенийского и эдиакарского периодов (от 850 до 640 млн лет назад) была полностью покрыта льдом. Соответственно, до этого периода атмосфера Земли не содержала кислород в существенных количествах. Поэтому Шпиндель сравнивает атмосферу на борту «Роршаха» с до-снежковой.

$281^{\circ}\text{ K} = \text{плюс } 8^{\circ} \text{ по Цельсию.}$

Дименгидринат – хлортеофиллиновая соль димедрола. Также известен под названием «драмамин». Используется как препарат против тошноты.

Смысл этого эпиграфа теряется в синодальном переводе Библии. В английском тексте, которым пользуется автор (он также не совпадает полностью ни с одним из канонических переводов Ветхого Завета на английский), говорится буквально так: *«Господь овладеет тобой: станешь плясать, и бесноваться, и сделаешься иным человеком»*.

Варган – один из древнейших музыкальных инструментов из семейства язычковых.

Зиверт – единица измерения эффективной дозы ионизирующего излучения.

Колокол Фарадея – в этом термине сочетаются водолазный колокол и клетка Фарадея: замкнутое пространство, ограниченное листом или сеткой из токопроводящего материала, которое является защитой от электромагнитного излучения.

Каптон – полиамидный пластик, отличающийся стойкостью в большом интервале температур. Из каптона делают, в частности, наружную оболочку космических скафандров. *Хромель* – хромоникелевый сплав (10 % хрома).

ТКМС – транскраниальная магнитная стимуляция (коры головного мозга).

Генрих Клювер (1897–1979) – немецкий, а затем американский физиолог, который внес существенный вклад в изучение анатомии нервной системы. Исследуя влияние мескалина на человека, он обнаружил, что определенные геометрические фигуры (постоянные формы) появляются в галлюцинациях разных пациентов, вызванных разными причинами.

Ливенворт – имеется в виду база армии США «Форт Ливенворт», где, помимо всего прочего, проходят курсы повышения квалификации командного состава и находится единственная армейская тюрьма строгого режима.

Кейт Кио – преподаватель и общественный деятель, член совета директоров Тихоокеанского фонда живой природы. Цитата вымышленная.

Марк 8:18.

Хадзани – язык племени хадза, живущего на севере Танзании. По последним данным, считается одним из наиболее архаичных языков мира (в частности, в области фонетики сохранил набор щелкающих звуков).

Перевод Сергея Пальцуна.

R-отбор – репродуктивная стратегия, сводимая к воспроизводству многочисленного и недолго живущего потомства. *Усеклада* (в филогенетике и таксономии) – группа организмов, которые являются потомками единственного общего предка и всех потомков этого предка.

Плазмойды Сандуловичиу – в 2003 году группа румынских ученых во главе с Мирней Сандуловичиу зафиксировала возникновение из аргоновой плазмы газовых сфер, которые росли, размножались и даже общались с помощью электромагнитической энергии, то есть вели себя как живые существа.

Криптохром – группа белков флавопротеинов, представляющих собой чувствительный элемент фоторецепторов животных и растений, реагирующих на синее освещение.

«Рикарде» – сорт пива.

Теория бран – несколько сходных космологических теорий, оперирующих многомерными фундаментальными объектами (мембранами) в пространстве более высокой мерности. *Флатландия* – плоский двухмерный мир из одноименной популярной книги Эдвина Эббота.

Сфециды – роющие осы. Используют свою добычу в качестве запаса продовольствия для потомства.

Строка из кадиша (еврейской поминальной молитвы). Буквальный перевод: «Да будет благословенно, возвышено, превознесено, возвеличено...» (далее: «...и прославлено Имя Святого»).

Прионы – белковые инфекционные агенты, не содержащие генетической информации. Распространяются, меняя конформацию белков носителя. Вызывают заболевания группы губчатых энцефалопатий (так называемое «коровье бешенство»).

Князь Петр (Пьер) Петрович Трубецкой (1864–1936) – русский художник, брат скульптора Павла (Паоло) Трубецкого.

Веретена деления – структуры, возникающие в эукариотических (имеющих ядро) клетках в процессе деления ядра. Состоят из микротрубочек, идущих от клеточных центров к хромосомам, и обеспечивают расхождение хромосом.

Морфогены Тьюринга – в последние годы жизни выдающийся английский математик Алан Тьюринг работал в области математической биологии, изучая влияние механических и математических взаимодействий на морфогенез (процесс развития органов, тканей и систем).

Тревор Гудчайлд – персонаж фильма и мультипликационного сериала «Эон Флакс». Цитата перефразирует известное выражение Ницше: «То, что нас не убивает, делает сильнее».

Декогеренция – неконтролируемое охлопывание волновой функции с переходом от закономерностей, определяемых квантовой физикой, к поведению, определяемому физикой классической.

Уравнение Аррениуса устанавливает эмпирическую зависимость скорости химической реакции от температуры. Фактор частоты определяет долю молекул, имеющих при столкновении правильную ориентацию для протекания реакции.

Концепция «призрака в машине» принадлежит английскому философу Гилберту Райлу (1900–1976). Он таким образом объяснял взаимодействие тела и сознания, под машиной подразумевая физическое тело человека, подчиняющееся физическим законам, которым управляет «призрак» – человеческое сознание, «непространственный парамеханизм», по выражению самого Райла, скрытый от глаз других существ.

Строка из песни группы «Jethro Tull» (альбом «Stand Up», 1969).

Ананкаст – больной, страдающий синдромом навязчивых состояний. В психологической систематике характеров ананкастом также называют педанта со склонностью к символически-ритуальным навязчивостям. *MPT* – магнитно-резонансная томография.

Парафраз из Евангелия от Иоанна 8:32.

Эмерсон М. Пью (1896–1981) – американский физик.

Квалиа – философский термин, обозначающий свойства чувственного опыта: качества прежде всего «сырых» телесных ощущений, не передаваемые и не постижимые иначе, кроме как путем непосредственного переживания.

Колмогоровская сложность – в теории информации мера вычислительных ресурсов, необходимых для описания объекта.

Дэниел Вегнер (1948–2013) – профессор отделения психологии Гарвардского университета, автор книги «Иллюзия сознательной воли». *Роджер Пенроуз* (р. 1931) – английский математик и физик, профессор математики Оксфордского университета, автор нескольких книг о связи физики и человеческого сознания, в том числе «Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики». *Тор Норретрандерс* (р. 1955) – датский писатель и популяризатор науки, автор книги «Иллюзия пользователя: урезание сознания в размерах». *Томас Метцингер* (р. 1958) – немецкий философ, директор группы теоретической философии философского факультета Университета Майнца имени Иоганна Гутенберга, автор нескольких работ по философии сознания. *Курт Фридрих Гёдель* (1906—1978) – австрийский математик и философ, наиболее известный доказанными им теоремами о неполноте.

Генри Дэвид Торо (1817–1862) – американский философ, натуралист и писатель. Цитата взята из романа «Уолден, или Жизнь в лесу» (пер. З. Александровой) и полностью звучит так: *«Пока мы не потеряемся – иными словами, пока мы не потеряем мир, – мы не находим себя и не понимаем, где мы и сколь безграничны наши связи с ним».*

Стокгольмский синдром – психологическое состояние, возникающее у людей при захвате их в качестве заложников. Они начинают симпатизировать захватчикам или даже отождествлять себя с ними.

Машина Тьюринга – абстрактная вычислительная машина, способная имитировать действия любого возможного вычислительного устройства.

Биология вампиров: <http://www.rifters.com/blindsight/vampi-res.htm>.

Pennish E. 2003. Cannibalism and prion disease may have been rampant in ancient humans. *Science* 300: 227–228.

Mead S. et al. 2003. Balancing Selection at the Prion Protein Gene Consistent with Prehistoric Kurulike Epidemics. *Science* 300: 640–643.

Anonymous. 2004. Autism: making the connection. *The Economist*, 372 (8387): 66.

Baiter M. 2002. What made Humans modern? *Science* 295: 1219–1225.

Bianco-Arias P., Sargent C. A. and Affaral N. A. 2004. A comparative analysis of the pig, mouse, and human PCDHX genes. *Mammalian Genome*, 15(4): 296–306.

Kreider M. S. et al. 1990. Reduction of thyrotropin-releasing hormone concentrations in central nervous system of African lungfish during estivation. *Gen Comp Endocrinol.* 77(3): 435–441.

Cui Y. et al. 1996. State-dependent changes of brain endogenous opioids in mammalian hibernation. *Brain Research Bulletin* 40(2): 129–133.

Miller K. 2004. Mars astronauts «will hibernate for 50 million-mile journey in space». News. telegraph. co. uk, 11/8/04.

Calvin W. H. The Cerebral Symphony: Seashore Reflections on the Structure of Consciousness. NY: Bantam Books, 1990. 401 p.

Pennisi E. 2004. The first language? *Science* 303: 1319–1320.

Запись щелкающих звуков языка хадзани можно прослушать здесь:
<http://hctv.humnet.ucla.edu/departments/linguistics/VowelsandConsonants/index>.

Ramachandran, V. S. in *The Utilitarian Theory of Perception*, Ed. by C Blakemore. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 346–360.

Purves D. and Lotto R.B. Why We See What We Do: An Empirical Theory of Vision. Sunderland (Mass.): Sinauer Associates, 2003. 272 p.

Ярбус Альфред Лукьянович (1914–1986) – советский психофизиолог, изучал роль движения глаз в процессе зрения. Саккады первым (в конце XIX века) описал Луи-Эмиль Жаваль, а Ярбус в своей ключевой работе «Роль движения глаз в процессе зрения» показал их связь с восприятием зрительной информации. (Прим. пер.)

Yarbus A. L. Eye movements during perception of complex objects/Eye Movements and Vision. Ed. by L. A. Riggs. NY: Plenum Press, 1967. Chapter VII, 171–196. (Оригинальное русское издание: Ярбус А. Л. Движения глаз при восприятии сложных объектов – 1-е изд., 1965 (последнее издание на русском языке – в сборнике «Психология ощущений и восприятия»: Хрестоматия. – М.: ЧеРо, 2002. – С. 411–416).)

Pringle H. L. et al. 2001. The role of attentional breadth in perceptual change detection. *Psychonomic Bulletin & Review* 8: 89–95(7).

Simons D. J. and Chabris C. F. 1999. Gorillas in our midst: sustained inattention blindness for dynamic events. *Perception* 28: 1059–1074.

Simons D. J. and Rensink R. A. 2003. Induced Failures of Visual Awareness. *Journal of Vision* 3(1).

Демонстрационные ролики лаборатории зрительного восприятия в Университете штата Иллинойс: <http://www.simonslab.com/videos.html>.

Metzinger T. 2003. Being No One: The Self-Model Theory of Subjectivity. Cambridge (Mass.): MIT Press, 2003. 713 p.

Wegner D. M. The Illusion of Conscious Will. Cambridge: MIT Press, 2002. 405 p.

Saks O. The Man who mistook his wife for a hat and other clinical tales. NY: Simon & Sinister, 1970. (Русское издание: Сакс О. Человек, который принял жену за шляпу, и другие истории из врачебной практики. – М.: АСТ, 2013.)

Справочник по диагностике и статистике психических расстройств – принятая в США система классификации заболеваний психики. (Прим. пер.)

American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders (4th Ed., Text Revision). Brandon/Hill, 2000.

Ramachandran V. S. and Blakeslee. S. *Phantoms in the Brain: Probing the Mysteries of the Human Mind*. NY: William Morrow, 1998.

Persinger M. A. 2001. The Neuropsychiatry of Paranormal Experiences. *J Neuropsychiatry & Clinical Neuroscience* 13: 515–524.

Kamitani Y. and Shimojo S. 1999. Manifestation of scotomas created by transcranial magnetic stimulation of human visual cortex. *Nature Neuroscience* 2: 767–771.

Hallett M. 2000. Transcranial magnetic stimulation and the human brain. *Nature* 406: 147–150.

Goldberg C. 2003. Zap! Scientist bombards brains with super-magnets to edifying effect. Boston Globe 14/1/2003, pEl.

Porter R., Lemon R. Corticospinal function and voluntary movement. NY: Oxford University Press, 1993.

Delgado J. M. R. Physical control of the mind: toward a psychocivilised society. NY: Harper & Row. 1969. (Русское издание: Дельгадо Х. Мозг и сознание. – М.: Мир, 1971.)

Libet B. 1993. The neural time factor in conscious and unconscious events. *Experimental and Theoretical Studies of Consciousness* 174: 123–146.

Haggard P. and Eimer M. 1999. On the relation between brain potentials and the awareness of voluntary movements. *Experimental Brain Research* 126: 128–133.

Velmans M. 2003. Preconscious free will. *Journal of Consciousness Studies* 10: 42–61.

Pinto C. 2003. Putting the brain on trial. May 5, 2003, Media General News Service.

Macmillan M. *An Odd Kind of Fame Stories: of Phineas Gage*. Cambridge (Mass.): MIT Press, 2000.

Wegner D. M. The Illusion of Conscious Will. Cambridge: MIT Press, 2002. 405 p.

Ehrsson H., Spence C. and Passingham R. E. 2004. That's My Hand! Activity in Premotor Cortex Reflects Feeling of Ownership of a Limb. *Science* 305: 875–877.

Gottlieb J. and P. Mazzoni. 2004. Action, illusion and perception. *Science* 303: 317–318.

Schwartz A. B., Moran D. W. and Reina G. A. 2004. Differential representation of perception and action in the frontal cortex. *Science* 303: 380–383.

Norton S. J. 2003. Can ultrasound be used to stimulate nerve tissue? BioMedical Engineering OnLine 2:6; доступны по адресу: <http://www.biomedical-engineering-online.com/content/2/1/6>.

Hogan J. and Fox B. 2005. Sony patent takes first step towards real-life Matrix. Выдержки по New Scientist 2494:10; выложены в открытом доступе по адресу: <http://www.newscientist.com/article.ns?id=mg18624944.600>.

Riebe M. et al. 2004. Deterministic quantum teleportation with atoms.
Nature 429: 734–737.

Furusawa A. et al. 1998. Unconditional Quantum Teleportation. *Science*, 282(5389): 706–709.

Carlton M., Caves C. M. 1998. A Tale of Two Cities. *Science*, 282: 637–638.

Braunstein S. L. and Kimble H. J. 1998. Teleportation of continuous quantum variables. *Physical Review Letters* 80: 869–872.

<http://www.research.ibm.com/quantuminfo/teleportation/>.

<http://math.ucr.edu/home/baez/physics/Relativity/SR/rocket.html>.

Atkinson N. 2004. Magnetic Bubble Could Protect Astronauts on Long Trips. Universe Today, http://www.universetoday.com/am/publish/magnetic_bubble_protect.html.

Holzscheiter M. I. L. et al. 1996. Production and trapping of antimatter for space propulsion applications. American Institute of Aeronautics and Astronautics-1996—2786 ASME, SAE and ASEE, Joint Propulsion Conference and Exhibit, 32nd, Lake Buena Vista, FL, July 1–3.

http://www.engr.psu.edu/antimatter/Papers/NASA_anti.pdf.

Blacstone E. et al. 2005. H₂S Induces a Suspended AnimationLike State in Mice. Science 308: 518.

На момент написания книги данные еще не были опубликованы.

Bails J. 2005. Pitt scientists resurrect hope of cheating death. Pittsburgh Tribune-Review, June 29. Available online at http://www.pittsburghlive.com/x/tribune-review/trib/regional/s_348517.html.

Oasa Y. et al. 1999. A deep near infrared survey of the Chamaeleon I dark cloud core. *Astrophysical Journal* 526: 336–343.

Normile D. 2001. Cosmic misfits elude star-formation theories. *Science* 291: 1680.

Lucas P. W. and Roche P. F. 2000. A population of very young brown dwarfs and free-floating planets in Orion. *Monthly Notices of the Royal Astronomical Society* 314: 858–864.

Najita J. R., Tiede G. P. and Carr J. S. 2000. From stars to superplanets: The low mass initial mass function in the young cluster 1C 348. *Astrophysical Journal* 541 (Oct. 0:977—1003).

Matthews, Jaymie. 2005. Личная беседа. (Мэтьюз Джейми – профессор физики и астрономии Университета Британской Колумбии (Ванкувер, Канада), руководитель проекта MOST (орбитальная обсерватория, нацеленная на изучение незначительных колебаний светимости)).

Liu W. and Schultz D. R. 1999. Jovian x-ray aurora and energetic oxygen ion precipitation. *Astrophysical Journal* 526: 538–543.

Chen P. V. 2001. Magnetic field on Jupiter. The Physics fact book,<http://hypertextbook.com/facts>.

Osorio M. R. Z. et al. 2000. Discovery of Young, Isolated Planetary Mass Objects in the Xi Orionis Star Cluster. *Science* 290: 103–106.

Lemley B. 2002. Nuclear Planet. Discover 23(8).

<http://www.nuclearplanet.com/>.

Dulk G. A. et al. 1997. Search for Cyclotron-maser Radio Emission from Extrasolar Planets. Abstracts of the 29th Annual Meeting of the Division for Planetary Sciences of the American Astronomical Society, July 28 – August 1, 1997, Cambridge, Massachusetts.

Marlcy M. et al. 1997. Model Visible and Near-infrared Spectra of Extrasolar Giant Planets. Abstracts of the 29th Annual Meeting of the Division for Planetary Sciences of the American Astronomical Society, July 28 – August 1, 1997, Cambridge, Massachusetts.

Boss A. 2001. Formation of Planetary-Mass Objects by Protostellar Collapse and Fragmentation. *Astrophysics Journal* 551: L167.

Low C. and Lynden-Bell D. 1976. The minimum Jeans mass or when fragmentation must stop. Mon. Not. R. Astron. Soc. 176: 367.

Jayawardhana R. 2004. Unraveling Brown Dwarf Origins. *Science* 303: 322–323.

Fegley B. and Lodders K. 1996. Atmospheric Chemistry of the Brown Dwarf Gliese 229B: Thermochemical Equilibrium Predictions. *Astrophys. J.* 472: L37.

Lodders K. 2004. Brown Dwarfs-Faint at Heart, Rich in Chemistry. *Science* 303: 323–324.

Adam Burgasser, 2002. June 1 edition of the *Astrophysics Journal Letters*.

Reid I. N. 2002 Failed stars or overachieving planets? *Science* 296: 2154–2155.

Gizis J. E. 2001. Brown dwarfs (enhanced review). Online article supplementing Science 294: 801.

Clarke S. 2003. Milky Way's nearest neighbour revealed. NewScientist.com News Service, 04/11/03.

Basri G. 2000. Observations of brown dwarfs. *Annu. Rev. Astron. Astrophys* 38: 485–519.

Tamura M. et al. 1998. Isolated and Companion Young Brown Dwarfs in the Taurus and Chamaeleon Molecular Clouds. *Science* 282: 1095–1097.

Berger E. 2001. Discovery of radio emission from the brown dwarf LP944 20. *Nature* 410: 338–340.

Anonymous, 2000. A brown dwarf solar flare.
Science@Nasa,http://science.nasa.gov/headlines/y2000/ast12jul_1m.htm.

Schilling G. 2001. Comet's course hints at mystery planet. Science 292: 33.

Джин Родденберри (1921–1991) – американский сценарист и продюсер, создатель телесериала «Звездный путь», населенного преимущественно «гуманоидными инопланетянами с шишковатыми лбами». (Прим. пер.)

Evelyne Kohler E. et al. 2002. Hearing Sounds, Understanding Actions: Action Representation in Mirror Neurons. *Science* 297: 846–848.

Rizzolatti G. and Arbib M. A. 1998. Language Within Our Grasp. *Trends in Neuroscience* 21(5): 188–194.

Hauser M. D., Chomsky N. and Fitch W. T. 2002. The faculty of language: what is it, who has it and how did it evolve? *Science* 298: 1569–1579.

Miller G. 2005. Reflecting on Another's Mind. *Science* 308: 945–947.

Pfeifler T., Schuster S. and Bonhocffer S. 2001. Cooperation and Competition in the Evolution of ATP-Producing Pathways Science 292: 504–507.

McMahon R. J. 2003. Chemical Reactions Involving Quantum Tunneling. Science 299: 833–834.

Zuev P. S. et al. 2003. Carbon Tunneling from a Single Quantum State. Science 299: 867–870.

Darwin, Charlie «Chuckles». 1859. The Origin of Species by Means of Natural Selection. Penguin Classics Edition, reprinted 1968. Originally published by John Murray, London. (Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь (последнее издание: Книжный клуб «Книговек», 2014).

Cho A. 2004. Life's Patterns: No Need to Spell It Out? *Science* 303: 782–783.

Cohen J. and Stewart S. 2005. Where are the dolphins? *Nature* 409: 1119–1122.

Reilly J. J. 1995. After Darwin. First Things. June/July; статья доступна в Интернете по адресу: <http://pages.prodigy.net/aesir/darwin.htm>.

Devlin K. 2004. Cracking the da Vinci Code. *Discover* 25(6): 64–69.

Snir Y. and Kamien R. D. 2005. Entropically Driven Helix Formation. Science 307: 1067.

Wolfram S. A New Kind of Science. Wolfram Media, 2002. 1192 p.; также
книга доступна по адресу:
<http://www.wolframscience.com/nksonline/toc.html>.

Albert M. L. 2004. Danger in Wonderland. *Science* 303: 1141.

Muotri A. R. et al. 2005. Somatic mosaicism in neuronal precursor cells mediated by L1 retrotransposition. *Nature* 435: 903–910.

Nelson D. L. and Cox M. M. Lehninger principles of biochemistry. NY: Worth, 2004. (В СССР издавался оригинальный учебник Альберта Ленинджера: Ленинджер А. Основы биохимии. – М.: Мир, 1985.)

Prigogine I. and Nicholis G. Exploring Complexity. NY: Freeman, 1989.
(Русское издание: Пригожин И., Николис Г. Познание сложного. – М.: ЛКИ, 2008.)

Dawkins R. The Blind Watchmaker: Why the Evidence of Evolution Reveals a Universe Without Design. Norton, 1988. (Русское издание: Докинз Р. Слепой часовщик: как эволюция доказывает отсутствие замысла во Вселенной. – М.: АСТ, 2014.)

Metzinger T. 2003. Being No One: The Self-Model Theory of Subjectivity. Cambridge (Mass.): MIT Press, 2003. 713 p.

Pinker S. How the mind works. NY: WW Norton & Co., 1997. 660 p.

Koch C. 2004. The Quest for Consciousness: A Neurobiological Approach. Roberts, Englewood. CO, 2004. 447 p.

Wegner D. M. The Illusion of Conscious Will. Cambridge: MIT Press, 2002. 405 p.

Saks O. The Man who mistook his wife for a hat and other clinical tales. NY: Simon & Sinister, 1970. (Русское издание: Сакс О. Человек, который принял жену за шляпу, и другие истории из врачебной практики. – М.: АСТ, 2014.)

Островок Рейля, или закрытая доля, – часть мозга, находящаяся в глубине сильвиевой щели, между лобной, теменной и височной долями. По некоторым данным, передняя часть коры островка Рейля претерпела существенные изменения в ходе эволюции человека. (Прим. пер.)

McFadden J. 2002. Synchronous firing and its influence on the brain's electromagnetic field: evidence for an electromagnetic field theory of consciousness. *J. Consciousness Studies*, 9, No. 4, 2002. P. 23–50.

Penrose R. The Emperor's New Mind. Oxford University Press, 1989.
(Русское издание: Пенроуз Р. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении
и законах физики. – М.: ЛКИ, 2008.)

Tononi G. and Edelman G. M. 1998. Consciousness and Complexity. Science 282: 1846–1851.

Bears B. J. A Cognitive Theory of Consciousness. NY: Cambridge University Press, 1988.

Hilgetag C. C. 2004. Learning from switched-off brains. *Sci. Amer.* 14: 8–9.

Roth G. 2004. The quest to find consciousness. *Sci. Amer.* 14: 32-39.

Pauen M. 2004. Does free will arise freely? *Sci. Amer.* 14: 41–47.

Zimmer C. 2003. How the mind reads other minds. *Science* 300: 1079–1080.

Crick F. H. C. and Koch C. The unconscious homunculus. In Neural Correlates of Consciousness-Empirical and Conceptual Questions. Ed. by T. Metzinger. Cambridge: MIT Press, 2000.

Churchland P. S. 2002. Self-Representation in Nervous Systems. *Science* 296: 308–310.

Miller G. 2005. What is the biological basis of consciousness? Science 309: 79.

Blakeslee S. 2003. The christmas tree in your brain. Toronto Star, 21/12/03.

Matsumoto K. and Tanaka K. 2004. Conflict and Cognitive Control. Science 303: 969–970.

Kerns J. G. et al. 2004. Anterior Cingulate Conflict Monitoring and Adjustments in Control. *Science* 303: 1023–1026.

Petersen S. E. et al. 1998. The effects of practice on the functional anatomy of task performance. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 95: 853–860.

«Дилберт» – серия популярнейших комиксов Скотта Адамса, выходит с 1989 года. Упомянутый персонаж являет собой квинтэссенцию самовлюбленности и некомпетентности. (*Прим. пер.*)

Zimmer C. 2003. How the mind reads other minds. *Science* 300: 1079–1080.

Norretranders T. The User Illusion: Cutting Consciousness Down to Size. Penguin Press Science, 1999. 467 p.

Altenmuller E. O. 2004. Music in your head. *Scientific American*. 14: 24–31.

Pinker S. How the mind works. NY: WW Norton & Co., 1997. 660 p.

Matsumoto K. and Tanaka K. 2004. Conflict and Cognitive Control. Science 303: 969–970.

Helmuth L. 2003. Fear and Trembling in the Amygdala. *Science* 300: 568–569.

Dolan R. J. 2002. Emotion, cognition, and behavior. *Science* 298: 1191–1194.

Treffert D. A. and Wallace G. L. 2004. Islands of genius. *Scientific American* 14: 14-23.

Wegner D. M. 1994. Ironic processes of mental control. *Psychol. Rev.* 101: 34–52.

Proceedings of the Royal Society of London B (DOI 10.1098/ rspb.2003.2548).

Aiello L. and Dean C. An introduction to human evolutionary anatomy.
London: Academic Press, 1990.

Gallup G. G. (Jr.). 1997. On the rise and fall of self-conception in primates. In *The Self: Across Psychology of self-recognition, self-awareness, and the Self Concept*. Annals of the NY Acad. Sci. 818: 4–17.

Hauser M. D., Chomsky N. and Fitch W. T. 2002. The faculty of language: what is it, who has it and how did it evolve? *Science* 298: 1569–1579.

Carstairs-McCarthy A. 2004. Many perspectives, no cohensus-a review of Language Evolution, by Christiansen & Kirby (Eds). Science 303: 1299–1300.

Dijksterhuis A. et al. 2006. *Science* 311: 1005–1007.

Vince G. 2006. «Sleeping on it' best for complex decisions». Newscientist.com, <http://www.newscientist.com/channel/being-human/dn8732.html>.

Devlin A.M. et al. 2003. Clinical outcomes of hemi spherectomy for epilepsy in childhood and adolescence *Brain* 126: 556–566.

Pulsifer M. B. et al. 2004. The cognitive outcome of hemispherectomy in 71 children. *Epilepsia* 45: 243–54.

Moles A., Keiffer B. L. and D'Amato F. R., 2004. Deficit in attachment behavior in mice lacking the Uyploid receptor gene//Science 304: 1983–1986.

Plane J. M. C. et al. 2004. Removal of meteoric iron on polar mesospheric clouds. *Science* 304: 426–428.

Hauser M. D., Chomsky N. and Fitch W. T. 2002. The faculty of language: what is it, who has it and how did it evolve? *Science* 298: 1569–1579.

Fitch W. T. and Mauser M. D. 2004. Computational Constraints on Syntactic Processing in a Nonhuman Primate. *Science* 303: 377–380.

Premack D. 2004. Is Language the Key to Human Intelligence? *Science* 303: 318–320.

Holden C. 2004. The origin of speech. *Science* 303: 1316–1319.

Graddol D. 2004. The future of language. *Science* 303: 1329–1331.

BBC News. 2005. Brain chip reads man's thoughts. March 31; статья доступна по адресу: <http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/-/1/hi/health/4396387.stm>.

Weng J. et al. 2001. Autonomous Mental Development by Robots and Animals. *Science* 291: 599–600.

Von Melchner L. et al. 2000. Visual behaviour mediated by retinal projections directed to the auditory pathway. *Nature* 404: 871–876.

Baughman R. H. 2003. Muscles made from metal. *Science* 300: 268–269.

Weissmuller J. et al. 2003. Change-induced reversible strain in a metal. Science 300: 312–315.

Piper A. and Merskey H. 2004. The Persistence of Folly: A Critical Examination of Dissociative Identity Disorder. Part I. The Excesses of an Improbable Concept. *Can. J. Psychiatry* 49: 592–600.

Piper A. and Merskey H. 2004. The Persistence of Folly: A Critical Examination of Dissociative Identity Disorder. Part II. The Defence and Decline of Multiple Personality or Dissociative Identity Disorder. *Can. J. Psychiatry* 49: 678–683.

Kaplan F. S. et al. 1998. The Molecules of Immobility: Searching for the Skeleton Key. Univ. Pennsylvania Orthopaedic J. 11: 59–66; статья доступна по адресу: http://www.upoj.org/site/files/v11/v11_12.pdf. Более свежую информацию можно найти в этой статье: http://www.uphs.upenn.edu/news/News_Releases/apr

Chernoff H. 1973. Using faces to represent points in k-dimensional space graphically. *Journal of the American Statistical Association* 68: 361–388.

Wilkinson L. 1982. An experimental evaluation of multivariate graphical point representations. Human Factors in Computer Systems: Proceedings. Gaithersberg, MD, 202–209.

Отрывок взят из работы «Путешествия с моим муравьем», недавно рассекреченной по запросу о свободе информации PI-QG/04082093/451 – несмотря на возражения со стороны консорциума «Тезей» и связанных с ним учреждений. Официальное мнение консорциума гласит, что скрывающийся под псевдонимом автор неправильно трактует засекреченный материал в рискованной и провокационной форме, которая может поставить под угрозу планетарную безопасность.

Имеется в виду реплика Глостера из пьесы «Король Лир»; действие IV, сцена I (пер. Б. Пастернака).

Гиланд – массивные плавучие платформы, искусственные острова, которые дрейфуют в открытом океане на циклонических течениях. Термин образован путем слияния двух слов: gyre (циклоническое течение) + land (земля). (Прим. пер.)